

АРХЕОЛОГИЯ РОСТИСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО

30 лет
ИССЛЕДОВАНИЙ
ГОРОДИЩА

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

**ARCHAEOLOGY
OF ROSTISLAVL RYAZANSKY
(30 YEARS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES
AT THE FORTIFIED SETTLEMENT)**

*To the memory of
Boris Martynov, Alexander Trusov, and Anna Glazunova*

**Moscow
2025**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**АРХЕОЛОГИЯ
РОСТИСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО
(30 ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ГОРОДИЩЕ)**

*Посвящается светлой памяти
Бориса Мартынова, Александра Трусова и Анны Глазуновой*

**Москва
2025**

УДК 902/904
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

Издание подготовлено в ходе выполнения госзадания Института археологии РАН
по теме «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье»
(№ НИОКТР 122011200266-3)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:
кандидат исторических наук *В.Ю. Коваль*

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
член-корреспондент РАН, доктор искусствоведения *В.В. Седов*,
доктор исторических наук *А.В. Чернецов*

А87 Археология Ростиславля Рязанского (30 лет исследований на го-
родище). М.: Институт археологии РАН, 2025. 254 с.
ISBN 978-5-94375-497-5

Коллективная монография участников археологического изучения лето-
писного города Ростиславля Рязанского вводит в научный оборот новые
материалы раскопок памятника, характеризуемые с учетом результатов его
предшествующих полевых и аналитических исследований. Ростиславль се-
годня стал одним из наиболее полно изученных летописных «малых горо-
дов» средневековой Руси.

Для археологов, историков, краеведов

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-497-5
DOI: 10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-497-5

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2025
© Коллектив авторов, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (Коваль В.Ю.*)	7
1. 30 лет раскопок на Ростиславле Рязанском (Коваль В.Ю.*)	10
2. Ростиславль Рязанский в историографии конца XX – первой четверти XXI в. (Медведь А.Н.**)	29
3. Материалы каменного и бронзового веков с территории городища Ростиславль и его округа (Кузьминова Ю.В.*, Максименко И.Л.****)	37
4. Стратиграфия городища Ростиславль (Коваль В.Ю.*)	52
5. Почвы и культурные слои Ростиславля Рязанского от палеолита до средневековья (Гольева А.А.*****)	70
6. Рогожный сосуд со знаками с городища Ростиславль и его культурно-хронологический контекст (Тавлицева Е.Ю.****, Лопатина О.А.*)	125
7. Раскоп на подоле Ростиславля (Коваль В.Ю.*, Храпов В.И.*****)	149
8. Планиграфия археологических объектов на площади средневекового Ростиславля (раскопы I-III) (Объедков С.И.***)	163
9. Датировка стеклянных браслетов, найденных на городище Ростиславль: постановка вопроса (Феребов А.Н.*****)	179
10. Игры и игрушки Ростиславля Рязанского (Максименко И.Л.****)	188
11. Могильник Ростиславля (Русаков П.Е.*, Андрианов И.М.*, Объедков С.И.***)	199
12. Керамика ростиславльского кладбища (Коваль В.Ю.*)	226
Заключение (Коваль В.Ю.*)	231
Приложение 1. Список участников Ростиславльской экспедиции 1991-2023 гг. (Полосухина Т.В.*)	234
Список источников и литературы	238
Список сокращений	250
Summary (перевод Тавлицевой Е.Ю.***)	251

* Институт археологии РАН

** Российский государственный гуманитарный университет

*** ГУНК МВД РФ

**** Музейное объединение «Музей Москвы»

***** Институт географии РАН

***** ООО «Столичное археологическое бюро»

***** Институт Российской истории РАН

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга представляет собой первый опыт издания результатов раскопок Ростиславля Рязанского, предпринятый коллективом, занимающимся изучением этого летописного города Рязанской земли. Импульс к ее появлению задала конференция «30 лет раскопок Ростиславля», проведенная в Институте археологии РАН 20 марта 2024 г., на которой были сделаны доклады, осветившие некоторые наиболее интересные сюжеты археологии этого города. Такая конференция, посвященная исключительно этому памятнику, проведена впервые. Ранее доклады о раскопках на Ростиславле выносились на многие региональные, всероссийские и международные конференции по различным темам средневековой археологии России, звучали такие доклады и на зарубежных научных форумах (Koval, 2016), но они не выстраивались в какие-либо серии. То, что конференцию по Ростиславлю организовать удалось, свидетель-

ствует не только о многообразии полученных здесь материалов, но и о том, что сформировался коллектив исследователей, способных эти материалы публиковать, осмысливать и интерпретировать.

Наша первая книга о раскопках на Ростиславле посвящается памяти тех наших друзей, много сделавших для экспедиции, приезжавших в нее с самых первых дней, кто вложил в работу экспедиции свои силы, свою душу, но не дождался издания книги – это Борис Викторович Мартынов (1952–2015), Александр Васильевич Трусов (1951–2020) и Анна Николаевна Глазунова (1978–2025) (рис. 1).

Ростиславль Рязанский никогда не был крупным городом, его имя крайне редко появлялось на страницах летописей или иных письменных источников, он не отмечен участием в бурных событиях русской истории: это обычный «малый город» средневековой Руси, подавляющее большинство которых

Рис. 1. Борис Викторович Мартынов (1952–2015), Александр Васильевич Трусов (1951–2020) и Анна Николаевна Глазунова (1978–2025)

либо вообще не отмечено вниманием летописцев, либо упомянуты ими всего 1–2 раза в связи с какими-то далекими от них событиями, где эти города становятся лишь географическими ориентирами. О большинстве «малых городов» нет вообще никаких сведений письменных источников. Между тем все они имели свою индивидуальность в исторических судьбах, топографии, сохранности. Именно поэтому Ростиславль и интересен – своей типичностью, близостью к десяткам и сотням других подобных городков. И в этом смысле он может претендовать на роль некоего эталона «малых городов», хотя, конечно, именно для городов само понятие «эталон» скорее надо признать неприемлемым. Слишком уж все они разные – по размерам, административной роли, мощи укреплений, продолжительности жизни. Ростиславль Рязанский – не просто «малый город», это еще и «мертвый город», давно заброшенный, поросший лесом, изувеченный многолетней распашкой. Вместе с тем, ему повезло больше, чем многим другим подобным же городам, площадки которых превращены в кладбища или карьеры (по добыче песка, глины, камня) и которые уже никогда не смогут быть исследованы, т.е. навсегда останутся «terra incognita». В отличие от них, Ростиславль является сегодня одним из наиболее полно исследованных средневековых «малых городов» (площадка городища изучена уже на $\frac{1}{5}$).

Ростиславль Рязанский – один из трех русских летописных городов, носивших когда-то имя Ростиславль. Второй Ростиславль находится в Смоленской области и сейчас носит имя Рославль. Местоположение третьего города с аналогичным названием – Рославля Польского – не установлено. Он известен по «Списку городов дальних и ближних» конца XIV в. и, вероятно, размещался на границе Дикого поля, т.е. где-то южнее р. Оки. Рославль Смоленский исследовался археологическими раскопками, но лишь эпизодически и несравнимо менее полно, чем его рязанский «собрат по имени».

Исторических сведений о Ростиславле крайне мало и все они уже были проанализированы в свое время (Коваль, 2004а).

Городище Ростиславль (54°52'33" с. ш. 38°37'59" в. д.) расположено на правом берегу р. Оки, в 3 км южнее села Сосновка. Тер-

ритория, на которой возник древний город, по меньшей мере с XII в. входила в состав Рязанского княжества, одного из крупных феодальных государств, образовавшихся при распаде державы Рюриковичей. После присоединения этого княжества к Московскому государству в начале XVI в. эти земли оставались в составе Рязанского уезда, а после образования Российской империи – в Рязанской губернии. Лишь после административной реформы, проведенной Советской Россией, значительная часть рязанских земель на правом берегу Оки была включена в состав Московской области. С 1929 по 2015 г. данный участок правобережья Оки входил в состав Озерского района (с центром в г. Озёры), с 2015 г. вся эта территория перешла в подчинение городского округа Коломны.

Городище Ростиславль известно историкам по меньшей мере с начала XIX в., а местные жители в то время именовали его Расцеслов, Расчислово, Ричиславль или Ращислов (Рошислов), сохранив в народной памяти это название, пусть и несколько искаженное. Городище объявлено памятником исторического и культурного наследия общероссийского значения согласно Указа Президента Российской Федерации № 176 от 20.02.1995 г. (Собрание законодательства, 1995. С. 1410). Городище является остатками детинца – укрепленной части города, к которой примыкали неукрепленные посады, которые зафиксированы как объекты археологического наследия – Ростиславльские селища (с номерами от I до V), кроме того южнее городища размещается Погост Ростиславль – остатки кладбища эпохи Средневековья и Нового времени с церковью, взорванной в 1937 г. Все эти памятники остаются в статусе «вновь выявленных», хотя известны уже очень давно.

Ростиславль прекрасно известен местным жителям, он стал популярным объектом туризма (Рогов, 2008. С. 49–60) и «приборного поиска» кладоискателей и прочей алчущей «богатства на халяву» братии. Понятное дело, что все это не способствует его сохранению, а лишь приводит к новым потерям. Но место само по себе действительно очень красиво, а как теперь становится ясно, оно имеет и чрезвычайную научную ценность.

Предлагаемое издание не претендует на полное изложение всего или хотя бы

значительной части того огромного объема информации, который был получен при раскопках последних 30 лет – она лишь обрисовывает некоторые аспекты истории, культуры, древней природной среды этого города, которые удалось представить в виде публикаций. Это первая попытка коллективного «мозгового штурма» замечательного памятника.

Книга включает несколько взаимосвязанных разделов, авторы которых поименованы в содержании.

Благодарности

Все авторы благодарят Дирекцию Института археологии РАН за постоянную организационно-финансовую поддержку экспедиции, а руководство Музейного объединения «Музей Москвы» за многолетнее соучастие в работе экспедиции силами своих сотрудников. Отдельную благодарность хочется высказать в адрес генерального директора ИФК «Опцион» Евгению Владимировичу Аврахову за многолетнюю финансовую поддержку экспедиции.

1. 30 ЛЕТ РАСКОПОК НА РОСТИСЛАВЛЕ РЯЗАНСКОМ

30 лет назад, в 1994 г., на городище Ростиславль в городском округе Коломны¹ Московской области были начаты работы на раскопе, заложенном на краю новообразовавшегося оврага. Этот раскоп получил номер 1 и с тех пор исследования на нем проводятся практически каждый год. До этого, начиная с 1991 г. на городище и в его окрестностях, в заокской части Озерского района проводились разведки, в ходе которых были открыты 32 ранее не известных памятника археологии, в т.ч. 3 участка посада Ростиславля (Ростиславльские селища 2, 3, 4), о которых ранее также ничего не было известно (Коваль, 1993; 1994). На городище Ростиславль за эти 3 года были поставлены 3 шурфа общей площадью 20 кв. м и засыпаны два десятка грабительских ям, преимущественно свежих, недавно вырытых. В результате этих работ стало ясно, что в окрестностях Ростиславля располагались средневековые сельские поселения, керамика которых, судя по подъемному материалу, была довольно схожей с керамикой самого Ростиславля. Напрашивался вывод, что центром этой агломерации мог быть именно Ростиславль. Но чтобы проверить этот вывод, требовалось хотя бы немного изучить сам этот памятник, а для этого следовало начать его раскопки.

Начало раскопок на городище было связано с попыткой изучить края (обрывы высотой 1–3 м) новообразовавшегося оврага, который понемногу расширялся, разрушая площадку памятника и уничтожая его культурный слой (рис. 2). В результате уже за первые 10 лет работ раскопом I удалось не только тщательно изучить края оврага, но и полностью остановить его рост, ликвидировав обрывы (путем подрезки их на наклонную плоскость) и по-

крыв склоны оврага дерном, снятым с площади раскопов (рис. 3). Не удалось этого сделать лишь в тех местах, где обрывы достигали высоты 3–5 м, но эти места приходились на самый край площадки городища, где культурный слой сохранился лишь в переотложенном состоянии. По мере продолжения исследований закладывались новые раскопы: либо на краю того же оврага (раскоп III), либо на местах появления наиболее крупных грабительских ям, которыми оказались нарушены погребения кладбища (раскоп II) или крупные заглубленные постройки – раскопы IV, V, VI; тремя раскопами (VII, VIII, IX) исследовался вал средневекового городища и участки площадки рядом с ним (рис. 4).

В самые первые годы раскопок были получены яркие находки, позволившие сделать вывод о высокой ценности памятника и насыщенности его разнообразным материалом – развал иранской люстровой чаши первой половины XIV в. и обломок белокаменного памятного креста с гравированной надписью, датированный второй половиной XII в. (Коваль, 1998; Коваль, Медведь, 2000). Разумеется, встречались и нарушенные грабительскими перекопами участки, почти не содержавшие никакого материала, но иногда даже на них удавалось сделать интересные находки (Коваль, 1995б; Ключков, Коваль, 1996а), в т.ч. столь ранние, как каменный топор эпохи бронзы (Коваль, 1995а) и столь редкие, как гончарный горн XII в. (Коваль, 1997а). Обильный керамический материал позволил разработать систему его статистической фиксации (Коваль, 1996), которая впоследствии стала основой для более обширной системы, рекомендованной для всеобщего использования Институтом археологии РАН (Коваль, 2016б).

¹ 30 лет назад, в 1994 г. городище находилось на территории Озерского района, расформированного в 2021 г.

Рис. 2. Обрывы новообразовавшегося оврага в восточной части площадки городища (1991 г.).
А – вид с юга, Б – вид с востока

Параллельно с раскопками, в 1994–2010 гг. продолжались археологические разведки в Озерском, Зарайском и Луховицком районах, преимущественно на территории исторического Ростиславльского стана – административно-территориальной единицы Великого княжества Рязанского, а затем Рязанского уезда Московского царства. В ходе этих разведок были открыты еще 16 ранее не известных

памятников археологии и обследованы средневековое Перевитское городище, городище раннего железного века в селе Городна и 6 ранее известных поселений. Таким образом, всего за время работы Ростиславльской экспедиции было открыто около полусотни ранее не известных объектов археологического наследия. На одном из них, селище Сосновка IV, с 2001 г. экспедицией стали проводиться ежегодные

Рис. 3. Современное состояние новообразовавшегося оврага (2015 г.).
А – вид с юга, Б – вид с севера

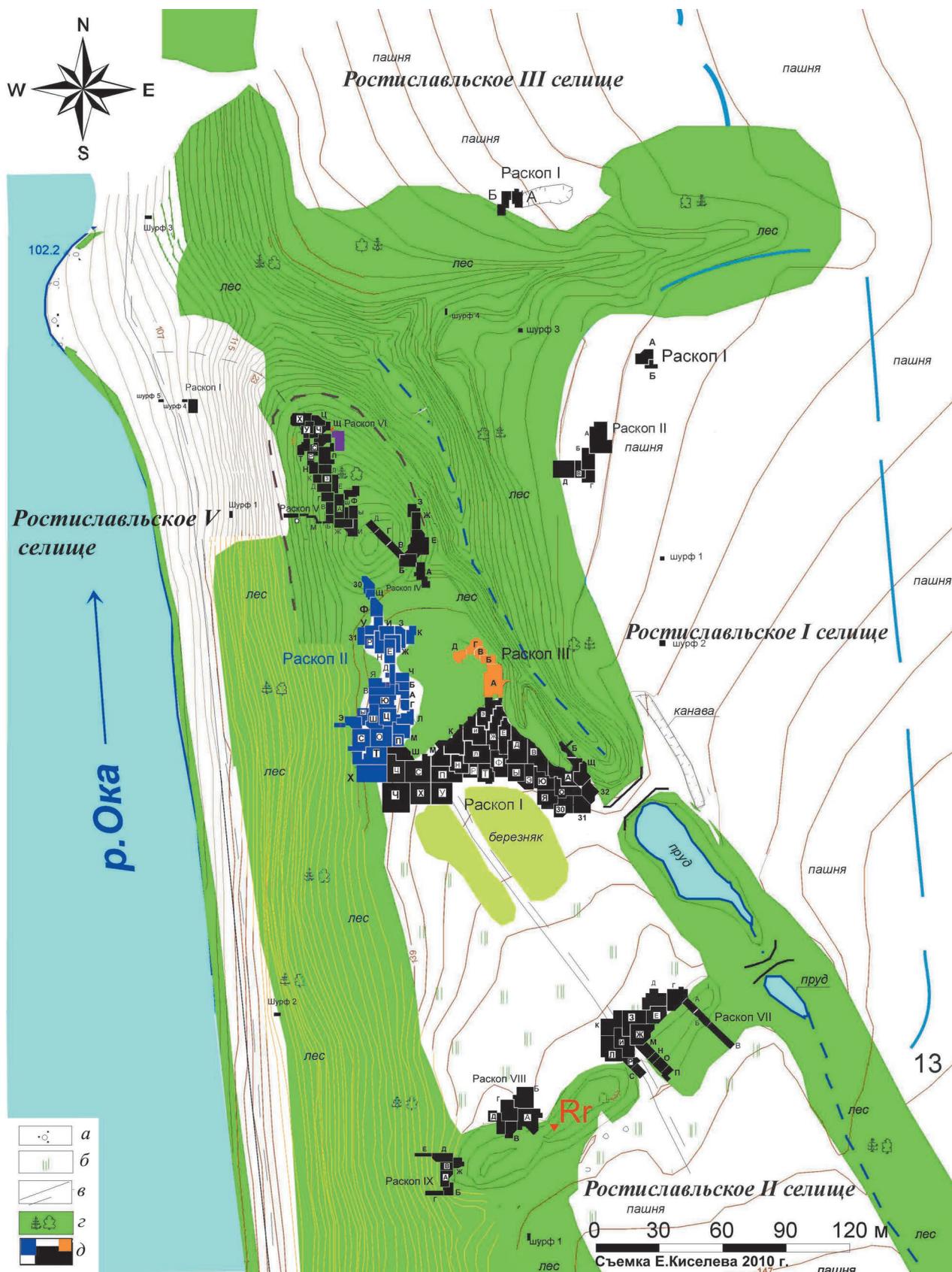

Рис. 4. Схема Ростиславля с размещением раскопов 1994-2023 гг. а – кустарник; б – высокотравье; в – дороги грунтовые; з – лес; д – раскопы 1994-2023 гг. Сечение горизонталей через 1 м

Рис. 5. Участники раскопок в 1994 г. А – А. В. Печейкин, Д. О. Осипов, А. М. Ефремова. Б – Н. В. Зубарев, А. А. Карпухин, А. М. Шароватов

Рис. 6. Участники раскопок 1995 и 1997 гг. А – П. Е. Русаков и А. Н. Смирнов. Б – Д. О. Осипов, С. П. Кожухов, А. Н. Медведь, П. Е. Русаков, А. Б. Лагутин

раскопки, продолжающиеся поныне (Коваль, 2004г) и приносящие выдающиеся результаты (Гаверитухин, 2014).

С 1994 по 1998 г. раскопки на Ростиславле проводились в ходе кратковременных выездов на выходные и праздничные дни небольшой группой близких друзей (рис. 5, 6), постоянно занятых в Москве на объектах Центра археологических исследований Управления государственного контроля и использования памятников истории и культуры (ныне – Москомнаследие). В 1999 г. Ростиславльская экспедиция перешла под эгиду Музея истории города Москвы (ныне Музейное объединение «Музей Москвы»), а с 2000 г. – Институт археологии РАН и Музей истории города Москвы стали организовывать совместную экспедицию. Само это начинание не было бы возможно без активной поддержки со стороны А. Б. Лагутина (в то время сотрудника Музея археологии на Манежной площади) и заведующего отделом археологии Музея истории города Москвы Т. В. Скоробогатовой (рис. 7, 1). К сожалению, с 2006 г. Музей Москвы перестал принимать участие в финансировании и организации работы экспедиции, ограничив свою деятельность командированием на время полевых работ ряда сотрудников отдела археологии, а сама экспедиция стала полностью организовываться исключительно Институтом археологии РАН.

В первое десятилетие работы Ростиславльской экспедиции она находилась полностью на самофинансировании. Поэтому необходимо поименно перечислить тех, кто много раз приезжал на Ростиславль и без кого Ростиславльская экспедиция не смогла бы состояться в дальнейшем: это А. П. Прохоров, Б. В. Мартынов (†) (рис. 1), Д. О. Осипов, А. Б. Лагутин, П. Е. Русаков, А. Н. Медведь, А. Н. Смирнов, С. П. Кожухов. Наряду с ними, были и другие помощники, приходившие иногда лишь один-два раза в год или даже только единожды на 1–2 дня, но и их участие было крайне важно для того, чтобы экспедиция продолжалась. Позже, с 1999 г., в экспедицию стали приходиться волонтеры, а затем и студенты-практиканты, многие из которых впоследствии становились волонтерами. Список всех тех, кто оставался добровольно помогать экспедиции, представлен ниже в Приложении 1.

Результат работы экспедиции определялся теми, кто руководил раскопами: это

Рис. 7. Люди, без которых экспедиция бы не состоялась: Татьяна Вячеславовна Скоробогатова (Музей истории города Москвы), Надежда Алексеевна Николаева (Московский государственный областной университет), Сергей Валентинович Дьячков (г. Москва), Федор Петрович Шайдров (с. Сосновка)

Е. Ю. Тавлинцева, А. В. Иванова, И. Л. Максимиенко, М. А. Молошникова, В. В. Мальцева, Е. В. Тимошина, Д. О. Осипов, П. Е. Русаков, А. Б. Лагутин, А. Н. Медведь, И. В. Волков, А. Н. Смирнов, И. М. Андрианов, А. А. Еремеев, В. И. Храпов, М. Н. Фурсов, С. И. Обьедков, А. А. Журавлев, Д. В. Родичкин, В. С. Фролов, С. В. Буренков, Е. М. Ушанков, А. В. Синицын, Н. М. Алтынов. Надо назвать и тех, кто выполнял обязанности помощников начальника раскопа (А. А. Барамидзе, Г. А. Кашкин, А. Г. Силкина) или занимался кропотливой работой по подготовке отчетных чертежей: С. И. Обьедков, Н. В. Жилина, М. А. Трунова, Ю. С. Соколов, Н. М. Алтынов.

С 2002 по 2017 г. Ростиславльская экспедиция сотрудничала с Московским государственным областным университетом, присылавшим группы своих студентов для прохождения археологической практики под руководством Н. А. Николаевой (рис. 7, 2) и А. В. Сафронова, а в 2020–2022 гг. в ее составе работал студенческий отряд «Ворон» из Санкт-Петербурга. Но все остальные участники экспедиции были обычными волонтерами, начиная с начальника экспедиции. Разумеется, приходилось работать фактически на самофинансировании, однако благодаря дружеским связям участников у нее всегда находились частные спонсоры, чья финансовая

поддержка позволяла заказывать автотранспорт, закупать продовольствие и основное оборудование. В разные годы это были Сергей Валентинович Дьячков (†2003) (рис. 7, 3), Алексей Анатольевич Баранов (обоих пригласил в экспедицию Д. О. Осипов), а последние 20 лет (начиная с 2006 года) им стал генеральный директор ИФК «Опцион» Евгений Владимирович Аврахов. Да и многие участники экспедиции нередко вкладывали в нее свои весьма значительные личные средства (назовем тут только наиболее крупных таких «спонсоров» – П. Е. Русакова и В. И. Храпова). Всем им экспедиция бесконечно благодарна за своевременную поддержку ее работы.

Но первым человеком, сумевшим найти спонсора для экспедиции (пусть всего на 2 года), был житель села Сосновка Федор Петрович Шайдров (рис. 7, 4), погибший в 2015 г. в боях за Новороссию, куда отправился одним из первых добровольцев. С 2000 г. он постоянно оказывал экспедиции разнообразную помощь во всех возникавших бытовых и организационных проблемах. Семья Шайдровых (Екатерина Владимировна, Иван Федорович, Евдокия Федоровна) и сегодня продолжает помогать экспедиции. Именно благодаря всем этим людям и смогла состояться Ростиславльская экспедиция.

Среди местных жителей, краеведов, всегда проявлявших интерес к работе экспедиции, следует назвать Максима Михайловича Муромского и Сергея Михайловича Рогова. Оба они проявляют постоянный интерес к работе экспедиции, освещая ее работу как во время экскурсионной работы, так и в местных СМИ. Максим Михайлович к тому же представлял позицию археологов в период судебной тяжбы с аграриями, разрушившими в 2011 г. водопроводной траншеей значительную часть посада Ростиславля (рис. 8).

До начала раскопок Ростиславль считался бесперспективным памятником, практически не сохранившим культурного слоя и не представлявшим никакого интереса для археологии. Такое мнение было сформировано Н. П. Милоновым – первым и единственным (до 1991 г.) археологом, проводившим тут раскопки в недоброй памяти 1937 г. (Милонов, 1937). Но лишь недавно стало ясно, что этот человек фактически не документировал свои раскопки, а заменял необходимую

фиксацию произвольными домыслами (Мазуров, 2017; Коваль, 2024). Уже самое начало раскопок на Ростиславле показало, что, хотя значительная часть культурного слоя на нем была утрачена из-за хозяйственной деятельности XVIII–XX вв., этот памятник сохранил как стратифицированные отложения, так и заглубленные в материк погребя, подполья домов, а кое-где даже фрагменты их наземных частей. Таким образом, вердикт Милонова никоим образом не соответствовал реальной действительности.

В 2003 г. в Институте археологии РАН было проведено первое заседание научного семинара «Археология Подмосковья» на котором были подведены краткие итоги первых 10 лет раскопок на Ростиславле (Коваль, 2004а; 2004в) и сделано несколько докладов, продемонстрировавших достижения экспедиции в изучении древностей эпохи камня (Трусев, 2004), письменных источников Нового времени (Медведь, 2004), комплексных почвоведческих исследованиях (Гольева, 2004), изучении остеологических материалов (Кузнецова и др., 2004), изделий из железа (Завьялов, 2004) и керамики (Коваль, 2004в). В дальнейшем издавались все новые, в т.ч. обобщающие, статьи (Коваль, 2005а; 2015б; Русаков и др., 2014). За 30 лет раскопок вышло более 100 публикаций по ростиславльским материалам (см. раздел 2), хотя почти треть из них – это краткие информационные сообщения в сборниках «Археологические открытия», тезисах конференций и других подобных изданиях, но даже в них удавалось опубликовать наиболее интересные находки.

Что же сделано за 30 лет раскопок Ростиславля? Прежде всего, за это время раскопками изучена уже 1/5 площади городища (детинца Ростиславля). Конечно, есть города на Русской равнине, изученные в гораздо большей степени – то же Райковецкое городище или городище у села Шепетовки, площадки которых раскопаны полностью. Тем не менее, сегодня Ростиславль вошел в пятерку наиболее полно исследованных русских средневековых городов. Благодаря своим небольшим размерам, он оказался изучен лучше и полнее, чем крупные столичные центры Руси – Новгород, Владимир, Суздаль, Старая Рязань и другие. Разумеется, в крупных городах изучены значительно большие площади, собрано

Рис. 8. Граншея для укладки оросительной системы на площадке посада Ростиславля (2011 г.).
А – общий вид с запада, Б – заглубленная в материк постройка, поврежденная граншеей, вид с севера

стократно больше разнообразных находок, однако огромные раскопки в них составляют ничтожную часть от общей площади этих городских гигантов. Именно в этом смысле Ростиславль выгодно отличается от них.

В результате 30-летних исследований Ростиславля установлена этапность его роста и запустения, выявлены многие детали городской планировки, подробно изучены его укрепления, многие особенности местной материальной культуры, денежное обращение, торговые связи, а также предшествовавшие городу более ранние этапы заселения этого места (начиная с финального палеолита). Что касается открытия памятников эпохи камня, то тут главная роль принадлежала работам безвременно ушедшего Александра Васильевича Трусова (1951–2020) (см. рис. 1), которым были выявлены две финальнопалеолитические стоянки – на площадке городища и на берегу Оки. Александр Васильевич не только просматривал и определял все находки эпохи камня, которые были встречены при раскопках, но и провел на нем раскопки, организовав в 2003–2005 гг. Палеолитический отряд Музея Москвы, работавший в составе Ростиславльской экспедиции по отдельному Открытому листу А. В. Трусова.

Совершенно выдающиеся результаты были получены в ходе раскопок на городище раннего железного века, занимавшего оконечность Ростиславльского мыса. Благодаря подвижническим трудам Екатерины Юрьевны Тавлинцевой (Музей Москвы) площадка этого городища исследована почти наполовину, а на ней полностью изучены два сменявших друг друга «длинных дома» второй половины I тыс. до н. э. (Тавлинцева и др., 2020; 2021). В результате Ростиславльское городище раннего железного века стало одним из наиболее полно и тщательно исследованных в Волго-Окском бассейне. И это несмотря на то, что оно целиком вошло в границы средневекового города и по этой причине получило сильнейшие повреждения своего культурного слоя, подвергалось разрушениям со стороны кладоискателей на протяжении почти 2 веков. Сейчас уже в целом понятно, когда люди палеометалла стали обживать площадку будущего городища (видимо в начале I тыс. до н. э.), когда началось и когда закончилось строительство укреплений городища (на про-

тяжении второй половины I тыс. до н. э.) и когда жизнь на этом городище прервалась (в V в. н. э.). Установлена даже такая деталь, как появление и кратковременное существование на месте будущего города раннеславянского поселения переселенцев с Днепровского Левобережья (конец X в. н. э.).

Конечно, невозможно было ожидать, чтобы раскопки небольшого города, никогда не игравшего заметной роли в истории нашей страны, позволили сделать какие-то невероятные открытия, которые перевернули бы представления об истории или материальной культуре Руси. Однако, исследования Ростиславля открыли такие неизвестные стороны жизни русского средневековья, которые не были достигнуты даже в крупнейших городах, изучавшихся гораздо более длительное время и несравнимо более крупными силами.

Впервые удалось подтвердить летописную дату основания города (в 1153 г.), сохранившуюся только в одной Никоновской летописи, многие уникальные данные которой считались сомнительными (домысленными составителями летописного свода). Это особенно важно именно потому, что упоминание «создания» города является для русского летописания уникальным случаем, который сам по себе уже вызывал определенный скепсис историков. Роль археологии в разрешении этого вопроса стала решающей. Отсутствие на площади городища остатков построек, которые можно было бы датировать ранее середины XII в., является решающим аргументом в подтверждение даты возникновения Ростиславля.

Впервые стало понятно, как выглядел типичный «малый город» Руси – центр небольшого удельного княжества, а затем стана – в составе Рязанской земли. Выяснилось, что по всем возможным критериям этот город не уступал крупнейшим столичным центрам ни по качеству городской жизни, ни по ассортименту материальной культуры. Уступал этот город лишь в одном – в количестве поступающих в него (и сохранившихся в его культурном слое) материальных и культурных ценностей (Коваль, 2014б; 2017а). Но само это количество полностью соответствовало соотношению площадей и численности населения крупного и «малого» городов. Безусловно, согласно известному закону диалектики, количество переходит в качество,

Рис. 9. Свидетельства грамотности на Ростиславле. 1 – обломки горшка с надписью по сырой глине; 2 – венчик горшка с буквообразным знаком, прочерченным по сырой глине; 3–6 – железные писала (2010-89, 2007-131, 2007-130, 2006-23); 7–14 – книжные застёжки их цветных металлов (2020-115, 2012-257, 2012-258, 2004-241, 2008-109, 2010-408, 2015-10, 2015-65)

однако справедливо и обратное: качество определяет количество. Поэтому город, основанный в качестве регионального административного центра и небольшой пограничной крепости, обладал соответствующим его статусу количеством материальных благ.

Благодаря 30-летним раскопкам установлено, что Ростиславль обладал:

– административным статусом (центр подчиненной ему территории), который олицетворяли представители аристократии, вы-

ступавшие собственниками дорогостоящих, в т.ч. высокохудожественных, предметов быта (Коваль, 1998; 2022а; 2022б);

– церковной организацией с сопутствующими атрибутами (соборная церковь, два кладбища, церковные книги, символика) (Русаков и др., 2014; Коваль, 2015б);

– грамотным населением, оставившем разнообразные памятники письменности (Коваль, Медведь, 2000), книжные застёжки, писала (рис. 9). Ростиславль остается единственным

городом Руси, в котором было изготовлено не менее двух горшков с хорошо читаемыми кириллическими надписями, выполненными по сырой глине, т.е. самим гончаром (рис. 9, 1). Одна из этих уникальных надписей имеет вполне понятный смысл, несмотря на то, что сохранилась только меньшая часть всего текста (Коваль, Медынцева, Еремеев, 2013);

– воинским контингентом и фортификацией, позволявшим защищать город от внешней опасности (Коваль, 2002б; 2014а; 2015а; 2017в; Коваль, Русаков, 2016а; 2017);

– торговлей, позволявшей поддерживать товарный обмен с внешним миром (как с другими районами Руси, так и с другими странами) (Коваль, 1998; 2022а);

– ремесленным производством, причем самым крупным таким производством было гончарное, снабжавшее посудой не только сам город, но и его окрестности (Коваль, 1996; 1997; 2004). Имеются также следы литья изделий из цветных металлов: тигли, ювелирные пинцеты, литники и выплески металла, обломки предметов из медных сплавов, подготовленные для переплавки, а также единственная литейная форма (рис. 10).

Таким образом, «малый город» Ростиславль обладал всеми теми характерными чертами, которые свойственны крупнейшим городам средневековой Руси (Коваль, 2014б).

Исследования Ростиславля, наверное, впервые в отечественной археологии, позволили однозначно подтвердить летописную дату основания этого города (в 1153 г.). До появления массовой застройки площадка будущего города некоторое время использовалась под пашню. Но где жили те землепашцы, которые освоили эту территорию, пока неясно. Возможно, на самом берегу Оки, у подножия городищенского мыса, где в 2011 г. были найдены следы застройки XII в. или на одном из соседних мысков коренного берега, или, наконец, в 1 км к северу от городища, на поселении Сосновка IV (Коваль, 2004г).

В результате многолетних раскопок начинает проясняться самый начальный этап возникновения этого города. В 1153 г. его площадка была застроена лишь частично (в северной

части будущего детинца), а на площадке городища раннего железного века было, видимо, устроено небольшое укрепление: перед заброшенным древним валом был вырыт ров, но сама мысовая площадка оставалась поначалу незастроенной – на ней выявлена только одна подпольная яма, которую можно датировать первой половиной XIII в., т.е. домонгольской эпохой. При этом рядом с древним валом, но к югу от него, на незащищенной территории, в момент основания города была построена деревянная церковь, вокруг которой стал формироваться некрополь элитной части населения. Большинство же умерших горожан погребались, по-видимому, на кладбище в 300 м южнее города (на месте будущего «погоста Ростиславль»). Это кладбище существовало до 1937 г., но оно полностью разрушено кладоискателями и найти на нем следы древних погребений проблематично (хотя и возможно в случае приложения экстраординарных усилий). Есть основания предполагать, что православный храм в северной части Ростиславля был посвящен во имя Успения Богородицы (Коваль, 2015).

В первоначальном пятне городской застройки, в северной части детинца, обнаружены свидетельства присутствия аристократии (актовая печать Владимира Мономаха (Коваль и др., 2021. С. 92. Рис. 14) и обломки византийских амфор² (рис. 11).

При этом рядом с этим центром города формировались обширные посады, отделенные от него оврагами и слабо освоенным участком в южной части будущего детинца (рис. 4).

Возведение древо-земляной стены города, по данным радиоуглеродного анализа, относится к тому периоду, когда, как считалось ранее, всякое городское строительство на Руси замерло – ко второй половине XIII в. (Коваль, 2015а). После монгольского нашествия Ростиславль сократился по площади (его посады существенно обезлюдели), но зато сам город (детинец) оказался плотно застроен. При этом выявлены отчетливые следы присутствия на территории города ордынцев: «дворец» на стрелке мыса, принадлежавший, вероятно, представителю

² Основная масса обломков амфор (31 шт. по состоянию на конец 2025 г.) принадлежала сосудам группы I и по 2 обломка – амфорам групп III и IV. Группировка амфор дается по опубликованной типологии (Коваль, 2010а. С. 152–168).

Рис. 10. Материальные свидетельства ювелирного производства на Ростиславле: 1, 2 – тигли для плавки цветного металла (1997-25; 2008-227); 3 – железный пинцет-тисочки (2007-155); 4 – матрица из медного сплава (2017-63); 5 – литник медного сплава (2008-229); 6 – выплеск медного сплава (2008-245); 7, 8 – обломки пластинчатых браслетов, свернутые для помещения в тигель (2008-246; 2012-223); 9 – известняковая литейная формочка (1995-37)

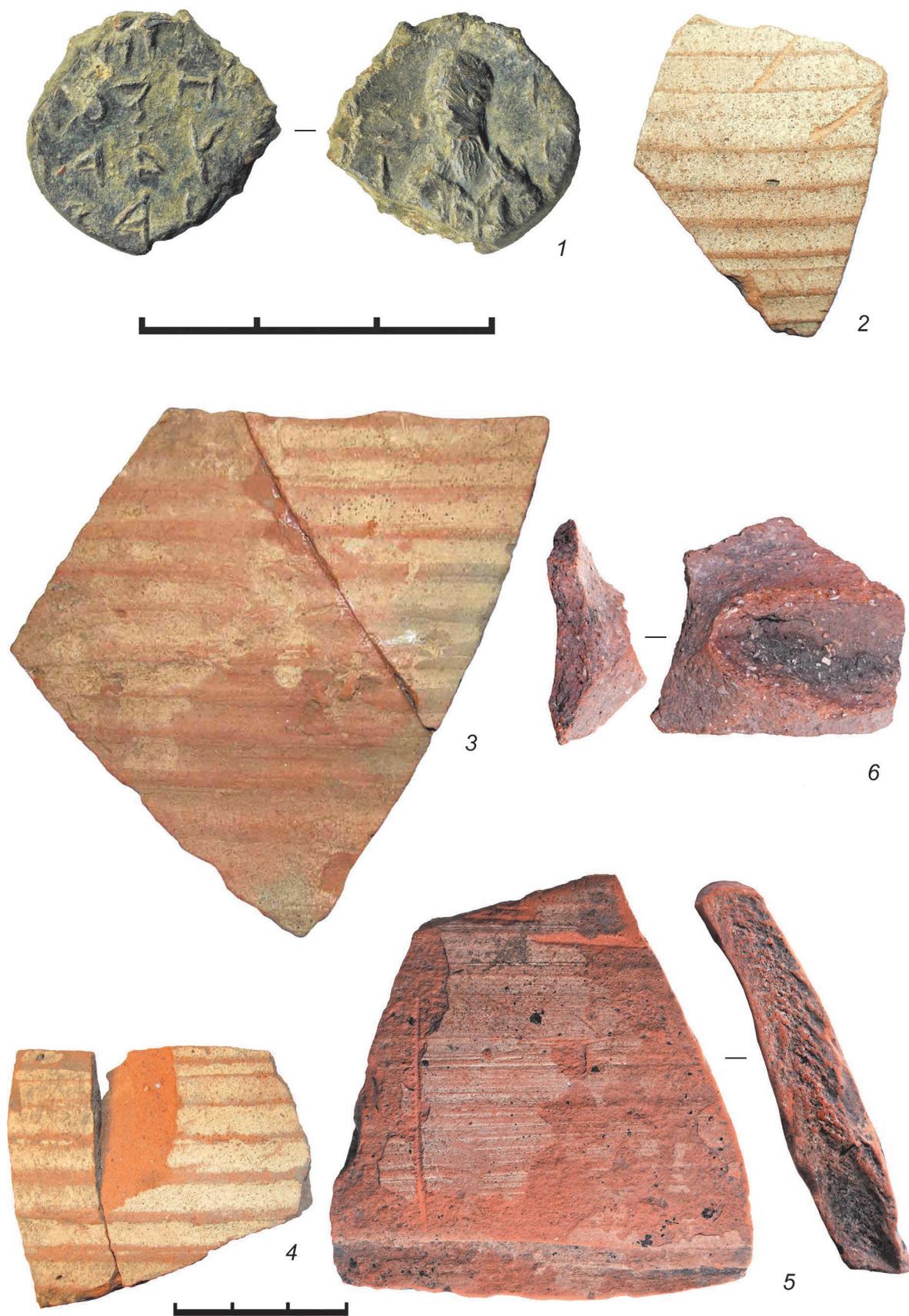

Рис. 11. Печать Владимира Мономаха (1) и обломки византийских амфор групп I (2–5) и IV (6)

ордынской администрации, многочисленные находки атрибутов и украшений женщин-степнячек – металлические зеркала, бусы (Коваль, 1998; 2022а). Материальная культура Ростиславля насыщена предметами вооружения, металлическими украшениями портупей и конской упряжи, среди которых встречаются такие вещи, которые характерны прежде всего для ордынцев: роговые, костяные и металлические накладки на лук, колчаны, седла, специфические наконечники стрел (например, кунжутolistные). В то же время, ордынцы составляли лишь небольшую часть населения города, основной его состав формировался из русских, о чем свидетельствуют массовые находки православных крестов-тельников в домонгольских комплексах (Остапенко, 2013; Коваль, 2015б), среди которых встречены импортные и местные каменные кресты (рис. 12, 1–7). Столь же часто тельные кресты и иконки-привески из цветных металлов встречены в заполнениях погребов золотоордынского времени (рис. 12, 8–10).

Другой важнейшей проблемой, стоявшей перед экспедицией, являлось выяснение причин прекращения жизни в этом городе. Как известно, даже самое жестокое разорение с тотальным уничтожением населения врагами не всегда приводило к прекращению жизни города. Ростиславль в этом смысле представляет особый интерес, поскольку он ни разу, по-видимому, не подвергался разгрому с истреблением всего населения. Тем не менее, даже в этой ситуации город перестал существовать, причем не превратился в село (как, например, Старая Рязань), но при этом оставался до самого своего конца центром стана в составе Рязанского уезда Московского царства. Гибель города обусловили не столько татарские набеги в XVI в. (хотя и они тоже), сколько утеря им позиции пограничного города Рязанского княжества. Оказавшись внутри Московского государства и потеряв значение порубежной крепости, Ростиславль сохранял лишь статус центра сельскохозяйственной округи, места сбора налогов. Однако его местоположение вдали от основных ареалов расселения податного населения, особенно в условиях постоянных татарских разорений, оказалось крайне неудачным даже для выполнения та-

кой функции. Но главный удар по этому городу нанес, несомненно, выбор Василием III близлежащего Зарайска в качестве места строительства там в 1528 г. кирпичной крепости, второй (после Тулы) столь мощной твердыни в заокских землях. Уровень безопасности жизни в городе, имевшем такую крепость, был несравнимо выше, чем в Ростиславле, что неизбежно должно было приводить если не к прямому оттоку населения из одного города в другой, то хотя бы к тому, что любой приток населения в Ростиславль прекратился. Город же в любую эпоху живет и развивается исключительно за счет такого притока.

При всем этом даже после постройки крепости в Зарайске Ростиславль еще несколько десятилетий сохранял свой статус центра обширной округи (к западу от р. Осетр), в нем строились дома с очень крупными погребками (Медведь, 2015), материал засыпки которых свидетельствует о том, что в этих домах проживали люди высокого достатка, пользовавшиеся посудой, произведенной в Москве, Коломне и Рязани. Повсеместно встречены монеты, сапожные подковки и другие свидетельства присутствия представителей аристократии Московского государства. Находки чернolощеной керамики, производство которой было начато в Москве не ранее 1520-х гг., свидетельствуют о том, что Ростиславль на протяжении второй половины XVI в. оставался статусным местом, обладавшим состоятельным населением.

Финал жизни города приходится на XVII в., но он также не был одномоментным. Городская застройка исчезает в начале столетия (в период Смуты), однако Ростиславль остается местом сбора мытной пошлины и кабакских денег (Медведь, 2004), номинальным центром Ростиславльского стана Рязанского уезда. Имеются документы, подтверждающие существование какой-то жизни в этом месте на протяжении первой половины XVII в., но в 1676 г. уже впервые упоминается «погост Ростиславль» вместо ранее существовавшего города. Возможно, смена «города» на «погост» произошла после эпидемии чумы 1654–1655 гг. (Медведь, 2014. С. 199). Где располагался погост Ростиславль во второй половине XVII в., точно не известно, но уже около 1714 г. на месте старого кладбища к югу

Рис. 12. Каменные кресты (1–7): 2011-221, 2012-19, 2020-208, 2015-70, 2011-75, 2011-166, 2016-44. Привеска-иконка (8: 2024-126) и кресты-гельмики (9, 10: 2018-163; 2023-101) из цветных металлов (8, 9) и железа с золотой таушировкой (10)

от городища была построена новая церковь этого погоста (Медведь, 2014). В дальнейшем (и вплоть до 1937 г.) погост Ростиславль располагался именно там.

Подводя итоги 30-летних исследований Ростиславля, надо указать на те основные их направления, которые дали наиболее круп-

ные результаты, которые важны не только для реконструкции истории этого «малого города», но и для всей истории Руси.

Структура города. Ростиславль состоял из детинца (укрепленной части), включавшей на начальном этапе мысовую узел обороны на месте городища РЖВ, и неукреп-

ленных посадов. Следы ремесленной деятельности отмечены только на посадах (гончарная и ювелирная мастерские), зато в детинце собрана основная масса предметов вооружения и воинского снаряжения. Посады окружали детинец со всех сторон, в т. ч. небольшая по площади зона застройки располагалась у подножия мыса, на берегу р. Оки с середины XII в., однако позже эта зона оказалась перекрыта оползнем и жизнь на берегу р. Оки прекратилась. Однако нельзя исключать, что тут размещалась речная пристань, следы которой никак не улавливаются. Посады достигли максимальной площади и плотности застройки уже во второй половине XII – первой трети XIII в., тогда как в XIV в. на их площади размещались лишь отдельные строения, а следы ремесленной деятельности более не прослеживаются. Сокращение заселенности посадов компенсировалось строительством древо-земляной стены, сформировавшей детинец площадью 2,5 га. В XV в. жизнь на посадах прекращается, а стена детинца была отремонтирована последний раз и в дальнейшем разваливается. Таким образом, структура города постоянно менялась в зависимости от конкретной политико-экономической ситуации.

Планировка города. Планировка посадов не установлена, поскольку площади исследований на них невелики. Планировка детинца включала одну главную улицу, проходившую от церкви с севера на юг примерно посередине вытянутой в том же направлении площадки городища. В южной части, у древо-земляной стены города, размещалась площадка размерами не менее чем 20×20 м, которая никогда не была застроена – усадьбы XIV в. с многочисленными ямами от погребов и подполий располагались по обе стороны от этой площадки. Вероятно, здесь же находился проем в стене с воротами – единственный удобный въезд в город. Кроме него, могли существовать и другие, менее удобные проходы: у западного торца стены, упавшегося в крутой склон к р. Оке (Коваль, Русаков, 2016а; 2017) и по стрелке мыса на северной оконечности площадки городища. Незастроенная площадка у въезда в город могла служить городской площадью. К сожалению, сильнейшая распаханность этого места не позволила выявить следы ча-

стоколов усадеб, границы которых формировали эту площадь. Назначение ее также пока не установлено – на данной территории практически отсутствовали находки как вещей, так и керамики.

Вторая улица проходила от церкви на восток, выходя на склон в овраг, отделявший детинец от окружавшей равнины. Возможно, далее она спускалась на дно оврага, а затем могла подниматься на противоположный склон, на посад. Однако склоны оврага сильно эродированы и следы этой улицы-дороги на них не прослеживаются.

Обе улицы фиксировались по канавкам от частоколов. По материалу этих канавок частоколы датированы XIV в., более ранние не встречены, однако размещение подпольев домов домонгольского времени не оставляет сомнений в том, что и в ранний период улицы проходили примерно по тем же трассам (см. ниже раздел по планировке).

Таким образом, планировка города менялась в зависимости от трансформации его оборонительной системы, от застройки его территории, но в целом оставалась стабильной на протяжении длительных периодов.

Состав населения города несколько раз менялся. В домонгольскую эпоху тут, вероятно, численно преобладали потомки вятичей (фиксируются по лопастным височным кольцам – 49 обломков и решетчатым перстням – 34 экз.), имелся и южнорусский контингент, определяемый по перстнеобразным (в т. ч. «узловатым») височным кольцам – 16 экз. При этом все это население пользовалось керамикой, изготовленной в южнорусской традиции из светложгущихся глин с примесью мелкого песка (Коваль, 1996; 2004).

После монгольского нашествия домонгольские женские украшения исчезают из употребления, меняется и керамика (распространяются горшки с вертикальной постановкой венчиков, обожженные в восстановительном режиме), что может свидетельствовать о притоке населения из южных пограничных районов (Среднего Подонья) (Коваль, 1996. С. 120). Одновременно в городе появляются вещи, характерные для ордынской культуры (бронзовые зеркала, стеклянные бусы, костяные седельные накладки и т. п.), а также большое число железных ремennых накладок на упряжь, что можно

связывать с присутствием в городе некоторого числа этнических ордынцев. Эти знаки присутствия инородцев исчезают только в комплексах XV в.

В XVI в. население города могло смениться еще раз (поскольку город неоднократно разорялся крымскими татарами, что следует из свидетельств письменных источников), хотя в материальной культуре эта смена уже не отразилась. Появление в быту белоглиняной кухонной и чернолощеной столовой посуды коломенского (или верхнеокского?) производства могло объясняться включением Ростиславля и всех рязанских земель в состав Московского государства и вовлечением их в рыночную систему Московского государства.

К сожалению, антропологические характеристики населения Ростиславля XII–XV вв. и его окрестностей XVI–XVII вв. пока не известны (кроме половозрастных определений, выполненных Д. В. Пежемским для нескольких сот погребений кладбища, окружавшего городской собор) и потенциал этого источника не раскрыт.

Фортификация Ростиславля

Ранняя (середины XII – начала XIII в.) фортификация города не сохранилась и реконструируется в значительной степени гипотетически на основании незначительных остатков рва, выкопанного перед валом городища РЖВ. Сохранившиеся оборонительные сооружения – остатки древо-земляной стены (сохранившиеся до наших дней в виде «вала»), ров перед ней, глиняный валик на восточном краю площадки города – были построены во второй половине XIII в. и в XIV в., причем за этот краткий период они были перестроены еще 2 раза (Коваль, 2015; 2017в). Три полные прорезки «вала», площадное вскрытие западного его торца и полная прорезка рва позволили не только составить полное представление об этапности перестроек, но и убедиться в том, что ныне существующий «вал» представляет собой руины древо-земляной стены со всеми ее перестройками. Кроме того, на протяжении лет проводилось (и проводится по сей день) изучение проема в валу, где, по-видимому, изначально размещался воротный проезд главного входа в город. При этом выяснилось, что ничего похожего на «баш-

ню» в этом проезде не существовало – это был просто разрыв в стене, конструктивным отличием которого было только размещение по обе стороны от него пустотелых клеток, использовавшихся, вероятно, как подсобные помещения. При этом с напольной стороны от этих клеток размещались полноценные срубы-городни, заполненные землей, что исключало ослабление «входного комплекса». Но никаких выступов стены в напольную сторону либо следов установки тут высотного (многоярусного) сооружения не имелось.

Таким образом, раскопки ростиславльских фортификаций дали новый, притом весьма важный, фактически – уникальный, материал для характеристики весьма слабо изученного оборонного зодчества Руси XII–XV вв.

Археологические исследования

Комплексность работы Ростиславльской экспедиции обеспечивалась сотрудничеством с большим числом специалистов в различных естественных науках. Наиболее полно такие исследования проведены в области палеопочвоведения дгн А. А. Гольевой (ИГ РАН). Изучены не только образцы погребенных почв и пахотных горизонтов, сохранившихся под остатками фортификаций РЖВ и Средневековья, но и сами фортификационные сооружения, также многослойные заполнения построек РЖВ (Гольева, 2004; 2006; 2008; 2009в; 2011; 2012). В результате получены уникальные данные о материалах, использовавшихся в интерьере жилищ РЖВ, распространении растительности разных эпох, а, следовательно, и климатических, экологических трансформациях, роли в них антропогенного фактора. Чрезвычайно важны данные о сельскохозяйственном использовании земель на месте будущего города начиная с эпохи РЖВ. Выдающимся открытием является трактовка валов городищ РЖВ в качестве своеобразных «зольников», концентрировавших мусор с заселенных площадок (Гольева, 2011), которая получена в том числе и на материалах Ростиславля.

Археометаллография Ростиславля

Благодаря целенаправленным работам В. И. Завьялова Ростиславль стал тем «малым городом» Руси, железообработка кото-

рого и ассортимент железный орудий которого сегодня изучены наиболее полно (Завьялов, 2004; 2004а; 2005; Завьялов, Терехова, 2013б). В результате железные изделия из раскопок Ростиславля стали важным сравнительным материалом при изучении металлургии Рязанской земли и средневековой Руси в целом (Завьялов и др., 2007. С. 82–87; Завьялов, Терехова, 2013а. С. 65–69; 118–123; 137–141).

За 30 лет раскопок остатки летописного города Ростиславля были изучены столь полно, что удалось подтвердить дату его возникновения и установить причины прекращения жизни города, понять, как происходили его рост и «умирание». За эти годы была подробно изучена материальная культура средневекового города и особенно глубоко – его керамическое производство. Ростиславль стал полигоном изучения русской средневековой фортификации, жилых и хозяйственных построек, на котором получены данные, позволившие развивать концептуальные вопросы теории русского градостроительства. И хотя история города остается все еще не вполне понятной, она уже обрела вполне определенные черты, отражающие как индивидуальность этого поселения, так и то общее, что роднит его с другими «малыми городами» Руси, делает его эталоном для сравнения с другими подобными городами, изученными гораздо более фрагментарно. Наряду со средневековыми остатками, очень полно изучены предшествующие этапы жизни человека на этом месте – начиная с эпохи камня, когда тут впервые останавливались группы финально-палеолитического населения, до раннего железного века, когда здесь появилось постоянное поселение, быстро обретшее укрепления (вал со рвом) и обширную зону хозяйственного освоения.

Но, конечно, нельзя сказать, что все вопросы истории и археологии этого города решены и окончательно закрыты. Конечно, нет. Решены многие из них, но все же далеко не все. Более того, вместо прежних вопросов появились новые, часто еще более сложные. Все эти вопросы даже трудно перечислить. Осталось неясным, например, почему в момент основания города он получил укрепления лишь на крохотной площадке городища палеометалла, а примыкавшая к этому укреплению застройка, включавшая городской со-

бор, осталась никак не защищенной? А если территория раннего города (детинца) была все же больше, чем видится сегодня, то как-то были ранние укрепления и почему остатки этих укреплений не выражены в рельефе, как они вообще выглядели?

Какова была роль мысовой площадки средневекового города – той, что размещалась на месте городища РЖВ, с его огромным валом, несомненно, создававшим для города значительную помеху? Как конкретно использовалась эта площадка для нужд города?

Что происходило с планировкой города после того, как были утрачены его укрепления, т.е. когда древо-земляная стена стала разрушаться и превращаться в осыпь, непригодную для нужд обороны города?

Есть и более «мелкие» вопросы, значение которых, между тем, весьма велико. Так, Ростиславль пока остается единственной хорошо изученной мысовой крепостью XIII–XIV вв., вход в которую был организован в середине стены – во всех других известных случаях такой вход устраивался на краю стены, обращенном к крутому склону. Чем было вызвано столь неординарное решение строителей крепости? Зачем была нужна незастроенная площадь сразу за городскими воротами? Где находилась резиденция князя Ростиславля в XIV в. и размещался административный центр города? Список вопросов можно было продолжить. И хотя на некоторые из этих вопросов можно было предложить гипотетические ответы, думается, что лучшим ответом станет продолжение раскопок и сбор новых фактов об этом самом ординарном «малом городе» Руси, ставшем благодаря работе нашей экспедиции, одним из эталонных памятников русского градостроительства. 30 лет – только начало исследовательского пути.

В завершение хотелось бы от всего сердца поблагодарить всех тех, кто приезжал и работал на Ростиславле: на раскопах, на кухне, при благоустройстве лагеря, на заготовках дров и ежегодном покосе вездесущего борщевика, всех, кто помогал подготавливать отчеты о раскопках, изучать добытые материалы.

И здесь нельзя не назвать Е. А. Спиридонову (†), Е. Е. Антипину, Е. Ю. Лебедеву, И. И. Ёлкину (ИА РАН), А. А. Гольеву (ИГ РАН), Д. В. Пежемского (НИИ и Музей

антропологии МГУ), В. И. Завьялова, П. Г. Гайдукова, М. В. Добровольскую, И. Н. Кузину, И. Е. Зайцеву (ИА РАН). Даже тех, кто, проработав несколько дней, уезжал и больше никогда не возвращался в экспедицию. Всех, кто внес хотя бы самый незаметный, крохотный вклад в наше общее дело. Хочется поблагодарить не только за помощь и поддержку, но и за прекрасные дни совместной работы, дискуссий, дружеской беседы, песен у костра, за все то, что и составляет подлинную радость жизни, радость совместного поиска. Это то, что останется с нами навсегда, до последнего часа.

В заключение – немного о самом личном. Нет таких слов, которые могли бы хоть

в самой слабой степени выразить то чувство, которое я испытываю к моей семье, которая всегда поддерживала меня, помогала мне во всем, что касалось раскопок на Ростиславле, начиная с самых первых дней. Сначала это была моя мама Галина Спиридоновна (1937–2000), а потом моя жена Татьяна Валерьевна и мои дочери Станислава и Владислава, которые с 1999 г. практически каждый раскопный сезон были рядом, в экспедиции.

Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН по теме «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

2. РОСТИСЛАВЛЬ РЯЗАНСКИЙ В ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI В.

Историография изучения Ростиславля и его окрестностей насчитывает уже несколько десятков работ. К ним с полным правом можно отнести и статьи, посвященные исследованиям комплекса селищ неподалеку от с. Сосновка.

Довольно долгое время результаты исследований представлялись в тезисах и кратких материалах различных конференций. Это можно назвать периодом адаптации материалов Ростиславльской экспедиции к «большой» науке. В первые годы существования экспедиции (с 1993 по 1998 г.) работы на городище носили нерегулярный характер. Естественно, что и материал, получаемый в результате таких исследований, был весьма невелик – работы носили спасательный характер и проводились на очень ограниченных площадях. Но даже несмотря на это обстоятельство, сотрудники экспедиции стремились обобщать результаты исследований даже в небольших по объему публикациях.

Первой опубликованной работой, посвященной Ростиславлю Рязанскому, стала статья в малотиражной брошюре, изданной в Рязани (Коваль, 1993). Программа дальнейших работ на этом памятнике была заявлена в тезисах доклада на конференции «Россия в X–XVIII вв.: проблемы истории и источниковедения» (Коваль, 1995в). В 1996 г. выходит работа «Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии» (Коваль, 1996). Эта статья во многом является знаковой для историографии исследований городища, так как в ней впервые опубликована авторская классификация ростиславльской керамики, выдвинута гипотеза о связи керамики городища с соседними регионами и городами (Переяславлем Рязанским, Коломной и т. д.). Данная работа стала базовой не только для дальнейших исследований В. Ю. Ковалья в области ке-

рамики Ростиславля, но и для работ других ученых, занимающихся археологией Поочья и Поволжья.

Публиковались и статьи, посвященные объектам, исследованным в этот период. Так, в 1997 г. В. Ю. Коваль опубликовал работу, посвященную редкой для древнерусских археологических памятников находке – гончарному горну, обнаруженному в 1996 г. на ростиславльском посаде (Коваль, 1997).

В конце 1990-х гг. ростиславльская тематика постепенно начинает заявлять о себе на страницах авторитетных российских журналов. В 1998 г. в журнале «Российская археология» была опубликована работа В. Ю. Ковалья «Предметы восточного импорта из Ростиславля Рязанского» (Коваль, 1998). В статье Ростиславль был показан как одна из точек окского торгового пути, сформировавшегося в XIV в. и активно действовавшего вплоть до XV в. Ключевой находкой, опубликованной в этой работе, стала иранская чаша XIV в. – артефакт, который нечасто обнаруживают на древнерусских городищах.

Еще одной находкой, удостоившейся отдельной публикации, стал обломок белокаменного креста XII в. с надписью. Исследование столь редкой для древнерусских городищ находки также было опубликовано в журнале «Российская археология» (Коваль, Медведев, 2000). Особенностью этого креста является то, что на нем впервые зафиксировано редкое древнерусское имя «Комлята».

В конце 1990-х гг. результаты раскопок на городище регулярно освещаются в докладах участников экспедиции на научно-практическом семинаре «Археология Подмосковья», проходившемся в этот период Музеем истории города Москвы. В одном из изданий Музея была опубликована первая работа, посвященная раннему железному веку

на территории Ростиславля (Коваль, 2000). В статье кратко описывались результаты раскопок на месте поселения раннего железного века на Ростиславле. Они были проведены в 1998 г. и носили спасательный характер, так как велись на месте грабительских раскопок. Спустя год была опубликована уточняющая работа по этой тематике (Коваль, 2001).

В 2003 г. выходит первая работа, посвященная средневековым укреплениям Ростиславля (Коваль, 2003). Собственно, раскопки фортификационных сооружений на городище в этот период еще не проводились, руководитель раскопок попытался реконструировать облик средневековых ростиславльских укреплений, руководствуясь сведениями об укреплениях на других археологических памятниках.

В 2003 г. научно-практический семинар «Археология Подмосковья» переходит под эгиду Института археологии РАН. С 2004 г. (года издания первого сборника, вышедшего по итогам семинара) материалы раскопок Ростиславля регулярно освещаются в сборниках семинара. Так, в 2004 г. в сборнике был сформирован целый раздел, посвященный городищу. В работе «Ростиславль Рязанский – малый город Древней Руси» (Коваль, 2004в) были подведены итоги первых 10 лет исследований городища, намечены наиболее перспективные направления дальнейших исследований. Тема истории гончарства Ростиславля, заявленная ранее, нашла свое продолжение в этом же сборнике в работе «Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии» (Коваль, 2004б), ставшей основой для датировок археологических комплексов городища. Другая статья – «История Ростиславля Рязанского (по данным письменных источников)» (Коваль, 2004а) – была посвящена известным на тот момент сведениям о Ростиславле, содержащимся в древнерусских летописных и актовых материалах. В дополнение к этой работе в сборнике была опубликована статья А. Н. Медведя (2004), в которой автор рассматривал ранее неизвестные документы первой половины – середины XVII в., где была показана ситуация с городом на последнем этапе его существования. В результате исследований архивных материалов было отмечено, что последние документальные свидетельства о Ростиславле

в городских книгах Владимирской четверти относятся к 1651 г., а характер налогов, собираемых с города, свидетельствует о снижении значения Ростиславля как города. Также в этом сборнике была опубликована первая работа, посвященная анализу остеологического материала двух эпох (раннего железного века и средневековья), обнаруженного на городище (Кузнецова, Носкова, Калякин, Есин, 2004). На основе исследованного материала авторы сделали выводы о смене рациона питания древних жителей городища (в эпоху раннего железного века одним из важных источников пищи были лошади, а в эпоху средневековья большее значение приобретает крупный рогатый скот), объектов охоты (в раннем железном веке такими объектами были животные, обладавшие ценным мехом и крупные дикие животные, а в средневековье приоритетными были охота на птиц и рыболовство).

В этом же сборнике была опубликована работа почвоведом А. А. Гольевой, в которой автор впервые поставила вопрос о важности исследования почв Ростиславля, опубликовала результаты анализа почв отдельных участков городища и определила этапы освоения человеком местности, где ныне располагается городище: доантропогенный, эпоха поздней бронзы – ранний железный век, ранний железный век – средневековье, с XVII в. до наших дней (Гольева, 2004. С. 33).

Наконец, в том же сборнике опубликована работа А. В. Трусова (2004), где автор подводил предварительные итоги исследований стоянки палеолита. Материалы исследований А. В. Трусова на Ростиславле позже вошли в обобщающую работу ученого – монографию «Палеолит бассейна Оки» (Трусов, 2011). А. В. Трусов вел исследования на стоянке на протяжении многих лет, вплоть до своей кончины в 2020 г. Последними работами А. В. Трусова стали раскопки на берегу Оки, рядом с мысовой частью городища.

В начале 2000-х гг. Ростиславль начинает привлекать внимание исследователей, не связанных с работой в Ростиславльской экспедиции. В 2004 г. один из известнейших специалистов по истории кузнечного дела и древнерусской металлургии, сотрудник Института археологии РАН д.и.н. В. И. Завьялов опубликовал две работы, посвященные изучению железных предметов, найденных

на городище (Завьялов, 2004а; 2004б). Автор отметил, что ростиславльские железные изделия эпохи раннего железного века по ряду параметров (техника изготовления, качество изделий и т.п.) в целом вписываются в круг дьяковских древностей. Чуть позже исследователь опубликовал работу, где анализировал кузнечное дело Рязани и Ростиславля эпохи средневековья (Завьялов, 2005). Автор пришел к выводу о том, что на Ростиславле с момента основания города в середине XII в. существовало собственное кузнечное производство, снабжавшее город и его окрестности разнообразной продукцией. При этом для ростиславльского производства были характерны и общие тенденции, присущие древнерусскому кузнечеству (постепенный переход к сварным конструкциям, активное использование сырцової стали и т.п.). В.И. Завьялов сделал важное наблюдение, касающееся железных ножей, обнаруженных в комплексах XIV–XVI вв. – значительное их количество имело западноевропейское происхождение. Исследователь продолжил изучать Ростиславль и в более позднее время – материалы раскопок городища легли в основу статьи, посвященной кузнечному ремеслу рязанских земель в XVI–XVII вв. (Завьялов, Терехова, 2013б). Авторы сравнили железные предметы из Переяславля Рязанского и Ростиславля, сделав вывод о том, что уровень развития кузнечного ремесла в этих городах в целом совпадал, а продукция рязанских кузнецов в основном реализовывалась в рязанских землях, редко выходя на общерусский рынок. Столь узкая направленность, по мнению авторов, обеспечила достаточно долгое бытование качественных железных изделий, создававшихся по старым сложным технологиям. Тогда же вышла монография Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского (Завьялов, Терехова, 2013а), в которой материалы Ростиславля были привлечены для характеристики металлургии всей Рязанской земли в длительной исторической перспективе с XI по XVII вв.

В 2005 г. вышел сборник «Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы», подготовленный коллективом авторов. В нем была опубликована первая работа, где рассматривались вопросы планировки Ростиславля (Коваль,

2005а) и подвергнуты критике ранние представления (П.А. Раппопорта и А.Л. Монгайта) о планировке мысовой части городища. Нужно отметить, что эти представления базировались либо на письменных источниках, либо на результатах визуального осмотра памятника, без проведения каких-либо археологических исследований. Также в статье подробно описана методика датировки и интерпретации сооружений, обнаруженных на городище – эта методика легла в основу и более поздних исследований топографии Ростиславля. В основной части работы представлена планировка Ростиславля, относившаяся к шести историческим периодам (от второй половины XII до XVI в.). Тема планировки города была продолжена в 2008 г. (Коваль, 2008).

С начала 2000-х гг. начинают выходить публикации, посвященные отдельным группам находок.

Одними из первых работ такого плана стали статьи, опубликованные в сборнике «Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья». Одна из них была посвящена предметам вооружения эпохи средневековья, обнаруженным на городище (Коваль, 2002б), вторая – гончарным клеймам на ростиславльской керамике (Коваль, 2002а).

В последующие годы публикации отдельных групп находок продолжились. Такой работой стала статья И.В. Волкова (2005), посвященная монетам, найденным на территории городища и посаде – первая публикация нумизматической коллекции Ростиславля. Автор проанализировал 14 монет, обнаруженных на укрепленной части городища и 9 монет, найденных на различных частях посада, прилегающего к городищу. Кроме того, была введена в научный оборот информация о находках «кладоискателей» с южной стороны от городища. Таким образом, была опубликована информация о 67 монетах, бытование которых связано с Ростиславлем. И.В. Волков предположил, что относительно большое количество монет, обнаруженных вне пределов укрепленного поселения, связано с существованием здесь торгового пункта. Также в работе была впервые опубликована информация об уникальной находке, обнаруженной на Сосновском селище (изучается отрядом Ростиславльской

экспедиции с 2001 г.³), – китайской монете 553 г. По сведениям автора, это была первая (и до сих пор единственная) монета такого типа, обнаруженная в Восточной Европе.

Чуть позже Д. Ю. Бадеев опубликовал исследование, посвященное фигуркам для настольных игр (Бадеев, 2007). Автор проанализировал различные находки шахмат и шашек, сделав вывод о высоком уровне развития игровой культуры в Ростиславле (особенно в XIV–XV вв.).

Исследования 2001–2003 гг. на поселении раннего железного века и эпохи средневековья стали основой для первой публикации, посвященной археоботанике Ростиславля (Лебедева, 2005). В этой работе было проанализировано 33 образца, взятых с раскопа V (ранний железный век) и раскопа I (древнерусская эпоха). Автору удалось определить состав наиболее распространенных культурных растений, обнаруженных на городище (просо, ячмень различных видов, различные пшеницы, репе – бобовые и лесные растения). Также было выдвинуто несколько гипотез относительно динамики использования этих растений в разные периоды существования поселения (в раннем железном веке, в домонгольский период, в XIV в.). Например, одна из гипотез предполагала, что изменение соотношения культурных растений в средневековье было связано как с изменениями структуры урожая на сельских памятниках, так и сдвигами в зерновом потреблении жителей городов (Лебедева, 2005. С. 178). Также было отмечено, что Ростиславль потенциально может стать модельным памятником для исследователя археоботаники, так как на относительно небольшой территории сконцентрированы объекты раннего железного века, древнерусского города, его посадов и близлежащих селищ.

Христианским древностям Ростиславля (городища и прилегающих селищ) было посвящено исследование А. А. Остапенко (2013). Эта тема была продолжена в более поздней работе, где была высказана также гипотеза о посвящении городского собора Успению Богородицы (Коваль, 2015б).

Продолжали выходить публикации, в которых рассматривались отдельные уни-

кальные находки. Так, были опубликованы две работы, рассматривавшие находку горшка с надписью, выполненной по сырой глине (Медынцева, Коваль, 2012; Коваль, Медынцева, Еремеев, 2013). Эта находка начала XIII в. стала вторым артефактом, связанным с письменностью (первым был «крест Комляты»). Впрочем, литература, связанная с этой находкой, не ограничилась только этими публикациями – исследователь древнерусской эпиграфики А. Г. Авдеев обнаружил любопытную параллель этой надписи на горшке в одной из архангельских былин, посвященной богатырю Дунаю Ивановичу (Авдеев, 2014).

Исследования ростиславльского средневекового некрополя нашли свое отражение в работе, где были проанализированы особенности погребального обряда и топография кладбища, окружавшего городской собор (Русаков, Андрианов, Коваль, 2014). Именно благодаря планомерным исследованиям некрополя удалось обнаружить место, где располагалась главная (и, судя по всему – единственная) церковь города. Итогом исследований церковного места была посвящена отдельная работа (Коваль, Русаков, 2016б). Эти исследования заставили иначе посмотреть на топографию города и скорректировать ранее сформировавшиеся взгляды относительно его возможного центра. Впрочем, антропологический материал еще ждет своего исследователя.

Исследования некрополя, мысовой части городища и собственно площадки городища, проводившиеся в 2005–2016 гг., стали основой для работы В. Ю. Коваля (2017б)⁴, где автор подвергал ревизии собственные выводы о планировке Ростиславля Рязанского, высказанные в публикациях 2005 и 2008 гг. Были выделены два этапа застройки Ростиславля – «домонгольский» (когда был основан город, лишенный мощных укреплений) и «золотоордынский» (когда была сооружена древо-земляная стена и сформировался детинец площадью 2,5 га). При этом вопрос о местонахождении ростиславльского кладбища XII–XIV вв. автор оставил открытым. Важен также вывод о резком сокра-

³ Сосновскому селищу была посвящена отдельная работа В. Ю. Коваля (2004 г).

⁴ Работа была выполнена при грантовой поддержке РФНФ (гранты № 15-01-18023 и 16-01-18025).

щении плотности застройки города в XV в. и одновременном расширении территории некрополя.

Параллельно с введением в научный оборот итогов археологических исследований сотрудники Ростиславльской археологической экспедиции публиковали работы, связанные с общей историей городища. Так, в 2014 г. вышла работа, где рассматривалась история местности, на которой размещался Ростиславль (*Медведь*, 2014). Одним из источников этой работы стал чертеж, созданный в первой четверти XVIII в. и отразивший сложную ситуацию вокруг городища и близлежащих территорий. Еще одной работой, где содержалась попытка связать сведения письменных источников и археологический материал, стала статья, посвященная событиям 30 июля 1541 г., когда у Ростиславля состоялась первая документально зафиксированная артиллерийская дуэль между московским и крымским войсками (*Медведь*, 2015).

Систематические исследования городища раннего железного века, начавшиеся в 2003 г., открыли еще одну главу в изучении Ростиславля. Появился целый ряд работ, посвященных предметам вооружения (*Медведь*, 2007), фортификации (*Медведь*, 2009; *Коваль*, 2011; 2012б), предметам, связанным с ювелирным производством раннего железного века (*Лопатина, Тавлинцева*, 2009).

Вал и ров раннего железного века в мысовой части городской площадки стали дополнительным источником по истории городища этого периода. Было окончательно отвергнуто более раннее предположение о том, что значительная часть вала у мысовой части городища является более поздней (средневековой) подсыпкой – выяснилось, что с периодом средневековья можно соотнести лишь небольшие включения в верхней части вала. Было выделено 10 строительных этапов создания насыпи, высказаны гипотезы о внешнем виде вала в древнерусскую эпоху. Главный вывод состоит в том, что все горизонты насыпи вала создавались примерно с III в. до н. э. и до конца I в. до н. э. (*Коваль*, 2011). При этом значительная часть этих горизонтов представляла собой прослойки бытового мусора, что позволило утверждать, что «вал Ростиславльского городища с самого начала создавался не только как фортификационное сооружение, но и как

своеобразная свалка мусора, место сброса накопившейся на площадке грязи» (*Коваль*, 2011. С. 52–53). Эти выводы базировались на исследованиях А. А. Гольевой (2011), изучавшей почву, из которой состоял вал раннего железного века. Автор описала около 40 образцов грунта из почв и прослоек насыпей вала, и отметила, что при создании вала использовались как разнообразные бытовые отходы (навоз, помои, крыши и полы жилищ), так и природные почвы (например, прибрежный ил). А. А. Гольева реконструировала процесс создания и существования вала так: «... вал наращивался, с одной стороны, регулярно без длительных перерывов, с другой – неравномерно, возможно в виде более мелких всхолмлений, которые спустя некоторое время... сливались. Возникающее всхолмление жителями городища сознательно оформлялось как вытянутый вал... По достижении каких-то критических, по мнению жителей городища, величин, нижняя часть растянутой насыпи с внешней стороны убиралась. Этот материал укладывался наверх, что способствовало «росту» вала вверх...» (*Гольева*, 2011. С. 70). Такая интерпретация заставляет по-новому посмотреть на процесс создания укрепления раннего железного века.

В следующей работе тот же вал был рассмотрен в контексте других фортификационных объектов эпохи раннего железного века (*Коваль*, 2012). Был сделан вывод о том, что его строение во многом похоже на фортификационные сооружения других близких по времени существования городищ (Троицкое, Дьяково, Луковня, Боршева и др.). Были выделены 4 признака, сближающих ростиславльский вал с другими подобными укреплениями: похожая схема развития (однорядный частокол – система «ров – вал»); схожесть защитных сооружений на гребнях валов – «баррикад», образованных наваленными вдоль оси вала бревнами, жердями, ветками; наличие проходов в валах (предназначались для жителей городищ); двойная функция валов – свалка мусора и нечистот с поселения и заграждение на случай военного столкновения с противником.

Тема археологозоологии была продолжена в работе Е. Е. Антипиной (2009), где был проанализирован костный материал, полученный с городища раннего железного века

в период раскопок 2002–2006 гг. Было отмечено, что около 80% этого материала относится к домашним животным, а основой мясной диеты у жителей городища раннего железного века составляло мясо млекопитающих (*Антипина*, 2009. С. 154). Археозоологический материал был подвергнут исследованиям по различным параметрам – анатомические спектры крупного и мелкого рогатого скота, и также диких животных, разнообразности следов на костях (имеющих искусственное происхождение), возраст различных животных, забитых на мясо, относительные объемы потребления мяса сельскохозяйственных животных и т.д. В результате автору удалось значительно дополнить картину жизни насельников городища раннего железного века. Также исследовались предметы, изготовленные из костей различных животных и рыб – был сделан вывод о том, что утилитарные предметы изготавливались в основном из костей домашних животных и рыб, а предметы, возможно, имевшие ритуально-магическое значение – из костей не только домашних животных, но и диких.

Одновременно была опубликована работа, продолжающая археоботанические исследования, начатые в 2005 г. (*Лебедева*, 2009). Автор сделала вывод о том, что на протяжении всего времени существования городища раннего железного века его жители выращивали в основном три злаковые культуры – просо обыкновенное, пленчатый многорядный ячмень и пшеницу двузернянку. Остальные растения (6 культур) не играли важной роли в жизни местного населения (Там же. С. 247).

Помимо планировки средневекового города и поселения раннего железного века, в 2010-е и 2020-е гг. стали активно исследоваться древнерусские фортификационные сооружения городища. В 2015 г. вышла первая обобщающая работа, где анализировались результаты прорезки древо-земляной стены и рва, делалось несколько предположений относительно их датировки (*Коваль*, 2015а). Тема была продолжена в других работах (*Коваль*, *Русаков*, 2016а; *Коваль*, 2017в; *Коваль*, *Русаков*, 2017; *Коваль*, *Николаева*, 2021). Эти публикации стали итогом археологических исследований средневековых ростиславльских укреплений, которые велись практически каждый полевой сезон. Специфика ис-

следований ростиславльских фортификаций состояла в методике раскопок, которая подразумевала проведение горизонтальных попластовых зачисток, дополненных фиксацией профилей. Данная методика позволила установить конструкцию оборонительной стены как срубов, заполненных землей. Важно отметить, что опыт, полученный исследователями при изучении средневековой фортификации городища, оказался полезен при работах на других средневековых памятниках – Болгара, Смоленска и др. (*Коваль*, *Русаков*, 2018; *Коваль*, 2020б; 2020в).

В 2019 г. в мысовой части городища были обнаружены остатки крупного сооружения XIV в. В этом сооружении были обнаружены довольно редкие для малых городов Древней Руси находки – заготовки для костяных накладок, сами костяные накладки (вероятно, для украшения луки седла), фрагменты кувшина, предположительно изготовленного в Азаке. Но самой интересной находкой, происходившей из заполнения сооружения, стала золотоордынская люстровая чаша второй половины XIII – первой половины XIV в. (*Коваль*, 2022а). Обнаруженные остатки подвала могли принадлежать крупной постройке («дворцу»), которая была предположительно связана с «высокопоставленным ордынским чиновником (баскаком?), окруженным воинским отрядом и являвшемся фактическим хозяином всего города» (Там же. С. 246).

Еще одна работа была посвящена странной находке на основной площадке городища – костяку юноши, обнаруженному на дне ямы № 715 (погребя жилища) (*Коваль*, 2022б). Исследования археологического контекста, в котором были обнаружены эти останки, само состояние костяка, привело к гипотезе о том, что умерший (вероятнее всего, убитый) молодой человек мог относиться к какой-то асоциальной группе (например, быть колдуном, язычником, изменником или инородцем) либо совершить преступление: «В любом случае вина его в глазах жителей Ростиславля... была столь велика, что его не рассматривали как христианина и бросили в яму, дождалась частичного истлевания тела... и лишь после этого засыпали, при этом оставив на территории усадьбы, принадлежавшей одному из представителей городской элиты» (*Коваль*, 2022б. С. 78).

Продолжали выходить работы, посвященные отдельным находкам. В 2022 г. была опубликована статья, где авторы исследовали бусину, относившуюся к XIV в. (*Терещенко, Кузина и др.*, 2022). Впервые подобная находка изучалась с применением уникальных неразрушающих методов исследования – оптической микроскопии, рентгеновской и нейтронной томографии, рентгенофлуоресцентного анализа, растровой электронной микроскопии с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом, масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой с пробоотбором лазерной абляцией, синхротронного рентгенофазового анализа, – достаточно точно был определен состав стекла (основа – калий-свинцовый слой и декор – свинцовый безщелочный слой) и установлена технология создания бусины. Была подтверждена датировка бусины XIV в. Авторы высказали гипотезу, что основа стекла бусины имеет центрально-европейское происхождение (Там же. С. 594).

Отдельно следует отметить работы, посвященные уточнению хронологии городища раннего железного века (*Тавлицева*, 2010) и жилищам (т.н. «длинным домам»), обнаруженным на территории поселения (*Гольева, Тавлицева, Коваль*, 2018; *Тавлицева, Коваль, Гольева*, 2020). Ростиславль относится к числу немногих памятников, где подобные жилища исследованы практически полностью. Эти исследования заставили пересмотреть ряд представлений о раннем железном веке на Ростиславле, сформировавшихся в начальный период раскопок. Исследователи выявили разные этапы возведения построек в раннем железном веке в мысовой части городища. Также удалось достаточно уверенно датировать самую раннюю постройку («постройку А») – она существовала в середине – третьей четверти I тыс. до н. э. (*Тавлицева, Коваль, Гольева*, 2020. С. 90). В 2021 г. вышла еще одна работа, посвященная второму жилищу раннего железного века – «постройке Б» (*Тавлицева, Хохлова, Максименко*, 2021). В ней авторы уделили внимание планировке и интерьеру постройки, исследовав специфику т.н. «полов» (подсыпок стерильного грунта), расположение внутренних перегородок и т.д. Исследователи предположили, что постройка содержала следы как

минимум четырех перестроек, а ее интерьеры соответствовали определенным требованиям к организации жилого пространства (*Тавлицева, Хохлова, Максименко*, 2021. С. 48), причем, эти требования сохранялись на протяжении жизни нескольких поколений. Был также проведен микроморфологический анализ образцов, взятых из различных частей постройки. Анализ показал, что материал, из которого создавались полы постройки, проходил предварительную подготовку (грубый замес). Также были встречены возможные остатки чрезвычайных происшествий, происходивших внутри постройки (локальные пожары).

Специфической группой находок, обнаруженных на территории ростиславльского городища раннего железного века, стала поздняя профилированная текстильная керамика, которой была посвящена специальная статья (*Лопатина, Тавлицева*, 2017). Исходя из контекста находок этой керамики, стратиграфических особенностей ее залегания в культурном слое, авторы сделали предположение о времени ее существования на городище – с рубежа эр по III в. н. э. (что несколько раньше, чем период начала бытования такой керамики в среднем течении Москвы-реки – III–IV вв. н. э.).

В 2015 г. вышла статья Е.Ю. Тавлицевой, посвященная костяной рукоятки ножа с зооморфным изображением, где был сделан вывод о том, что наиболее близкой аналогией ростиславльской находке является костяная рукоять, происходившая из Старшего Каширского городища (раскопки В.А. Городцова). Подобные рукоятки могли быть как предметом импорта, так и изготавливаться местными мастерами в подражание таким предметам (*Тавлицева*, 2015. С. 126).

Отметим также, что результаты исследований Ростиславля регулярно описывались сотрудниками экспедиции в специализированном ежегоднике «Археологические открытия», где публикуется информация о результатах новейших археологических полевых работ (с 1997 г. по 2021 г. всего было опубликовано 12 статей). Очерки основных итогов раскопок на памятнике издавались и в других обзорных изданиях (*Коваль*, 2012а; *Коваль, Русаков*, 2019).

Важным фактом является и то, что авторами публикаций по истории городища

Ростиславль являются не только сотрудники Института археологии РАН, но и Музея Москвы, Института географии РАН, Российского государственного гуманитарного университета. При этом некоторые темы истории городища пока находятся в тени исследовательского интереса. Например, почти не изучается антропологический материал, полученный в результате раскопок городско-го кладбища.

Результаты исследований ростиславльского поселения раннего железного века использовались в работах, посвященных московорецкому региону в эпоху раннего железного века (*Кренке, 2011; 2019*). Исследования ростиславльских укреплений упоминались в целом ряде работ (*Сидоров, 2017; Журбин, Антипина и др., 2018; Сатурин,*

2019 и др.). Отметим также и то, что публикации о Ростиславле стали источниками информации для ряда диссертационных исследований (*Милованов, 2010; Остапенко, 2016; Лопатина, 2019*).

В целом можно констатировать, что Ростиславль Рязанский является одним из наиболее полно исследованных малых городов Древней Руси – за 30 лет работы экспедиции было опубликовано более 50 крупных работ, посвященных этому памятнику и почти столько же кратких сообщений о нем (в информационных сборниках, тезисах конференций и т.п.). По количеству и качеству публикаций уровень исследованности Ростиславля можно поставить в один ряд с другими городами рязанской земли – Старой Рязанью и Переяславлем-Рязанским.

3. МАТЕРИАЛЫ КАМЕННОГО И БРОНЗОВОГО ВЕКОВ С ТЕРРИТОРИИ ГОРОДИЩА РОСТИСЛАВЛЬ И ЕГО ОКРУГИ

Общая концепция монографии с рабочим названием «Стоянки Ростиславля», посвященная анализу материалов каменного и бронзового веков городища Ростиславль и его окрестностей, была разработана старшим научным сотрудником Музея Москвы Александром Васильевичем Трусовым незадолго до его смерти в 2020 году. Об это свидетельствуют сохранившиеся в архиве исследователя подготовительные материалы: детальные прорисовки кремневых артефактов, предназначавшиеся для иллюстративного ряда, и фрагментарные текстовые наброски. Здесь предпринята попытка реконструкции ключевых положений несостоявшейся монографии, анализа источниковой базы исследования и определения основных научных проблем, связанных с интерпретацией данных материалов.

На территории Ростиславльского археологического комплекса (рис. 13) были обнаружены материалы различных этапов заселения. Здесь известны два стратифицированных памятника, культурные напластования которых относятся к периоду от финального палеолита до мезолита: Ростиславль 1 и Ростиславль 2. В составе коллекции стоянки Ростиславль 1 ряд артефактов, происшедших с северной площадки, по своим типологическим характеристикам могут быть отнесены как к мезолиту, так и к финальному палеолиту. Отдельного упоминания заслуживают кремневые артефакты из культурного слоя Ростиславльского III селища, предварительно датированные А. В. Трусовым финальным этапом верхнего палеолита. Кроме того, в культурных слоях дьяковско-

го и средневекового времени фиксируются находки, относящиеся к эпохе палеометалла. Они представлены кремневым инвентарем, немногочисленными фрагментами керамики и несколькими экземплярами каменных сверленных топоров.

Бассейн р. Оки – один из центральных районов в исследовании палеолита Русской равнины. Изучение палеолита бассейна р. Оки началось с момента открытия А. С. Уваровым в 1877 г. Карачаровской палеолитической стоянки. С тех пор этот регион изучало большое количество исследователей, в числе которых В. А. Городцов, П. И. Борисковский, П. П. Ефименко, М. В. Воеводский, О. Н. Бадер, Л. В. Кольцов, А. Е. Кравцов, А. В. Трусов, Х. А. Амирханов, С. Ю. Лев, К. Н. Гаврилов, Е. В. Леонова и др.

Однако в ходе этих работ удалось выявить не так много стратифицированных памятников с хорошей сохранностью культурного слоя, в частности, это справедливо и для среднего течения р. Оки.

История изучения памятников каменного века на территории Ростиславля неразрывно связана с деятельностью Александра Васильевича Трусова. Первым значимым артефактом, обнаруженным им в ходе первоначальной разведки совместно с В. Ю. Ковалём, стал кремневый вкладыш цункофенского типа (?)⁵. До начала планомерных работ, исследователь изучал отдельные кремневые изделия, поступавшие в результате раскопок Ростиславльского городища в фонды Музея Москвы. Систематические полевые исследования памятников каменного века на данной территории начались с раскопок А. В. Трусовым

⁵ См. в Госкаталоге РФ (goskatalog.ru) ГК 21106001.

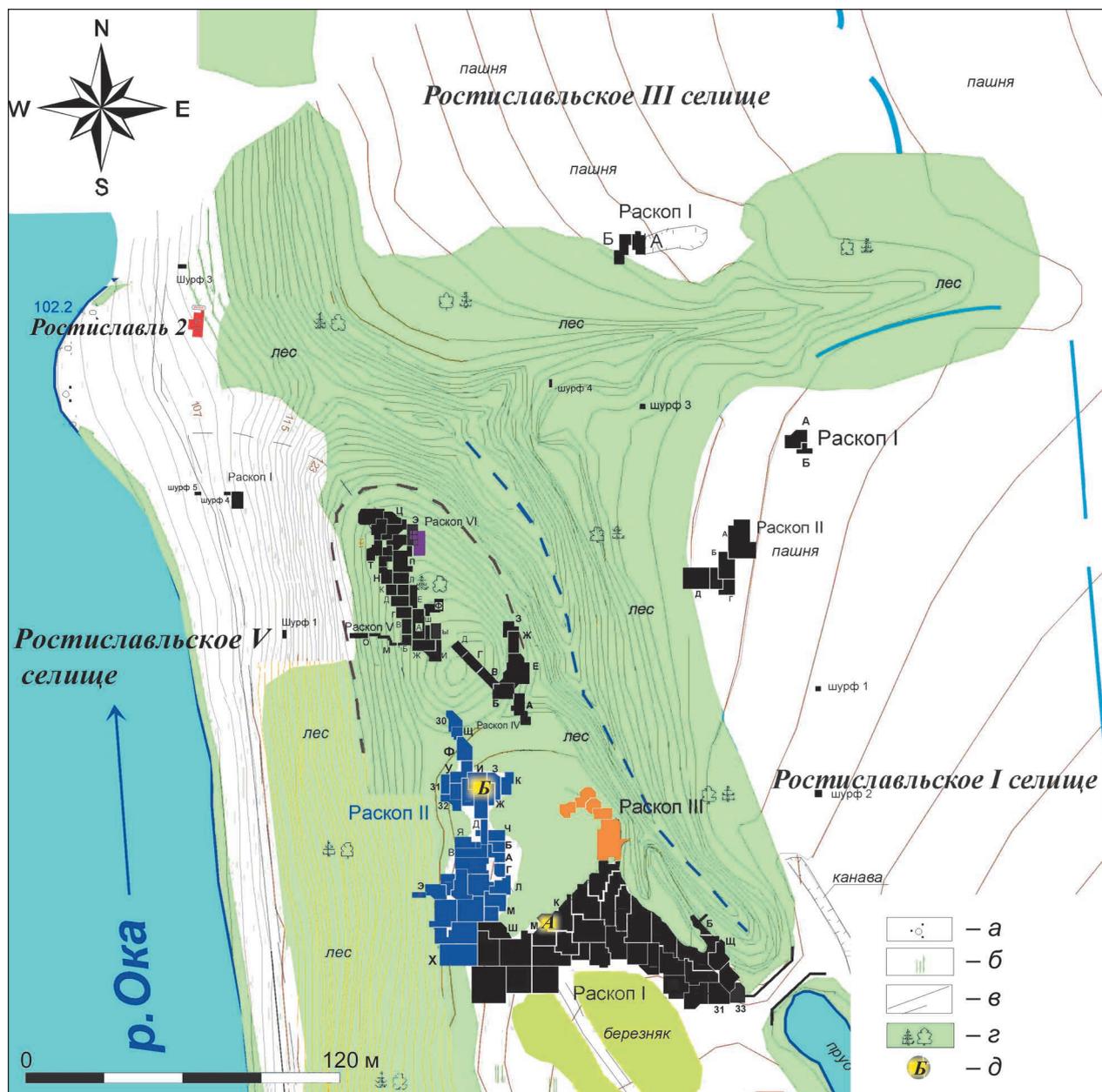

Рис. 13. План городища со стоянками Ростиславль 1 и 2. а – кустарник; б – высокотравье; в – дороги грунтовые; г – лес; д – скопления материала на стоянке Ростиславль 1

стоянки Ростиславль 1 (2003–2005 гг.), обнаруженной непосредственно под средневековым культурным слоем городища (рис. 14).

Летом 2014 года в результате разведок на берегу р. Оки у мыса городища был обнаружен насыщенный (более 100 находок) хорошей сохранности культурный слой стоянки Ростиславль 2. По гумусу из погребенной почвы, содержавшей культурные остатки, была получена первая дата по С-14 (ИГРАН 4624 10150±1200) (Гольева, Коваль, 2024. С. 422).

В 2015 г. на стоянке Ростиславль 2 был заложен раскоп площадью 12 кв. м, в котором об-

наружился хорошо сохранившийся культурный слой с кремневыми скоплениями, костями животных, углем и охрой. В 2016 г. была произведена расконсервация недобранного участка, а также к раскопу 2015 г. была осуществлена дополнительная прирезка площадью 12 кв. м. Изначально разрозненные материалы эпохи мезолита, встречающиеся вместе со средневековыми фрагментами керамики в верхних слоях, считались исследователем переотложенными с верхней террасы. Однако, в ходе работ 2019–2020 гг. был обнаружен небольшой участок, где материалы мезолитического вре-

Рис. 14. Стоянка Ростиславль 1. Слой оподзоленного суглинка в процессе разборки в 2005 году. Вид с востока

мени залегали относительно равномерно, что натолкнуло А.В. Трусова на мысль о наличии на стоянке двух горизонтов с различными по времени археологическими материалами: мастерской по расщеплению кремня эпохи мезолита, залегающий в погребенной почве, перекрытой делювиальными отложениями, и эпохи финального палеолита, залегающего во второй погребенной почве на глубине около 1,5 м от современной поверхности (Коваль, 2020). Рассмотрим исследованные на городище Ростиславль комплексы более детально.

Стоянка Ростиславль 1

Участие А.В. Трусова в полевых исследованиях на городище Ростиславль началось после ознакомления с кремневыми изделиями, полученными экспедицией В.Ю. Коваля в 2002 г. В этом сезоне в результате вскрытия очередных участков на раскопах 1 и 2 в культурном слое городища и с поверхности материка при его зачистке, была собрана достаточно представительная коллекция кремневых изделий каменного века (Трусов, 2011. С. 199).

В последующие 2004–2005 гг. А.В. Трусовым было произведено вскрытие подстилающих средневековый городской культурный слой покровных отложений (рис. 14). Это дало возможность значительно увеличить объем коллекции, уточнить условия залегания и планиграфию скоплений каменных изделий.

На раскопе 1 автором была исследована площадь 160 кв. м, на раскопе 2 – 106 кв. м (рис. 13). На площади этих раскопов в подстилающих городские слои отложениях было открыто два скопления кремневых изделий (А и Б), которые были изучены полностью (рис. 15).

Каких-либо существенных различий хронологического и культурного порядка между комплексами скоплений «А» и «Б» отмечено не было. В культурном отношении наиболее близким представлялся комплекс стоянки Ладыжино 3. Имеющиеся аналогии среди датированных финальнопалеолитическим временем памятников Усть-Тудовка, Подол III, Аносово 1, позволили с достаточной долей уверенности отнести к тому же времени и комплексы Ростиславльской стоянки.

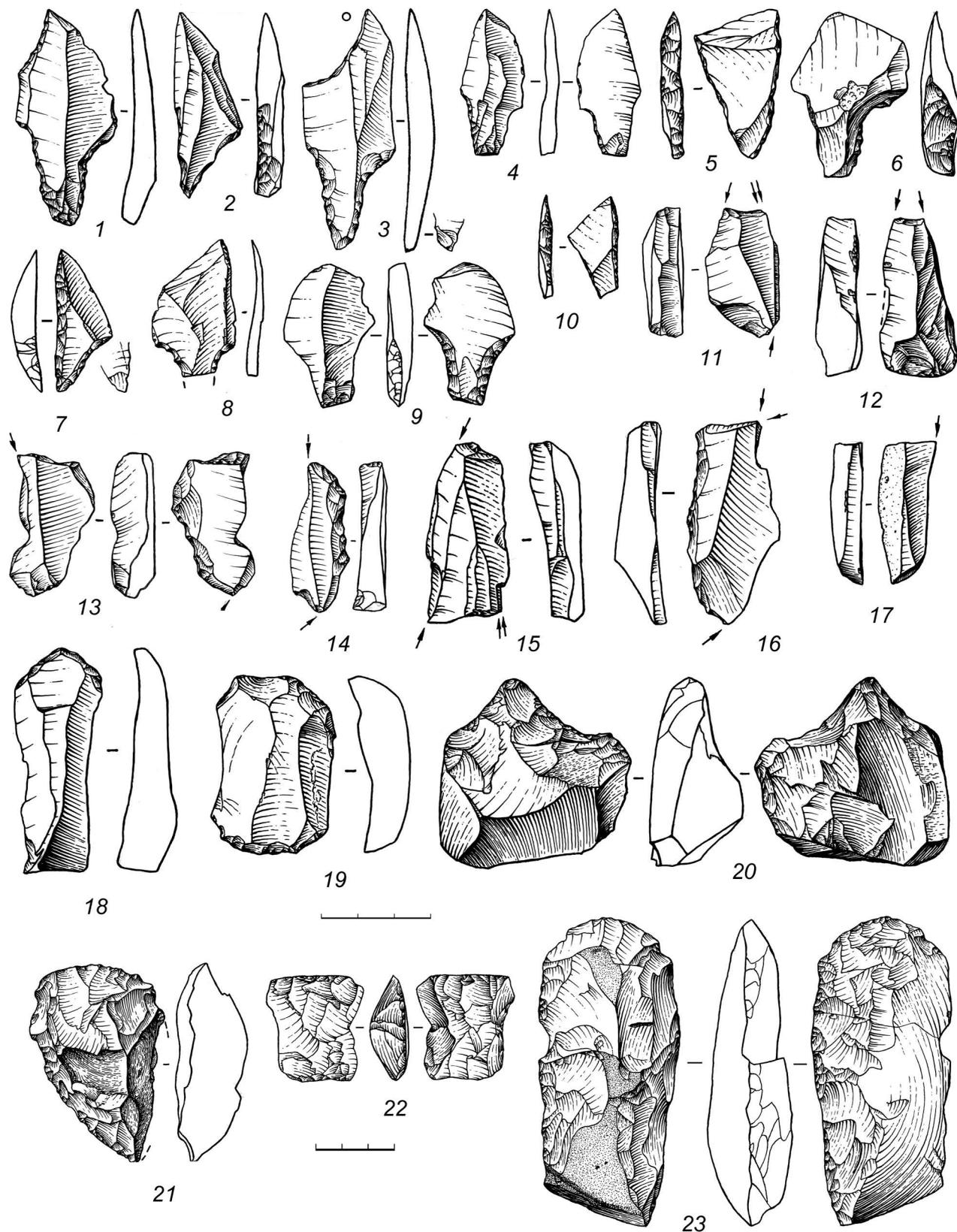

Рис. 15. Стоянка Ростиславль 1. Кремнёвые изделия финально-палеолитических скопления А и Б (по: Трусов, 2011. С. 208–214). 1–10 – наконечники; 11–14 – ретушные резцы; 15, 16 – комбинированные резцы; 17 – резец на углу сломанной пластины; 18, 19 – скребки; 20 – двусторонне обработанное острие (перфоратор); 21–23 – рубящие орудия

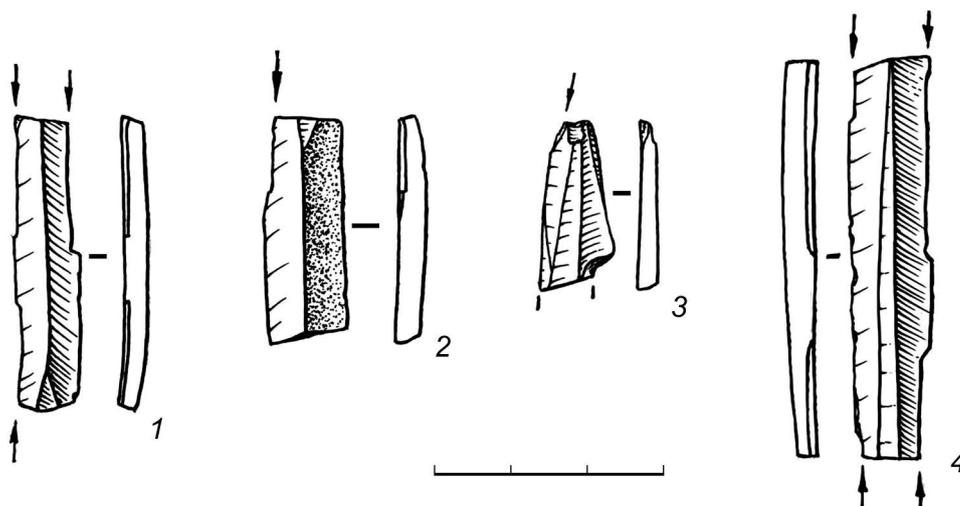

Рис. 16. Орудия мезолитического времени стоянки Ростиславль 1 (по: Трусов, 2011. С. 204)
1–2, 4 – резцы на углах сломанных микропластинчатых заготовок; 3 – выемчато-ретушный резец

При этом, в культурном и хронологическом плане наиболее чистым представляется комплекс скопления «А». В скоплении же «Б», располагавшемся наиболее близко к мысовой части городища, был отмечен ряд предметов, которые можно датировать эпохой мезолита (Трусов, 2011. С. 201).

Памятник с его кремнёвым комплексом был описан А. В. Трусовым в книге «Палеолит бассейна Оки» (2011. С. 199–215), в которой он посвятил Ростиславльской 1 стоянке один из разделов. Там же он достаточно подробно разбирает выделенные им среди финальнопалеолитических материалов верхнепалеолитический и мезолитический комплексы (рис. 16, 17), в том числе принципы их выделения.

Стоянка Ростиславль 2

Стоянка расположена на мысу, образованном высокой поймой правого берега р. Оки и правым бортом устья оврага, на высоте около 6 м над уровнем реки. Открыта в ходе разведок А. В. Трусовым в 2014 г. (Трусов, 2018. С. 80) и исследована им на площади 48 кв. м в 2014–2019 гг., в 2024 г. работы продолжены Ю. В. Кузьминовой. В 2025 г. памятник был включен в перечень выявленных объектов культурного наследия под наиме-

нованием «Стоянка Ростиславльская - 1»⁶, ввиду того, что стоянки с верхней площадки городища Ростиславль в этом перечне нет. В научной литературе предлагается далее использовать прежнее название для этого объекта – стоянка Ростиславль 2. Данный памятник представляется более перспективным в плане дальнейшего изучения, нежели первая Ростиславльская стоянка в связи с лучшей сохранностью культурных слоев.

На памятнике зафиксировано два слоя каменного века – мезолитический и финальнопалеолитический, – разделенные стерильными отложениями мощностью от 20 до 90 см (рис. 18).

В слое делювиального коричневого суглинка на глубине около 1 м был зафиксирован переотложенный слой эпохи позднего мезолита (?) (Трусов, 2018. С. 82). Ниже, на глубине 1,3 м от поверхности, в слое погребенной почвы (темно-серый суглинок), был обнаружен насыщенный кремневыми изделиями культурный слой мощностью 10–15 см (Трусов, 2018. С. 83).

Мезолитический слой *in situ* исследован пока на небольшой площади – частично вскрыта площадка, которую можно ассоциировать с мастерской по расщеплению. Каменный инвентарь представлен отщепами, узкими ножевидными пластинами и пластинками,

⁶ Распоряжение от 10.07.2025 № 06РВ-370 «О включении объекта археологического наследия в перечень выявленных объектов культурного наследия Московской области «Стоянка «Ростиславльская - 1», финальный палеолит – мезолит, 14000–10000 тыс. л. до н. д.».

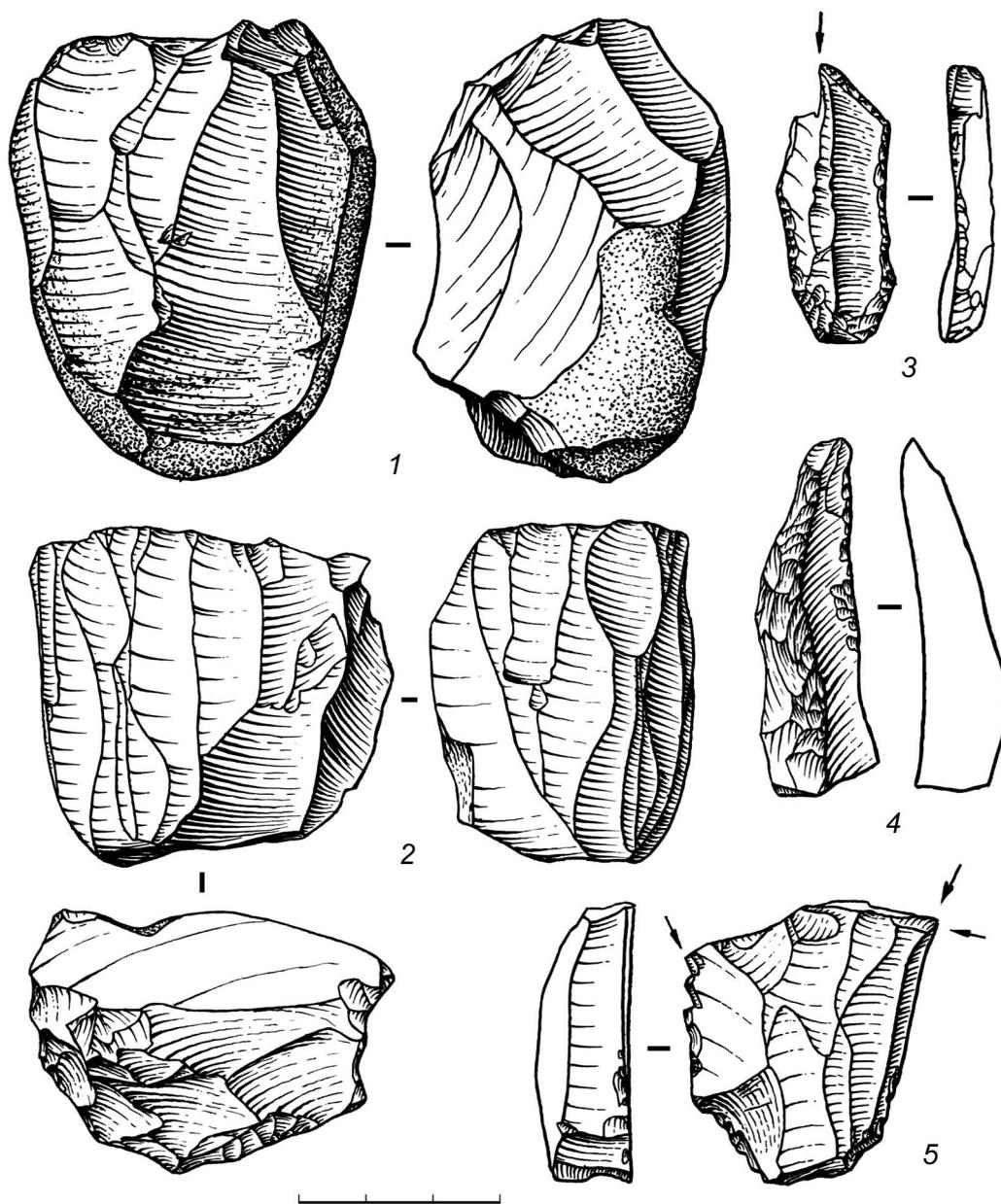

Рис. 17. Верхнепалеолитические кремневые изделия (по: Трусов, 2011. С. 204)
1, 2 – нуклеусы; 3, 5 – резцы; 4 – пластина с ретушью утилизации (нож?)

кроме того, в скоплении найдены отбойники, нуклеус, резец.

В результате работ экспедиции под руководством Ю.В. Кузьминовой на памятнике в 2024 г. в нижней части первой погребенной почвы удалось подтвердить наличие на стоянке непереотложенного культурного слоя эпохи мезолита, обладающего исключительной сохранностью для памятников мезолита долины р. Оки, а также выделить в нем несколько горизонтов залегания. При установлении границ стоянки была собрана коллекция материала, состоящая из 254 на-

ходок. О непотревоженности слоя позволяет говорить относительно небольшой высотный разброс находок, а также локальные скопления, характеризующиеся однообразием сырья. Кроме того, в северном скоплении вместе с отщепами и нуклеусом был обнаружен отбойник-ретушер со следами работы. Всего в нижней части первой погребенной почвы в 2024 г. было найдено 108 предметов, из них: 96 – дебитаж, 12 – изделия со вторичной обработкой (из которых 8 – отщепы/пластины с ретушью; 1 – отбойник/ретушер; 1 – нуклеус; 1 – резец на сломе пластины; 1 – пластин-

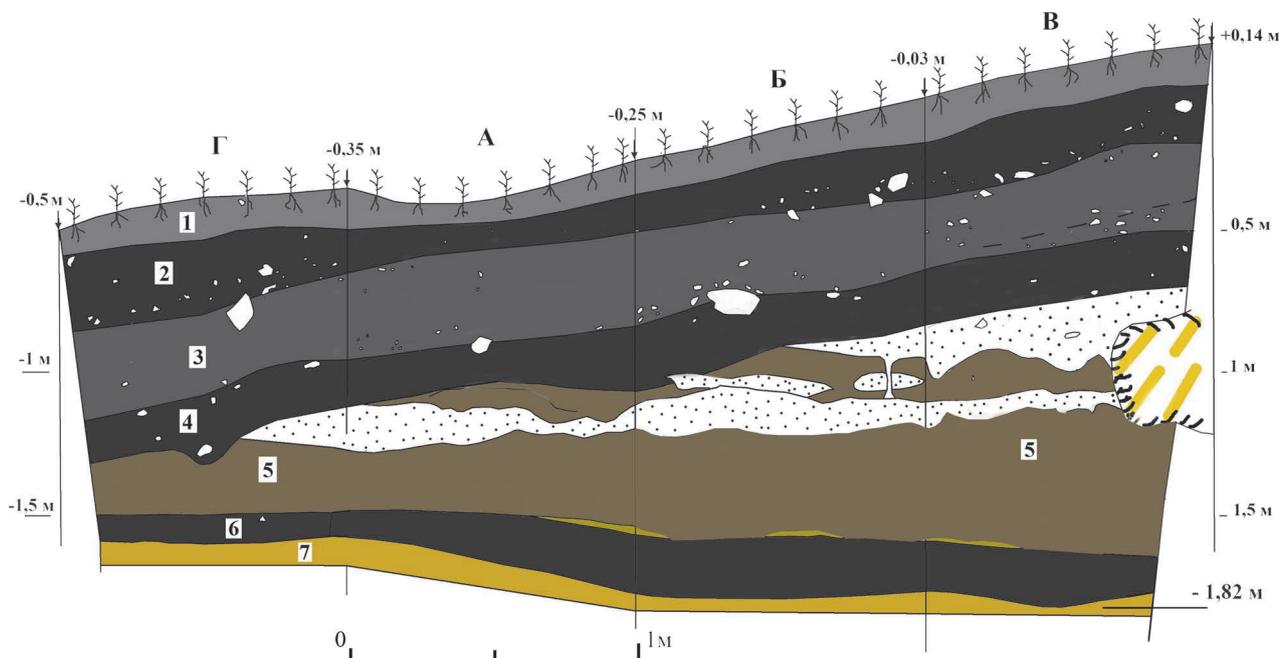

Рис. 18. Стоянка Ростиславль 2. Стратиграфия северной стенки раскопов 2019–2020 гг.

чатый отщеп с уплощением ударного бугорка). Все предметы имеют мезолитический облик, однако установить точную культурную принадлежность на имеющихся материалах довольно трудно в связи с отсутствием культуруопределяющих форм.

Характер материала и особенности его распределения на данном этапе исследования подтверждают описание А. В. Трусовым данного слоя как «стоянки-мастерской» (Трусов, 2018. С. 85). Находки обожженных отщепов (10 предметов) и мелкодисперсный уголь в слое свидетельствуют о возможном наличии очагов на стоянке. Представляются перспективными дальнейшие исследования северной и северо-восточной части стоянки с целью поиска таких объектов.

Помимо прочего, данные микростратиграфии позволяют сделать еще одно интересное наблюдение – по всей видимости, данный мезолитический слой распадается, как минимум, на два горизонта (рис. 19). В дальнейшем планируется исследование этого горизонта находок на большей площади.

Материалы нижнего слоя залегают несколькими компактными скоплениями. Среди морфологически выраженных орудий, обнаруженных в нижнем слое, присутствуют, отбойники, одноплощадочные нуклеусы для отщепов и пластин, орудия на отщепах

и широких (до 3 см) пластинах, в том числе концевые скребки, ретушные и двугранные резцы, острия с дугообразно затупленным краем, асимметричные наконечники с боковой выемкой и крупный черешковый наконечник типа лингби (рис. 20–22). Кроме того,

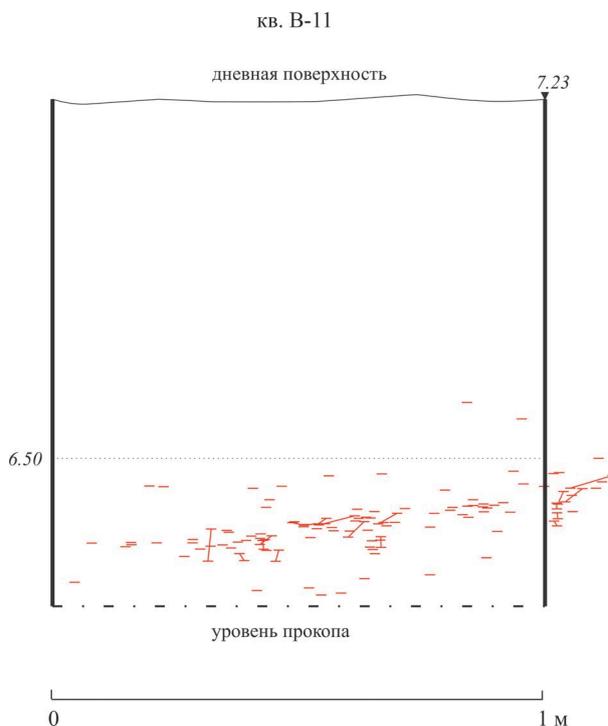

Рис. 19. Стоянка Ростиславль 2. Микростратиграфия мезолитического слоя из шурфа 2024 г.

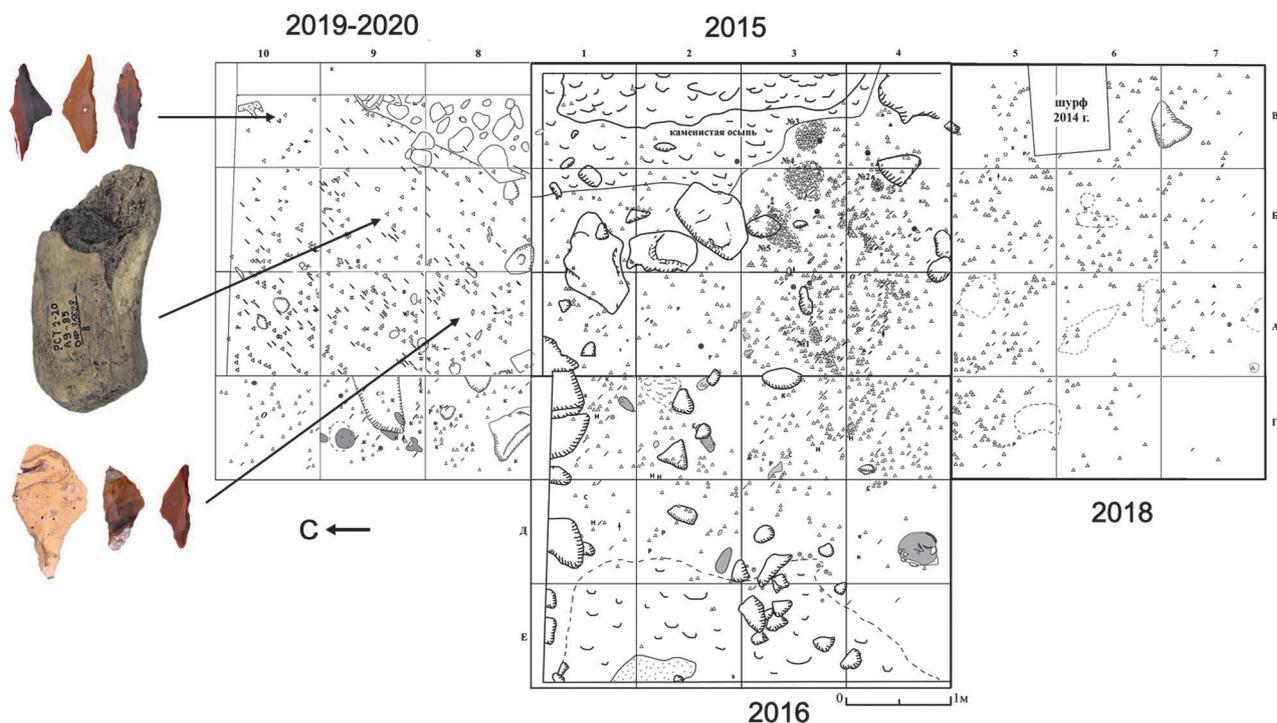

Рис. 20. Стоянка Ростиславль 2. План распределения находок в слое финального палеолита

единичными для стоянки находками стали обнаруженные в 2020 г. роговой отбойник (?) и часть рога северного оленя (рис. 20).

Источник сырья, по всей видимости, находился в непосредственной близости к стоянке, т.к. кремьнь подобного качества и цветности (коричнево-рыжий, иногда с фиолетовым прослойками) и сейчас встречается в бассейне р. Оки.

А. В. Трусов относил материалы основного слоя стоянки Ростиславль-2 к эпохе финального палеолита (2018. С. 89). На основании стратиграфии, типологии каменного инвентаря, а также данных фаунистического и палеопочвенного анализов предварительно материалы нижнего слоя можно отнести к периоду аллереда и датировать примерно 13 тыс. л. н. Это пока самый восточный памятник на Русской равнине, материалы которого можно отнести к кругу финальнопалеолитических культур с черешковыми наконечниками типа Лингби – Аренсбург.

Ростиславльское III селище

При работах на Ростиславльском III селище в 1996–1997 гг. В. Ю. Ковалем был обнаружен ряд кремневых изделий.

Ростиславльское III селище располагается по правому борту крупного оврага, формирующего мыс городища Ростиславль на высоте 40 м над уровнем воды в р. Оке и непосредственно над местоположением стоянки Ростиславль 2. Раскопки на Ростиславльском III селище были начаты В. Ю. Ковалем в связи с земляными работами, проводимыми здесь совхозом «Сосновским» и носили охранно-спасательный характер. В результате земляных работ пахотный слой, т.е. культурный слой селища, переработанный распашкой, на данном участке был практически снят и обнажились пятна средневековых ям. Стратиграфия материка по данным В. Ю. Коваля была следующая: «Материк ... был сложен тяжелым желто-коричневым суглинком, аналогичным материковому грунту на городище Ростиславль. Верхний горизонт материка представлял собой светло-серый рыхлый суглинок, толщина которого достигала 5–10 см, который представлял собой слой лесного подзола» (Отчет В. Ю. Коваля о раскопках на Ростиславле в 1997 г. С. 61).

За два года раскопок В. Ю. Ковалем было вскрыто 90 кв. м площади памятника. Работы сводились главным образом к зачистке материка, выбору заполнений средневековых

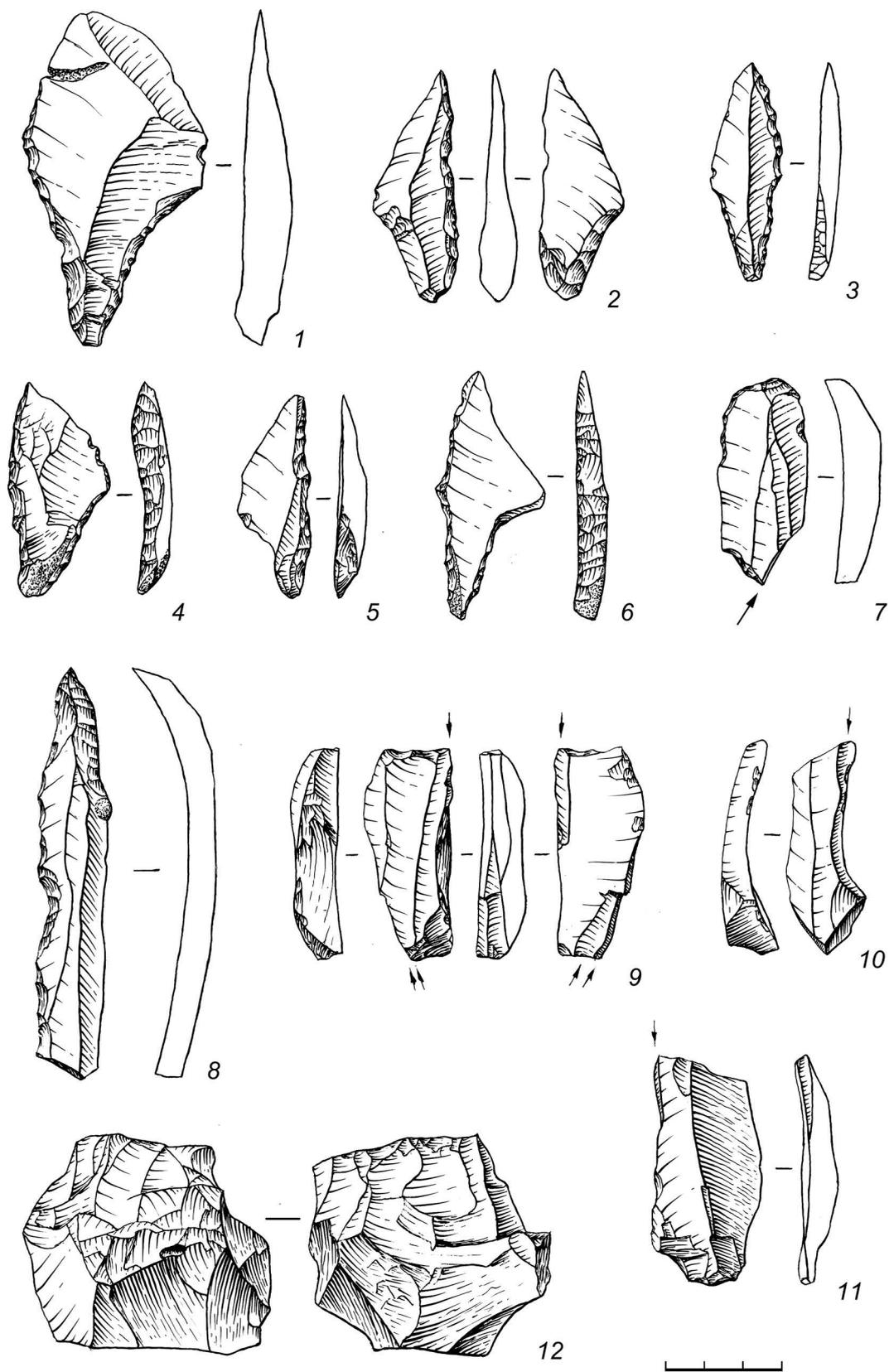

Рис. 21. Стоянка Ростиславль-2. Находки из финальнопалеолитического слоя (рис. А. В. Трусова).
1-6 – наконечники; 7 – скребок-резец; 8 – острие; 9-11 – резцы; 12 – нуклеус

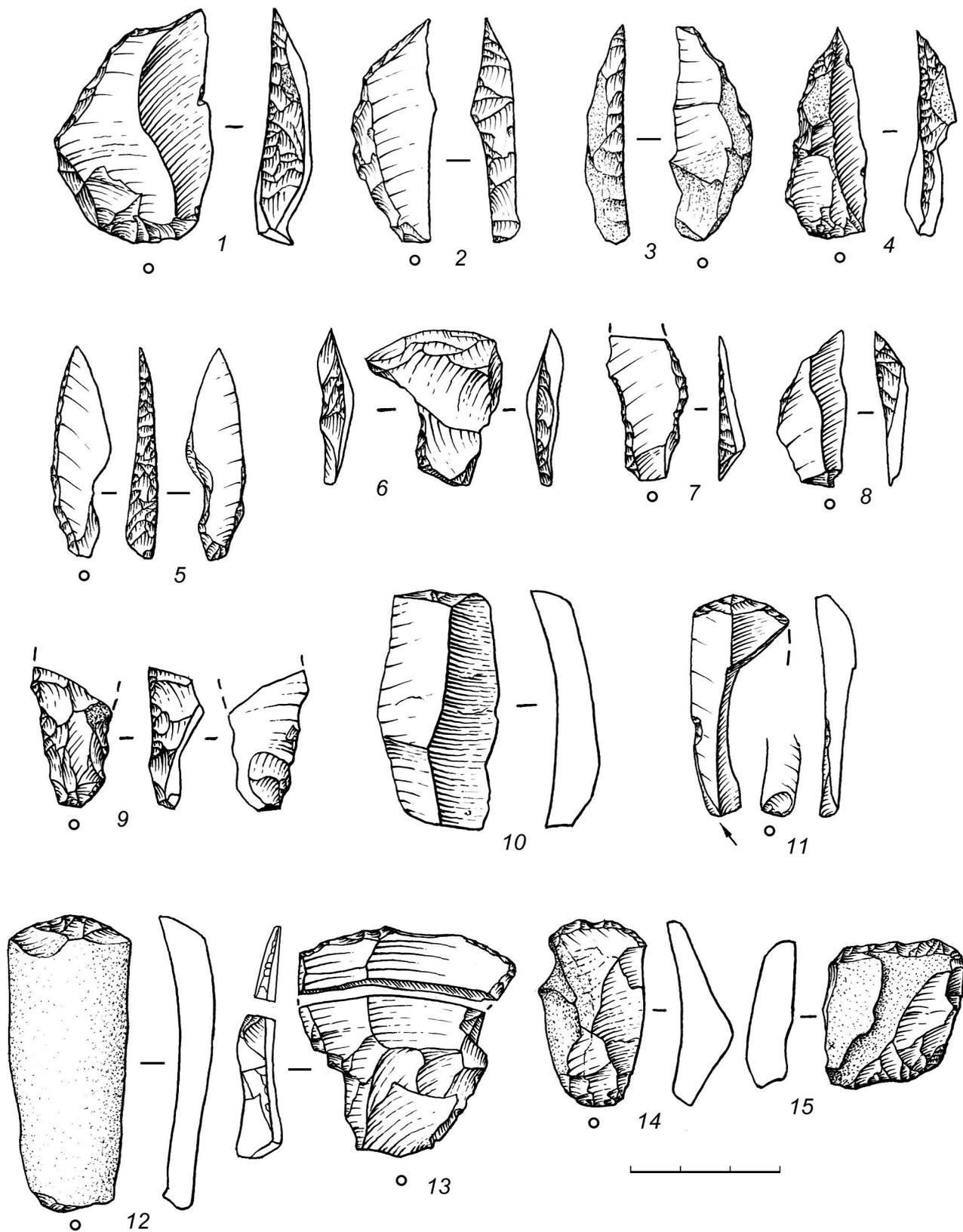

Рис. 22. Стоянка Ростиславль 2. Находки из финальнопалеолитического слоя (рис. А. В. Трусова).
 1–4 – орудия на пластинчатых отщепах/широких пластинах с дугообразно усеченным крутой ретушью краем; 5 – наконечник с боковой выемкой; 6 – поперечно-лезвийный наконечник; 7 – обломок наконечника (?); 8 – пластина со скошенным крутой ретушью концом; 9 – обломок орудия; 10–15 – скребки

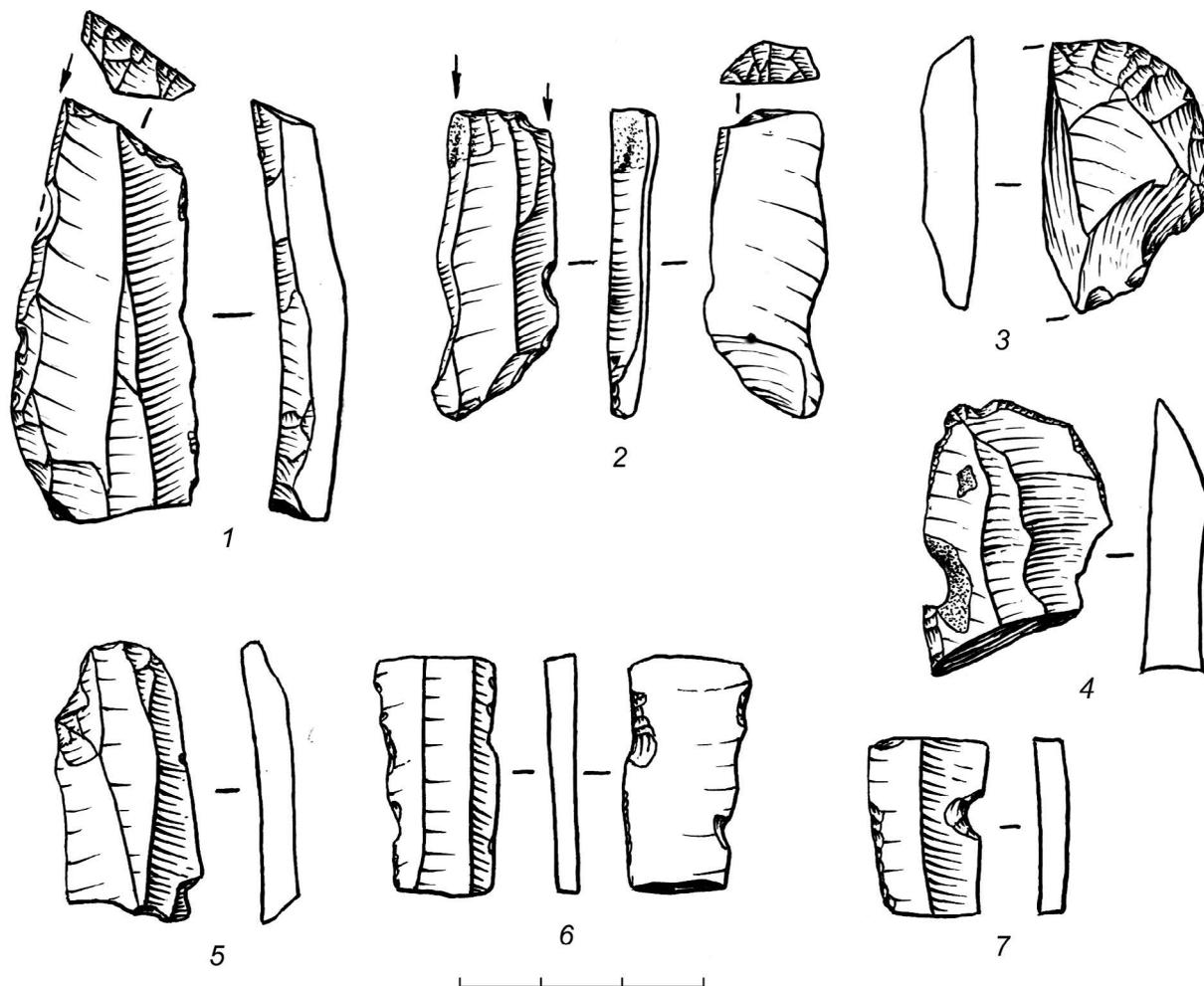

Рис. 23. Кремнёвые находки из раскопок Ростиславльского 3 селища (рис. А. В. Трусова).
1, 2 – резцы; 3, 4 – скребки; 5–7 – пластины с участками ретуши

хозяйственных ям и сбору подъемного материала за пределами раскопа. По материалам коллекции из фонда Музея Москвы, всего было найдено 14 кремневых предметов: 6 из подъемного материала, 7 – при выборе средневековых ям, и самый интересный предмет – косоретушный резец на крупной пластине (рис. 23, 1) при зачистке поверхности материка. Среди находок также следует отметить два скребка. Впрочем, большинство находок относилось к пластинам и пластинкам, часть из которых имела ретушь или ретушированную выемку (рис. 23).

Некоторое количество кремневых изделий (два скребка, нуклеус и отбойник) было собрано на селище в 2012 г. при обследовании разрушений, вызванных земляными работами (по прокладке поливной системы), проведенных агрофирмой «Сосновка». В 2017 г. А. В. Трусов заложил здесь шурф, но из материалов каменного века обнаружил только один отщеп.

Сырье изделий немного отличается, здесь есть как коричневый кремнь, так и светло-серый. Одним из косвенных признаков, который позволил А. В. Трусову предположить верхнепалеолитический возраст находок, была патина, образовавшаяся на поверхности светло-серого кремня. А. В. Трусов предполагал, что в слое селища были обнаружены следы стоянки конца верхнего палеолита, но, чтобы утверждать это более уверенно, полученных данных пока недостаточно.

Бронзовый век на территории городища

В составе обширного кремнёвого инвентаря, собранного в ходе раскопок городища Ростиславль, выделяется специфичный комплекс бифасиальных орудий, нетипичных для предшествующих эпох финального па-

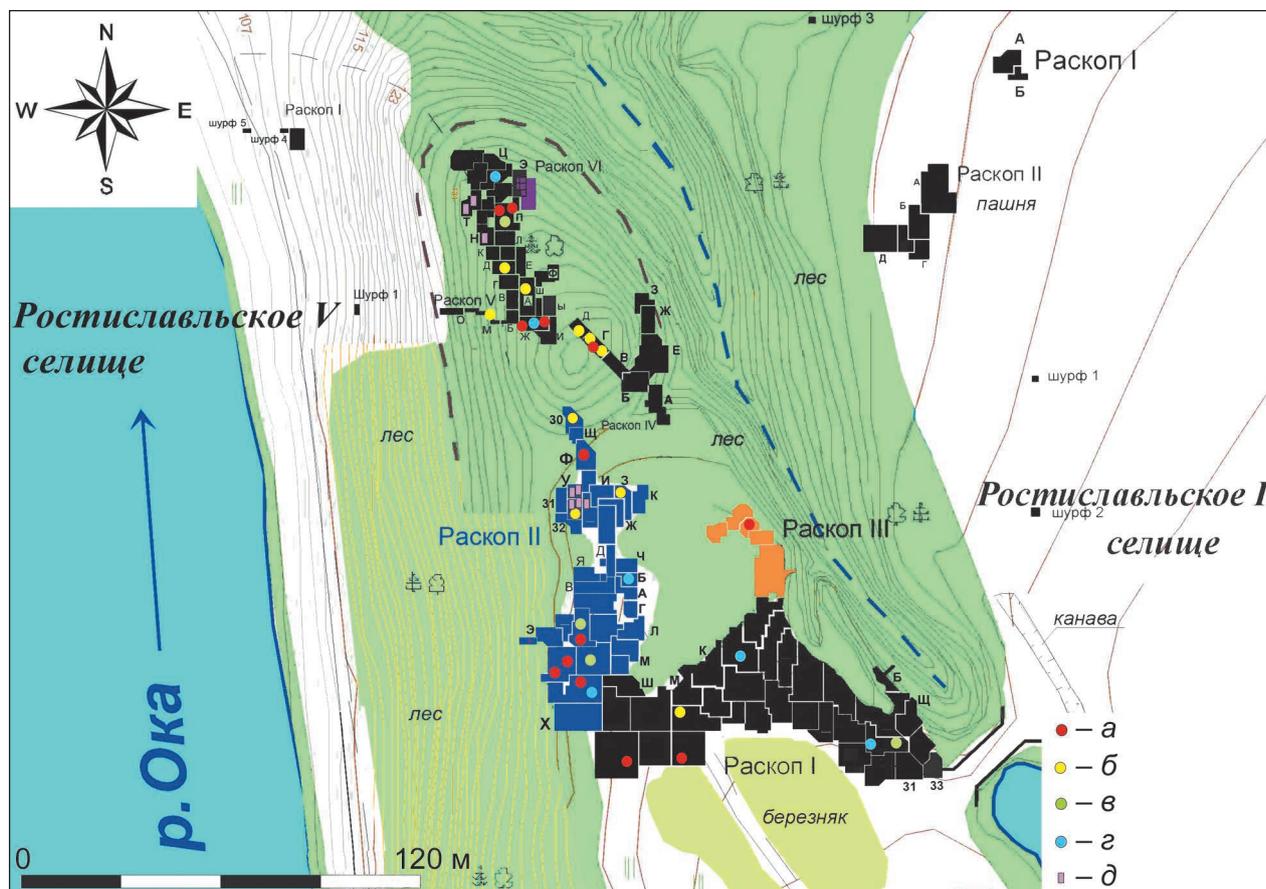

Рис. 24. План распределения находок бронзового века на территории городища Ростиславль и его окрестностей. а – наконечники стрел; б – орудия из кремня и песчаника; в – фигурный кремь; z – топоры и заготовки; д – лепная керамика

леолита и мезолита. В единый культурный контекст с ними входят фрагменты относительно ранней лепной керамики и обломки каменных топоров. Совокупность признаков этого комплекса находок позволила отнести его к эпохе палеометалла, но остаётся актуальной задача уточнения датировки и культурной атрибуции.

Пространственный анализ распределения этих находок на плане памятника позволяет локализовать поселение на западном краю верхней площадки городища (рис. 24). При этом стратиграфические наблюдения показывают, что культурный слой бронзового века был в значительной степени нарушен и переработан в раннем железном веке в ходе строительства городища РЖВ. Вероятно, часть территории поселения была перекрыта насыпями оборонительного вала. Это предположение подтверждается находками: один из кремнёвых артефактов был обнаружен в слое, подстилающем вал городища.

Из самой насыпи вала также происходит серия бифасиальных орудий и небольшое количество керамики бронзового века, очевидно, попавшие туда вместе с грунтом с площадки поселения. Незначительные, хотя и потревоженные, участки слоя сохранились с внешней стороны вала. Они были выявлены при исследовании средневековой церкви и прилегающего кладбища, где были зафиксированы развалы сосудов бронзового века.

Ранее фрагменты керамики, выявленные в ходе исследований, были отнесены В. Ю. Ковалем и В. П. Челяповым к примокшанской культуре и предварительно датированы первой половиной II тыс. до н. э. (Коваль, 2010. С. 123–129). В 2024 году в ходе ознакомления с керамическим материалом эпохи палеометалла сотрудник ГИМ Е. С. Азаров пришёл к выводу о наличии в представленной коллекции признаков, характерных для керамики как Примокшанья, так и Подонья. Характерной чертой значительного числа фрагментов яв-

ляется наличие выгоревших волокон («ворсинок») длиной до 2,5–5 см и диаметром до 0,5 мм, выявляемых на внешней или внутренней поверхности сосудов. Подобные следы интерпретируются как результат добавления шерсти либо аналогичного волокнистого материала в глиняное тесто, либо как следствие специфической техники заглаживания поверхности, при которой ворсинки оставались в структуре глины и выгорали в процессе обжига. Этот признак ранее отмечался для примокшанской и иванобугорской керамики (Археология Мордовского края..., 2008. С. 156).

Также в ростиславльской керамике зафиксированы элементы оформления, типичные как для примокшанской, так и для иванобугорской традиций: венчики с утолщениями типа «воротничок», горизонтальные орнаменты в виде «ёлочки», а также полуовальные ногтевые вдавления. Таким образом, керамический комплекс Ростиславля характеризуется синкретизмом, объединяя элементы, свойственные керамическим традициям Примокшанья и Подонья эпох энеолита и бронзы. Вместе с тем, в данной коллекции отсутствуют орнаментальные элементы, широко распространенные на памятниках Примокшанья и Подонья, в том числе оттиски штампов, формирующие ромбические фигуры, а также треугольные, круглые и ромбовидные вдавления (Королёв, Ставицкий, 2006. С. 170–172). Отсутствие указанных орнаментальных мотивов может свидетельствовать о более позднем этапе существования примокшанской керамической традиции, в рамках которой формировался рассматриваемый керамический комплекс керамический комплекс⁷.

Чтобы ответить на вопрос о культурной принадлежности поселения, следует обратиться к каменному и кремневому инвентарю из раскопок Ростиславля. Особое место в каменном инвентаре занимают кремнёвые фигурки (рис. 25, 5–8). Систематический характер находок исключает их случайное происхождение. Коллекция включает реалистичную фигурку, вероятно, боровой птицы (рис. 25, 8), более схематичную зооморфную фигурку (птицы?) (рис. 25, 6) и предмет

с утраченной нижней частью, возможно изображающий лошадь (рис. 25, 5), а также крестообразную фигурку (антропоморф?) (рис. 25, 7). Кремнёвые фигурки – явление, характерное для волосовской археологической культуры, но при этом находки из Ростиславля уступают классическим волосовским образцам в художественной выразительности, отличаясь меньшими размерами и некоторой аморфностью форм. На этом основании Е. А. Кашина высказала предположение об их принадлежности к «постволосовскому» этапу – культурному явлению, которое наследует волосовскую изобразительную традицию, но не является ей полностью идентичным⁸.

Среди кремнёвых орудий, найденных на городище, удалось выделить изделия бронзового века: тесло (рис. 25, 4), скребок, ножи, среди которых особого внимания заслуживает серия ножей в форме прямоугольного треугольника, имеющих бифасиальную обработку по всем трем краям (рис. 25, 1–3). Хотя аналогии таким ножам известны в энеолитических комплексах, их серийное производство до сих пор не было зафиксировано, и находки, как правило, единичны. Камень с продольным желобком, идентифицируемый обычно как «выпрямитель древков стрел», является хронологически широким типом орудия, встречающимся от мезолита до бронзового века (Усачёва, 2013. С. 22).

Важнейшими культурно-определяющими артефактами являются наконечники стрел и дротиков (рис. 25, 9–14). Несмотря на фрагментарную сохранность части изделий, имеющийся набор позволяет судить об их морфологии и технике изготовления. Наконечник дротика имеет достаточно распространенную на широкой территории ромбическую форму с выделенными шипами и широким черешком (рис. 25, 12). Среди наконечников стрел выделяются две основные группы:

1) ромбические наконечники (3 экз.) (в том числе варианты со слабо выраженным треугольным черешком и небольшими шипами) – данный тип имеет широкое распространение, особенно в волосовских древностях (рис. 25, 9, 11, 13) (Сидоров, 2013. С. 104, 105);

⁷ Благодарим Евгения Азарова за работу с керамическим материалом, и надеемся, что сделанные им выводы будут более подробно представлены в будущей статье, посвященной эпохе палеометалла Ростиславля.

⁸ Выражаем свою благодарность Екатерине Александровне Кашиной (ГИМ) за помощь и консультацию.

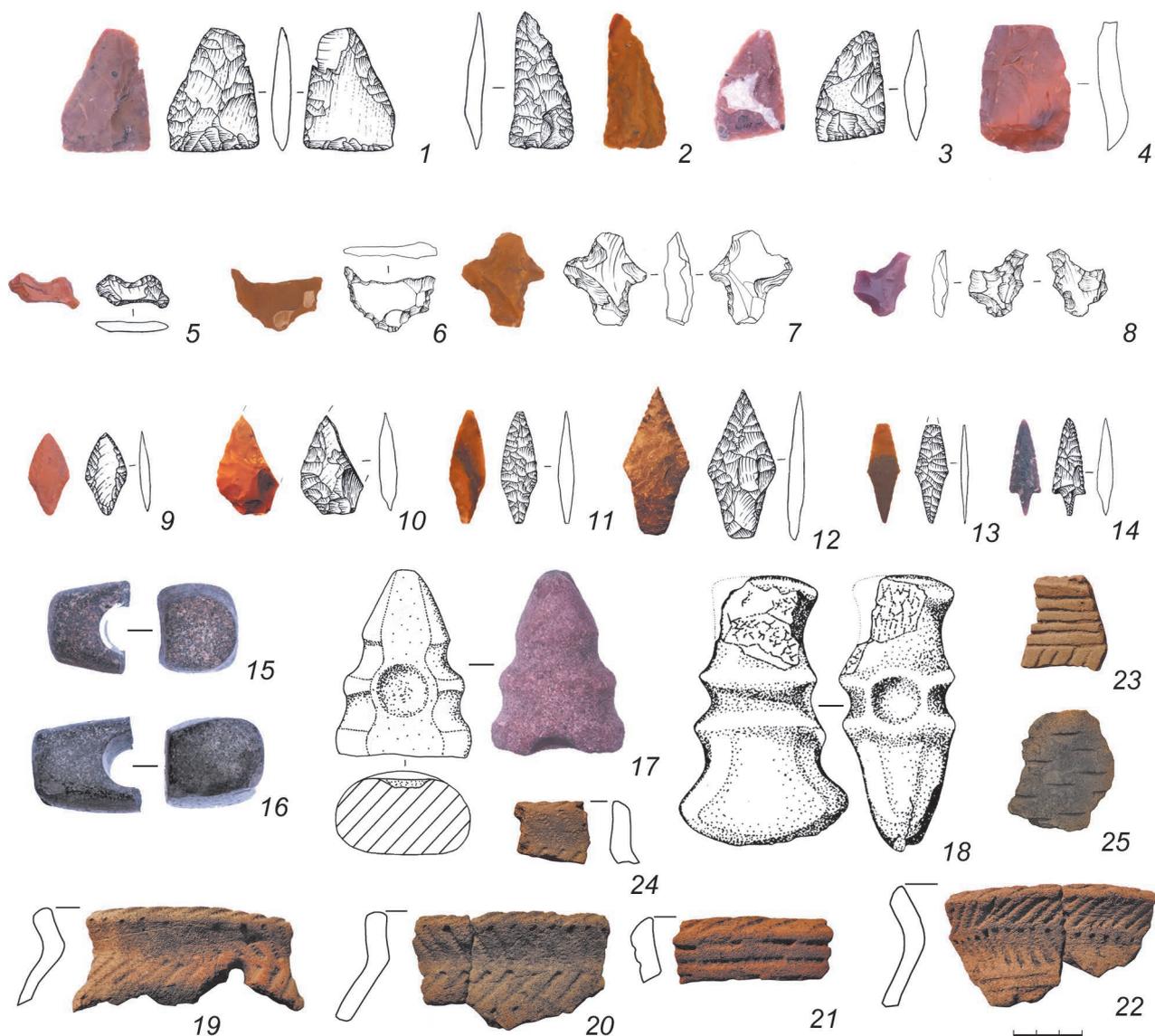

Рис. 25. Находки из камня и кремня бронзового века из раскопок городища Ростиславль (рисунки А. В. Трусова, 6–8 – Ю. В. Кузьминовой; 17, 18 – В. Ю. Ковалья). 1–3 – ножи; 4 – тесло; 5–8 – фигурный кремь; 9–11, 13, 14 – наконечники стрел; 12 – наконечник дротика; 15–18 – топоры и их обломки; 19–25 – фрагменты керамических сосудов

2) наконечники с треугольным пером, прямым основанием и узким заостренным черешком (3 экз.) (рис. 25, 14) – этот тип встречается значительно реже.

Как видно из приведенных выше примеров, и керамика, и кремневый инвентарь указывают на сложный культурный генезис населения Ростиславля в эпоху палеометалла. При этом наиболее ярко культурный синкретизм населения Ростиславля проявляется в морфологии каменных топоров. Особый интерес представляет топор с перехватом, найденный вблизи поселения (*Коваль, 1995. С. 190–192.*

Орудие относится к категории привязных топоров, поскольку не имеет просверленного отверстия (рис. 25, 18). Крепление к рукояти осуществлялось с помощью неглубокой выемки и двух желобов-перехватов. Ключевой особенностью топора является двупяточное лезвие – признак, нехарактерный для лесной зоны, но встречающийся у топоров кабардино-пятигорского типа. Топор сделан из красного кварцита, из него же был сделан ряд массивных орудий, найденных как на Ростиславле, так и в районе ближайшего села Сосновки (рис. 25, 17). Кроме того, среди ма-

териалов городища присутствуют четыре фрагмента сверлёных шлифованных топоров, близких по форме короткообушковым фатьяновским образцам (рис. 25, 15–16), но как они соотносятся с описанным выше поселением, остаётся неясным.

Ввиду отсутствия органических материалов этого времени, пригодных для радиоуглеродного анализа, хронологическое положение памятника определяется на основе типологического анализа артефактов. Сопоставление с материалами и новыми датировками опорных памятников, таких как могильник Шагара I примокшанской культуры (Королёв, 2013. С. 94), а также общий пересмотр периодизации бронзового века лесной зоны позволяют отнести время существования ростиславльского поселения к последней четверти III тыс. до н. э.

Городище Ростиславль – многослойный памятник, что в значительной мере осложняет работу и с его материалами, и культурными напластованиями. Тем ценнее редкие находки материала, зафиксированного *in situ*: тонкий участок слоя с развалом сосуда эпохи па-

леометалла под фундаментом средневековой церкви или скопление дебитаж в слое оподзоленного суглинка. Больше всего повезло стоянке Ростиславль 2: хотя её участок также обжился в средневековье, мощные стерильные отложения укрыли и разделили мезолитический и финальнопалеолитический слои, что сохранило их практически в непо потревоженном виде.

Однако многослойность городища – не единственная проблема при изучении материалов каменного века и эпохи палеометалла. Зачастую территория заселялась в переходные, пограничные периоды (финальный палеолит – мезолит, энеолит – бронзовый век). В результате археологический комплекс Ростиславля представляет собой конгломерат следов различных культур и эпох. Поэтому следует подчеркнуть, что представленные в статье выводы носят предварительный характер и могут быть скорректированы в ходе дальнейших работ на памятнике и по мере накопления и изучения аналогичных материалов с других памятников региона.

4. СТРАТИГРАФИЯ ГОРОДИЩА РОСТИСЛАВЛЬ

Стратиграфия Ростиславля никогда еще не становилась предметом обсуждения и научной публикации по одной простой причине: она не могла быть выстроена в виде ранжированной системы. Дело в том, что сохранность культурного слоя на городище Ростиславль весьма различна на разных его участках. По этой причине практически на каждом раскопе приходилось разрабатывать собственную, отдельную, стратиграфическую шкалу. Соединить все эти локальные шкалы в единую для всего городища оказалось фактически невозможно. Однако это тем более требует системного изложения данной темы, тем более, что раскопки ведутся уже 30 лет и общий стратиграфический очерк стал необходим.

На площади городища Ростиславль выделяются 2 части, каждая из которых разделяется на стратиграфические зоны. Первую часть составляет мысовая площадка с городищем раннего железного века, вторую – примыкающая к ней с юга территория, на которой располагалась основная часть застройки средневекового города Ростиславля. При этом на каждой из двух частей размещались оборонительные сооружения в виде валов и рвов. У этих сооружений имелась своя собственная очень сложная стратиграфия, которая уже опубликована (Коваль, 2011; 2015; Гольева, Коваль, 2024) и никак не может быть сопряжена со стратиграфией остальной площади городища, обладавшей «спокойным» (не вполне горизонтальным, но все же выположенным) рельефом. Поэтому ниже сосредоточимся именно на тех территориях, которые были ограничены линиями оборонительных сооружений.

Первая часть (мысовая площадка)

На этой территории зафиксированы 3 разнородных культурных слоя, которым

присвоена цифровая нумерация с разделением слоев на горизонты, имевшие буквенную кодификацию.

Слой 1 представлял собой довольно однородную массу темно-серого (во влажном состоянии черного) суглинка с включениями обожженной глины, углей, отдельных известняковых камней и культурных остатков (вещей из металла, кости и рога, керамики), а также костей животных. В этом слое выделены 3 горизонта:

Верхний (горизонт А) представлял собой полностью перемешанный перекопами и норами животных грунт, в котором наряду с численно преобладавшим материалом раннего железного века присутствовали артефакты и керамика средневекового периода (XII–XVI вв.), доля которой колебалась от 5 до 20%. Из этого горизонта в нижележащие слои и в материк были впущены разнообразные ямы и котлованы, относившиеся к средневековым постройкам. Горизонт А фиксировался на всей площади мысовой площадки, но мощность его колебалась весьма сильно: на стрелке мыса (северной оконечности площадки) и на ее склонах, т. е. там, где все более ранние отложения были уничтожены (как эрозией, так и нивелировочными работами в древности) толщина слоя земли, принадлежавшего этому горизонту, составляла от 20 до 40 см, включая современный дерн (рис. 26, А, Б). В то же время, далее к югу мощность его возрастала (рис. 27) и у северного склона вала городища РЖВ достигала 110 см. В этом месте внутри горизонта А при раскопках 2006–2007 гг. была сделана попытка разделить столь мощные отложения на 5 субгоризонтов, но насколько удачна была эта попытка, сказать сложно, поскольку проверить результаты этого опыта было невозможно (на других участках раскопа горизонт

Рис. 26. Стратиграфия мысовой площадки (городища РЖВ. Раскоп V).
А. Южный профиль уч. «Щ» (2023 г.). Б. Южный профиль уч. «Э» (2024 г.).
В. Восточный профиль уч. «Э» (2024 г.)

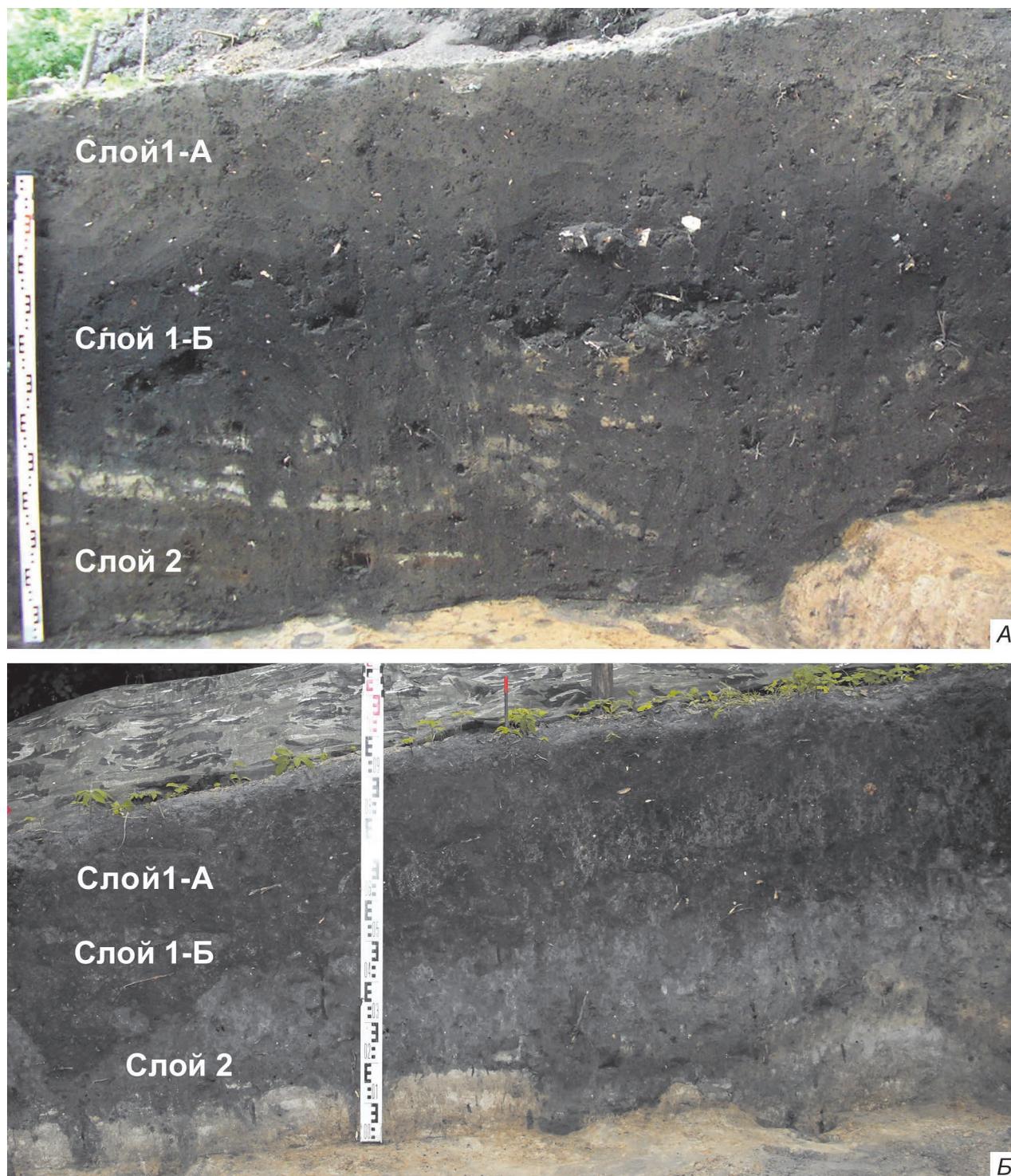

Рис. 27. Стратиграфия мысовой площадки (городища РЖВ. Раскоп V).
А. Южный профиль уч. «Ж» (2005 г.). Б. Восточный профиль уч. «Б1» (2024 г.)

А не имел внутренней структуры и был однороден). Само залегание прослоек, отнесенных к различным субгоризонтам слоя 1-А на склоне вала указывает на то, что скорее всего это были порции переотложенного грунта, снятого где-то поблизости

на площадке городища при нивелировании поверхности или откапывании в нем различных углублений. Разумеется, соотношение разных материалов в этих массивах грунта было неоднородным. Поэтому субгоризонты 2–5 надо рассматривать в качестве таких

случайно сформированных комплексов, которые не столько проясняют стратиграфию памятника, сколько вносят в нее путаницу.

На северной оконечности мыса горизонт А залегал на материке (желто-коричневом суглинке), но уже в центральной части площадки он перекрывал собой маломощные остатки эродированного в древности слоя 2 (рис. 26, Б), а далее к югу под ним появлялся уже и горизонт Б слоя 1 (рис. 27). Кроме того, горизонт А перекрывал склоны и вершину вала городища РЖВ. На склонах площадки мощность этого горизонта колебалась очень сильно: на северном и восточном склонах он был маломощным (те же 20–30 см) и залегал поверх сползших по склону грунтов более ранних слоев 2 и 3 (рис. 26, В). На западном склоне ситуация была иной: в верхней части этого склона, у края относительно ровной площадки городища горизонт А лежал на эродированной поверхности материка, но ниже по склону, где фиксировалась «ступенька» (предположительно, остатки окольцовывавшего мыс рва) его мощность возрастала до 1,4 м (рис. 28, А). Здесь к горизонту А принадлежали переотложенные и смытые с площадки городища гумусированные грунты, переработанные почвенными процессами (см. ниже раздел 5). За пределами углубленных сооружений в этом горизонте не встречено никаких остатков построек или иных структур (печей, подсыпок, площадок, деревянных конструкций и т.п.). Грунт горизонта А был полностью перемешан перекопами или эрозионными процессами (на склонах).

Горизонт А сформировался в ходе существования городища Ростиславль (вторая половина XII–XVI вв.) и при последующих посещениях этого места кладоискателями в XIX–XX вв., оставивших многочисленные перекопы. По своему составу этот горизонт представляет собой преимущественно грунт нижележащего горизонта Б, переработанный в эпоху средневековья жителями города Ростиславля, а затем кладоискателями Нового и Новейшего времени. Этот горизонт сильно пострадал из-за эрозионных смывов с площадки на ее склоны, благодаря чему на оконечности мыса он оказался почти полностью уничтожен вместе со всеми более древними слоями, которые тут, несомненно, когда-то составляли немалую мощность. В справедли-

вости этого вывода убедили исследования углубленной части очень крупной постройки первой половины XIV в., открытой на стрелке мыса. Значительная часть этого погребка была уничтожена эрозией, срезавшей один из углов сооружения и почти половину его грунтового заполнения. При этом в заполнении погребка более половины материала составляли керамика и вещи РЖВ, которые попали в него при засыпке котлована после того, как строение было разрушено и образовавшуюся яму требовалось ликвидировать. Видимо, для этой цели использовали как средневековый, так и более древний культурный слой, некогда лежавший рядом с постройкой (Коваль, 2022а).

Нижняя часть слоя 1 (горизонт Б) отличался от верхнего тем, что в большинстве случаев его грунт содержал включения темно-коричневого суглинка и по этой причине выглядел чуть темнее, чем грунт горизонта А (рис. 27, А, Б; 28, Б, В; 29, Б). При этом граница между горизонтами А и Б прослеживалась не везде, а там, где ее возможно было отследить при удачном освещении, она была диффузной. Тем не менее, различия между горизонтами А и Б были весьма заметны по археологическому материалу: в горизонте Б средневековые артефакты (включая керамику) встречались единично. Важной отличительной особенностью горизонта Б было присутствие в нем большого числа сильно ошлакованной (с растресканной поверхностью или даже доведенной до пемзообразного состояния) лепной лощеной керамики и гладкостенной посуды из формовочных масс с примесью шамота. Ошлакованная керамика отложилась тут после «большого пожара», датируемого по комплексу разных материалов V в. н. э. – катастрофического события военного характера, приведшего к прекращению жизни на городище по меньшей мере на 500 лет (Тавлицева, 2010). Отсутствие стерильной прослойки (следов сформировавшейся на культурном слое почвы), отмечающей этот перерыв в обживании площадки будущего Ростиславля можно объяснить только тем, что она была бесследно уничтожена в ходе возникновения средневекового города и интенсивного освоения его населением мысовой площадки.

Прослойки, соотносимые с горизонтом Б слоя 1 фиксировались лишь в центральной

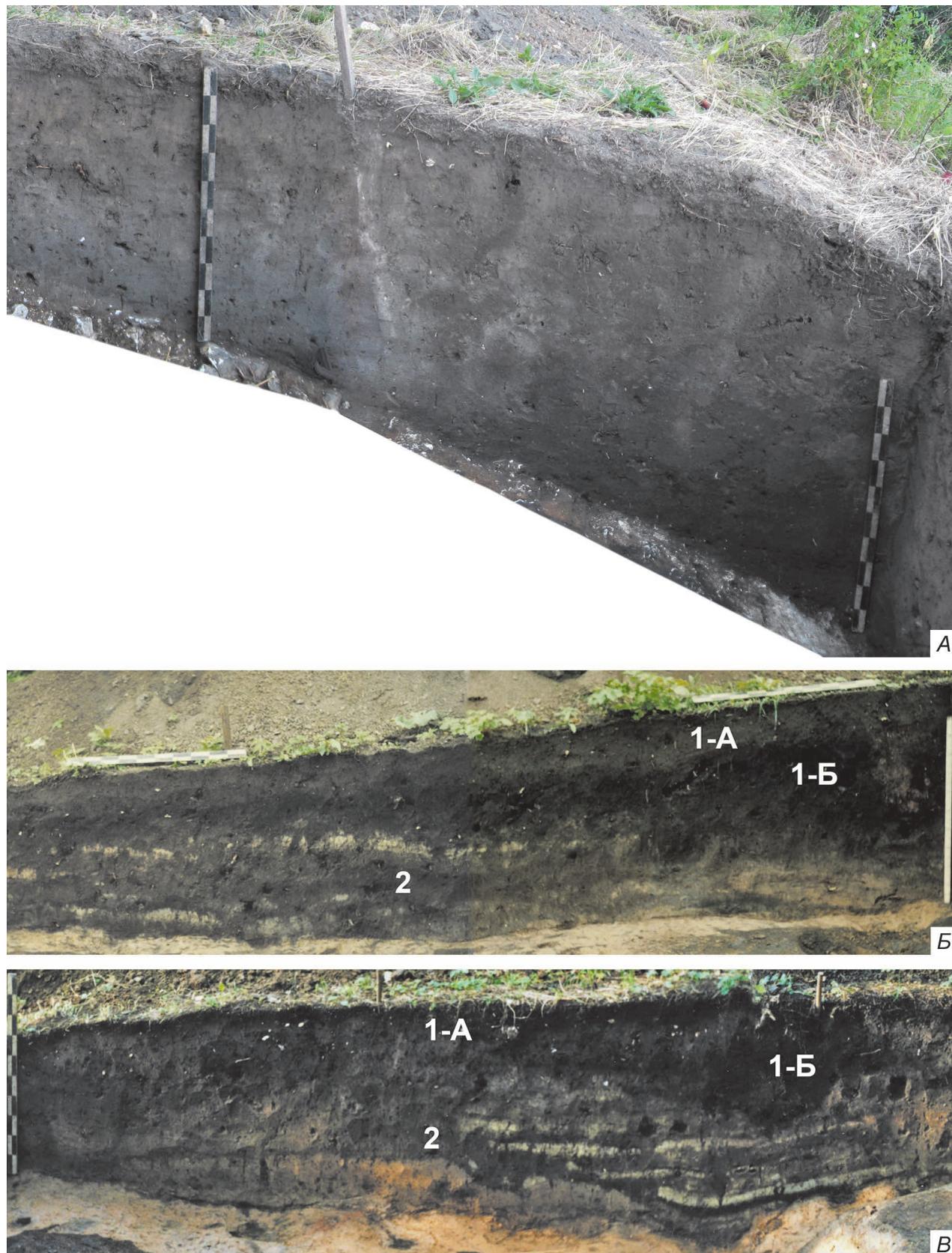

Рис. 28. Стратиграфия мысовой площадки (городища РЖВ. Раскоп V).
А. Южный профиль уч. «О» (2011 г.). Б. Северный профиль уч. «В» (2000 г.).
Б'. Северный профиль уч. «Г» (2001 г.)

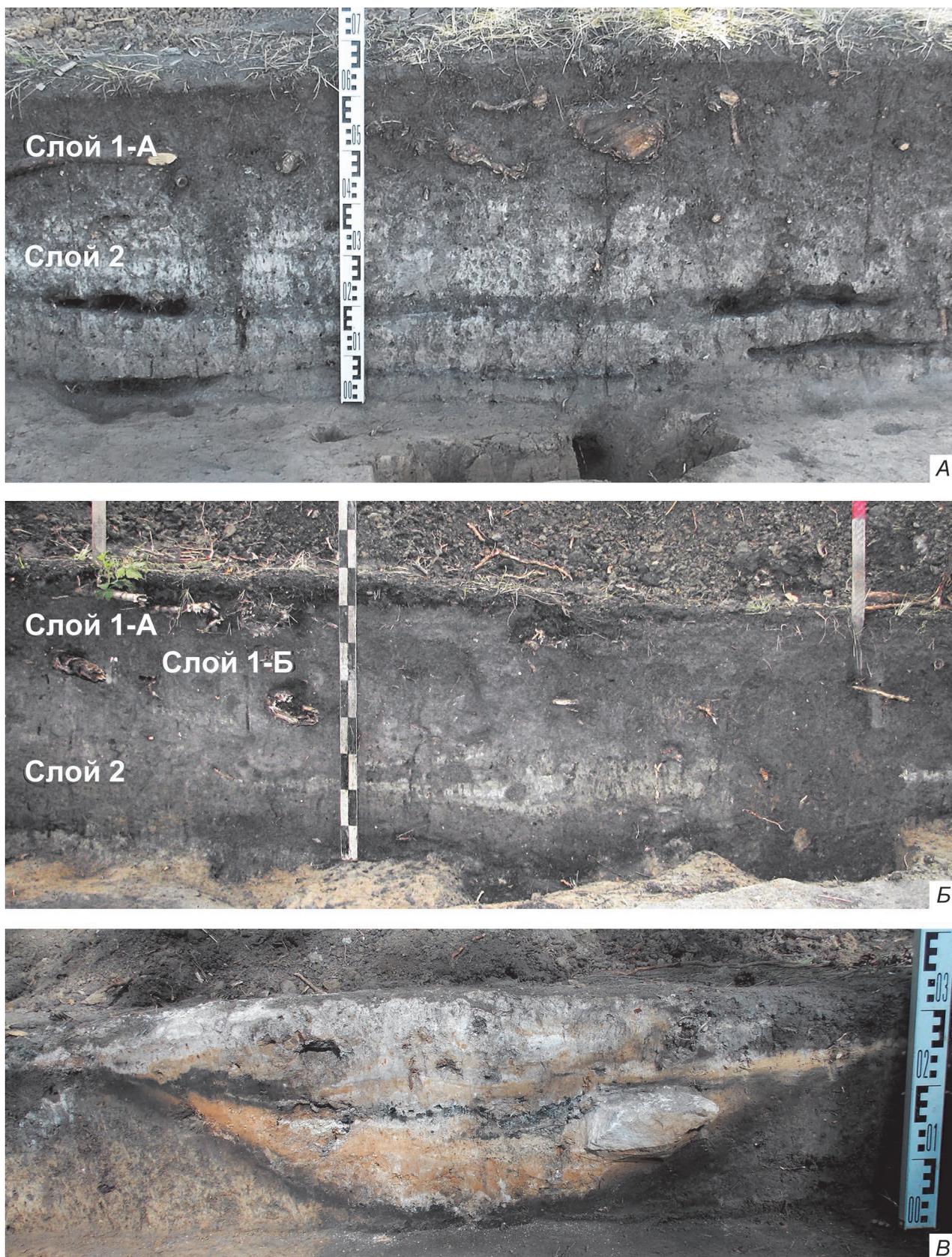

Рис. 29. Стратиграфия мысовой площадки (городища РЖВ. Раскоп V).
А. Восточный профиль уч. «Т» (2015 г.). Б. Западный профиль уч. «П» (2012 г.).
В. Разрез современного кюветчика (восточный профиль уч. «У» 2016 г.)

и южной частях мысовой площадки, причем мощность этого горизонта возрастала с севера на юг (к валу городища РЖВ) с 10 до 60 см. На склонах площадки горизонт Б отсутствовал полностью, а внутри самого этого горизонта какое-либо разделение на прослойки не фиксировалось. Выраженные остатки построек в этом горизонте не выявлены, хотя они, несомненно, в прошлом располагались на городище, о чем свидетельствуют выявленные зерновые скопления, характерные для зернохранилищ (Лебедева, 2009. С. 247). Горизонту Б принадлежало значительное количество разнообразных ям – как столбовых, так и более крупных по размерам.

Горизонт Б сформировался на позднем этапе жизни городища РЖВ (в III–V вв. н. э.). В том виде, в каком он обнаруживается сегодня – это последние остатки некогда мощного культурного слоя, переработанного в последующие эпохи.

На отдельных участках работ в слое 1 дополнительно выделялся горизонт В. Стратиграфически он не выделялся из слоя 1 (тот же темно-серый суглинок), однако резко отличался от горизонтов А и Б составом археологического материала. От первого его отличало отсутствие средневековой керамики, от второго – отсутствие лепной лощеной посуды и керамики из формовочных масс с примесью шамота. Зато именно в прослойках и единственной пока яме этого горизонта отмечено повышенное количество рогожной керамики, не характерной для памятника в целом. Другим отличием горизонта В было доминирование в нем «поздней профилированной текстильной керамики», изготавливавшейся из масс с примесями дресвы.

Этот горизонт мог сформироваться в первые века новой эры, в период серьезных сдвигов в жизни городища РЖВ (отказа от увеличения размеров вала и, вероятно, сокращения интенсивности жизни на поселении), поэтому он столь слабо выражен в стратиграфии основной площадки городища, но гораздо лучше прослежен в валу этого памятника (Коваль, 2011).

Под слоем 1 на большей части территории городища РЖВ (за исключением северной оконечности мыса) залегал слой 2. От слоя 1 он отличался более светлой окраской и выра-

женной слоистостью. И то и другое обеспечивалось большим количеством прослоек светлого суглинка (оттенков от белесого до серого и зеленоватого), которые представляли собой подсыпки полов в жилых постройках, длительное время (не менее 300 лет) существовавших на площадке городища во второй половине I тыс. до н.э. (Тавлицева и др., 2020; Тавлицева и др., 2021). Фактически слой 2 целиком состоял из заполнения этих построек (рис. 26, Б; 27; 28, Б, В; 29, А, Б) и лишь в некоторых местах он фиксировался за их пределами либо оказался смещен на край площадки городища естественными процессами (рис. 26, А). Таким образом, мощность слоя 2 целиком определялась степенью сохранности древних жилищ, несколько углубленных в материк: она колебалась от 10 см в местах максимального повреждения построек до 60 см в местах лучшей сохранности. Переход от слоя 1 к слою 2 был хотя и более заметным благодаря разнице в цвете грунтов, но все же сама граница между слоями была диффузной как из-за перекопов, так и благодаря активности землеройных животных, норы которых пронизывали оба слоя насквозь. Несмотря на неизбежный перемес материала надо заметить, что в целом комплекс слоя 2 был в высокой степени гомогенным: здесь встречены лишь единичные артефакты средневековой эпохи и финала РЖВ (лощенная и синхронная ей керамика слоя 1-Б), но присутствовали развалы керамических сосудов, синхронных периоду формирования слоя. Таким образом, слой 2 хотя и не был закрытым комплексом, тем не менее он сохранил достаточно чистый от явно посторонних примесей комплекс вещей и керамики раннедьяковской эпохи.

В ходе работы предпринимались попытки выделить верхнюю часть слоя 2 в отдельный кластер (горизонт А), однако эти попытки не были особенно удачными. Так, отмечалось сходство керамических комплексов слоев 2-А и 1-В, что заставляет допускать если не их синхронность (или идентичность?), то хронологическую и культурную близость. Однако малочисленность полученных корпусов материала из таких «маргинальных» горизонтов и их разрозненность на площадке городища не позволяют пока с уверенностью оперировать подобными стратиграфическими локациями.

Внутри самого слоя 2 стратиграфическое членение при этом вполне возможно, но оно связывается только с разновременными постройками, когда одна из них перекрывает другую. Таковыми были постройки «А» и «Б» (кодификация Е. Ю. Тавлинцевой), представлявшие собой 2 «длинных дома», вытянутых вдоль западного края площадки городища практически на одном и том же месте, из которых одна («Б») перекрывала другую («А») и, соответственно, была очевидно позже. Кроме того, в 2007 и 2022–2025 гг. к востоку от этих двух «домов» были выявлены еще 2 постройки, ориентированные перпендикулярно домам «А» и «Б», и параллельно валу городища, которые также относились к слою 2, но занимали более позднее стратиграфическое положение по отношению к постройке «Б».

Слой 2 может быть датирован в интервале от середины I тыс. до н.э. и до рубежа I в. до н.э. – I в. н.э., но поскольку количество радиоуглеродных дат из перечисленных выше построек пока невелико, предлагаемый временной интервал надо рассматривать как не лишенный условности.

Самую нижнюю стратиграфическую позицию на мысовой площадке занимал *слой 3*, который фиксировался очень локально – всего в 2 местах на юго-западном и северном склонах площадки, залегая под слоем 2 (рис. 26, А). К слою 3 относились прослойки темно-серого и серого суглинков толщиной 10–20 см, содержавших наиболее ранний керамический материал – обломки горшков с штрихованной поверхностью и гладкостенных с отпечатками зубчатого штампа, а также сетчатой керамики с тычковым орнаментом и с отпечатками толстых веревок (жгутов). По этим признакам слой 3 можно относить к первой половине I тыс. до н.э., не сужая эту дату (пока не получены надежные основания для такого сужения).

Основанием для культурного слоя эпох РЖВ и Средневековья был либо почвенный горизонт (серый и светло-серый суглинки), который фиксировался преимущественно вдоль западного и восточного склонов площадки, либо коренная порода (материк) – плотный желто-коричневый суглинок, а на склонах площадки – известняковая скала. Хотя почвенный горизонт содержал разрозненный кремневый материал эпохи

финального палеолита и мезолита, он рассматривался как верхний горизонт археологического материка по отношению к слоям РЖВ и Средневековья.

Вторая часть (основная площадка)

Основная территория городища размещается к югу от вала городища РЖВ и засыпанного средневекового рва перед ним, простираясь до вала (руин древо-земляной стены города XIII–XV вв.) и рва, отсекающих детинец Ростиславля от окружающей равнины. Вал и ров длиной 150 м тянутся от склона коренного берега р. Оки до оврага, формирующего треугольную площадку городища. На этой площади (около 2,3 га) также фиксировалось 3 разновременных слоя, но эти слои были иными, нежели на мысовой площадке. Кроме того, тут выделяется 3 существенно различающихся стратиграфических зоны:

1) уплощенные центральная и южная части площадки;

2) северная часть площадки, занятая средневековым кладбищем и имеющая заметный уклон к северу (в сторону городища РЖВ);

3) западный и восточный склоны площадки.

Первая зона является максимальной по занимаемой площади и наиболее простой по своей стратиграфии. Здесь везде (за несколькими исключениями, оговоренными ниже) фиксировался только один слой – полностью деструктурированный, переотложенный распашкой (рис. 30, А) и бесчисленными перекопами кладоискателей средневековый культурный слой. По принятой (с первых лет раскопок) на данном памятнике нумерации слоев от поздних к ранним, этот слой получил номер 1. Слой 1 состоял из темно-серого суглинка с включениями мелких кусочков обожженной глины (печины), отдельных камней и археологического материала (керамики, костей животных, вещей из металла и других материалов). Мощность этого слоя колебалась от 10 см на наиболее поврежденных современной распашкой участках до 30–40 см в лучше сохранившихся местах (рис. 30, Б, В, Д).

Повсеместно слой 1 залегал на материке – желто-коричневом суглинке, однако в нескольких местах (преимущественно ближе к краям площадки) коренная порода была перекрыта сохранившимися остатками

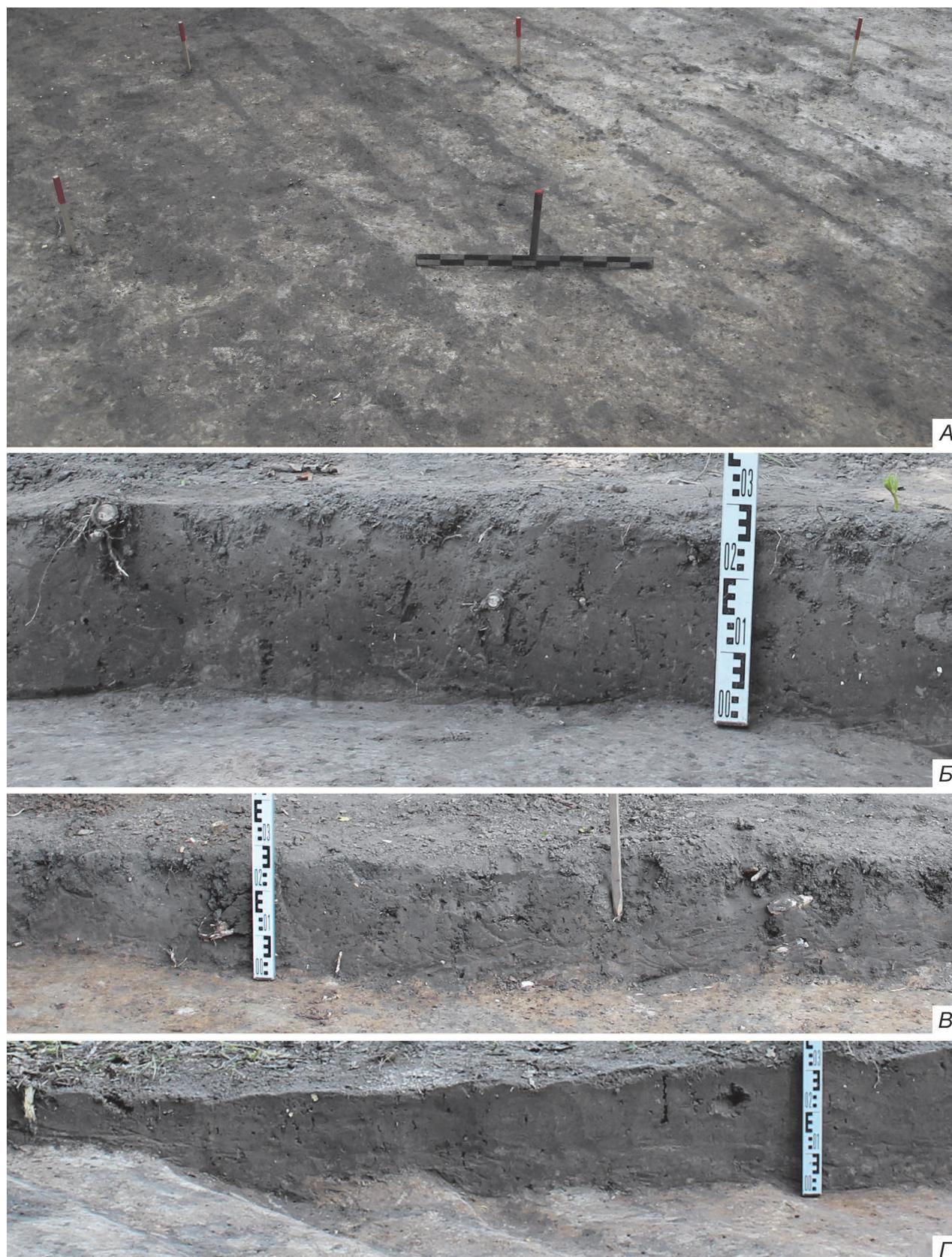

Рис. 30. Стратиграфия основной площадки средневекового городища. Раскопы I (А-В) и VIII (Г).
А. Следы современной плужной распашки на уч. «Х» (2010 г.). Б. Юго-восточный профиль уч. 30 (2021 г.).
В. Южный профиль уч. 31 (2022 г.). Г. Восточный профиль уч. «Д» (2016 г.)

древней почвы (светло-серым суглинком) толщиной от 2–3 до 10–15 см. Однако в одном месте (участок «Б1» раскопа I в северо-восточной части площадки) по счастливой случайности под слоем 1 сохранился участок площадью около 20 кв. м, где остался лежать почти не потревоженный древний пахотный горизонт, содержащий керамический материал XII в., т. е. времени появления тут города. Благодаря сотрудничеству с почвоведом А. А. Гольевой удалось изучить этот фрагмент и выявить под средневековой пашней еще более древнюю, которую можно датировать по находкам лепной керамики РЖВ временем функционирования мысового городища (рис. 31). Каким образом в этом месте сохранился фрагмент древней пашни, не уничтоженной не только современной плужной распашкой, но и пашней XVIII–XIX вв., остается загадкой. Возможно, на этом месте размещалось какое-то строение или заросли кустов, не позволившие проводить тут глубокую обработку земли. Однако никаких следов, указывающих на причину консервации тут древнего горизонта, обнаружить не удалось.

Вторая зона весьма специфична – это территория кладбища, возникшего вокруг деревянной церкви, выстроенной в середине XII в. (видимо, непосредственно в момент основания города в 1153 г.) и сам участок размещения церкви. Последний отличался тем, что для установки срубов церковного здания на поверхность залегавшего здесь очень тонкого культурного слоя РЖВ была уложена нивелирующая платформа из материкового суглинка толщиной 20–40 см, законсервировавшая все нижележащие отложения. Стратиграфическая ситуация на этом участке и описания слоев уже публиковались (Русаков и др., 2014. С. 183. Рис. 5, 6) и здесь представляются в кратком изложении.

Над церковной платформой и по всей территории кладбища, начиная от современной дневной поверхности, залегал слой 1 – нестратифицированный темно-серый суглинок, ничем не отличавшийся от слоя 1 на основной площадке городища (рис. 32, А-В), однако это не был пахотный слой, поскольку на кладбище распашка никогда не велась. Как показали почвоведческие исследования (Гольева, Коваль, 2025. С. 81), этот грунт представлял собой естественные наносы, происходившие

с близлежащей (к югу от кладбища) пашни, а также результат перекопов, связанных с наиболее поздними захоронениями кладбища, датировка которых возможна в пределах XVI–XVII вв. Слой 1 был также поврежден кладоискательскими разрытиями и включал измельченные обломки человеческих костей (из разрушенных погребений кладбища). Из слоя 1 выходили наиболее поздние могилы кладбища, заполненные тем же темно-серым грунтом. Толщина слоя 1 колебалась от 20 см до 60 см в заполнениях некоторых могил.

Под слоем 1 на площади кладбища залегал слой 2 – могильный перекоп, представлявшая собой смесь желтого материкового суглинка с гумусированными включениями (материалом слоя 3 – см. ниже) (рис. 32, Б, В). Грунт такого состава составлял заполнение подавляющего большинства могил и пространства между ними. К этому слою относилась и суглинистая платформа-подсыпка (толщиной 20–30 см) под основание несохранившегося церковного здания, поврежденная более поздними могилами. Мощность слоя 2 составляет от 30 до 100 см (на склоне площадки к рву перед валом РЖВ, а также в заполнениях глубоких могил). Его датировка укладывается в XIII–XVI вв. (согласно датам погребений).

Под суглинистой платформой, как уже отмечено, лежали остатки культурного слоя поселения позднего этапа РЖВ (видимо, I–V вв. н. э.), примыкавшего с юга к мысовому городищу. Этот слой был частично переработан на рубеже X–XI вв., когда здесь появилось и недолгое время существовало небольшое раннеславянское поселение (остались углубленные в материк ямы). Но и слой РЖВ при этом полностью переработал культурные отложения еще более раннего времени (эпохи поздней бронзы), оставившие после себя некоторое количество керамики и характерных кремневых изделий (см. выше раздел 3). Таким образом, под суглинистой платформой лежал сильно перемешанный слой, включавший материалы от эпохи бронзы до РЖВ (рис. 33, А, Б) – слой 3. Но если под церковной платформой слой 3 сохранился сравнительно неплохо (хотя он тоже был поврежден могилами, возникшими в XIV–XVII вв., когда церковь перестраивалась, меняла

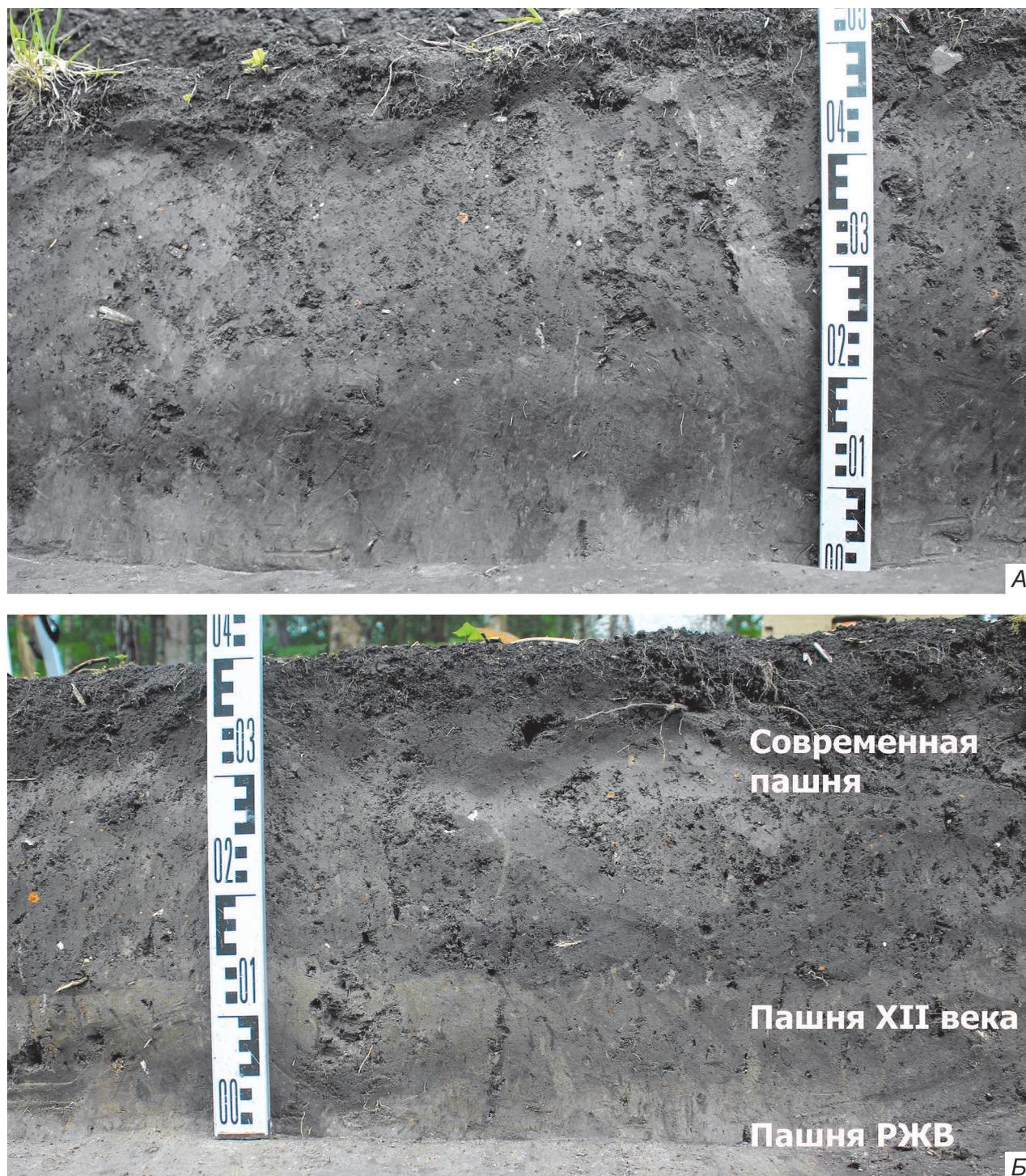

Рис. 31. Стратиграфия основной площадки средневекового городища (Раскоп I).
А. Восточный профиль уч. «Б1» 2016 г. (кв. 537). Б. Южный профиль уч. «Б1» 2016 г. (кв. 535)

ориентацию, а захоронения возникали уже и внутри храма), то на остальной территории кладбища он почти не сохранился, будучи полностью переотложен могильными перекопами. Поэтому керамика и вещи этого раннего периода встречены и в слое 2.

Третья зона охватывала края и верхнюю часть западного и восточного склонов площадки городища. Ситуация тут различалась весьма существенно. *Западный край* площадки имел пологий уклон в сторону р. Оки (на запад), который усиливался

Рис. 32. Стратиграфия ростиславльского кладбища (Раскоп II). А. Восточный профиль уч. «Ч» (2015 г.).
Б. Северо-восточный профиль уч. «Ф» (2017 г.). В. Восточный профиль уч. «Щ» (2018 г.)

по мере приближения к склону. Здесь залегал только слой 1, аналогичный по составу такому же слою на основной площади городища, но мощность его возрастала с востока на запад от 20 до 80–100 см (рис. 33, В). Однако затем, после выхода на сам склон, мощность этого слоя быстро сокращалась до 20 см (рис. 34, А). Такое увеличение мощности слоя на краю площадки можно рассматривать как «напашь» – нанос постоянно распаханного в XVIII–XIX вв. грунта под действием силы тяжести вниз по пологому склону. На самом склоне, подвергаемом оползневым и эрозийным процессам гумусированный слой уже не сохранялся. Правда, на этом склоне выявлены искусственные (или естественные, оползневые?) выемки, содержавшие слоистые намывные отложения (рис. 34, Б). Искусственное происхождение таких выемок (в результате эскарпирования склонов) представляется более вероятным вариантом. Так называемые эскарпы на склонах городищ часто упоминаются в научной литературе, но остаются практически не исследованными объектами, поскольку работы на крутых склонах крайне трудоемки. Поэтому сравнить результаты исследований на склонах городища Ростиславль пока не с чем.

Восточный край площадки городища имел несколько иную стратиграфию. Здесь были выявлены 3 слоя, из которых только верхний слой (слой 1) имел близкое сходство с аналогичным контекстом, прослеженным на основной площади городища (см. выше). Слой 1 тут также состоял из темно-серого суглинка с мелкими включениями угля и пачины мощностью от 60 до 90 см (рис. 34, В; 35, А; 36, А), но он не относился ни к напаше, ни к современной пашне. Здесь, полосой шириной до 6 м, сохранился культурный слой XVI в. с соответствующей керамикой и набором вещей, который на всей остальной территории городища был полностью уничтожен распашкой XVIII–XX вв. Нельзя исключать того, что в XVIII–XIX вв. верхняя часть этого слоя подвергалась неглубокой крестьянской сошной распашке, однако явных следов такого вмешательства не сохранилось. Зато этот слой оказался объектом интереса кладоискателей и именно ему был нанесен ими наибольший ущерб: на отдельных

участках грабительские ямы занимали до 50% площади, на которой залегал этот слой.

Одной из главных причин образования столь мощных накоплений самого позднего слоя города было размещение почти вдоль всего восточного края площадки городища небольшой, но очень плотной насыпи из красноватого материкового суглинка (рис. 35, Б; 36, А), ставшая преградой для сноса в овраг любых грунтов с площадки городища. Насыпь была создана приблизительно в середине XIV в., а источником для ее строительства была коренная порода, добытая на западном склоне городищенского мыса, т.е. относительно недалеко (100–150 м по горизонтали). Насыпь высотой не более 40–50 см не могла иметь прямого фортификационного назначения, однако она могла понадобиться как опора для установки оборонительной стены из пустотелых деревянных клеток (Коваль, 2014а. С. 137). В результате появления этой насыпи с ее внутренней стороны во второй половине XIV – начале XV в. накопился небольшой по мощности, но стратиграфически четко различимый, слой коричневого суглинка, который был кодифицирован как слой 2 (рис. 35, А; 36, А). Слой 2 тут был не столько наносом с площадки города, сколько материалом от разрушения деревянной стены и примыкавших к ней со стороны города жилых и хозяйственных построек. Толщина слоя 2 составляла 20–40 см.

Под слоем 2 и суглинистой насыпью на восточном краю площадки городища сохранился более ранний слой 3 – серый суглинок толщиной 10–20 см, под которым на поверхности материка (древней почвы – светло-серого суглинка) удалось выявить слабо сохранившиеся полосы распашки, выполненной сохой (рис. 36, Б). Материал из слоя 3 был скуден и содержал лишь немногочисленные обломки керамики домонгольского времени, что позволило датировать распашку временем до строительства города, т.е. первой половиной – серединой XII в., поскольку уже во второй половине XII в. значительная часть площади города была застроена и распашка тут стала невозможной. Слой 3 на восточном краю площадки городища, таким образом, синхронен с остатками слоя пашни, открытыми в первой зоне (рис. 31, Б).

Рис. 33. Стратиграфия ростиславльского кладбища (А, Б – раскоп II: северный и восточный профили уч. «Е» 2002 г.) и западного края площадки городища (Б – раскоп II: южный профиль уч. «С» 2012 г.)

Как видим, получилось так, что для разных частей и даже отдельных зон Ростиславля пришлось разработать локальные стратиграфические шкалы с одинаковой нумерацией. Разумеется, это создает некоторые

проблемы, поскольку «слой 2» на площадке городища РЖВ – это не совсем то, что слой с таким же номером, но на территории некрополя, и совсем не то же самое, что «слой 2» на восточном краю площадки средневекового

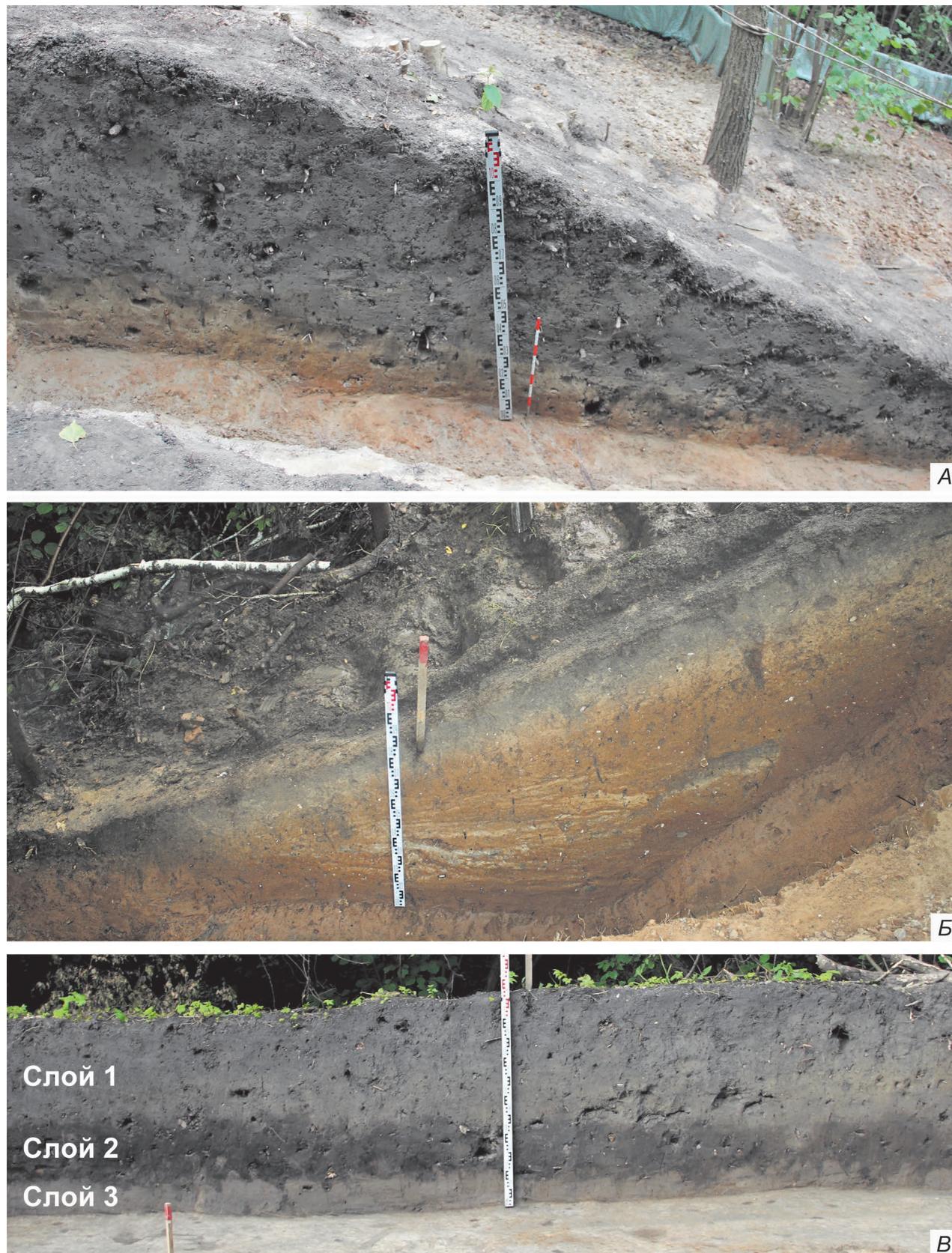

Рис. 34. Стратиграфия краев площадки городища: западного (А, Б) и восточного (В).
А. Южный профиль уч. «Е» раскопа IX (2021 г.). Б. Северный профиль уч. «Г» раскопа IX (2016 г.).
В. Северо-восточный профиль уч. 32 раскопа I (2022 г.)

Рис. 35. Стратиграфия восточного края площадки городища. А. Северо-восточный профиль уч. «В» раскопа III (2021 г.). Б. Разрез насыпи на краю площадки, вид с СЗ (раскоп I, уч. «Щ», 2013 г.)

Рис. 36. Стратиграфия восточного края площадки городища. А. Разрез насыпи на краю площадки в обрыве оврага. Вид с юга. Б. Следы распашки на материке под слоем 3, вид с СЗ (раскоп I, уч. 32, 2022 г.)

города. Сегодня уже очевидно, что стратиграфические особенности на пространстве городища не слишком вариабельны и, строго говоря, перенумеровать все стратиграфические локусы, расположив их последовательно

по хронологическим ступеням, вполне возможно. Но и локальные шкалы вполне пригодны для работы, может быть, они даже более удобны, поскольку оставляют простор для корректировки в случае внезапного обнаружения

каких-то новых горизонтов, ранее не встречавшихся при раскопках. Поэтому вопрос с составлением сквозной нумерацией всех «слоев» Ростиславля остается пока задачей на будущее.

В заключение хотелось бы обратить внимание на один стратиграфический казус, который может оказаться полезен при будущих стратиграфических штудиях как в Ростиславле, так и на других памятниках. Речь идет о довольно редком случае, когда в борт раскопа попало место кострища, функционировавшего на протяжении нескольких десятилетий. Само это место размещалось на оконечности мысовой площадки городища, с которого открывается прекрасный вид на р. Оку и окрестности. Место это было облюбовано туристами, рыбаками, любителями пожечь костер «на природе», вероятно, еще с середины XX в. Это кострище наблюдалось с 1990 г. и использовалось участниками экспедиции не менее 25 лет с теми же целями. Но в 2016 г. по месту кострища прошел профиль раско-

па, в котором и был зафиксирован его разрез (рис. 29, В). В нем видно не только многослойное заполнение небольшого углубления в современной поверхности, но и огромное количество золы, оставшейся на этом месте, а главное – виден прокаленный до полного выгорания органики грунт толщиной до 15 см. Ниже этого прокала четко прослеживается прослой черно-бурого цвета толщиной от 2 до 5 см – это культурный слой, где органическая составляющая почернела (обуглилась), но не выгорела. Разумеется, данный случай нельзя рассматривать как некий эталон для прямых сравнений, однако это не часто фиксируемый пример фактически спонтанного эксперимента, который может оказаться полезен для сравнений с другими подобными ситуациями.

Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН по теме «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

5. ПОЧВЫ И КУЛЬТУРНЫЕ СЛОИ РОСТИСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО ОТ ПАЛЕОЛИТА ДО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Введение

Современные археологические исследования все шире дополняются данными, полученными с помощью естественно-научных методов. Это позволяет определять природную среду периода функционирования поселения, ряд особенностей быта, масштаб и направленность воздействия человека на окружающие его ландшафты.

В результате поселенческой активности люди кардинально и в ряде случаев необратимо меняют окружающие ландшафты: вырубая леса, распахивают окрестные земли, заменяют естественную растительность на интродуцентную. Наиболее интенсивные преобразования происходят непосредственно на участке самого поселения. В процессе обживания и обновления ветхих жилищ идет формирование специфических толщ – культурных слоев (*Сычева и др.*, 2008. С. 651–675). Состав этих слоев неоднороден, зависит от характера домостроительства – деревянное, саманное, каменное. В то же время, в них есть много общих черт – щелочная реакция строительных растворов, высокая концентрация валового фосфора, органического углерода, карбонатов, аморфного кремнезема. Фосфор, поступающий с бытовым и хозяйственным мусором в почву поселения, образует сложные органо-минеральные соединения с органикой и золой, которые обладают чрезвычайно высокой устойчивостью (*Гольева*, 2009б. С. 260–261). Помимо фосфора, культурные слои поселений зачастую обогащены известняком, гипсом и иными минеральными остатками, поскольку люди специально приносят их для создания стен, перекрытий, полов и т. п. (*Гольева*, 2004. С. 24–34; *Гольева и др.*, 2010. С. 60–65). В поселенческих горизонтах (культурных слоях) формирование специфического

облика напрямую зависит от типа и интенсивности хозяйственного использования территории. Наиболее устойчивые и морфологически значимые элементы для последующего анализа естественными методами формируются при воздействиях, связанных с производственной деятельностью человека, в местах интенсивного бытования, а, например, улицы, хозяйственные дворы и т. п. формируют маломощный горизонт, где информационная емкость невелика (*Гольева*, 2006а. С. 137–149).

После ухода людей с обжитого участка постройки разрушаются, зарастают травами, начинается процесс почвообразования в толще созданного ранее культурного слоя, формируются новые почвы, палеоурбаноземы (*Гольева, Заковская*, 2008. С. 617–638).

Валы городищ, будучи сложными инженерными сооружениями, сохраняют огромный информационный объем о ландшафтах времени создания укрепления, возможных антропогенных преобразованиях природы, а также, собственно, и о самих особенностях строительства вала – какой материал использовался для насыпи (или заполнения городней, если речь идет о руинированных стенах городов), были ли между этапами длительные перерывы, использовались или нет какие-либо инженерные приемы, закрепляющие грунт, и многое другое. В целом, исследование этих искусственных монументальных объектов на естественных или антропогенно преобразованных почвах, ведется по двум направлениям: изучение непосредственно грунтов вала, их специфики, и анализ погребенной под валом почвы.

Ростиславль Рязанский расположен на правом коренном берегу р. Оки. Почвообразующая порода – покровные крупнопылеватые суглинки. Среднегодовая температура +3°, количество осадков 550–600 мм в год. Современная растительность – смешанный

лес (сосна, береза, дуб, липа, клен) в первом ярусе; орешник, бересклет, рябина, черемуха – в подросте. Травянистое покрытие преимущественно в виде сныти и разнотравья. Мохового яруса нет.

Культурные слои и почвы разной степени преобразованности и сохранности изучаются в Ростиславле Рязанском более 20 лет. Накопился большой разноплановый материал (Гольева, 2004. С. 24–34; 2009в. С. 72–89; 2011. С. 58–72; 2012. С. 70–79; Гольева, Турова, 2015. С. 155–164; Гольева и др., 2018. С. 32–44; Тавлицева и др., 2020. С. 76–93; Гольева, Коваль, 2024. С. 417–442; 2025. С. 74–85). Ввиду того, что все результаты работ опубликованы и настоящее исследование носит обобщающий характер, здесь не приведено детальное описание каждого изученного образца. Это бы не только существенно увеличило объем текста, но и отвлекло бы внимание от более важных итоговых выводов.

Цель работы: реконструкция этапов глобальной трансформации ландшафтов Ростиславля, начиная с позднего палеолита, и решение более частных проблем, связанных с функционированием поселений различных временных интервалов.

Исследование разделено на блоки, расположенные в хронологической последовательности: фоновые почвы; поздний палеолит, ранний железный век, средневековье. Внутри каждого блока есть разделы, посвященные исследованию отдельных археологических объектов: культурных слоев жилищ, валов, погребенных почв, заполнения ям.

Объекты

За годы работы на городище были исследованы почвы, культурные слои и отдельные прослои хронологически разновозрастных и генетически разноплановых объектов. Кроме того, для проведения сравнительных анализов, то есть определения, насколько получаемые данные по объектам соответствуют или не соответствуют требованиям для зональных почв, рассмотрены две современные фоновые почвы, расположенные на разных участках раскопов.

Генетическое разнообразие объектов исследования включало в себя – культурные слои, погребенные естественные и агрогенные почвы, грунты валов, заполнения ям (рис. 37).

Методика

Комплексный подход подразумевает использование нескольких естественно-научных методов, что позволяет существенно расширить получаемый информационный объем при одновременном повышении достоверности данных. В наших исследованиях использовались следующие методы: макро-морфологический (детальное описание стратиграфических колонок в процессе раскопок), серия химических и физико-химических анализов, а также микробиоморфный анализ.

Для всех разрезов во все годы использовались одни и те же стандартные подходы и методы, начиная с полевых работ, в ходе которых проводились морфологическое описание почв и культурных слоев, намечался объем планируемых анализов и проводился отбор образцов. Физико-химические свойства (содержание валового фосфора; органического и, если необходимо, минерального углерода; рН водной вытяжки; гранулометрический состав) определялись по общепринятым методикам (Аринушкина, 1970. С. 10–480; Воробьева, 2006. С. 7–380).

Использование различных методов естественных наук при проведении археологических работ давно стало нормой. Среди этих методов одно из важных мест занимает определение количества фосфора в культурных слоях (Гольева, 2008. С. 78–82; 2009а. С. 56–59; Гольева, Мальшев, 2003. С. 124–129). Подобное внимание именно к этому химическому элементу обусловлено его достаточно жесткой привязкой к объемам органического вещества, находящегося в культурном слое. Если почвы обогащаются органическими соединениями за счет опада, разложения корневой и микробной биомасс, то культурные слои поселений дополнительно получают органические соединения за счет продуктов обитания и жизнедеятельности людей и животных: отходы, навоз, разнообразные перекрытия и подстилки и пр. В результате культурные слои содержат значительно больше фосфора, чем естественные почвы.

Еще одним существенным отличием между почвами и культурными слоями является характер распределения фосфора в вертикальных колонках. Для почв наблюдаются максимальные количества в самом верхнем

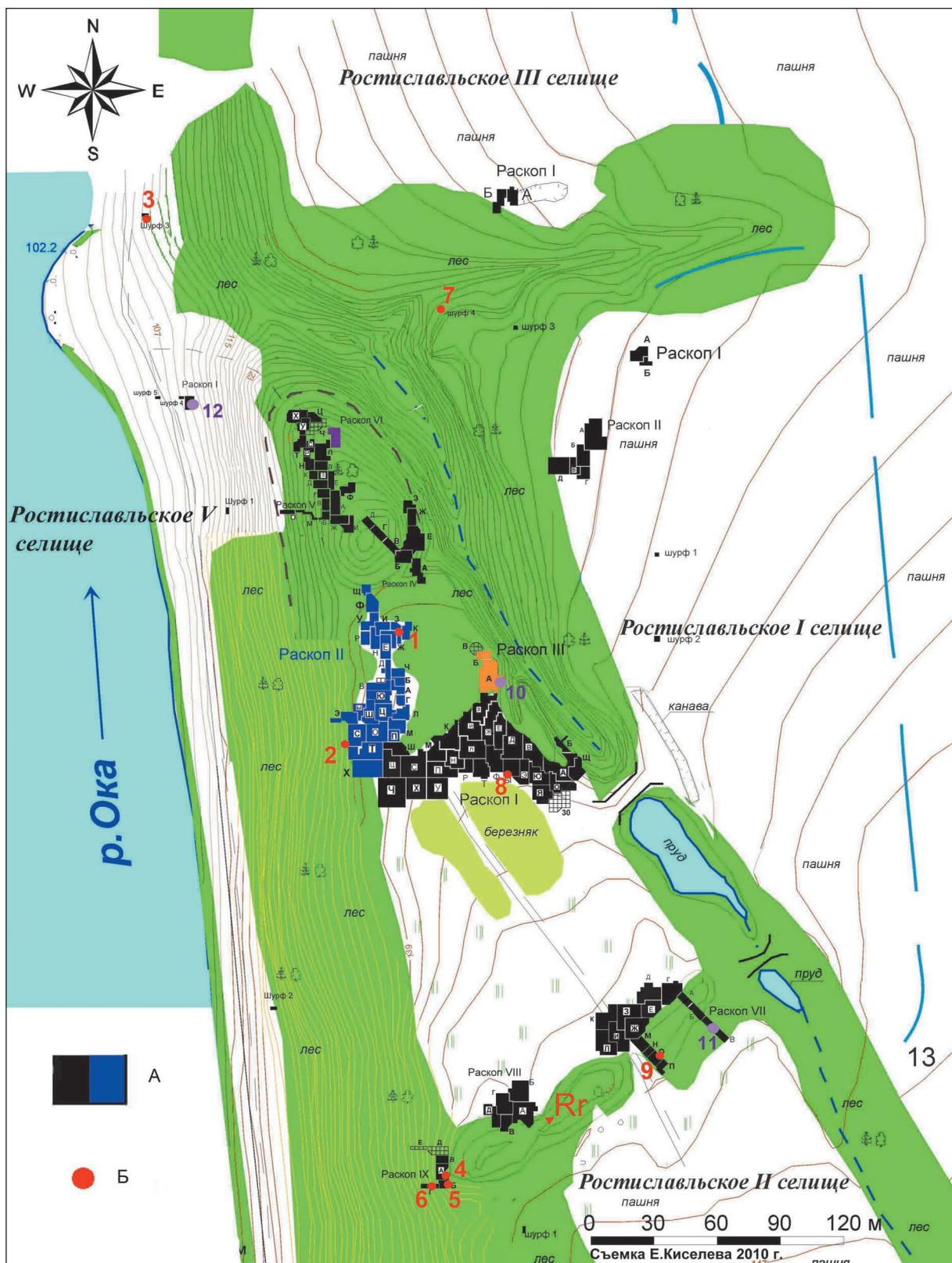

Рис. 37. Схема городища Ростиславль и окрестностей с обозначением раскопов (а) и мест отбора проб (б).
 1. Раскоп 2 (2004 г.). 2. Раскоп II (2010 г.). 3. Шурф 3 (2014, 2016 гг.) и раскоп 2 (2018 г.) на селище Ростиславльское V.
 4. Раскоп IX (2013 г.). 5. Раскоп IX (2014 г.). 6. Раскоп IX (2015 г.). 7. Шурф 4 (2016 г.). 8. Раскоп I (2016 г.).
 9. Раскоп VII (2019 г.). 10. Обнажение на обрыве оврага (2001). 11. Раскоп VII (2006 г.). 12. Ростиславльское V селище, раскоп I (2011 г.). 13. Яма 580. 14. Яма 498. 15. Яма 536. 16. Яма 462. 17. Ров мысового укрепления

слое (гумусовом горизонте) с постепенным убыванием с глубиной и последующими ровными низкими величинами в нижних минеральных горизонтах почвы – аккумулятивный тренд. Культурные слои имеют абсолютно иной рисунок распределения фосфора с глубиной. Важно, что для культурных слоев нет единого образа, как должна выглядеть кривая по фосфору, поскольку каждый археологический объект уникален. Наблюдается прямая корреляция между максимумом по содержанию фосфора и наибольшей интенсивностью обживания территории, то есть максимальные значения по фосфору могут быть на какой угодно глубине. И подобных пиков может быть несколько, если памятник многослойный.

Именно эта совокупность признаков (количество и тип распределения по профилю) сделала фосфор одним из самых надежных диагностических признаков культурного слоя среди остальных естественнонаучных подходов.

По мере необходимости для большинства образцов делался микробиоморфный анализ. При проведении анализа основное внимание уделялось фитолитам, поскольку при работе с почвами они являются наиболее информативными (Гольева и др., 1994. С. 34–40). Подсчет фитолитов проводился в едином объеме, соответствующем примерно 0,8 куб. мм. Поскольку изначально берутся равные по весу образцы, полученные итоговые значения позволяют проводить сравнительный количественный анализ. Для более точной морфологической характеристики отдельные образцы рассматривали при помощи электронного сканирующего микроскопа Jeol 6610LV (Япония) в Центре коллективного использования “Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии” ИГ РАН. Морфотипы фитолитов выделялись согласно принятой международной номенклатуре (International Code..., 2019. С. 189–199).

Поскольку в придонном слое ямы 580 были обнаружены крупные фрагменты древесного угля, был проведен антракологический анализ – определена порода сгоревшей древесины.

I. Фоновые почвы

За годы работы рассмотрено два фоновых разреза – в 2001 и 2016 гг. Фоновые почвы, то есть почвы, не несущие признаков антропо-

генной трансформации нужны для проведения сравнительных анализов и корректной интерпретации получаемых результатов.

Фоновый разрез 1

Разрез в эрозионном обнажении (обрыве новообразовавшегося оврага в северо-восточной части площадки детинца, на краю площадки городища) был изучен в 2001 г. (рис. 36, А; 37, пункт 10).

В стенке оврага описаны культурные слои и погребенная дерново-подзолистая почва. Растительный напочвенный покров – вторичный осиново-березовый лес с доминированием кустарников – лещины, малины. В травянистом ярусе преобладает крапива, борщевик, осот, то есть типичные рудеральные растения, связанные с местообитанием человека.

1. АУгз 0–16 см. Горизонт серый, рыхлый, комковатый, обилие корней. Нижняя граница размытая. Постепенный переход по цвету.

2. КС (А) 16–44 см. Серовато-бурый, рыхлый, но плотнее предыдущего, комковатый. Постепенный переход вниз к более бурой окраске. В слое встречаются обломки керамики XIII–XIV веков.

3. ВС 44–72 см. Бурый, крупно комковатый, плотный, глинистый. Много кротовин из вышележащего горизонта. Нижняя граница резкая, ровная, определяется по цвету. Горизонт является насыпью XIII–XIV веков.

4. [А] 72–93 см. Светло-серый, плотный, пылевато-комковатый, Нижняя граница плавная по цвету. В горизонте встречаются артефакты в виде керамики XII–XIII веков. Максимальная их приуроченность в верхних 10 см горизонта.

5. [Е]. 93–118 см. Белесый, бесструктурный, уплотненный горизонт.

6. [ЕВ]. 118–130 см. Белесовато-бурый, плотный горизонт.

7. [В]. 130–150 см. Бурый, однородный, плотный горизонт.

8. С 150–250 см. Однородный, светло-бурый горизонт.

В археологическом контексте горизонты 1 и 2 рассматривались в качестве переотложенного слоя, горизонт 4 – в качестве контактной зоны культурного слоя и материка, горизонты 5–8 – в качестве материка.

Таким образом, разрез представлен двумя почвами – современной (почва на культур-

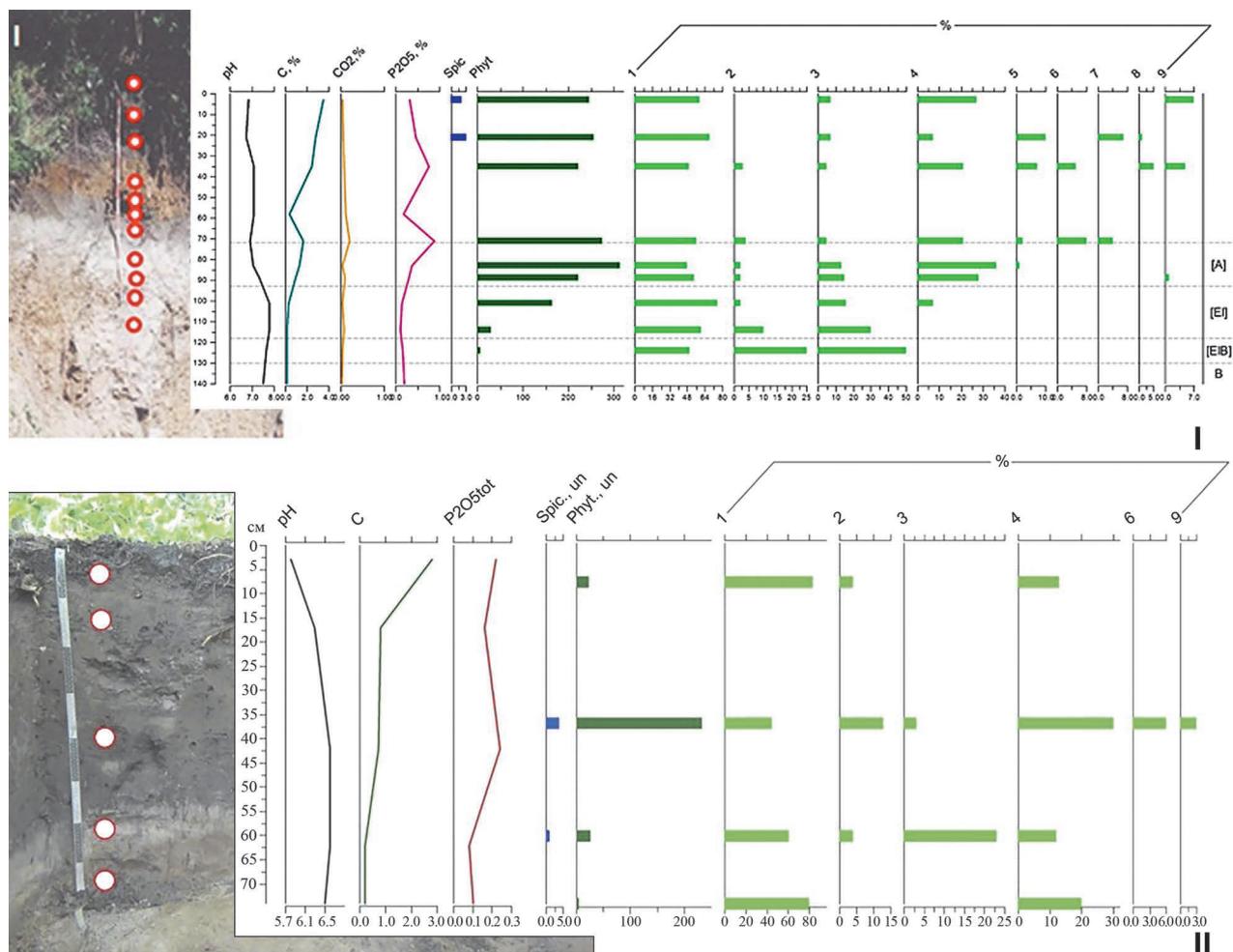

Рис. 38. Фоновые разрезы (I – Фоновая почва 1 (2001 г.); II – Фоновая почва 2 (2016 г.)). Пунктирными линиями отмечены горизонты погребенной почвы. Кружочками отмечены места отбора проб по стенке раскопов. Ключ к подписям столбцов: Spic – спикулы губок; Phyt – фитолиты. Содержание микробиоморф (спикул губок, панцирей диатомовых водорослей, фитолитов дано в единицах, распределение фитолитных групп в%. Фитолитные комплексы: 1 – разнотравье (морфотип ELO_ENT), 2 – хвойные (BLO_RES; BLO_VEL), 3 – лесные злаки (ACU_BUL_1); 4 – луговые злаки (ACU_BUL_2; BIL; ELO_SIN; POL); 5 – степные злаки (сухих лугов) (RON_CON; RON_TRZ); 6 – культурные злаки (ELO_DEN); 7 – сорная флора (ACU_BUL_XL); 8 – тростник/камыш (BUL_FLA); 9 – не диагностируемые обломки; 10 – неизвестные формы

ном слое) и погребенной. Погребенная почва рассматривается в качестве фонового разреза (фоновая почва 1).

Мощность погребенного гумусового горизонта составляет более 20 см. Это не типично для гумусовых горизонтов данной природной зоны. Учитывая, что в верхней части профиля присутствует керамика XII–XIII веков, то верхний горизонт – это культурный слой, сформированный на поверхности исходной почвы.

По содержанию и распределению органического углерода (рис. 38, I) обе почвы разделяются очень четко – выделяются два пика повышенного количества элемента – на поверхности и с глубины 72–77 см – уровня по-

гребенной поверхности. В пределах каждой из почв количество углерода убывает сверху вниз, что типично для почв. Почвы имеют нейтральную кислотность по всему профилю, даже слабощелочную на глубине 93–118 см.

Почвы практически не содержат карбонатов, что нормально для данной местности. Небольшое увеличение фиксируется в двух соседних горизонтах: насыпном и самом верхе погребенной почвы. В обоих случаях это связано с деятельностью человека, поскольку культурные слои всегда обогащены карбонатами по сравнению с фоновыми почвами за счет привноса человеком материала, обогащенного карбонатами.

Анализ по определению содержания валового фосфора позволяет с высокой долей вероятности отделять естественно-развитые горизонты почв и искусственно созданные слои. В обычных условиях содержание валового фосфора невелико даже в верхнем органическом горизонте (не более 0,2–0,22%) и убывает с глубиной. Для современной почвы выявлена инверсия по валовому фосфору, то есть нижний слой богаче фосфором, чем вышележащие. Это одно из значимых доказательств того, что слой создан искусственно. Дернина современной почвы отражает естественный процесс биогенного накопления элемента растениями и не связана с культурным слоем под ней. Насыпь (горизонт 3) содержит фосфора в пределах фона, следовательно, данный материал был использован без дополнительного обогащения фосфоро-содержащей органикой. В погребенной почве нет инверсии по валовому фосфору – наблюдается равномерное уменьшение количества элемента с глубиной. Но самый верхний слой погребенной почвы (глубина 72–77 см) содержит максимальное количество фосфора из всех образцов профиля. Это однозначно характеризует слой как интенсивно преобразованный человеком. Ниже валового фосфора существенно меньше и нижняя часть гумусового горизонта (глубина 85–93 см) содержит его в пределах нормы, позволяя предположить, что слой наименее изменен человеком.

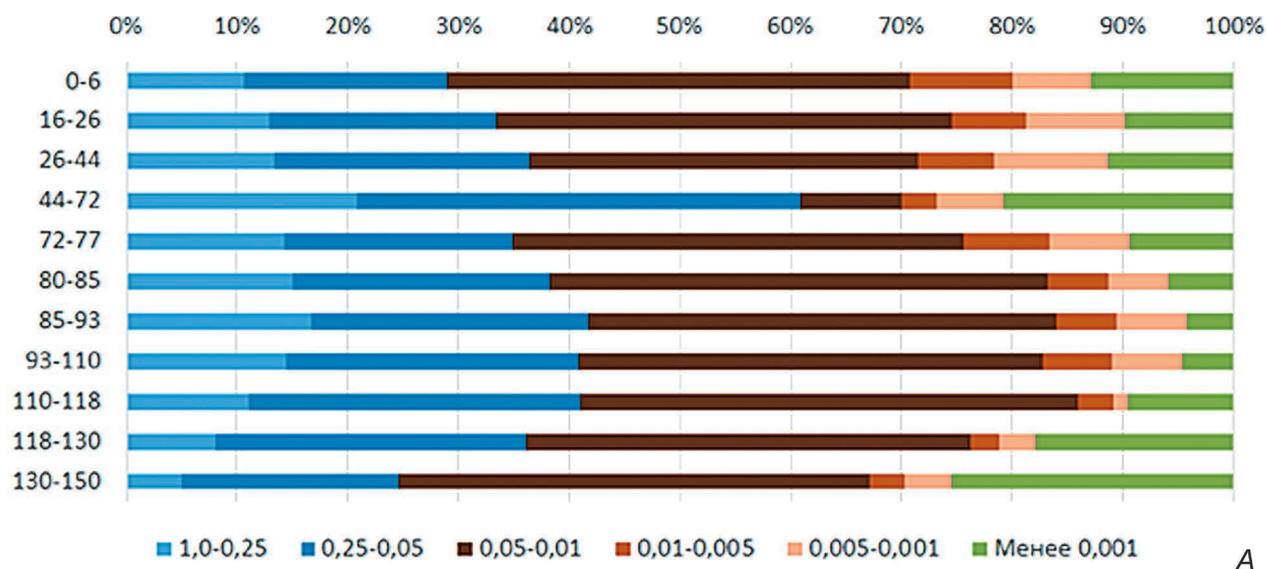
Результаты гранулометрического анализа (рис. 39, А) показывают, что погребенная почва представляет собой супесчаную толщу, переходящую глубже в легкий, а затем средний суглинок, то есть происходит увеличение содержания илистых (размер менее 0,001 мм) частиц с глубиной при уменьшении доли песчаных зерен (размер частиц от 1,0–0,25 мм). Распределение пылеватых частиц (0,05–0,001) и мелкого песка (0,25–0,05) имеет ярко выраженный иллювиально-элювиальный характер, то есть их количество в элювиальном горизонте (глубина 110–118 см) отличается от выше и ниже расположенных слоев. Это перераспределение характерно для почв подзолистого ряда и указывает на то, что зональный процесс формирования подзолистых почв здесь был длительным, поскольку произошло перераспределение почвенного мелкозема. Самый верх почвы – культурный слой – круп-

но-пылеватый легкий суглинок, несколько обогащен пылеватым и илистым материалом. Насыпь (горизонт 3) является опесчаненным средним суглинком. Он содержит 40% тонкого песка и 30% физической глины (сумма илистых и средне и тонко-пылеватых фракций). Подобное соотношение компонентов в природе встречается редко. Не исключая возможность привноса материала без какого-либо изменения, считаем наиболее вероятным, что данная смесь создана искусственно – в глинистую массу добавляли речной песок. Вся вышележащая толща это крупнопылеватый легкий суглинок, содержание минеральных фракций очень близко с таковым у погребенной почвы, то есть при их создании использовался один и тот же материал.

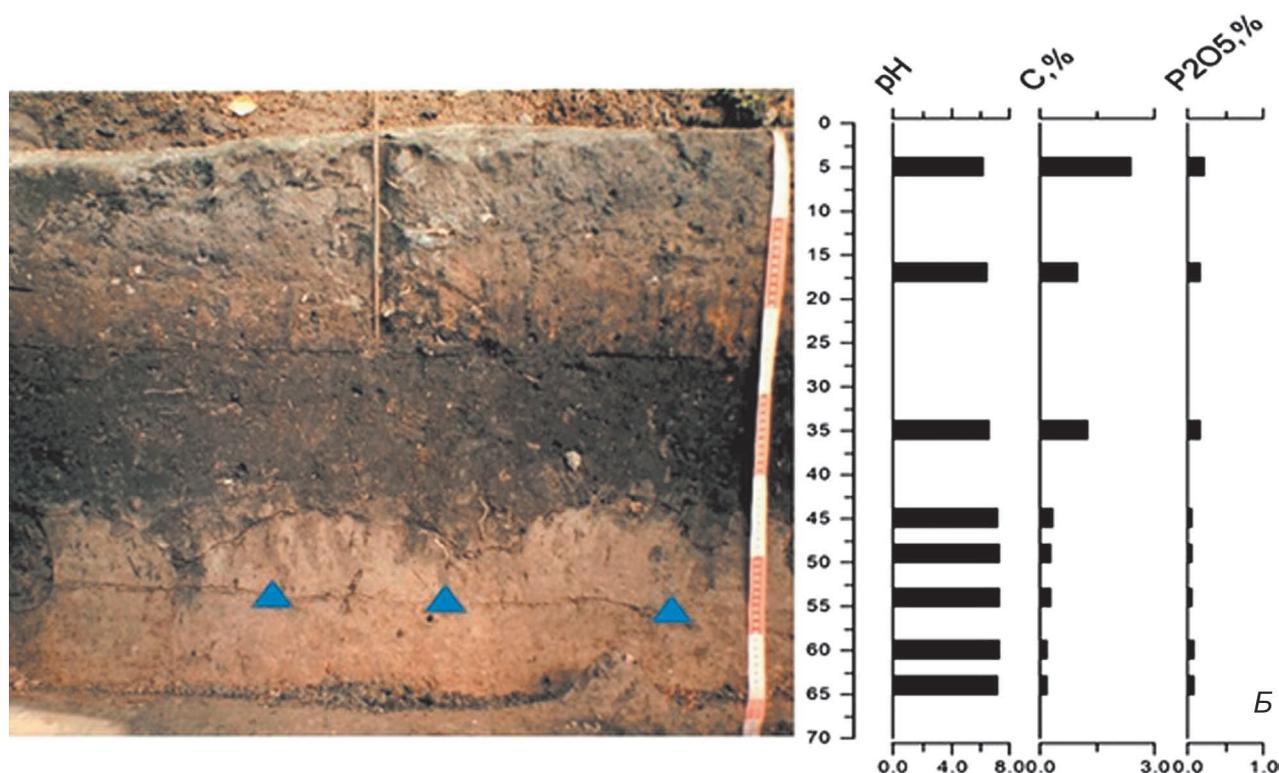
Радиоуглеродное датирование гуминовых кислот из верхнего горизонта погребенной почвы и культурных слоев позволило получить серию дат (Гольева, 2004. Табл. 4). Возраст нижней части гумусового горизонта (предполагаемое начало освоения территории) составил 2990 ± 60 лет (некалиброванные данные). Слой над ним (верхняя часть погребенной почвы) существенно моложе – 1570 ± 60 лет. Формирование темноокрашенного гумусированного горизонта шло более 1,5 тыс лет. Причину первичного исчезновения леса можно объяснять динамикой климата, но значительно более вероятно влияние антропогенного фактора. Не исключено, что лес был вырублен на площадке городища еще в эпоху бронзы и именно люди не давали ему восстановиться.

Наблюдается значительное различие между возрастом верхнего слоя погребенного горизонта (1,5 тыс лет назад) и содержащейся в нем керамики (XIII–XIV вв. н. э.). Полученную радиоуглеродную дату можно считать промежуточной между более древней датой исходного грунта, содержавшего уголь, и возрастом керамики. Следовательно, безлесные условия сохранялись здесь не менее 2,5 тыс лет. Видимо, весь этот период данная территория использовалась человеком.

Вторая серия дат получена для темного гумусированного материала на поверхности насыпи (горизонта 3). Нижняя дата совпадает с возрастом керамики, присутствовавшей в слое. Это указывает на то, что на эту насыпь налегает именно культурный слой и что вся

А

Б

Рис. 39. А. Гранулометрический состав фоновой почвы 1 (погребенная фоновая почва расположена ниже пунктирной линии, начиная с глубины 72 см). Б. Квадрат 56 раскопа II (2004 г.). Химические свойства образцов позднего палеолита (голубые треугольники). Кружочками отмечены места отбора проб по стенке раскопа

его толща формировалась одновременно. Вышележащий слой несколько моложе. Очевидно, омоложение возраста гуминовых кислот связано с глубиной залегания образца. Этот образец расположен всего в 15 см от современной поверхности, поэтому он содержит больше корней, что приводит к омоложению всего гумуса и датированной фракции в том числе.

Фоновый разрез 2 (2016 г.)

Ростиславльское I селище. Шурф 4, северная стенка (рис. 38, II).

Разрез заложен на противоположном от городища мысу оврага в тех же геоморфологических позициях, что и площадка городища, на залесенном участке, который находится на площади селища Ростиславльского I,

принадлежавшего части посада средневекового города Ростиславля (рис. 37, пункт 7). В погребенной почве никаких археологических или почвенных признаков древнего антропогенного воздействия не выявлено, что позволяет использовать разрез в качестве фонового.

Морфологическое описание разреза:

0–7 см – дернина (A_Yz). Горизонт рыхлый с обилием корней, темно-серый. Переход к следующему горизонту волнистый, ровный, заметный по плотности, корневой массе и цвету.

7–57 см – пахотный горизонт (Ap). Горизонт буровато-светло-серый, местами имеет включения в виде бурых и белесых комочков. Цвет неоднородный: в верхней и нижней частях интенсивность серых тонов выше, в центральной части преобладают буроватые тона. Большая мощность горизонта и неоднородность окраски связана с агрогенной эрозией – регулярным привнесом распаханного мелкозема с более высоких позиций рельефа весь период распаивания территории. Переход к нижележащему горизонту неровный. Небольшими фрагментами сохранился линейный рисунок, характерный для пашни. Большая часть границы имеет бахромчатый рисунок, типичный для травянистой корневой системы.

57–68 см – нижняя часть подзолистого горизонта (E₁). Горизонт плотный, белесый, тонко пылеватый. Пронизан большим количеством червоходов из верхнего горизонта. Переход к следующему горизонту диффузный, постепенный, заметный по цвету.

68–80 см – иллювиальный минеральный горизонт (B) бурого цвета. Местами встречаются пятна белесого цвета. По граням структурных отдельностей обильная скелетана (белесоватая присыпка по граням почвенных агрегатов). Много червоходов.

Почва – старопашотная дерново-подзолистая. В ней нет признаков очень ранней (например, средневековой) распашки, хотя имеется археологический материал XII–XV вв., поэтому использовать ее в качестве фоновой правомерно, хотя, конечно, и с определенной долей условности. Образцы для проведения стандартных почвенных исследований были отобраны по горизонтам.

Микробиоморфный анализ. Пахотный горизонт выделяется присутствием спикул

губок, большим количеством фитоцитов и их разнообразным составом. Только в этом горизонте присутствуют формы, характерные для культурных злаков. Наличие спикул можно объяснить внесением навоза животных, которых поили речной водой.

Резкое падение количества фитоцитов под пахотным горизонтом – нормальное явление, хотя и делает выводы статистически незначимыми. Но на качественном уровне можно говорить о том, что ранее (до появления посадской застройки) территория была покрыта листовым лесом.

Итак, оба фоновых разреза можно считать таковыми условно, поскольку в первом случае почва была перекрыта культурным слоем, а во втором почва прошла через агрогенную стадию. Подобный выбор участков в качестве фоновых обусловлен интенсивной хозяйственной деятельностью в регионе и, следовательно, отсутствием участков, свободных от антропогенного воздействия. Но поскольку эти почвы не несут признаков антропогенной трансформации в интересующий нас хронологический интервал и все их свойства соответствуют требованиям для зональных почв, то использование их в качестве фоновых правомерно.

II. Поздний палеолит

Были исследованы три участка. Рядом с указанием участка работы (раскоп, квадрат, стенка) в скобках указан год, когда тот или иной участок изучался. Впервые кремневый материал был обнаружен В. Ю. Ковалем в 2004 г. Для консультации и дальнейших совместных работ был приглашен А. В. Трусков (1951–2020), который определил хронологическую принадлежность подъемного материала как относящегося к позднему палеолиту. Последующие работы по поиску и исследованию древней стоянки осуществлялись им самостоятельно в составе отдельного отряда Ростиславльской экспедиции Института археологии РАН.

Почвенные исследования проводились в 2004, 2014, 2016 и 2018 годах. Приводим описания, аналитические и радиоуглеродные данные в хронологической последовательности.

В 2004 г. под культурным слоем РЖВ на раскопе II на глубине 50–65 см по всей

Таблица 1. Радиоуглеродный и калиброванный возраст гумусового материала из культурного слоя позднего палеолита (стоянка Ростиславль 2, шурф 3)*

Лаб. № ИГАН	Описание образца	Материал	Радиоуглеродный возраст, лет назад, ВР	Интервал калибров. возраста:		
				Cal ВР-лет назад, начало:	конец	вероятность
4701	Мастерская	ГК	8530±240	68.3 (1 sigma)		
				cal ВР	9151 – 9163	0.012
					9252 – 9901	0.988
4624	Погребенная дернина	ГК	10150±1200 (очень большое разбавление, 79)	95.4 (2 sigma)		
				cal ВР	8996 – 10209	1.000
4624	Погребенная дернина	ГК	10150±1200 (очень большое разбавление, 79)	68.3 (1 sigma)		
				cal ВР	10175 – 13191	1.000
				95.4 (2 sigma)		
				cal ВР	8560 – 14804	1.000
				Median Probability: 11672		

* 14С-даты откалиброваны по программе Вашингтонского Университета (*Stuiver, Reimer, 1993, p. 215–230*)

площади квадрата 56 выявлено значительное количество рассредоточенных палеолитических и мезолитических предметов. Отобраны образцы как колонкой из юго-восточной стенки (рис. 37, пункт 1; 39, Б) – чтобы иметь сравнительные фоновые данные, так и непосредственно под некоторыми предметами. Основная цель – установить, можно ли найти такие характеристики почвенных свойств, которые позволили бы в дальнейшем разделять и диагностировать культурные горизонты, сформировавшиеся в различное время, а также определять хронологию предметов по залегающему под ними грунту.

Морфологическое описание юго-восточной стенки квадрата 56 раскопа II:

0–10 см (А). Серый, рыхлый, комковатый, обилие корней. Переход постепенный, заметный по нарастанию бурого цвета.

10–25 см (АВ + средневековый культурный слой). Серовато-бурый уплотненный горизонт. Нижняя граница ровная, заметная по цвету.

25–44 см (культурный слой РЖВ) – черный, с включениями керамики РЖВ. Нижняя граница четкая по цвету, плотности. Рисунок языковатый за счет корней и кротовин.

44–58 см (Е1 + культурный слой). Горизонт рыхлый, светло-серый, легко суглинистый (супесчаный). Горизонт имеет типичную для подзолистого горизонта слоевато-чешуйчатую структуру. Местами (кв. 56 – СВ часть) пронизан вертикальными темно-серыми полосами (ходы корней и червей), по которым шло

заполнение из верхнего темного культурного слоя. Нижняя граница диффузная, неясная по цвету, за счет постепенного перехода в окристо-бурый иллювиальный горизонт.

58–66 см (Е1В). Очень постепенный переход между горизонтами. Ясно выражена белесая кремнеземистая присыпка, плотнее предыдущего. В толще горизонта обнаружены артефакты (кремневые орудия и заготовки для них) позднепалеолитического и мезолитического времени.

66–80 см (В). Бурый плотный иллювиальный горизонт.

Результаты химических анализов позволяют выделять культурный слой РЖВ, то есть в почвенных свойствах отражен период функционирования поселения РЖВ за счет повышенного содержания валового фосфора и органического углерода. Но для более ранних этапов поселенческий период не выявлен, содержание всех параметров соответствует природным значениям.

Сравнение значений по почвенной кислотности и органическому углероду под предметами разного времени (палеолита и мезолита) с фоновыми данными не выявило каких-либо значимых различий. Вариабельность почвенных свойств выше хронологических интервалов.

В гумусированном материале из «мастерской» и из погребенной дерновой прослойки в радиоуглеродной лаборатории ИГ РАН был определен возраст гумуса (табл. 1)

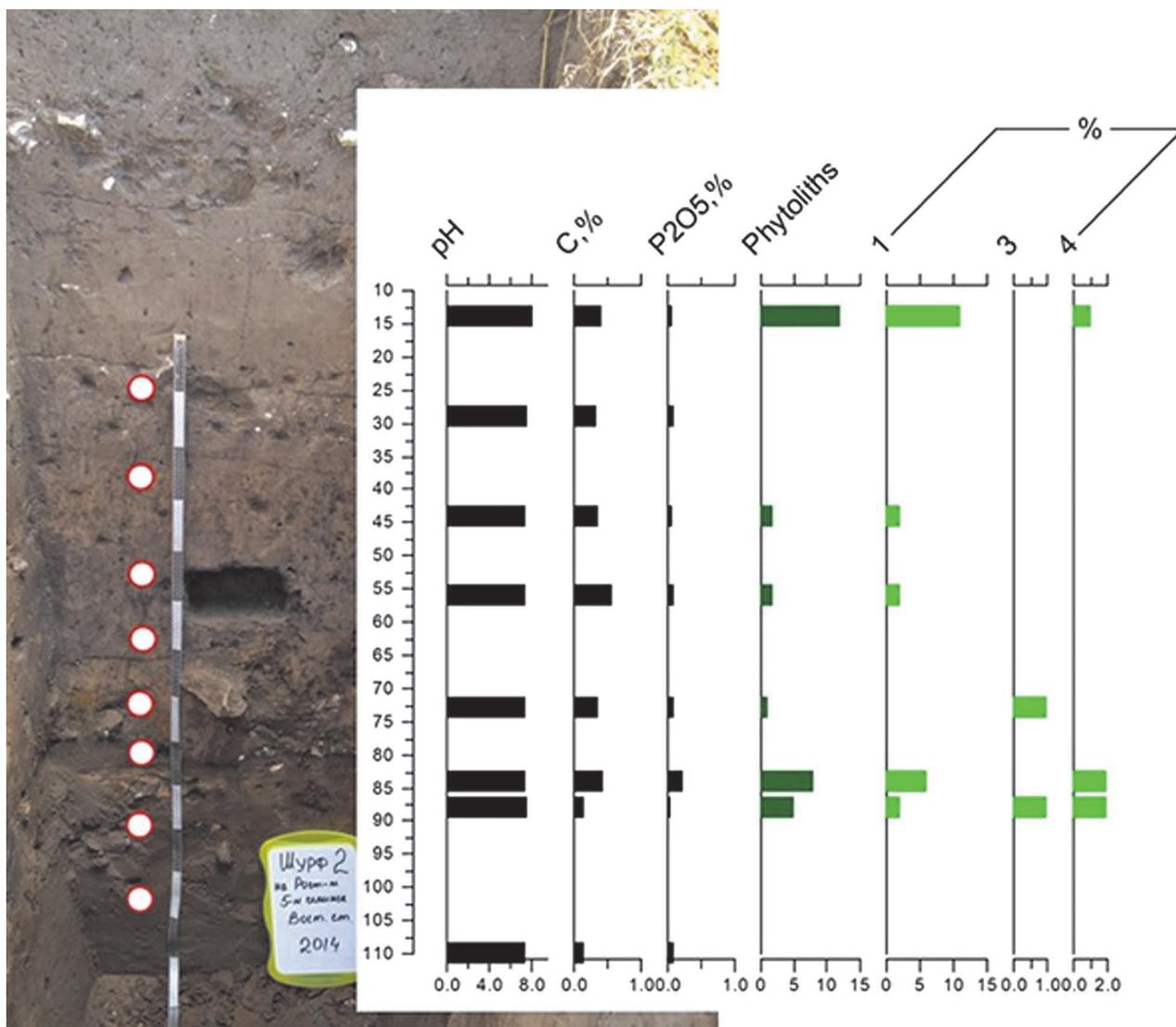

Рис. 40. Стоянка Ростиславль 2. Шурф 3 (2014 г.). Морфологический облик и основные химические свойства, содержание и распределение фитоцитов. Кружочками отмечены места отбора проб по стенке раскопа

В 2014 г. у подножья склона мыса, на котором размещается Ростиславльское III селище, неподалеку от берега р. Оки, под серией современных наносов и культурным слоем средневекового поселения (Ростиславльское V селища) в шурфе 3, заложенном А.В. Трусовым, было обнаружено локальное скопление кремневых орудий, позволившее археологу сделать вывод об открытии древней стоянки «Ростиславль 2» с мастерской по изготовлению кремневых орудий (рис. 37, пункт 3). Под этим скоплением располагалась тонкая прослойка темного цвета с бахромчатой нижней границей, что типично для мало-мощной травянистой дернины.

В 2016 г. шурф 3 был расширен, а в 2018 г. превращен в раскоп (получивший номер 2

по отсчету раскопов на площади Ростиславльское V селища). Почвенные исследования проводились в границах этой стоянки. Описания глубин локализации кремневого материала в разные годы варьируют, но это связано исключительно с участком склона (выше или ниже), откуда начинался отсчет глубин.

Шурф 3 (2014 г.) (рис. 40).

При описании восточной стенки шурфа за «0» отметку принят один из тонких наносов в общей толще переотложенного склонового материала.

0–8 см – бурый однородный переотложенный материал.

8–21 см – светло-серый материал средневекового культурного слоя. Вероятнее всего,

слой переотложен, поскольку керамический материал мелкий, окатанный.

21–37 см – бурый однородный материал минерального наноса

38–62 см – бурый нанос, содержащий карбонатную крошку

62–84 см – палеолитический культурный слой темно серого цвета

84–85 см – черный прослой непонятного генезиса (погребенная травянистая дернина?)

85–90 см – однородный светлый желтоватый песок

90–130 см – бурая супесь

Образцы на анализы были взяты из всех горизонтов, кроме самого верхнего (0–8 см). Толща имеет нейтральные значения pH, кроме самого верхнего слоя (средневековый культурный слой). Вероятно, это связано с переотложенным генезисом слоя. В пользу этого предположения говорят малые величины органического углерода и валового фосфора.

Судя по результатам химических анализов, наибольшее количество органического вещества в погребенной дернине и верхней части толщи с кремневыми скоплениями. При этом количественные значения валового фосфора малы. Наибольшие значения выявлены для толщи 62–84 см. Очевидно, они связаны в антропогенным вкладом в генезис толщи, но он был невелик. Иными словами, наличие кремневого материала не указывает на то, что здесь было жилище. Возможно, это было место периодических недолгих стоянок.

Материалы микробиоморфного анализа показывают отсутствие спикул губок и/или панцирей диатомовых водорослей во всех образцах изученной колонки. Это указывает на отсутствие аллювиальных отложений, то есть затопления речными водами участка исследования. Фитолитов мало, состав их однороден, что типично для природных фитоценозов. То есть древние люди не меняли значимо окружающий их растительный покров, что кардинально отличает их от последующих жителей изучаемой территории.

Шурф 3 (2016 г.).

Почвенными методами исследовано две стенки шурфа: южная (квадрат В4) и восточная (квадрат В1).

Квадрат В4, южная стенка (рис. 41, I).

0–30 см – современный гумусовый горизонт сероватого цвета и маломощной травянистой дерниной наверху.

30–60 см – органо-минеральный нанос преимущественно бурого цвета с неравномерно расположенными пятнами и прослоями гумусированного материала.

60–73 см – погребенный средневековый культурный слой серого цвета.

73–100 см – бурый минеральный нанос.

100–107 см – культурный слой эпохи палеолита темно серого цвета с большим количеством артефактов.

107–115 см – бурый однородный минеральный горизонт – почвообразовательная порода.

Пробы для определения химических и микробиоморфных свойств были отобраны из обоих квадратов вертикальными колонками.

Определено содержание органического углерода и валового фосфора во всех выделенных горизонтах. Если не учитывать верхний, современный, гумусовый горизонт, то наибольшие величины имеет палеолитический культурный слой – 0,70%, что много, учитывая диагенетическую минерализацию органики со временем. Этот же слой имеет наибольшие величины по валовому фосфору, значительно превышая даже то количество, которое определено в современной почве.

Микробиоморфный анализ был сделан только в погребенных культурных слоях (средневековом и палеолитическом), а также во вмещающей древний культурный слой толще. Количество всех микрочастиц невелико, что подтверждает переотложенный генезис средневекового культурного слоя. В нижней серии образцов культурный слой содержит фитолиты, в отличие от выше- и нижележащих горизонтов. Количество фитолитов мало, статистически незначимо, но можно говорить о лесном, вернее, хвойном растительном покрове с разнотравным покровом в напочвенном покрове.

Квадрат В1, восточная стенка (рис. 41, II).

0–5 см – бурый нанос.

5–20 см – погребенный средневековый культурный слой серого цвета.

20–60 см – минеральный нанос бурого цвета.

60–70 см – палеолитический культурный слой.

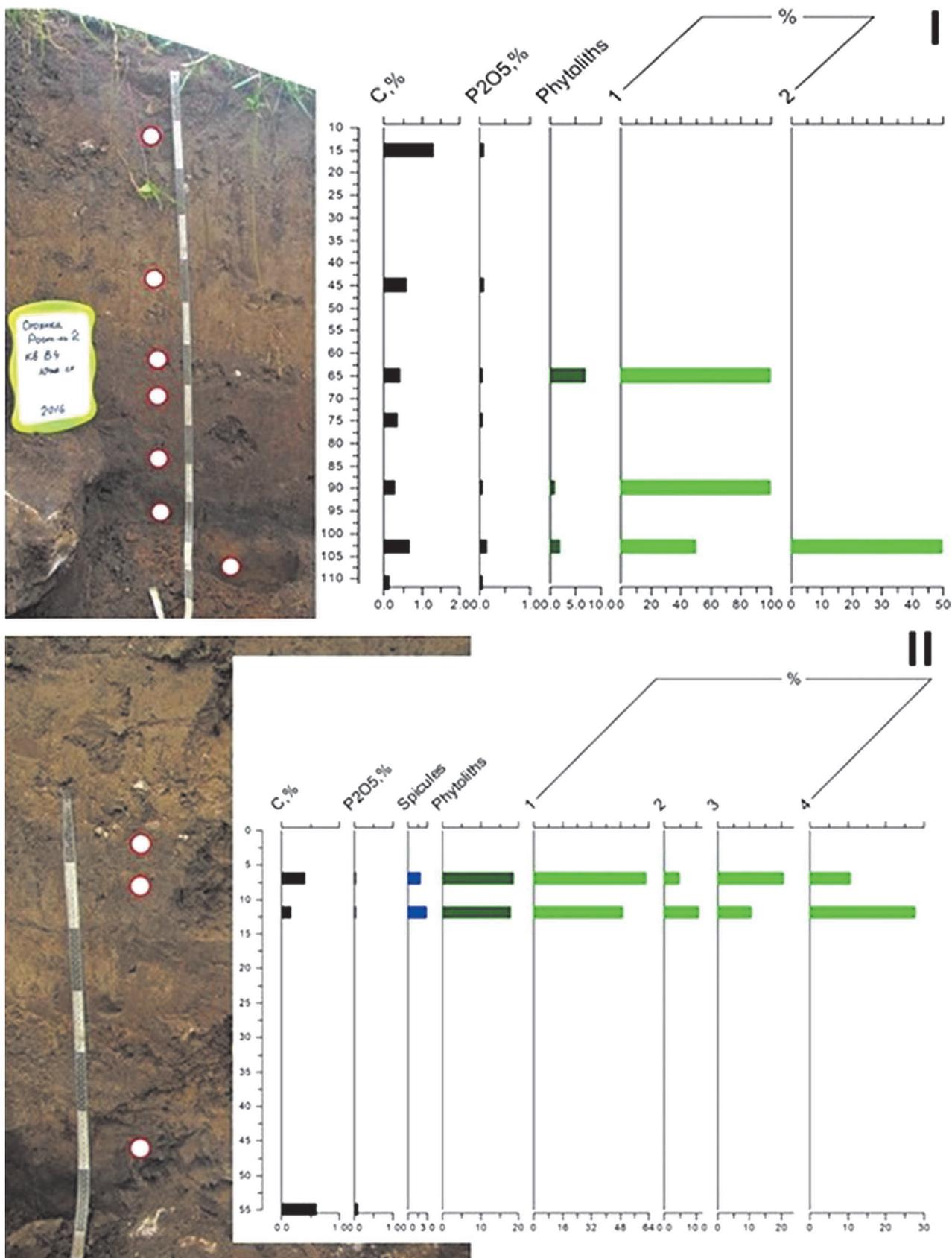

Рис. 41. Стоянка Ростиславль 2. Шурф 3 (2016 г.). I – кв. В4, южная стенка; II – кв. В1, восточная стенка. Морфологический облик и основные химические свойства, содержание и распределение фитоцитов. Кружочками отмечены места отбора проб

70–82 см – почвообразовательная порода бурого цвета.

В этой колонке основные химические и микробиоморфные свойства определены в трех образцах: 5–10; 10–15 и 50–60 см. Здесь, так же, как и в квадрате В4, максимум органики и фосфора обнаружено в палеолитическом культурном слое, что указывает на то, что верхние слои переотложены, в то время как нижний (позднего палеолита) сформирован на месте.

Микробиоморфный анализ показал наличие небольшого количества фитоцитов преимущественно лугового состава в обоих верхних горизонтах. В нижнем, относящемся к древнему культурному слою, фитоцитов не было, в образце присутствовал только древесный детрит.

Раскоп 2 (2018 г.) (рис. 42)

Рассмотрены вертикальные стенки двух квадратов: В5 и В4

Квадрат В5 (рис. 42, I). Выделено 4 погребенные почвы. Верхние 5 см являлись отвалами от предыдущих раскопок, поэтому в работе не рассматривались и образцы не отбирались.

5–20 см. Гумусовый горизонт серого цвета, пронизан большим количеством корней трав. Рыхлый. Переход к следующему горизонту неровный, языковатый.

20–33 см. Нанос серовато-бурого цвета. Много корней трав. Переход к следующему горизонту рослый, линейный, хорошо заметный по окраске горизонтов.

33–42 см. Гумусовый горизонт первой погребенной почвы. Содержит большое количество крупных валунов. Переход к следующему горизонту неровный, заметен по цвету.

42–70 см. Нанос буровато-серый, однородный. Количество камней мало, их размерность меньше, чем в вышележащем горизонте. Переход к следующему горизонту неровный, проявляется по прослою камней.

70–77 см. Гумусовый горизонт второй погребенной почвы, содержит артефакты средневекового культурного слоя. Цвет темно-серый, много крупных включений камней. Переход к следующему горизонту постепенный, диффузный.

77–87 см. Переходный органо-минеральный буровато-серый горизонт второй погребенной

почвы. Переход к следующему горизонту неровный, языкообразный, заметный по цвету.

87–105 см. Нанос серовато-бурого цвета

105–116 см. Нанос серовато-бурый с темными пятнами

116–127 см. Гумусовый горизонт третьей погребенной почвы и культурный слой периода конечного палеолита с небольшими камнями под ним. Нижняя граница неровная, языковатая, переход заметен по цвету.

127–137 см. Нанос бурый содержит включения в виде мелких камешков.

137–139 см. Темный прослой верхней части четвертой погребенной почвы. Нижняя граница линейная, резкая, заметная по цвету.

139–143 см. Гумусовый горизонт четвертой погребенной почвы. Переход к следующему горизонту резкий, практически линейный, заметный по цвету.

144–150 см. Нанос бурого цвета.

Квадрат В4 (рис. 42, II) (расчистка участка шурфа 2016 года). В этом квадрате образцы отбирались под крупным камнем на уровне третьей погребенной почвы.

0–10 см. Нанос серого цвета. Переход к следующему горизонту ровный, заметный по цвету.

10–17 см. Гумусовый горизонт третьей погребенной почвы и культурный слой периода конечного палеолита. Цвет темно-серый. Нижняя граница неровная, слабо языковатая, заметная по цвету.

17–22 см. Нанос серовато-бурый.

Все образцы имеют щелочные и сильно щелочные значения рН, что отражает диагенетические изменения состава почвенных растворов в случае погребения и наличия карбонатного мелкозема в составе минеральных наносов.

Гумусовый горизонт современной почвы и верхние горизонты погребенных почв выделяются повышенным содержанием органического углерода по сравнению с вмещающими их минеральными наносами. Но, в целом, погребенные почвы обеднены органикой, что может быть связано с коротким временным интервалом функционирования этих почв, а также с диагенетической минерализацией органики со временем после погребения.

Валового фосфора в большинстве образцов мало и очень мало, что можно трактовать

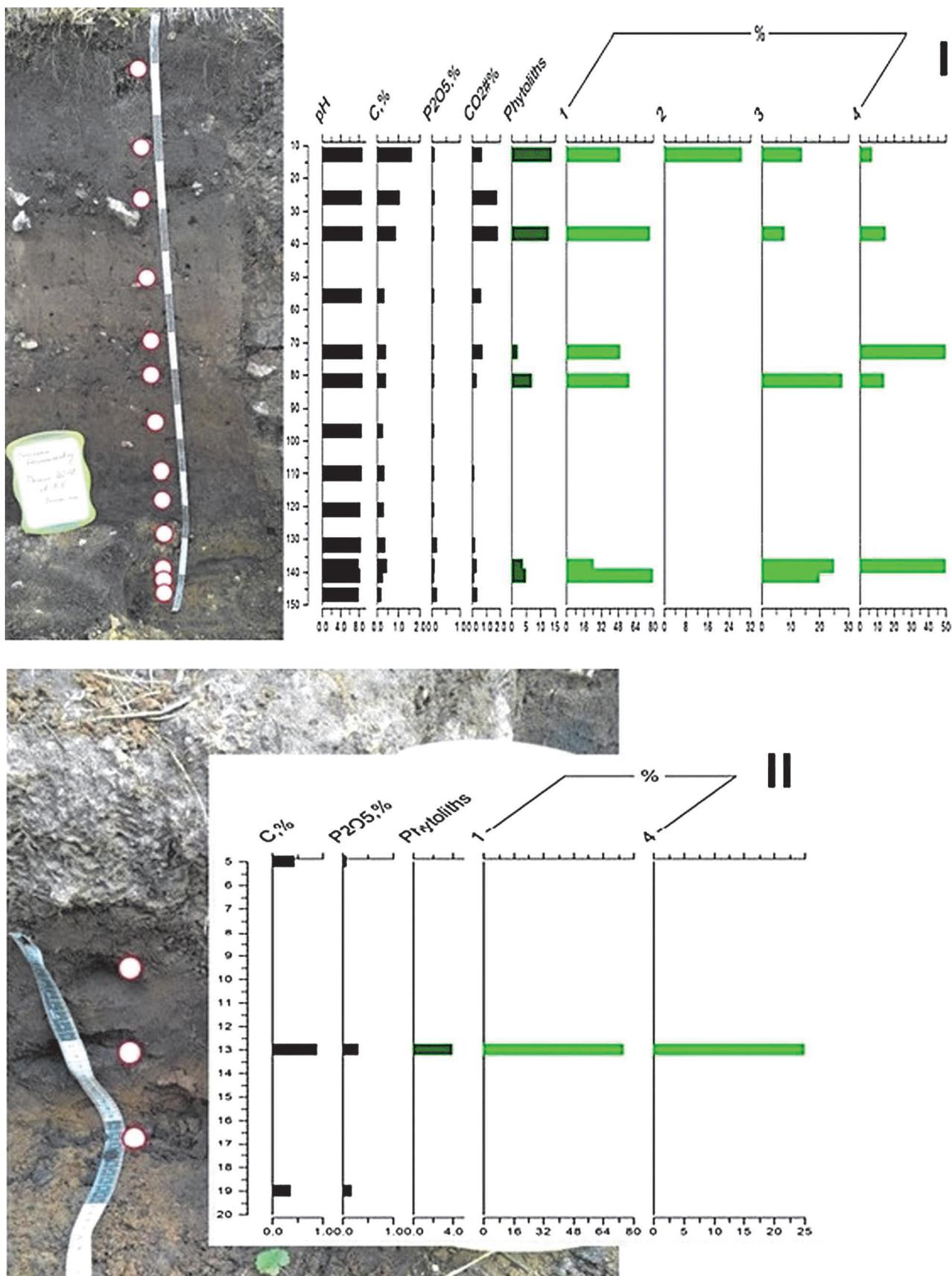

Рис. 42. Стоянка Ростиславль 2. Раскоп 2 (2018 г.). I – кв. В5, II – кв. В4. Морфологический облик и основные химические свойства, содержание и распределение фитолигов. Кружочками отмечены места отбора проб

как отсутствие какого-либо антропогенного воздействия на почвы. Исключением является образец 15 (кв. В4, шурф 2016 г.). Это горизонт III погребенной почвы с включением археологического материала. В данном образце количество фосфора (0,31%) превышает нормальные показатели для естественных почв (0,20–0,22% в поверхностных горизонтах) в 1,5 раза. То есть данный слой можно уверенно характеризовать как хорошо развитый культурный слой.

Ввиду щелочной реакции почвенных растворов, в колонке образцов из квадрата В5 было определено содержание углерода карбонатов. Наибольшие концентрации карбонатов отмечаются в верхних 77 см. Ниже эти значения резко падают, а отдельные образцы бескарбонатны. Количество и тренд распределения карбонатов не типичны для почв южнотаежной природной зоны, где расположена стоянка. Поскольку разрез расположен в нижней части склона и почвы перекрываются склоновым делювием, то карбонатный материал, это перемещенный мелкозем исходной почвообразующей породы. Повышенная концентрация карбонатов в верхней части исследованного профиля свидетельствует об интенсификации склоновых процессов в последнее время по сравнению с более ранним периодом.

Микробиоморфный анализ был сделан для современного и всех погребенных гумусовых горизонтов обоих квадратов. Все образцы содержат некоторое количество растительного детрита, аморфную органическую массу, копролиты почвенной фауны, обрывки корней, грибных гифов и очень мало фитоцитов. Это не позволяет считать полученные результаты фитоцитного анализа статистически достоверными. Можно обсуждать лишь различия выявленных диагностических форм.

Малое количество фитоцитов в верхних горизонтах погребенных почв свидетельствует о коротком временном периоде их функционирования, поскольку полноценный фитоцитный профиль не успел сформироваться. Все же можно отметить некоторые различия в составе фитоцитов. Так, если состав современной почвы отражает лесной фитоценоз с высокой долей хвойных в составе древостоя, то во всех погребенных почвах абсолютно доминируют разнотравно-луговые сообщества. Некоторым отличием является слой

77–87 см (нижняя часть II погребенной почвы в квадрате В5), где 28% составляют лесные злаки, но в верхней части этой почвы подобных форм нет. Можно говорить о вырубке древесины в процессе формирования культурного слоя в верхней части почвы.

Обобщающие выводы по образцам позднего палеолита

Можно сделать вывод о том, что все выявленные погребенные почвы функционировали в экспонированном режиме короткое время. Интенсивность склоновых процессов возрастала со временем и была максимальной незадолго до современного периода.

Только один из рассмотренных образцов (материал под камнем) можно уверенно характеризовать как культурный слой. Все остальные по своим химическим и микробиоморфным параметрам не соответствуют требованиям для культурных слоев. Скорее всего участок использовался как периодическая стоянка, здесь не было стационарных жилищ.

Данные радиоуглеродного анализа (табл. 1) показали удревание возраста с глубиной, т.е. погребенная травянистая дернина древнее залегающего выше материала «мастерской». Это позволяет считать, что поверхность, на которую пришли древние люди и которую перекрывает кремневый материал, была поверхностным горизонтом порядка 10000 л. н. Учитывая разницу в получившихся датировках, можно высказать предположение, что поверхность была стабильной и, скорее всего, посещаемой людьми длительное время (порядка 1000 лет). Далее начались интенсивные склоновые наносы.

Именно мощные наносы, перекрыв культурный слой мастерской, способствовали его сохранности, создав закрытый комплекс. Это наглядно видно при сравнении данных по всем видам проведенных анализов с такими из рассмотренных в 2004 г. образцов в юго-восточной стенке квадрата 56 раскопа II (на городище Ростиславль). В последнем случае, культурный слой, если и был сформирован, располагался близко к поверхности и был полностью проработан почвенными процессами. За прошедшие порядка 9–10 тыс. лет исчезли все возможные аналитические и морфологические признаки проживания древних людей, кроме кремневых орудий.

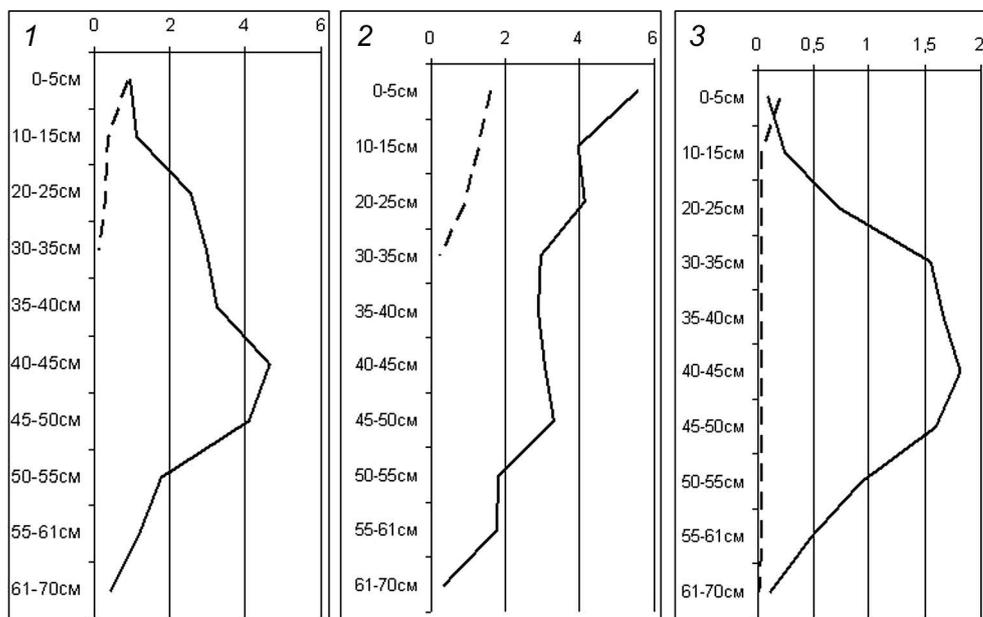

Рис. 43. Сравнительные свойства фоновой почвы и палеоурбанозема (Раскоп V-Д 2001 г.).

1 – содержание валового фосфора; 2 – содержание органического вещества; 3 – содержание карбонатов. Сплошной линией показаны значения для палеоурбанозема (РЖВ), пунктирной – фоновой почвы

Устойчивый лесной фитоценоз с хвойными в составе древостоя отмечается только для современного периода. Ранее здесь доминировали луговые ландшафты. Лесная растительность, включая хвойные, также присутствовала, но её доля была небольшой. Возможно, это связано с деятельностью человека, как, например, в случае погребенной почвой II.

III. Ранний железный век (РЖВ)

Объекты исследования, относящиеся к РЖВ, включают в себя:

1) палеоурбанозем, сформированный на месте жилища; 2) культурные слои различных участков непосредственно жилищ; 3) вал того периода и погребенная под ним почва.

Палеоурбанозем (2001 г.)

Исследованы свойства палеоурбанозема, сформированного в толще жилища РЖВ (раскоп V). Поскольку длительность процесса почвообразования на этом участке составляла порядка 1500 лет, то появляется возможность сравнивать степень и скорость восстановления зональных почвенных свойств в зависимости от: 1) длительности постантропогенного периода; 2) гранулометрического состава при одновременном запустении; 3) интенсивности антропогенного преобразования исходного ландшафта

Исходными почвами являлись зональные дерново-подзолистые, обладающие всеми типичными для этих почв свойствами: кислыми значениями почвенных растворов, полным отсутствием карбонатов, небольшими величинами органического углерода с резким уменьшением значений вниз по профилю. Все эти свойства хорошо отражены в фоновой почве.

Палеоурбанозем, сформированный на участке, где ранее было жилище (раскоп V, участок Д) имеет совсем другие свойства (рис. 43). Например, он обогащен органическим веществом. Содержание органики неровное, но даже на глубине 50 см его практически 2%, что характерно для черноземов, т.е. почв степной зоны. Есть в профиле карбонаты кальция, содержание которых составляет более 1,5% на глубине 35 см, что также типично для почв степной зоны. Четко выделяется максимум на глубине 40–45 см, с постепенным убыванием с глубиной. То есть, процесс растворения и вымывания карбонатов вниз по профилю не наблюдается. Можно отметить выщелоченность от карбонатов лишь верхних 0–5 см.

Валового фосфора много непосредственно на современной поверхности и очень много, начиная с 10–15 см от поверхности. А на глубине 40–50 см фосфора практически в 20 раз

больше требуемых величин для поверхностных горизонтов зональных почв. Даже на глубине 60–70 см фосфора больше нормы, что позволило в свое время предположить искусственный генезис слоя. Это нашло подтверждение при дальнейших раскопках, когда под этим бурым слоем, ранее считавшимся началом исходной породы (материком) был выявлен еще один горизонт обживания с аномально высоким количеством фосфора (Гольева, 2004. С. 24–34). Так же, как и с карбонатами, можно отметить некоторое уменьшение количества фосфора в верхних 5 см палеоурбанозема. Безусловно, это указывает на то, что растения поглощают растворенные фосфаты корнями для создания надземной массы, но вероятно запасы этого элемента были столь велики, что даже через 1500 лет его количество многократно превышает норму. Таким образом, на суглинистых почвообразующих породах высокие концентрации валового фосфора, органического углерода, углерода карбонатов сохраняются в почвах более 1,5 тыс. лет. Скорости преобразования поселенческих горизонтов почвенными процессами малы.

Выявлена взаимосвязь длительности почвообразования с сохранностью характерных свойств культурного слоя. Степень устойчивости признаков по возрастианию: $C_{орг} < pH < P_2O_5_{вал}$. Сохранность информации возрастает с глубиной. Чем мощнее искусственно созданный горизонт, тем больше информации сохраняется в его нижней части, она многограннее, полнее и устойчивее.

Величины валового фосфора со временем уменьшаются в верхней части сформированных почв за счет потребления этого элемента растениями, но сохраняется относительно ровный, равномерный тип распределения фосфора по профилю. В более общем виде можно заключить, что уже через несколько сотен лет в толще культурных слоев:

1. Происходит исчезновение резких границ между исходной почвой и культурным слоем. Скорость преобразования прямо зависит от мощности культурного слоя – чем он мощнее, тем дольше сохраняется характерная нижняя граница, и наоборот.

2. В то же время, цветовые аномалии (наличие углистых или иных прослоев) могут сохраняться целиком или фрагментарно бо-

лее тысячи лет даже в маломощных культурных слоях.

3. Наиболее устойчивым признаком является ровный характер распределения фосфора по профилю почвы; его повышенные значения на глубине сохраняются тысячами.

Итак, на поверхности древних поселений создаются специфические почвы – палеоурбаноземы, обладающие устойчивыми, повторяющимися признаками. Можно говорить о самостоятельном типе почв, выражающемся, прежде всего, в определенной инверсии основных свойств почв в зональном ряду. Так, почвы, сформированные на культурных слоях в таежной зоне, имеют свойства, характерные для почв значительно более южных – серых лесных, черноземовидных, вплоть до черноземов южных. Данная инверсия почвенных свойств аналогична описанной ранее для пахотных почв (Русанов, 2000. С. 86–87).

Культурные слои жилищ дяковской культуры

В 1998–2016 гг. на городище Ростиславль исследовались жилища раннего железного века (так называемые «длинные дома»). За это время была полностью вскрыта вся сохранившаяся часть двух построек, которые частично были повреждены эрозионными процессами (ими были уничтожены их северные края). Исследования проводились на раскопе V под руководством Е. Ю. Тавлицевой. Все материалы раскопок хранятся в Музее Москвы. Предварительные результаты исследования этого сооружения публиковались (Коваль, 2000; Тавлицева и др., 2020; Тавлицева и др., 2021).

«Длинные дома» располагались вдоль того края площадки, который был обращен к р. Оке. В ходе раскопок тут были выявлены остатки двух сменявших друг друга жилых построек («А» и «Б»), из которых наилучшим образом сохранилась та, которая по данным стратиграфии и радиоуглеродного датирования существовала в интервале IV–II вв. до н. э. (постройка «Б»). Каждый «длинный дом» разделялся на отсеки различной протяженности, в которых размещались очаги, использовавшиеся для отопления и приготовления пищи. Длина отсеков колебалась от 5 до 7 м, к сожалению, следы перегородок между отсеками сохранились не всегда,

имеются также крупные по размерам отсеки, в которых очаги отсутствовали.

С 2001 г. при проведении раскопок жилищ начали проводиться почвенные исследования с использованием широкого спектра естественно-научных методов. Основное внимание уделялось различным по морфологии напластованиям внутри построек. Были проанализированы более 200 образцов. Значительный объем проведенных работ позволил получить для каждой из построек серии анализов. Это делает возможным выделять общие закономерности и частности по каждому из изученных объектов. Ниже приведены результаты исследований, проводившихся в 2008, 2012, 2014 и 2015 гг. (участки К, П, С, Т раскопа V). Образцы отбирались как колонками, так и в виде отдельных проб грунта из заполнения жилищ, дополнительно были исследованы заполнения очагов обеих построек (рис. 44). Использовался комплексный подход, включающий морфологический анализ (фиксация специфики слоя в поле), аналитические исследования (определение физико-химических свойств каждого слоя) и микробиоморфный анализ (уточнение использованного в прошлом типа органического материала).

Участок К (2008 г.).

В раскоп попали центральная часть жилого отсека постройки «А» с очагом и периферийная часть жилого отсека постройки «Б». Образцы отбирались на трех участках раскопа.

1. Квадрат 66, южная стенка раскопа. Особенностью этого участка было отсутствие заполнения постройки «Б», граница которой располагалась восточнее того места, где отбиралась колонка образцов. Стратиграфия выглядела следующим образом: под дерном шел слой 1 – аморфный, нарушенный многочисленными кротовинами и перекопами грунт. Ниже располагался слой 2 – прослойка коричневого суглинка с включениями темно-серого суглинка. Ее верхняя часть была сильно нарушена кротовинами и засорена более поздним материалом, попавшим сюда из слоя 1. Нижняя часть прослойки сохранилась лучше: в ней отсутствовала ошлакованная керамика, лощеная и подлощенная посуда (маркеры слоя 1). Далее шел тонкий слой желтого суглинка – нивелирующая подсыпка над по-

стройкой «А». Под ней было расчищено собственно заполнение постройки «А», которое состояло из темно-серого суглинка с включениями желтого суглинка и угольков, толщиной 2–10 см. Исследована вертикальная колонка образцов. Определено количество органического углерода, валового фосфора и фитолитов. Нижние образцы практически не содержат фосфора и органики, что нормально для почвенных горизонтов. Количество этих элементов резко возрастает выше по профилю. Это не типично для почв и связано с антропогенным генезисом нижней части профиля. Особенно выделяются образцы из заполнения постройки «А». Там фосфора более 4%. Это возможно лишь в случае разложения здесь значительных объемов животной органики. В этих же образцах много фитолитов, но максимальное их количество зафиксировано в слое нивелирующей подсыпки над постройкой «А». В составе фитолитов во всех образцах много мхов, но особенно много их в образце из заполнения постройки «А». Можно уверенно говорить о том, что люди использовали здесь значительные объемы мхов.

2. Квадрат 64, восточная стенка раскопа (рис. 45). На этом участке исследовалось заполнение обеих построек «А» и «Б», которые разделяла нивелирующая подсыпка из желтого суглинка. Заполнение постройки «А» залегало непосредственно на материке. Изучена вертикальная колонка из 12 образцов (отсчет снизу вверх). Образцы из колонки, относящиеся к постройке «А», происходили из ее периферийной части, примыкающей к восточной стене жилища. Образцы из постройки «Б» соответствовали участку, находящемуся приблизительно посередине между очагом и западной стеной постройки. Определено содержание валового фосфора, органического углерода и фитолитов. Наиболее интересны для нас в данном случае образцы 2 и 8. Образец 2 был взят из заполнения постройки «А» Слой небольшой мощности и ровного, практически линейного, простираения. Он морфологически хорошо выделяется по темному, практически черному, цвету. Верхние и нижние границы слоя линейные, резкие, хорошо фиксируются. По сравнению с ниже и выше лежащими горизонтами – образцы 1 (материк) и 3 (нивелирующая подсыпка) – слой выделяется высокой концентрацией валового

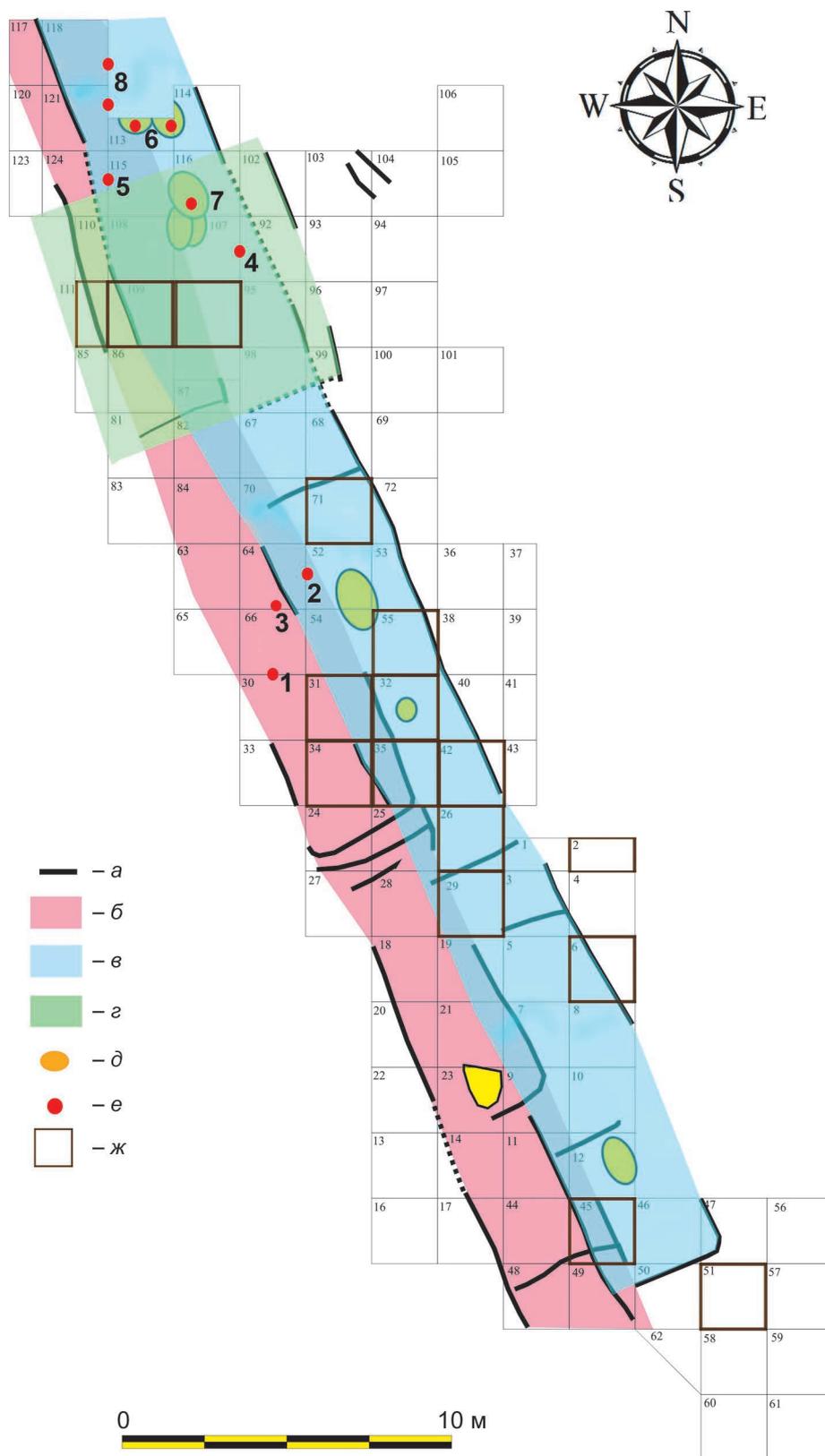

Рис. 44. Схема квадратов раскопа V. Цветом выделены квадраты, где были отобраны колонки образцов для почвенных и фитолинтных исследований. *a* – канавки от стен построек «А» и «Б»; *б* – постройка «А», *в* – постройка «Б», *г* – постройка «В», *д* – очаги; *е* – места отбора образцов (1 – кв. 66; 2 – кв. 64; 3 – кв. 65/66; 4 – кв. 92; 5 – кв. 115; 6 – кв. 113; 7 – кв. 116, 8 – кв. 118 и 121), *ж* – квадраты отбора образцов, не упоминаемые в статье

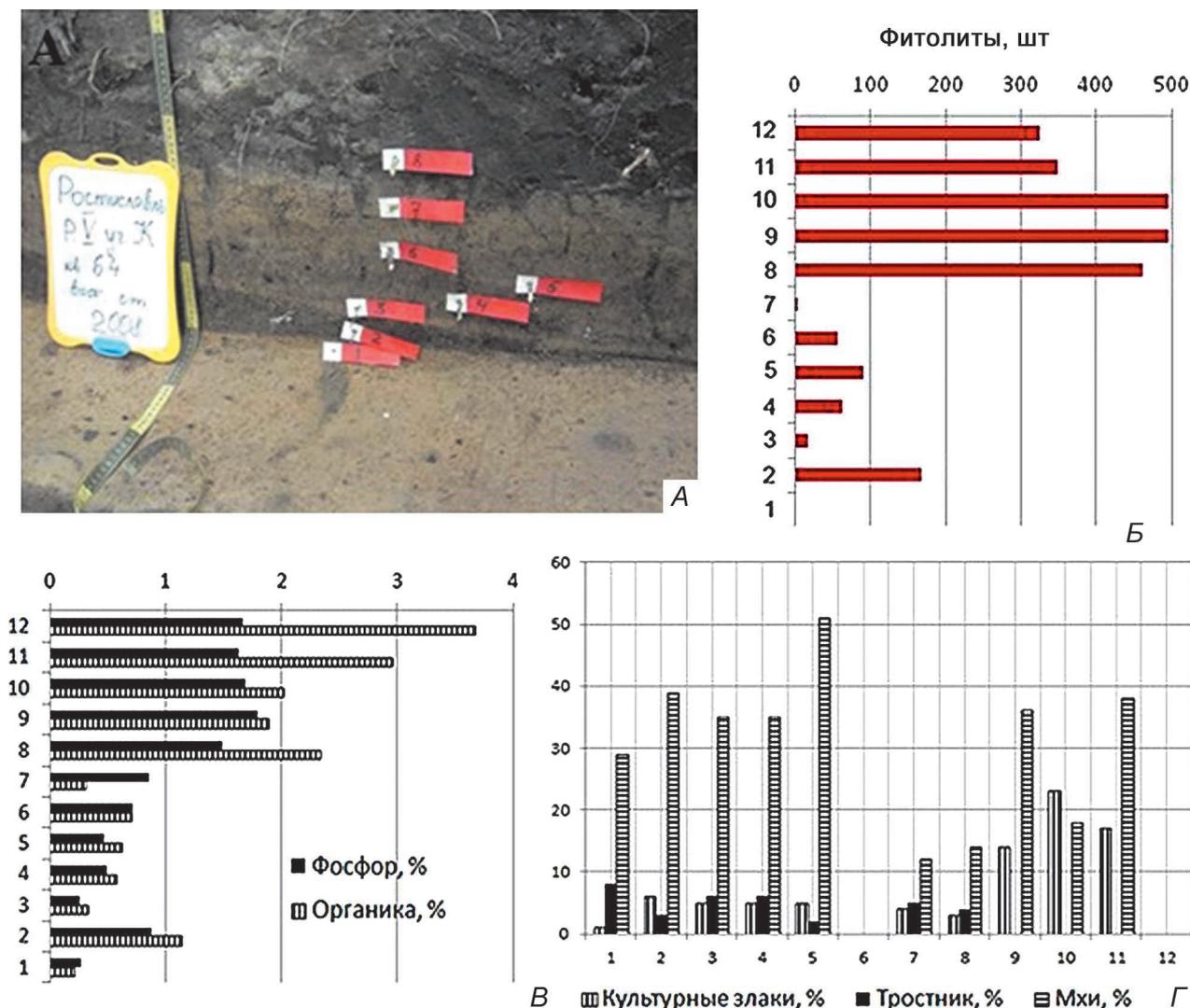

Рис. 45. Участок К, кв. 64 (восточная стенка). А – фото профиля с местами отбора проб; Б – количественное распределение фитолитов; В – содержание валового фосфора и органического углерода; Г – состав фитолитных фракций. На графиках Б и В по вертикали указан номер пробы; на графике Г – содержание фитолитных групп в%

фосфора (около 1%), органического углерода, большим количеством фитолитов. В составе фитолитов существенную долю составляют мхи. Относительно много также фитолитов тростника.

Образец 8 происходит из придонной части постройки «Б». Он содержит большое количество органической массы, много валового фосфора и фитолитов. В составе фитолитного комплекса есть формы, характерные для тростника, культурных злаков и мхов. Данный количественный и качественный состав различных элементов и микроскопических частиц типичен для культурных слоев.

По сравнению с заполнением постройки «А» (образец 2), можно отметить увеличение всех показателей – валового фосфора, ор-

ганического углерода, фитолитов. Последних больше практически в три раза, что позволяет говорить о том, что при формировании этого слоя использовались значительно большие объемы растительной массы, чем ранее. При этом изменился состав растений – сократилось абсолютное доминирование мхов. Возможно, это связано со сменой функциональной значимости исследуемого участка жилища.

3. Квадраты 64/66. На этом участке исследовалось заполнение постройки «А». Оно залегало на материке. Мощность его составляла от нескольких сантиметров в центральной части раскопа до 15–20 см у восточного борта. Сверху его перекрывал слой 2 (с запада) и нивелирующая подсыпка (в восточной

части раскопа). При этом канава от западной стены постройки «Б» частично нарушила заполнение более раннего жилища, в частности, северо-восточный край его очага. Верхняя часть очага (включая бортики) не сохранилась. Сохранилось лишь углубленное в материк на 5–7 см ложе очага овальной формы размерами 90×55 см (с длинной осью по линии С–Ю). Заполнение очага состояло из светло-серого суглинка с включениями темно-серого суглинка, углей и большого количества золы. Материк под очагом был прокален до красно-бурого цвета. Рядом с очагом, к западу, фиксировалось еще одно пятно прокала размерами 110×80 см, отмечавшее место размещения более раннего отопительного устройства. Образцы были взяты из заполнения очага и с пола рядом с очагами (рис. 46, А). В образце из очага фосфора много, что нормально, поскольку при приготовлении пищи в огонь попадают (проливаются или просыпаются) продукты питания. Органическая компонента при этом сгорает, а минеральная (фосфор) остается и со временем накапливается. Количество фитоцитов мало. Это также нормально, если в очаге сжигалась древесина, поскольку дерево не образует фитоциты.

В обоих образцах с различных участков пола постройки «А» фосфора много (более 1%), что указывает на то, что на полу была какая-то подстилка из животной органики (шерсть, шкуры, войлок и т.п.). Фитоцитов мало, но доля мхов составляет 15%. То есть мох на полу жилища присутствовал.

Участок II (2012 г.). Квадрат 92, западная стенка раскопа.

Здесь исследовался небольшой участок одного из отсеков постройки «Б», заполнение которого залегало непосредственно на материке. Была прослежена канавка от восточной стены постройки. Постройка «А» в этот участок раскопа не попала, поскольку она размещалась западнее. Изучена вертикальная колонка из 7 образцов (нумерация снизу вверх) (рис. 46, Б). Колонка отбиралась на участке внутри жилого отсека на удалении от очага. Определено содержание валового фосфора и фитоцитов. Наибольший интерес представляют три нижних образца из колонки. Образец 1 происходит из придонной части постройки, образец 2 также относится к самой нижней части сооружения.

Оба этих образца характеризуют самый ранний (начальный) этап функционирования постройки «Б». Образец 3 был взят из слоя светло-серого суглинка, представлявшего собой искусственную подсыпку на полу жилища, возникшую после завершения первого этапа жизни жилища. Остатки подобных подсыпок (или «полов») были зафиксированы практически во всех жилых отсеках постройки «Б». В некоторых случаях куски подобных «полов» были расчищены на значительной площади. Их толщина составляла от 4 до 7–8 см. Так как «полы» неоднократно обновлялись, их остатки залегают в несколько слоев один над другим (в тех местах, где они не подверглись впоследствии разрушению перекопами). Культурный слой между этими «полами» представлял собой горизонты, сформировавшиеся в процессе эксплуатации того или иного «пола». В данной колонке эти периоды отражены образцами 1, 2 и 4. Образец 4 соотносится с самой верхней частью заполнения постройки «Б», которая была нарушена многочисленными перекопами.

Во всех образцах фосфора много и очень много, что типично для культурных слоев. Меньше всего этого элемента в образце 3, но и там больше природной нормы. Наибольшее количество (более 2%) в самом нижнем образце (№ 1), который был взят из придонной части заполнения непосредственно над материком. Такие большие количества фосфора возможны только в случае разложения концентрированной животной органики, например, шерстяного войлока и т.п.

Количество фитоцитов в образцах разное. Минимальное присутствовало в образце 3, максимальное – в образце 4. Интересно, что во всех образцах высока доля фитоцитов мхов. То есть все культурные слои в постройке «Б», вне зависимости от их современного состояния (*in situ* или частично переотложенные), формировались при значительной примеси мхов в составе органического материала. Кроме мхов, в составе образцов есть фитоциты культурных злаков и тростника. Микрочастицы культурных злаков – нормальное явление в помещениях населения земледельческих культур. Они осаждаются в виде тонкой пыли при работе с зерном. Частицы тростника случайно попасть в жилище не могли, их наличие однозначно указывает, что эти растения здесь

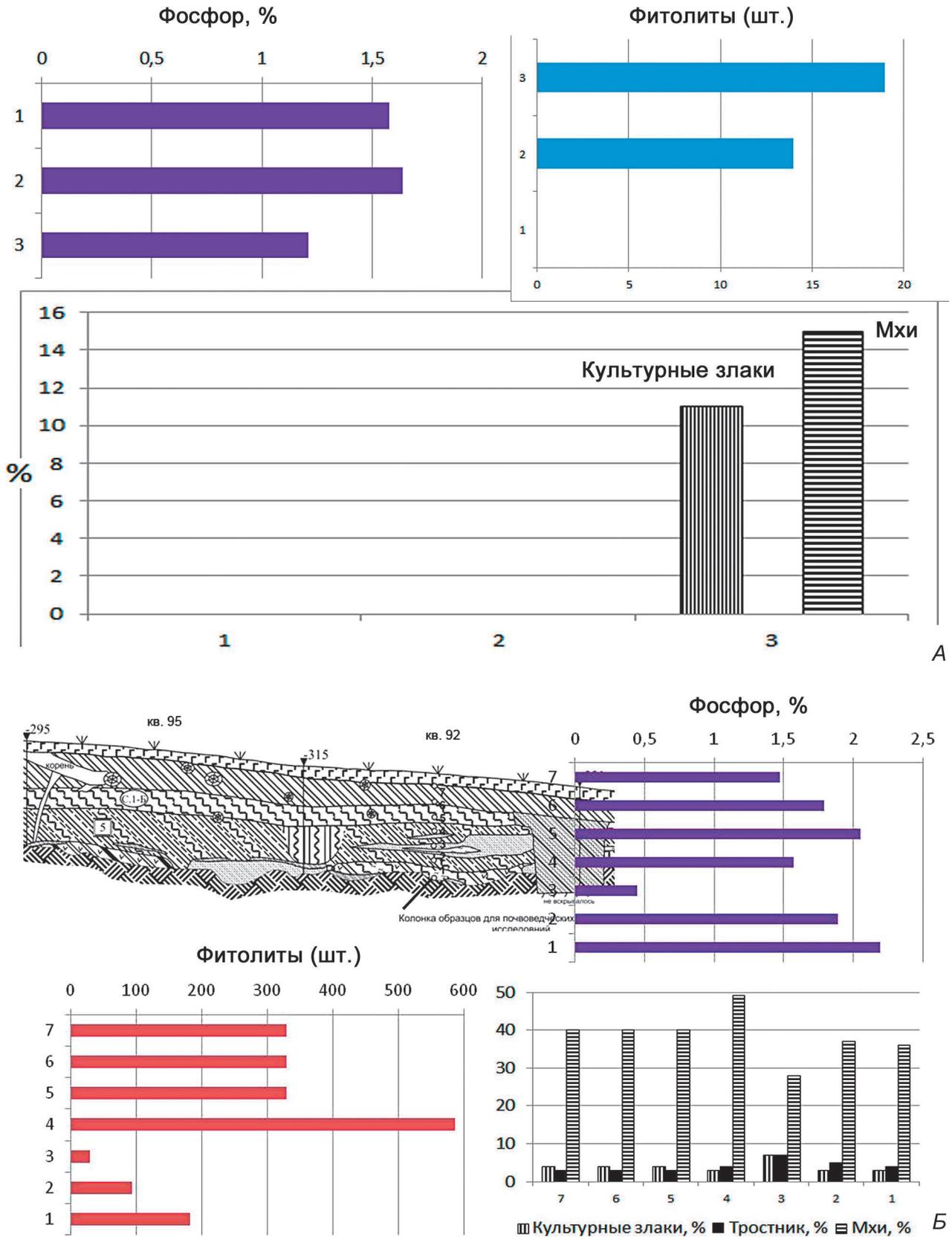

Рис. 46. А. Участок К. Диаграммы основных свойств образцов из кв. 64/66 (1 – очаг постройки «А»; 2, 3 – образцы с пола рядом с очагом постройки «А»). Б. Участок II (2012 г.) Кв. 92, западная стенка раскопа (участки отбора проб и диаграммы их основных свойств)

использовались для каких-то целей. Следует отметить, что хотя тростник, являясь представителем семейства злаковых, формирует много фитолитов, но диагностических форм образуется мало. То есть кажущаяся относительно небольшая доля фитолитов этих растений свидетельствует о значительных объемах реально использовавшегося тростника в древности. Можно, таким образом, предположить наличие в интерьерах жилища тростниковых матов или чего-либо подобного.

Обращает на себя внимание образец 3, где содержалось меньше всего фосфора и фитолитов. Это можно объяснить происхождением образца: он был взят из суглинистой подсыпки на полу постройки, представлявшей собой своеобразное напольное покрытие. Сравнение образцов 1 и 2, взятых из нижней части постройки с образцом 4, который соответствует одному из верхних горизонтов обжигания, показывает, что на начальном этапе функционирования жилища в интерьере превалировала животная органика, фитолитов в них значительно меньше, чем в образце 4, где их очень много, в особенности тростника.

Участок С (2014 г.).

Во время раскопок на этом участке заполнение постройки «А» в полевых условиях прослежено не было. Позднее, после анализа полевой документации и сопоставления ее с результатами раскопок предшествующих лет, стало ясно, что, вероятно, к этой ранней постройке может иметь отношение тонкий прослой, который четче всего фиксировался в юго-восточном углу раскопа. Это был углистый слой, залегавший практически сразу на материке. В раскоп также попали два отсека постройки «Б»: отчетливо читалась поперечная стена, разделявшая в древности помещения длинного дома. Оба отсека были отапливаемыми: внутри них были расчищены остатки очагов. В обоих случаях очаги, как и сами помещения отсеков, неоднократно ремонтировались – насыпались новые полы.

Квадрат 113, постройка «Б». Рассмотрены отдельные образцы по площади квадрата близко к очагам постройки, либо непосредственно из их заполнения (рис. 47). Все образцы брались из одного и того же отсека постройки «Б»:

1. Очаг 3, зола. Фосфора много в пределах относительной нормы для очагов, фито-

литов много, преобладают формы, характерные для культурных злаков. Следовательно, здесь в процессе приготовления пищи в огонь попала солома культурных злаков и чешуйки зерен.

2. Очаг 4, зола. Как и в предыдущем случае (очаг 3), количество валового фосфора соответствует значениям, возможным в кухонных очагах. Фитолитов мало, т.е. сжигалась древесина, не травы. Доминирование мхов в этом случае можно связать с тем, что деревья в таежной зоне часто покрыты мхами и лишайниками.

3. Очаг 5, зола. Очень много фосфора при отсутствии фитолитов. Здесь однозначно сжигалась какая-то животная органика.

4. Зола на полу рядом с очагом 5. Максимально высокое количество фосфора, фитолитов мало, в их составе преобладают мхи. Здесь также горело что-то животного происхождения, но была и небольшая по объему растительная масса, среди которой доминировали мхи.

Квадрат 115, западная стенка раскопа. Изучена колонка из 10 образцов (рис. 48, А). В образцах определено содержание органического углерода, валового фосфора, карбонатов кальция и фитолитов. Керамический материал четко свидетельствует о том, что верхний горизонт заполнения постройки «Б» фактически не имеет отношения к периоду жизни этой постройки. Скорее всего, это культурный слой более позднего времени, просевший внутрь постройки по мере уплотнения ее первоначального заполнения. Поскольку средняя часть профиля переотложена, то любые количественные показатели могут свидетельствовать лишь о том, что здесь был культурный слой, обогащенный органическими соединениями. Какие-либо конкретные выводы невозможны. Это касается содержания всех химических элементов и микроскопических частиц, определенных в этих слоях. Поэтому из всей колонки наиболее интересными являются результаты анализов по трем самым нижним образцам (образцы 1, 2 и 3). Образец 1 может относиться к постройке «А», образцы 2 и 3 происходят из заполнения постройки «Б». По содержанию органического углерода выделяются верхние горизонты современной почвы (образцы 8–10), средняя часть переотложенного слоя 2 (образцы 4 и 5)

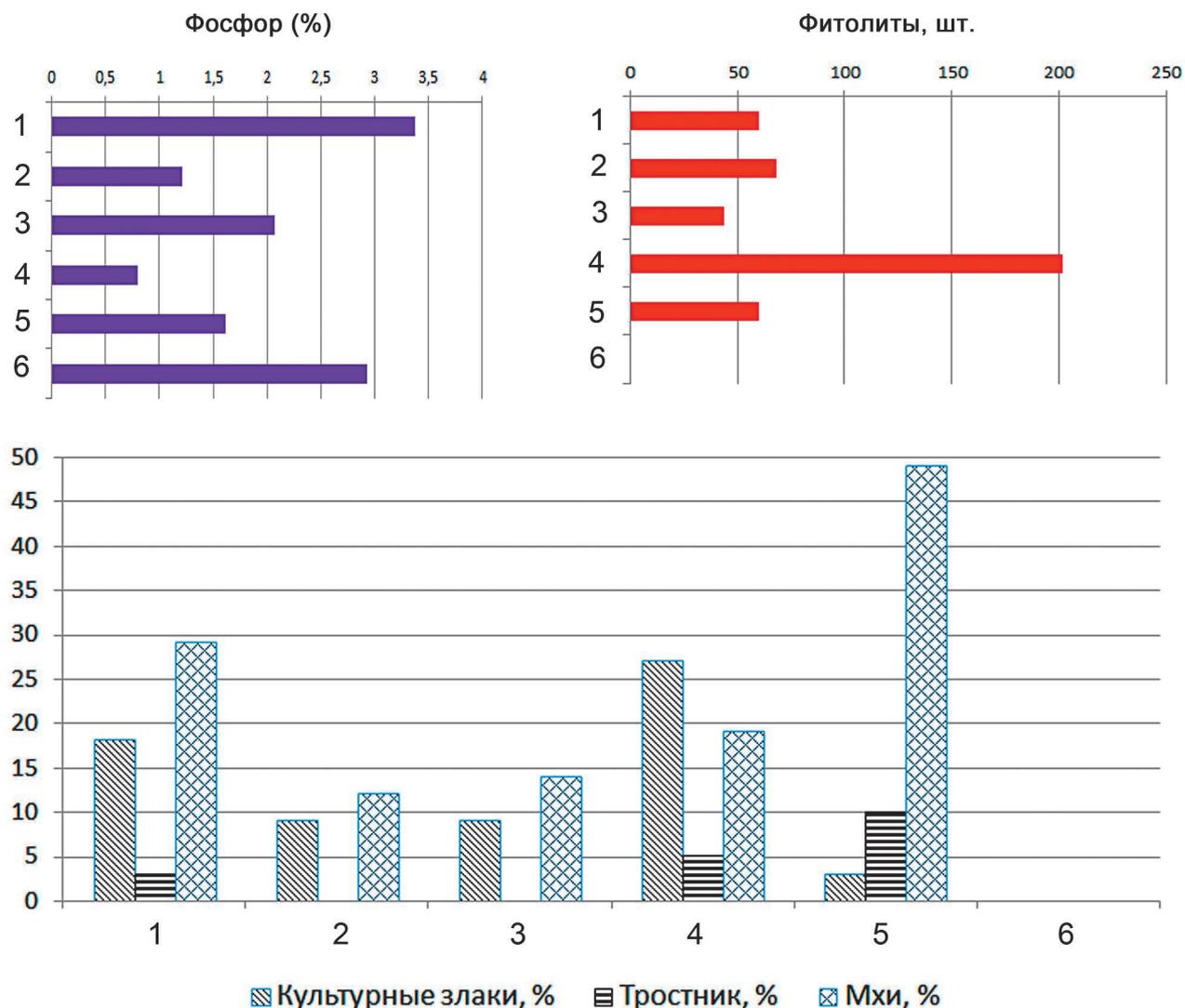

Рис. 47. Участок С (2014 г.) Постройка «Б». Диаграммы основных свойств образцов из кв. 113/114. 1 – кв. 113, -450 – -460 см, зола на полу постройки «Б»; 2 – кв. 116, заполнение очага; 3 – кв. 116, зола из очага 2; 4 – кв. 113/114, -420 – -430 см, зола из очага 3; 5 – зола из очага 4; 6 – кв. 113, зола из очага 5

и угольный слой над материком, который, возможно, представлял собой остатки заполнения постройки «А» (образец 1).

Угольный слой на дне (образец 1) содержит больше органического вещества, валового фосфора, карбонатов, по сравнению с образцом 2 (дно постройки «Б»). Можно предположить, что горела не только растительная органика, но и животная. Количество фитолитов различается незначительно, хотя в образце 1 их больше, чем в образце 2. Но качественный состав фитолитного комплекса абсолютно разный. Продемонстрируем соотношение только трех групп фитолитов – культурных злаков, тростника и мхов (рис. 48, А). Эти группы выбраны как наиболее

значимые и информативные для понимания выявленных следов органики на полу постройки. Хорошо видно, что в угольном слое на дне (образец 1) из этих трех групп присутствуют лишь формы, характерные для культурных злаков. В образце 2 этих форм очень мало, зато более 50% составляют фитолиты мхов. Можно сделать предположение, что среди сгоревшего материала в образце 1 была шелуха зерен культурных злаков, а на полу постройки «Б» истлела выстилка из мхов. Отсутствие фитолитов тростника в образце 1 в совокупности с общим малым количеством этих частиц позволяет более уверенно говорить о том, что растительной выстилки в этом месте на полу не было.

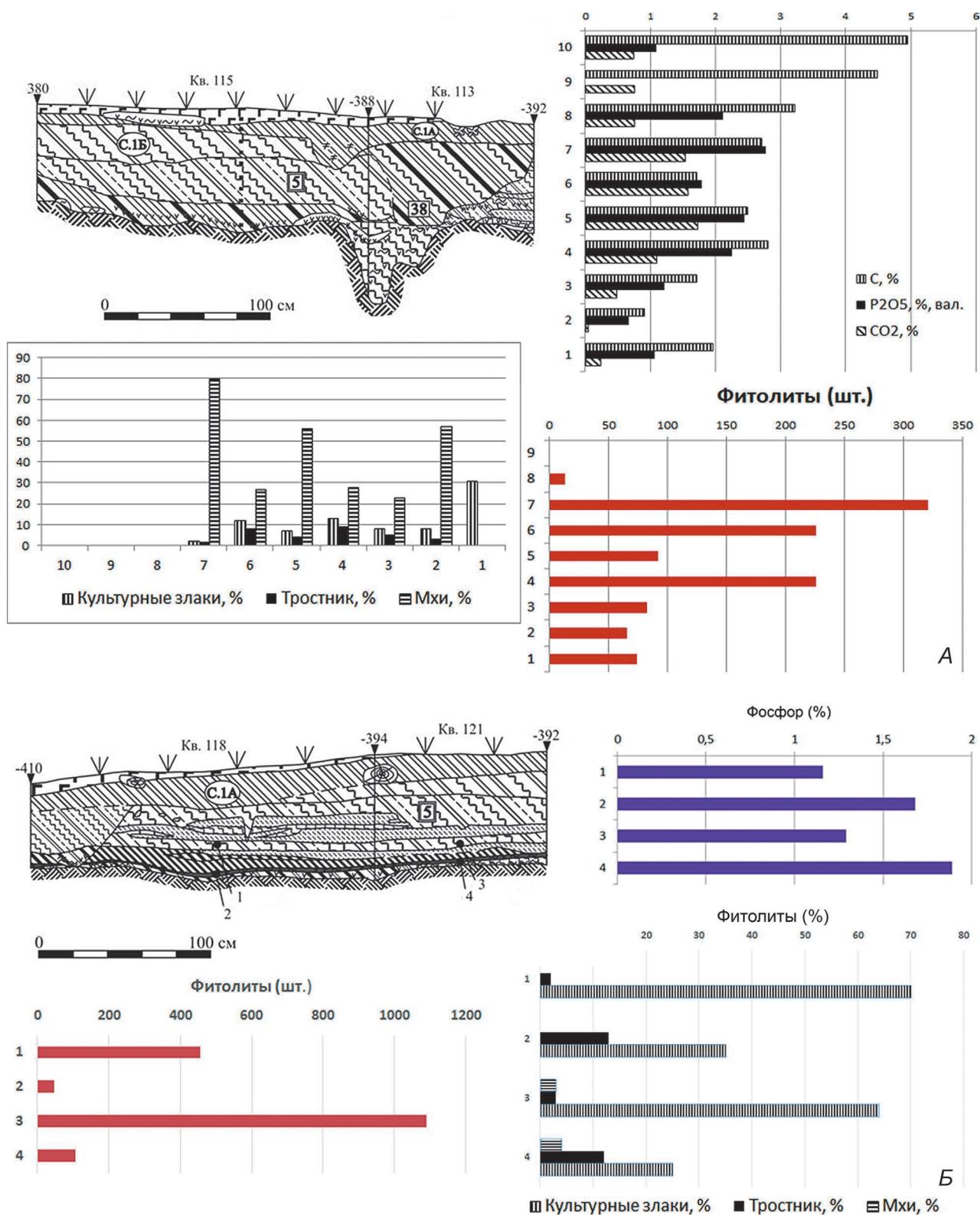

Рис. 48. А. Участок С (2014 г.). Стратиграфия в западном борту кв. 115, участки отбора проб 1–10 (показаны черными точками) и диаграммы их основных свойств. 1 – угольный слой на дне постройки «А»; 2 – дно постройки «Б»; 3–5 – постройка «Б» (перетолженная часть); 6 – слой 2, верхняя часть; 7 – слой 1, нижняя часть; 8 – слой 1; 9 – слой 1, верхняя часть; 10 – современный дерн
 Б. Участок Т (2015 г.). Стратиграфия в восточной стенке кв. 118 и 121, участки отбора проб и диаграммы их основных свойств. 1, 3 – образцы из слоя между полами постройки «Б»; 2, 4 – образцы из заполнения постройки «А»

Квадрат 116, постройка «Б». Рассмотрены два образца, связанные с очагом 2. Этот очаг, который сохранился очень плохо, располагался в другом, соседнем отсеке постройки «Б» (рис. 44).

1. Очаг 2, зола. Содержание фосфора и фитолитов типично для кухонных очагов, где сжигается древесина и, в процессе приготовления пищи, в очаг случайно попадают какие-то пищевые продукты.

2. Заполнение очага. Можно считать, что по своим химическим и микробиоморфным характеристикам этот образец аналогичен рассмотренному ранее образцу из этого же квадрата. То есть здесь также сжигалась древесина и случайно попадала органика в процессе приготовления пищи.

Участок Т (2015 г.).

Квадраты 118 и 121, восточный профиль. В раскоп попали часть постройки «А», примыкающая к ее восточной стене, и участок постройки «Б» между ее западной стеной и очагами. Исследовано 4 образца: два из них (образцы 1 и 3) взяты из слоя между суглинистыми полами постройки «Б», который соответствует начальному этапу ее функционирования. Образцы 2 и 4 происходят из заполнения постройки «А». Как видно из описания и на схеме (рис. 48, Б) образцы попарно дублируют друг друга (1 и 3, 2 и 4). Проведено определение валового фосфора. Результаты анализов по парным образцам практически совпали и существенно отличаются между собой. Во всех образцах количество фосфора существенно превышает природные значения, что указывает на искусственный генезис обоих слоев. Но в образцах 2 и 4 фосфора больше 1,5%, что возможно только при разложении животной органики, такой как кожа, войлок и т.п. Слой, из которого взяты эти образцы, выглядит как ровная линейная черная (темно-бурая) прослойка. Мощность прослойки практически неизменна по всему простиранию профиля участка. Верхняя и нижняя границы линейные, резкие, четко фиксируемые. Все это в совокупности позволяет говорить о том, что рассматриваемый прослой – это остатки какого-то покрытия пола жилища, состоявшего из шерсти (ковер? войлочная циновка?).

Образцы 1, 3 и 2, 4 резко различаются и по данным фитолитного анализа. В первой

паре образцов фитолитов на порядок больше, чем во второй, а в составе фитолитного комплекса абсолютно доминируют мхи (более 65% от общего количества частиц). Для второй пары образцов доля фитолитов мхов также достаточно велика (25–35%), но в данном случае можно говорить о существенно более значимом вкладе фитолитов тростника в общий баланс фитолитного комплекса (12, 13% по сравнению с 2, 3% для образцов 1, 3).

В 2004 г. в западном борту участка 3 раскопа V были обнаружены углистые скопления в горизонтах двух построек, расположенных одна над другой. Анализ углей показал значительные различия в их составе. В ниже лежащей постройке «А» присутствовали исключительно угли широколиственных пород – дуба, вяза, ясеня, встречались также угли ивы и различных лиственных кустарников. А в массе углей, собранных рядом с очагом постройки «Б» (располагавшейся над постройкой «А»), абсолютно преобладали (12 из 15 просмотренных) хвойные – сосна и ель. Единично присутствовали угли орешника, какого-то розоцветного и ясеня.

Обобщение данных по специфике культурных слоев жилищ РЖВ

Во всех случаях горизонты жилищ резко выделяются темным цветом, химическими свойствами и микробиоморфным составом. Темный цвет этих прослоев обусловлен большими объемами животного и растительного органического материала. Все почвенные образцы, взятые в пределах жилищ, содержат большие количества валового фосфора, что типично для помещений. Все образцы обогащены древесным детритом, фитолитами, включая фитолиты культурных злаков, тростника и, особенно, мхов. Помимо фитолитов, встречаются кутикулярные слепки разных трав, а это свидетельствует о том, что большие объемы растений разлагались тут *in situ*.

Присутствие тростника позволяет говорить о его возможном использовании в интерьерах построек (тростниковые выстилки или маты?) или при возведении жилища (материал для крыши (?), попадавший в заполнение постройки при ее периодических ремонтах). Большая доля фитолитов мхов свидетельствует о том, что мох также активно использовался в помещениях жителями

городища. Регулярная встречаемость фитолитов мха во всех образцах позволяет говорить о слоях из мха. Их функциональное назначение не очень ясно, но наиболее вероятно, что мох, являясь гигроскопичным растением, выполнял функцию борьбы с повышенной влажностью в жилых помещениях. Высокие концентрации фосфора во всех горизонтах построек однозначно указывают на то, что здесь было что-то из шерсти (маты, ковры?) или шкуры животных. Таким образом, можно предположить использование в интерьерах жилых отсеков обеих построек каких-то органических подстилок (войлочных?) или шкур животных в качестве напольного покрытия. Последовательность прослоев из всех этих материалов не ясна, но их присутствие внутри помещения не вызывает сомнений.

Для заполнения постройки «А», можно отметить, что эти слои выделяются высокими концентрациями соединений и частиц растительной и животной органики. В составе растительной массы абсолютно преобладают мхи. Доля тростника небольшая, но учитывая малую продуктивность диагностически значимых форм в этом растении, можно уверенно говорить, что объемы этих трав были не меньше объемов мхов.

Следует также отметить, что концентрация фосфора в анализах из заполнения постройки «А» была разной. Большая часть образцов, взятых с разных участков жилища (пространство у очагов, пространство между стенами) содержала близкие значения фосфора. На этом фоне выделяется образец с участка К (кв. 66, южный борт), который содержал аномально высокое значение фосфора – более 4%. Что свидетельствует о том, что на этом месте разлагались значительные объемы животной органики.

Обращает на себя внимание сходство анализов из заполнения очагов построек «А» и «Б». В обеих постройках зафиксировано использование топлива как растительного, так и животного происхождения (кости?). Причем два разных вида топлива использовались в очагах постройки «Б», относящихся к одному жилому отсеку. В очагах постройки «А» (участок К, кв. 65/66) сжигалось топливо растительного происхождения: во всех очагах наблюдается большое скопление древесного детрита, в меньшей мере травянистого. Однако

образец из другого очага постройки «А», взятый в 2002 г. с участка Д (кв. 33/34), показал, что в нем сжигалось что-то из кожи или шерсти без дерева или трав (Гольева, 2004. С. 31).

В период функционирования постройки «Б» интерьер ее жилых отсеков неоднократно обновлялся: периодически в помещении устраивали новый пол взамен старого. Формировался новый горизонт обживания, полностью повторяющий по своей структуре предыдущий. И так до 4–5 раз (судя только по сохранившейся части постройки). Насыпка новых полов могла быть вызвана разными причинами, например, ремонтом жилища, поскольку со временем дерево, шкуры и маты начинали подгнивать, отсыревать. Одновременно с настилом нового пола могли и ремонтироваться стены (это предположение невозможно проверить методами археологии, но оно кажется вполне допустимым, поскольку стены постройки не были выстроены из долговечных материалов и требовали постоянного ремонта), в этом случае смена «напольного покрытия» вполне совпадает с мотивацией современного человека. В пользу этого говорит одновременное переустройство очажных конструкций, при этом очаги перестраивались на одном и том же месте несколько раз. Это также могла быть просто попытка «освежить» жилое пространство, для этого не было необходимо перестраивать стены, можно было просто сделать «новый пол».

Таким образом, постоянное возобновление полов и очагов внутри жилых отсеков позволяет сделать вывод о стабильных и длительных условиях функционирования построек на территории городища, преемственности традиций бытования, т.е. устойчивых и комфортных условий для проживания.

По выявленным различиям в составе древесных пород в двух близкорасположенных горизонтах можно сделать два самых общих предположения. Первое: поскольку для постройки «Б» речь идет, скорее всего, об углях из очага, возможно, анализ показал предпочтения обитателей данной постройки, использовавших исключительно древесину хвойных (особенности быта, которые никак не связаны со спецификой природной среды вокруг поселения). Второе: обнаруженные различия указывают на значительные изменения

природно-климатической обстановки за период, прошедший между созданием построек «А» и «Б», когда доминирование широколиственных пород деревьев сменилось хвойными. Для подобной смены состава древостоя необходимо взаимодействие двух факторов: изменение климата и время. Для произрастания широколиственных пород необходимо, чтобы было не менее трех месяцев в году со средней температурой выше 10 °С, при более низких температурах они выпадают из состава древостоя (вымерзают). Поскольку сжигались, судя по углям, не тонкие ветви, а хорошо сформированные стволы, то необходимо время, чтобы, одни древесные породы заменились другими. Иными словами, за период между созданием построек произошло существенное похолодание.

Малая выборка для каждого из горизонтов не позволяет делать определенные выводы. Необходимы дополнительные исследования, сопоставления с данными других анализов. Не исключено, что дальнейшие исследования, накопление материала позволят выдвинуть иную гипотезу.

Состав и генезис насыпей вала РЖВ на городище Ростиславль.

Городище на оконечности мыса ограничено с юга валом высотой до 6 м, протянувшегося от края оврага на востоке до крутого склона на западе (рис. 49). Наличие в его толще обломков керамики и других артефактов однозначно указывает на искусственный генезис всхолмления. Это в совокупности с локализацией объекта воспринималось как оборонительное сооружение, созданное для защиты жителей городища (Коваль, 2000. С. 29; Медведь, 2009. С. 48–454). Есть также гипотеза, что подобные насыпи служили некой границей, отделяющей святилища (Гусаков, 2004. С. 98–108). Во всех этих работах используется термин «вал», который имеет следующую смысловую нагрузку – искусственно созданное всхолмление вытянутой формы, созданное для обозначения какого-то рубежа, границы, с возможной оборонительной целью. В данной работе под термином «вал» будет подразумеваться только то, что сооружение создано людьми, имеет вид вытянутого и узкого (относительно длины) всхолмления. Вопрос, зачем данное сооружение было сделано, не входит в задачи нашей работы.

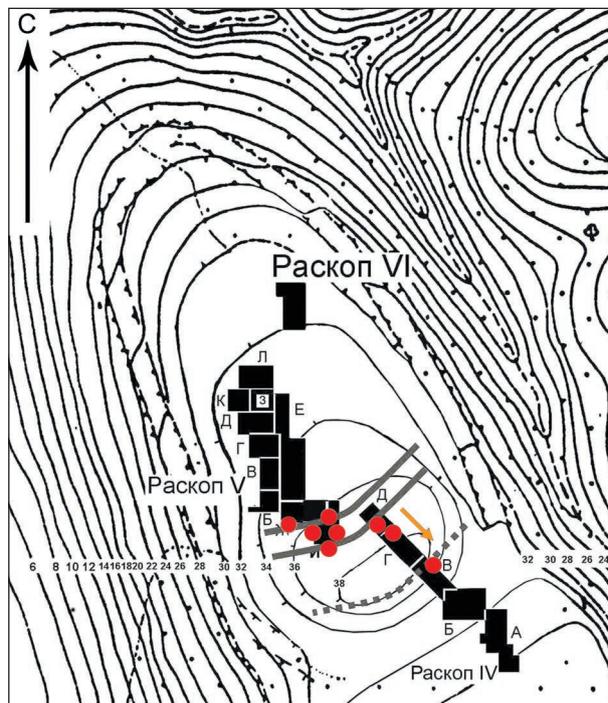

Рис. 49. Схематическое расположение городища эпохи раннего железа с валом (раскопы указаны по состоянию на 2009 г.). Стрелкой показано направление расширения насыпи вала. Кружками обозначены участки отбора проб. Цифры – отметки высот относительно уровня воды в р. Оке. Буквы – обозначения участков раскопов IV и V

В 2005–2010 годах была сделана полная прорезка вала (раскоп IV) и крупная врезка с внутренней части вала (раскоп V). Раскопки выявили сложное строение насыпи, позволили выделить серию этапов в ее создании (Медведь, 2009; Коваль, 2011).

Поскольку толща насыпи представляла собой сложное чередование слоев, прослоев и линз различного цвета и размеров, были проведены естественнонаучные исследования для определения генезиса этих прослоев и линз. Образцы отбирались сериями вертикальных колонок на разных стенках всех археологических разрезов. Было изучено 5 колонок образцов (по 11–17 образцов в каждой колонке), расположенных в разных частях вала, а также отдельные образцы из различных слоев (раскопы IV и V) еще в 3 пунктах вала (рис. 49).

Ниже обобщен весь имеющийся аналитический материал. Большое количество изученных образцов в каждой колонке при пятикратной повторности с учетом дополнительных данных по отдельным слоям делает полученные данные статистически

достоверными. Это позволяет делать выводы относительно генезиса как отдельных слоев, так и всего вала на разных этапах его возведения. В работе использовался комплексный подход, включающий изучение морфологии слоев, их цветности, характера границ непосредственно во время раскопок, проведение химических и микробиоморфных анализов. В ряде образцов дополнительно определялось содержание углерода карбонатов, поскольку морфологический облик отдельных линз указывал на использование карбонатных блоков при каких-то ступенчатых врезках в толще внутренней стенки вала жителями городища.

*Данные химических
и морфологических анализов*

Раскоп IV (участок Г) и раскоп V (участок И): верхняя часть центра вала (раскоп IV, участок Г) и врезка в вал с внутренней стороны (со стороны площадки городища) (раскоп V, участок И). В последнем раскопе исследовалась центральная часть насыпи исходного небольшого вала. На раскопе V-И образцы отбирались колонкой, на раскопе IV только в трех темноокрашенных тонких слоях – маломощных гумусовых горизонтах погребенных почв. Морфологически верхний и нижний гумусированный прослой имели диффузную нижнюю границу, в окраске прослоев преобладал серый цвет, что говорило в пользу природной, почвенной гипотезы формирования этих слоев. Второй, промежуточный прослой имел более интенсивную бурю окраску и резкую нижнюю границу, что не свойственно для естественных почвенных горизонтов. Исследование этих образцов показало, что второй образец существенно отличается по своим свойствам от двух других: он содержал значительно меньше гумуса, но при этом обогащен валовым фосфором и минеральным углеродом. Эти различия свидетельствуют о разном генезисе выделенных прослоев. Верхний и нижний прослой – это погребенные гумусовые горизонты почв, т.е. фиксируются какие-то кратковременные периоды покоя, преобладания природных процессов почвообразования. Промежуточный прослой, скорее всего, это полностью разложившаяся древесина, находившаяся на поверхности вала. Для дерева характерны довольно высокие количества валового фосфора.

Большое количество карбонатов (известняка) не является типичным признаком древесины. Может быть, древесина соприкасалась с известняком в процессе использования.

В раскопе IV наблюдалась четкая смена различных этапов создания вала, т.е. вал регулярно достраивали, увеличивая в размерах и сдвигая в наполную сторону (Коваль, 2011). Здесь выявлены 2 периода почвообразования – этапов относительно стабильной поверхности, причем оба они зафиксированы в самых верхних горизонтах насыпи. Продолжительность этих периодов была небольшой – порядка 3–5 лет, поскольку гумусированные слои имеют малую мощность – до 3 см. Всего прослоев различной мощности и цветности много, но характер их нижних границ не позволяет считать эти прослой почвенными горизонтами.

В течение двух полевых сезонов проводились работы по исследованию основания вала на участке И раскопа V. В 2006 году были отобраны образцы верхней части основной насыпи вала, в 2007 году – нижней. Образцы для исследования в 2007 г. являлись продолжением общей колонки всей толщи вала и погребенной под ним почвы. Таким образом, в результате была создана единая сквозная колонка серии образцов из различных слоев насыпи вала вместе с подстилающей почвой.

В толще вала на отметках 82–92 см под серым прослоем и глинистым прокалом найдется белесовато-кремовый рыхлый сгусток, который в поле был диагностирован как сильно разложившийся известняк. Для уточнения этого вопроса было проведено определение содержания минерального углерода как самого образца, так и золистого слоя непосредственно под ним (94–105 см). Содержание минерального углерода в самом образце оказалось очень велико – 9,06%, а если сделать пересчет с углерода на известняк карбонатов, то эта величина возрастает до 20,6%. Это однозначно свидетельствует, что белесовато-кремовый сгусток является известняком, сильно разрушенным кислыми почвенными растворами. Содержание минерального углерода в нижележащем слое велико – 1,56%, но это существенно меньше, чем в расположенном над ним известняке. Очевидно, происходит процесс разрушения известняка и обогащение карбонатами нижележащей толщи.

Вся исследованная колонка имеет нейтральную в верхней части и щелочную в нижней реакцию почвенных растворов, что не характерно для природных зональных кислых почв. Переход от нейтральной к щелочной среде фиксируется начиная с глубины 82–92 см, т. е. с известкового ружьяка. Таким образом, за прошедшие тысячелетия, под воздействием кислых природных растворов, известковый камень, который положили на поверхность вала, сильно разрушился. Он стал рыхлым. Вымываемые из него карбонатные соединения обогащали карбонатами нижележащие слои, подщелачивая их. Этот процесс типичен в более южных регионах, где в почвах присутствуют естественные скопления карбонатов. В данном случае известняк был установлен искусственно, но все остальные процессы преобразования грунта, изменения его химических свойств имеют природный диагенетический характер. Так же очевидно, что в процессе создания насыпи люди активно и регулярно использовали известняк, поскольку карбонатами обогащены не только слои под камнем, но и вся толща насыпи. Не содержат карбонатов только самые нижние слои – материковый или минеральный горизонт исходной породы и слабо сохранившийся иллювиальный горизонт исходной подзолистой почвы. Отсутствие карбонатов типично для почв нашей природной зоны, поэтому данные для образцов 1 и 2 нормальны, а все остальные результаты однозначно связаны с привнесением известняков из ближайших мест, например, со дна или стенок оврагов или иных обнажений.

Содержание органического углерода, его распределение по колонке типично для органно-минеральных слоев: максимальные количества соответствуют горизонтам и слоям, обогащенным гумусом (верхние горизонты почв, органические тлены, золистые слои). Наименьшие значения отмечены в самом нижнем горизонте – переходном к почвообразующей породе, что нормально для этих горизонтов почв.

Распределение валового фосфора в основном коррелирует с таковым для органического углерода, но есть и некоторые отличия. Так, серия прослоев насыпи содержит фосфора больше, чем современная почва, при этом содержание элемента с глубиной возрастает,

достигая огромных величин в образцах 3 и 5. Можно предположить, что исходная насыпь создавалась за счет материала культурного слоя, т. е. на момент создания этой насыпи участок уже был длительное время обжитым. Аномально высокие количества валового фосфора в двух образцах (3 и 5) могут быть объяснены присутствием разложившейся животной органики. Минимальные значения по фосфору, как и по другим соединениям, характерны для самого нижнего горизонта, который является переходным к почвообразующей породе (материку). Но и в этом горизонте фосфора больше, чем должно быть для материка. Некоторое увеличение значений по валовому фосфору в образце 1 однозначно связано с обилием фосфора в вышележащей толще – зафосфачиванием всей толщи насыпи вала. В подобных случаях избыток фосфора, который не может больше осаждаться химическим и хемосорбционным путем за счет полного насыщения фосфором, мигрирует вниз по профилю, вызывая зафосфачивание нижних слоев (Гольева, 2008. С. 78–82). Этот процесс хорошо изучен для пахотных горизонтов современных почв. Очевидно, что в культурных слоях с обилием фосфора данный процесс также имеет место.

Основной вывод, получаемый по данным химических анализов, следующий – вал создавался за счет антропогенно преобразованных грунтов – культурных слоев уже существовавшего на тот момент поселения. Дополнительно к этому, люди использовали известняк, возможно, в виде камней, которые со временем разложились, обогатив нижележащую толщу карбонатами. В двух местах (образцы 3 и 5) можно говорить о разложившейся животной органике.

Раскоп IV (юго-западная и северо-восточная стенки раскопа).

В обеих колонках определялось содержание органического углерода и валового фосфора. Химические свойства обеих колонок сопоставимы, поэтому можно дать общее заключение. Все образцы имеют сильнощелочную реакцию почвенных растворов, что не нормально для почв нашей природной зоны, но типично для объектов, созданных человеком. Подщелачивание происходит за счет значительных примесей различных компонентов (органических и неорганических),

формирующих устойчивую щелочность. По содержанию валового фосфора, образцы 1–4 – это погребенная почва, выше – различные по генезису слои насыпей вала. Практически во всех слоях фосфора много, т.е. это всегда были культурные слои. Некоторым исключением является образец 7 из северо-восточного профиля, где содержание органики и фосфора соответствует данным для поверхностных горизонтов почв.

Микробиоморфные исследования

Раскоп IV, участок Г.

1-й гумусированный прослой. Это, с одной стороны, типичный верхний почвенный слой, где росли различные травы, шли процессы гумусообразования. Растения были сожжены. Но, поскольку в составе фитолитного комплекса встречаются очень разные растения, которые не могут произрастать вместе на наклонной поверхности вала, скорее всего, некоторые растения были для сжигания принесены дополнительно. После пожара поверхность была некоторое время открыта, проросли отдельные травы (часть фитолитов не имеет следов обугливания), осела пыльца (она полностью уничтожается при высоких температурах), появилась почвенная биота (грибной мицелий и личинки почвенной фауны также уничтожаются при высоких температурах), т.е. восстановились процессы почвообразования.

2-й гумусированный прослой. Слой не является почвенным – это искусственно созданный настил из значительных объемов разнообразных трав, которые разлагались на данном месте (процесс гниения). В пользу данного предположения служит отсутствие обугленных частиц, общий бурый цвет детрита, большое количество целых (это очень важно) панцирей диатомовых водорослей. Отсутствие признаков почвообразования (корней трав, гифов грибов и пр.) указывает на то, что формирования почвы или просто травянистой дернины в данном слое не было.

3-й гумусированный прослой. На данном месте было искусственно собрано большое количество различных трав (состав фитолитов близок к аналогичному из образца 2), которые были сожжены. Из-за этого растения не сгнили, а обуглились, поэтому в целом цвет слоя темный, ближе к черному. Затем какое-то время участок был открыт, проросли травы, нача-

лись процессы почвообразования, сформировалась дернина. Корни трав изменили линейный характер нижней границы прослоя, сделав его постепенным. Таким образом, назвать слой маломощной погребенной почвой можно.

Раскоп V, участок И. Восточный профиль (рис. 50, А).

0–10 см (современная почва). Микробиоморфный комплекс типичен для образцов из верхних почвенных горизонтов. Фиксируется некоторое угнетение травянистого покрова на поверхности почв, его изреженность. В целом растительный покров можно охарактеризовать как луговой с участием растений сухих лугов и сорной флоры.

55–75 см (культурный слой). Микробиоморфный комплекс типичен для культурных слоев, где преобладает древесина, а в меньшей степени травы.

75–76 см (зольный слой над глинистым прокалом). Слой пожара. Горела в основном древесина, объемы горевшей травы невелики. Возможно, трава попала случайно в виде примеси. В то же время, после пожара участок был открыт некоторое (очень непродолжительное) время, проросла трава (часть фитолитов и кутикулярных слепков не обуглены), начались процессы почвообразования (появился грибной мицелий).

80–82 см (серый слой над известняком). Согласно общему составу микробиоморфной фракции, слой однозначно является поверхностным почвенным слоем, где шла минерализация органики (опада) и формировался гумус – об этом свидетельствуют гифы, пыльца и раковинная амеба. Сложнее объяснить пестрый состав фитолитного комплекса. Скорее всего, на данном месте был слой навоза или подстилки для скота, который год или два был поверхностным и зарос травой.

94–105 см (золистый слой). На данном месте, возможно, была какая-то прослойка из трав, которая была сожжена или на участок была высыпана зола. Впоследствии некоторое время (год или даже теплый сезон) поверхность была открыта, поскольку фиксируются самые начальные стадии почвообразования – формирование грибного почвенного мицелия.

128–133 см (серый слой). Образец формировался за счет сухого разложения (минерализации) разнообразных трав, включая луговые, лесные, водные, культурные растения.

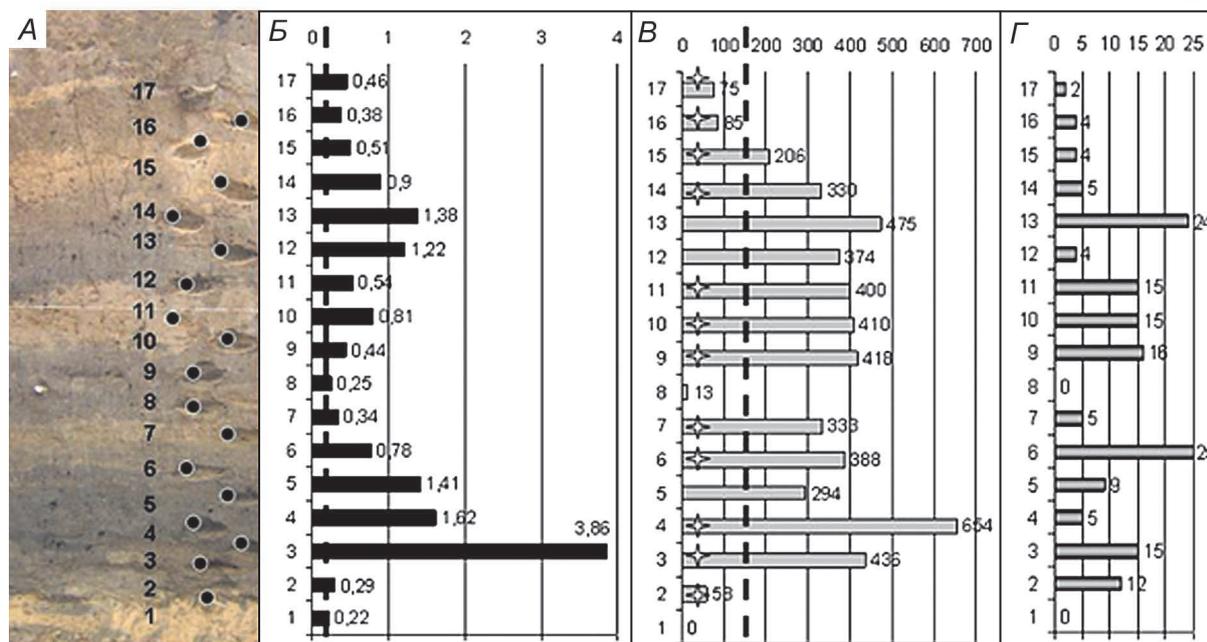
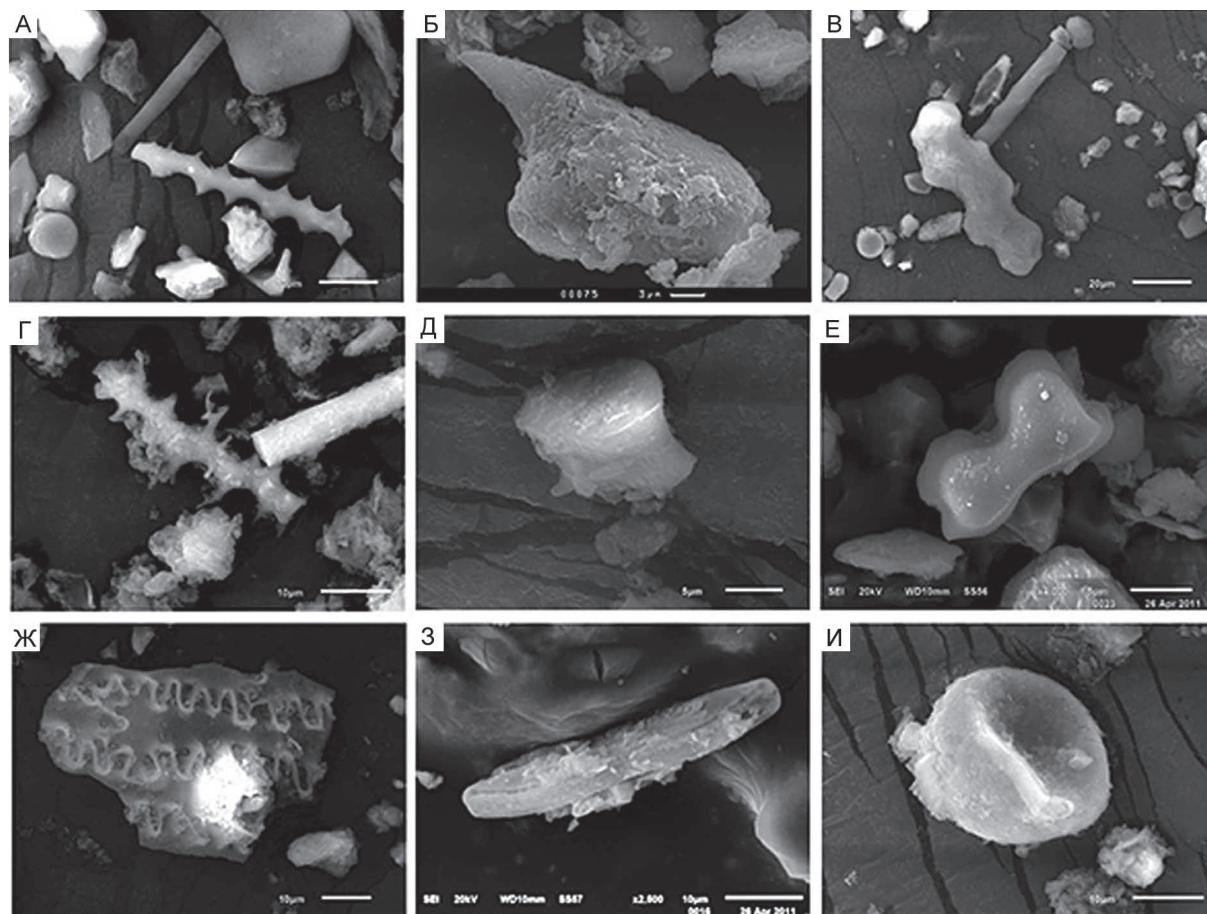

Рис. 50. I. Разнообразие микробиоморф в образцах из прослоев вала РЖВ: А–Е – фитолиты; Ж – кутикулярный слепок шелухи зерна проса; З – диатомовая водоросль; И – пыльцевое зерно. II. Раскоп V, участок И. Южный профиль. Схема отбора проб (А), состав и распределение валового фосфора (Б), количество фитолитов (В) и диатомовых водорослей (Г). Значком (крестик) отмечено наличие фитолитов культурных злаков

133–140 см (бурый слой). Слой имеет искусственную природу – он содержал большое количество разнообразных трав. В составе трав были водные, лесные, разнообразные луговые, сорные и даже культурные злаки. Скорее всего, все травы были свежесобранными, поскольку, например, у водных растений хорошо сохранились живущие с ними диатомовые водоросли. Растения со временем и при избытке влаги разложились, сформировав слой бурого цвета. Сходный набор микробиоморфной фракции встречается в отложениях навоза, когда фитолиты растений – это остатки пищи, а диатомовые водоросли – показатели того, что животных поили речной водой.

Раскоп V, участок II. Южный профиль (рис. 50, Б).

Нумерация образцов идет снизу вверх. Рассмотрено 17 образцов.

Практически вся толща изученной колонки насыпи вала создавалась за счет окрестных культурных слоев, поскольку практически все образцы содержат повышенное количество валового фосфора и микробиоморф. Есть одно исключение – образец 8, который как по фосфору, так и по микробиоморфам является минеральным мелкоземом, взятом, возможно, в древнеаллювиальных отложениях. Остальные слои, даже имеющие светлую окраску, обогащены органикой, т. е. это не чистые минеральные слои.

Обращает внимание повсеместное присутствие в слоях насыпи (кроме образца 8) диатомовых водорослей. При этом значительная часть панцирей не разрушена, т. е. водоросли не пересыхали длительное время и мелкозем с ними или не перемещался или же эти перемещения были редкими и не интенсивными. Наиболее вероятно использование прибрежного ила или навоза в качестве одного из компонентов материала насыпи (насыпей), или же это разложившаяся солома, которая гнила *in situ*. За счет процессов гниения в соломе задерживалась влага, что благоприятствует развитию диатомовых водорослей.

*Раскоп V, участок II.
Восточный профиль (рис. 51)*

Рассмотрено 11 образцов:

1. Материк. Образец не содержит микробиоморф, что характерно для минеральных слоев материка, где не было примеси растительной массы.

2. Желтый суглинок с включениями серого суглинка. Образец формировался за счет перемешивания большого количества различной органики, как животной, так и травянистой (сено и солома). Большое количество диатомовых водорослей возможно если слой или поливался водой, или же в нем высока доля навоза животных.

3. Угольный прослой. Учитывая обилие частиц, связанных с культурными злаками (кутикулярные слепки и фитолиты), можно предположить, что здесь горела солома. Поскольку слой обогащен древесной золой, возможно, было какое-то сооружение из дерева, имевшее перекрытие из тростника/камышы, которое сгорело. Не исключено, что это высыпанная зола из очагов.

4. Наиболее вероятно, что слой создавался из навоза, подстилок для животных и каких-то сгнивших древесных конструкций.

5, 6, 7. Вся толща создавалась в основном из навоза, в который возможно добавлялись подстилки для животных и остатки каких-то сгнивших деревянных конструкций.

8, 9, 10, 11. Данная группа образцов, как и предыдущая, создана практически из одного навоза. Возможно, добавлялись какие-то растительные подстилки (травянистые и древесные). Отсутствие панцирей диатомовых водорослей скорее всего связано со специфической рациона животных. Этот вопрос требует дальнейших исследований.

Полученные результаты не противоречат предположениям, высказанным А. Н. Медведем (2009) о том, что значительная часть органики – материал выброшенных подстилок и покрытий крыш. Хотя в случае с крышами не наблюдалось бы высокого содержания фосфора. Гипотеза с подстилками представляется более достоверной. Материалы позволяют дополнить представленный ряд с возможными органическими компонентами слоев насыпей подстилками из загонов для скота и непосредственно навозом. В этом случае объясняется высокое содержание фосфора, большое количество фитолитов и диатомовых водорослей, их разнообразие.

Во многих образцах всех насыпей присутствуют фитолиты культурных злаков. Возможно, эти частицы попали при сгребании окрестных культурных слоев, могли также быть привнесены с илом, навозом, как

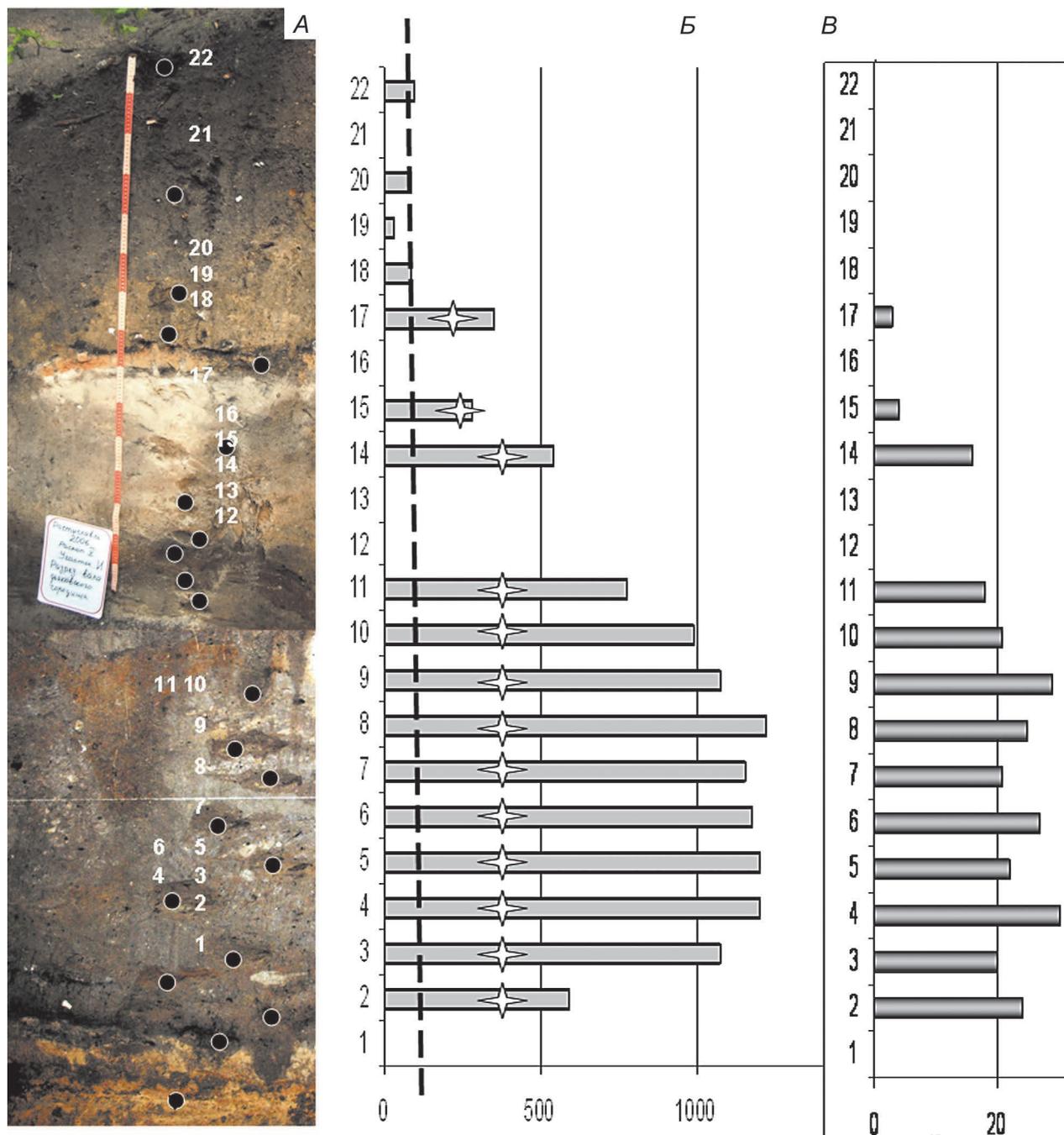

Рис. 51. Раскоп V (И), восточный профиль. Схема отбора проб (А), состав и распределение фитолитов (Б) и диатомовых водорослей (В). Пунктирными вертикальными линиями показаны границы предельных значений содержания частиц в верхних горизонтах зональной почвы

и остальные частицы. Их регулярная встречаемость служит убедительным доказательством, что жители поселения занимались земледелием, начиная с самых первых этапов создания вала, а, возможно, и ранее.

Таким образом, все исследованные колонки образцов имеют сходный состав. А именно, повсеместное обилие валового фосфора и фитолитов, большое количество целых панци-

рей диатомовых водорослей и аморфной органической массы. В составе фитолитных комплексов высока доля культурных злаков. Значительная часть образцов дополнительно обогащена аморфным органическим веществом, ряд образцов выделяется по содержанию карбонатов. Все эти параметры абсолютно не типичны для естественных объектов – почв, грунтов или иных природных

отложений. Многократная повторность при практически полной схожести результатов позволяет уверенно говорить, что получаемые выводы характеризуют весь вал.

Подобный состав образцов возможен в следующих случаях: если составляющими прослоев были навоз, подстилки для скота, бытовые отходы, помой, отходы хозяйствования, например, сгнившие крыши или полы жилищ, речной (старичный) ил и пр. Скорее всего, разные слои создавались с доминированием различного вида отходов. Результаты исследований позволяют утверждать, что использование для прослоев чистой минеральной массы без примеси органики – исключение.

Итак, при создании насыпей вала использовался или прибрежный ил в смеси с культурными слоями и различными почвенными горизонтами, или только разнообразный материал поселения, включая различные бытовые и хозяйственные отходы. В любом случае относительно однородный состав при высокой обогащенности всех изученных слоев растительными остатками и водолюбивой биотой, убедительно указывает на то, что материал насыпей создавался по единому образцу и, возможно, отражает общий принцип создания насыпей валов в изучаемую эпоху.

Важно отметить, что признаков длительной стабильной поверхности, т. е. почвообразования между прослоями вала практически нет. Только в одном месте (раскоп IV, участок Г) в самых верхних горизонтах вала были выявлены две маломощные почвы, возраст которых не превышает 5 лет, а скорее всего, еще меньше. Следовательно, вал наращивался с одной стороны регулярно, без длительных перерывов, с другой – неравномерно, возможно в виде отдельных всхолмлений, которые спустя некоторое время (сезон или год) сливались.

Возникающее всхолмление жителями городища сознательно оформлялось как вытянутый вал. Скорее всего, из-за консистенции основных видов наносов, а так же после дождей, сооружение расплзалось вширь. По достижении каких-то критических, по мнению жителей городища, величин и заплывания рва, он обновлялся, а грунт, вынутый из него, использовался для наращивания насыпи. Этот материал укладывался наверх, что способствовало «росту» вала вверх и сохранению его формы.

Заключение по специфике состава и генезиса насыпи вала

Можно образно сказать, что вал – это своеобразная помойка в виде всхолмления, которая «росла» весь период функционирования городища, ее подчищали и следили, что бы материал вала не расплзался по площади городища.

Выявленная специфика состава и генезиса прослоев вала эпохи раннего железа кардинально отличается от состава слоев насыпей средневековых валов, включая подобный вал на том же Ростиславле (Гольева, 2009в. С. 72–89). Не исключено, что разными были и функции сооружений. В пользу данного предположения говорит не только то, что помойка в виде вала вряд ли могла полноценно играть охранную роль, но также наличие в толще специально созданного прохода (Коваль, 2012б). Учитывая генезис слоев вала, трудно также предположить, что это была граница между каким-либо святилищем и остальной частью городища.

Интересно, что на других городищах этой эпохи бывает по несколько невысоких валов друг за другом (Гусаков, 2004. С. 98–108). Насыпи этих валов начинают исследоваться (Гольева и др., 2014) Не исключено, что состав и генезис насыпей вала РЖВ на Ростиславле не являются чем-то уникальным. Возможно, у носителей дяковской культуры было свое представление о том, что делать с разными видами отходов.

IV. Средневековье

Изучен разнообразный набор объектов, относящихся к средневековью: толща вала, почвы под ним, отдельно вскрытые разновозрастные пахотные горизонты и заполнения ям. Поскольку при работе с каждым из этих объектов ставились свои цели и решались самостоятельные задачи, то рассматриваться все они будут отдельно.

1. Погребенные почвы и культурные слои.

Основная часть изученных почв и культурных слоев была законсервирована под валами городища. Исследованные средневековые объекты были разделены на 4 хронологические группы:

1. XII век – Ростиславльское V селище, раскоп I, квадрат 6, южная стенка (2011 г.);

2. Первая половина XIII века – раскоп VII, участок О (2019 г.); раскоп IX, участок А, квадраты 9 и 10 (2013 г.); раскоп IX, участок Б, квадрат 14 (2014 г.); раскоп IX, участок Г, квадрат 25 (2015 г.) (две колонки);

3. XII–XVII века – раскоп I, участок Ы, квадрат 535 (2016 г.).

4. XVII–XIX века – раскоп II, участок С, квадрат 164 (2010 г.).

XII век (Ростиславльское V селище, раскоп I (рис. 37, пункт 12)

Самый ранний культурный слой (второй половины XII – начала XIII в.) исследован на участке Ростиславльского V селища (кв. 6, южная стенка; раскопки 2011 года) (Гольева, Турова, 2015. С. 155–164). Он отличается от всех остальных своей локализацией. Это единственный средневековый культурный слой, обнаруженный в основании склона (у подножия мыса городища со стороны р. Оки), а не на площадке городища, как остальные. Раскоп был расположен на первой террасе правого берега реки Ока, непосредственно у подножья крутого склона высокого мыса, образованного известковыми породами. За счет интенсивных склоновых процессов, верхние 70 см отложений на раскопе состояли из серии щебнистых и суглинистых наносов, включавших крупные камни. Ниже залегал культурный слой (80–110 см), также содержащий в себе такие же камни (рис. 52).

Горизонт из крупных камней отражает природную катастрофу, вызвавшую сильнейшую склоновую эрозию верхнего минерального чехла. Наиболее вероятно, это следы сильного землетрясения. На нашей территории землетрясения большая редкость. В основном до нас могут доходить сейсмические волны сильных землетрясений в Карпатах или на Кавказе. То есть землетрясения редки, но возможны. Изучая большое количество древних рукописей, начиная с IX в., Е. П. Борисенков и В. М. Пасецкий отметили, что землетрясения отмечены для каждого столетия, но особенно много в Центральной России их приходится на XII век (1107, 1109, 1124, 1130 годы) (Борисенков, Пасецкий, 1988. С. 173–175, 248, 501). Сильное землетрясение во Владимире и Новгороде описано для 1230 года (Там же). Согласно летописям, сила удара была настолько большой, что рушились

церкви (Там же). Таким образом, предположение о том, что снос крупных валунов, похоронивших культурный слой XII века, был вызван сильным землетрясением, является весьма вероятным.

Под этим слоем залегал культурный слой второй половины XII – начала XIII в., ниже (110–140 см) наблюдалось перемешивание средневековых культурных слоев и материала раннего железного века (РЖВ). Толща -100 – -110 см представляла собой белесую уплотненную массу, образованную из мелких обломков известняка. Генезис слоя неясен. Не исключено, что он имеет искусственную природу – люди принесли измельченную известковую крошку для каких-то хозяйственных целей. Ниже карбонатных включений практически нет. Учитывая переотложенный характер верхних 70 см отложений на раскопе, образцы отбирались начиная с уровня -72 см и вниз до материка (-140 см).

Во всех образцах количество валового фосфора выше, чем в почве, т.е. эти слои можно охарактеризовать как культурный слой. Но ниже, в слое -90 – -100 см фосфора больше. Можно предположить, что верхняя часть (-89 – -90 см), это не чистый культурный слой, а перемешанный с осыпавшейся сверху почвой, поскольку вряд ли массивные камни до перемещения сюда лежали непосредственно на дневной поверхности. Скорее всего, они были перекрыты какой-то гумусированной почвой, которая при толчке осыпалась первой, перекрыв культурный слой.

Согласно распределению данных по валовому фосфору, наблюдается два максимума освоения участка – слои -90–100 и -110–120 см. Ниже интенсивность обжигания падает. Количество карбонатов велико в верхней части, максимально – в белесом горизонте -100 – -110 см, что естественно, поскольку анализом определяются растворенные и очень мелкие частицы. Чем более раздроблен известняк, тем больше этих частиц. При огромных валунах растворение идет не так быстро и химическими вытяжками определяется меньшее количество минерального углерода.

Таким образом, проведенные раскопки и результаты анализов позволили выдвинуть предположение, что в период функционирования здесь жилой застройки произошла

Рис. 52. Ростиславльское V селище, раскоп I (2011 г.), кв. 6, южная стенка

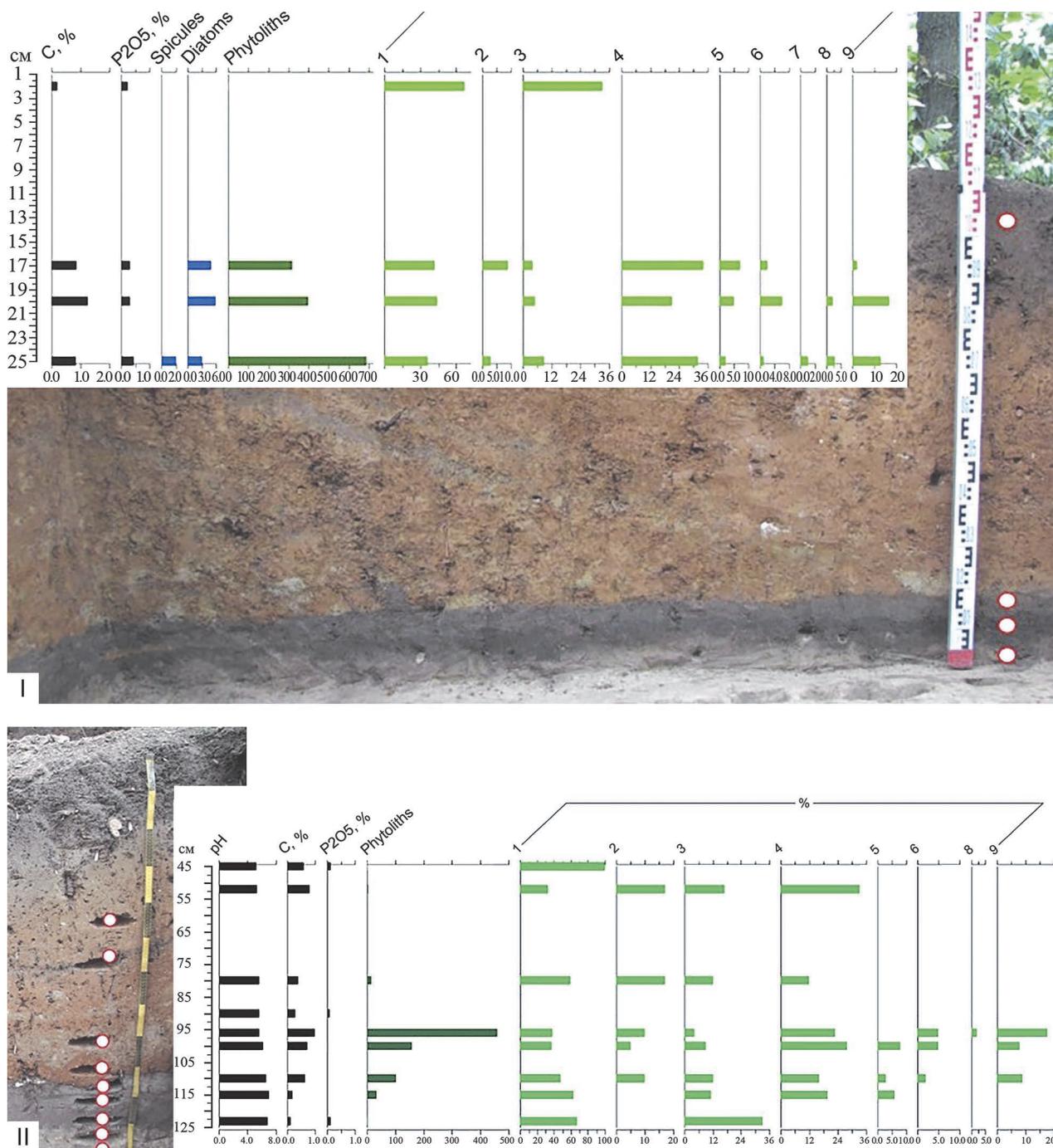

Рис. 53. Раскоп IX, участок А (2013 г.), кв. 9 (I) и 10 (II) восточного профиля. Морфологический облик и основные химические свойства, содержание и распределение фитоцитов. Кругочками отмечены места отбора проб по стенке раскопа

мощная природная, или скорее природно-антропогенная, катастрофа, заставившая людей прекратить проживание на данном участке. В дальнейшем они всегда жили только на возвышенной части.

Первая половина XIII века: 2 колонки образцов.

Раскоп IX, участок А, квадраты 9 и 10, восточный профиль, 2013 г. (рис. 37, пункт 4; 53).

В обоих случаях исследованы погребенные под валом пахотные почвы и тонкий слой предполагаемой дернины над ними. Под темно-серыми пахотными горизонтами четко фиксировалась нижняя часть подзолистого горизонта белесого цвета, постепенно переходящая в минеральный горизонт и почвообразующую породу – покровный суглинок. Граница между пахотным и остаточным

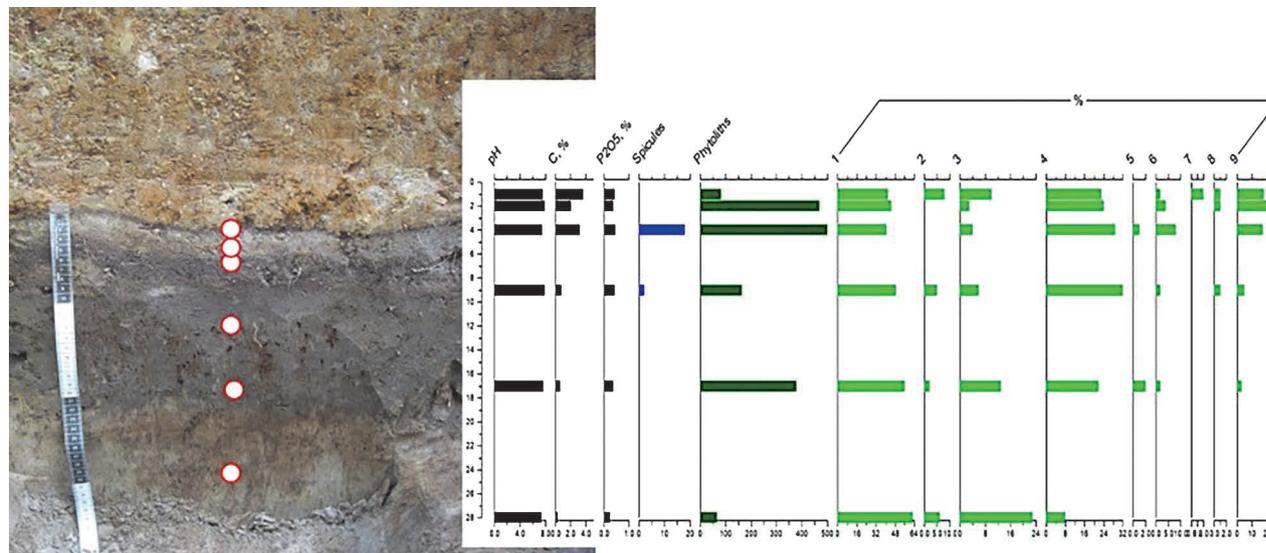

Рис. 54. Раскоп IX (2014 г.), участок Б, кв. 14, восточный профиль.
Пояснения и условные знаки см. на рис. 38

подзолистым горизонтом ровная, линейная, хорошо заметная по цвету.

В почве квадрата 10 погребенный пахотный горизонт в верхней части имеет кислые значения рН, ниже переходящие в нейтральные. Кислотность верха погребенной почвы, очевидно, связана с кислыми значениями всей вышележащей толщи, растворы солей которой мигрируют вниз.

Органического углерода немного, но пахотная толща обогащена им по сравнению с выше- и нижележащими слоями.

В пахотных слоях встречены панцири диатомовых водорослей и спикулы губок, что там часто встречается и свидетельствует о поливе пашни речной водой или удобрении земли навозом домашних животных.

Этот же горизонт обогащен фитолитами, в составе которых присутствуют фитоциты культурных злаков. Верхний слой горизонта содержит максимум фитоцитов, что в совокупности с наибольшим содержанием органики, позволяет говорить, что непосредственно перед созданием вала пашня была не брошена, а переведена в залежь, её поверхность заросла травами, сформировалась дернина.

Раскоп IX, участок Б, квадрат 14, восточный профиль, 2014 г. (рис. 37, пункт 5; 54).

Под валом была маломощная (1 см) бурая прослойка, предположительно, погребенная дернина.

1–3 см – белесоватый прослой с мелкой карбонатной крошкой – культурный слой, предположительно какого-то строительного периода.

3–5 см – бурая прослойка, более рыхлая по сравнению с соседними горизонтами. Предположительно, дернина или древесный настил.

5–22 см – погребенный пахотный горизонт.

22–35 см – частично сохранившийся белесый подзолистый горизонт, постепенно переходящий по бурую вмещающую толщу.

Аналитически исследованы все выделенные слои и горизонты.

Вся толща имеет нейтральные значения рН, верхние 5 см (все слои) обогащены органикой, содержание которой резко уменьшается в нижележащих минеральных горизонтах. В тоже время пахотные слои содержат органического углерода в несколько раз больше, чем подстилающий подзолистый.

Валового фосфора больше всего в слое 3–5 см и много в остальных, что указывает на интенсивную антропогенную проработку всей толщи.

Максимум фитоцитов отмечен в слое 3–5 см, там же достаточно много спикул губок, а древесного детрита практически нет. Это не подтверждает предположение о том, что здесь был какой-то деревянный настил, скорее речь идет о навозе или ином сильно обогащенном травянистой органикой материале.

В пахотных горизонтах фитолитов много, особенно в его нижней части, что часто встречается если почва длительное время распахивается на одну и ту же глубину – формируется, так называемая, плужная подошва. Во всех слоях, кроме самого нижнего, есть фитолиты культурных злаков.

Раскоп IX, участок Г, квадрат 25, южная стенка, 2015 г. (рис. 37, пункт 6).

Исследованы две колонки погребенных почв.

Колонка 1 (рис. 55)

Под массивом грунта бурого цвета (обрушившимся заполнением городской древо-земляной стены) четко заметен темно-серый гумусовый горизонт мощностью 5–7 см. Нижняя граница горизонта неровная, постепенная, заметная по цвету. Ниже располагается белесый подзолистый горизонт, постепенно переходящий в материнскую породу бурого цвета. Образцы для лабораторных исследований были взяты колонкой из всех горизонтов, начиная с грунта бурого цвета (по всем своим характеристикам он идентичен материнской породе, поэтому на микробиоморфный анализ образцы из этого грунта не отбирались).

Погребенная толща имеет нейтральные значения рН, а материал перекрывающего наноса – кислые. Органического вещества больше всего в гумусовом горизонте и переходном к подзолисту. Валовой фосфор характеризуется таким же типом распределения. Следует отметить, что все полученные значения невелики и не выходят за уровень естественно развитых почв.

Фитолитов больше всего в переходном горизонте от гумусового к подзолисту. Ниже их количество резко падает и в материнской породе нет совсем. В самом верхнем горизонте единично встречены фитолиты культурных злаков. В остальном во всех образцах фитолитные комплексы лугово-лесные с доминированием луговых трав.

Колонка 2 (рис. 56, I)

С целью проверки полученных результатов были дополнительно изучены образцы из второй колонки. Здесь исследовались лишь три образца – из слоя погребенной дернины, нижележащего гумусового горизонта и подстилающего его подзолистого. Был сделан тот же набор анализов.

Все образцы имеют нейтральные значения по кислотности почвенных растворов. Органического углерода и валового фосфора не много, тренд их распределения аналогичен описанному для колонки 1.

Фитолитов больше всего в погребенной дернине, где встречена форма, характерная для сорной растительности (крапива, конопля). Относительно много фитолитов в подзолистом горизонте, что часто встречается в почвах подзолистого ряда. Фитолитные комплексы в верхних образцах луговые в нижнем – лесные (рис. 56, II, А-Г).

Раскоп VII, участок О, квадрат 229/232, северо-восточный профиль, 2019 г. (рис. 37, пункт 9; 56, III)

Почва под валом имела четко выраженный пахотный горизонт. Непосредственно под бурым грунтом вала линейно выделяется тонкий слой погребенной дернины белесого цвета под которой расположен маломощный однородный белесоватый слой (пахотный горизонт). Ниже расположен второй погребенный пахотный горизонт однородного серовато-буроватого цвета. Под ним выделяется сохранившаяся нижняя часть исходного гумусового и далее вниз – белесого подзолистого, переходного элювиально-иллювиального и иллювиального горизонтов.

Во всех выделенных горизонтах определено содержание валового фосфора, сделан микробиоморфный анализ. Фосфора больше всего в погребенной дернине, ниже его количество резко убывает. Фитолитов много во всех горизонтах, кроме самого нижнего, но наибольшее количество обнаружено в остаточном гумусовом горизонте (рис. 56, II, Д-З). В нем же есть кутикулярные слепки трав. Обнаруженное огромное количество фитолитов не характерно для гумусовых горизонтов почв, что позволяет сделать вывод об антропогенном вкладе в генезис горизонта. В пользу данного вывода говорит и присутствие фитолитов сорных трав (крапива, конопля) в этом слое.

Новые исследования под средневековым валом Ростиславля позволили с полной уверенностью утверждать, что древо-земляная оборонительная стена города, построенная во второй половине XIII в. (Коваль, 2015а), во всех случаях ставилась на залежную пашню. Материалы раскопок этой стены уже

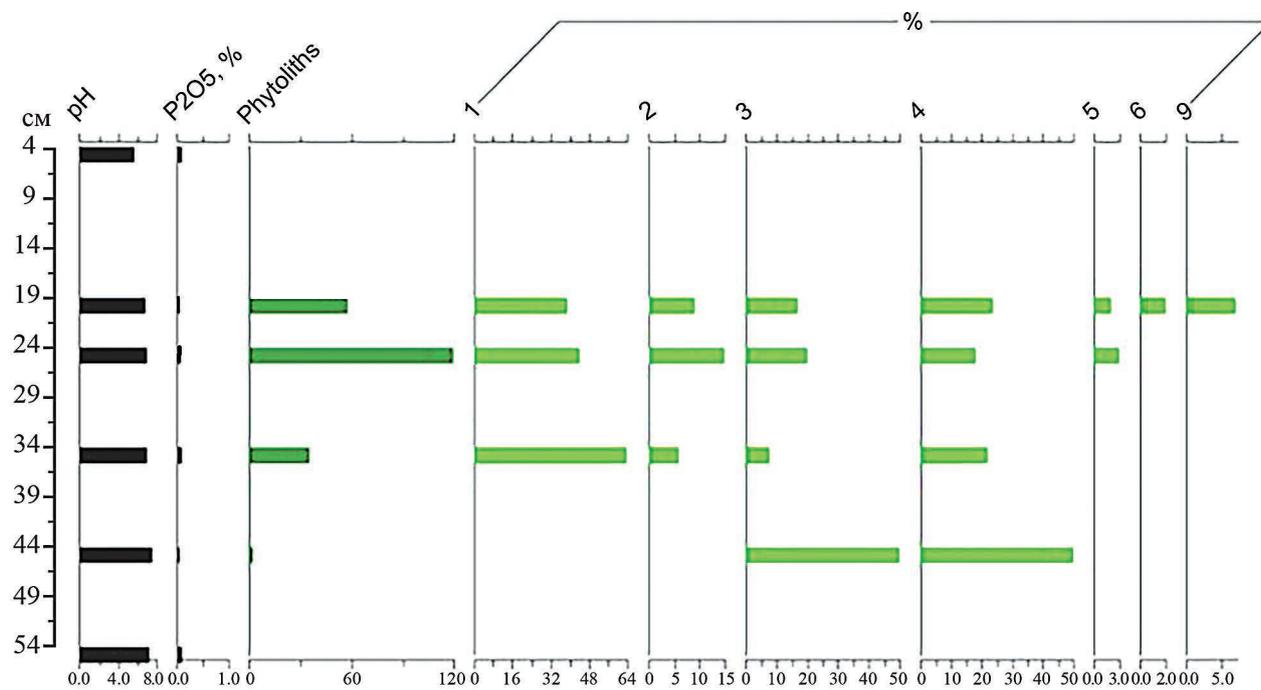

Рис. 55. Раскоп IX (2015 г.), участок Г, кв. 25, южная стенка.
Колонка 1 (условные знаки см. на рис. 38)

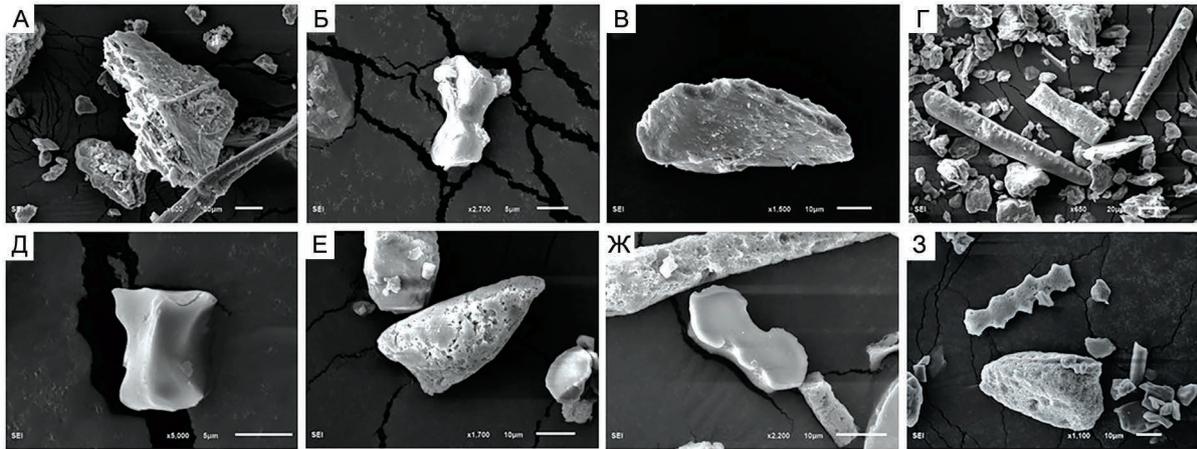
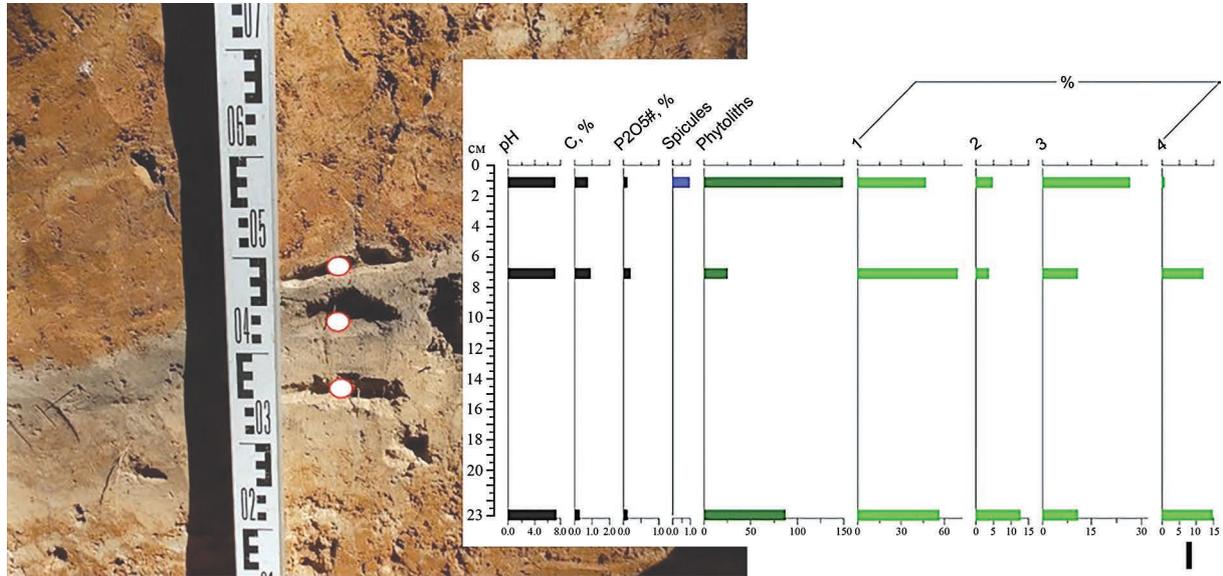

Рис. 56. I. Раскоп IX (2015 г.), участок Г, кв. 25, южная стенка. Колонка 2 (условные знаки см. на рис. 38). II. Микробиоморфы из средневековых культурных слоев. А–Г: раскоп IX–Г, кв. 28, колонка 1. Д–З: раскоп VII–О, кв. 229/232. А – древесный детрит, Б, Ж – фитолисты луговых злаков; В – фитолист тростника; Г – разнообразие фитолистов двудольных трав; Д – фитолист иглы хвойного; Е – фитолист лесных злаков/осок; З – фитолист культурного злака. III. Раскоп VII (2019 г.), участок О, кв. 229/232, северо-восточный профиль (условные знаки см. на рис. 38)

публиковались (Коваль, Русаков, 2016а; 2017), но без комментариев почвоведов, которые здесь совершенно необходимы. Настоящее исследование закрывает этот пробел. К сожалению, методами почвоведения сложно уточнить дату формирования пашни, открытой под городской стеной – она могла появиться тут как до возникновения города (первая половина XII в.), так и в период после монгольского нашествия (в середине XIII в.).

На раскопе VII и в квадратах 9, 10, 14 раскопа IX при полевых исследованиях выявлены пахотные горизонты. Проведенные исследования подтвердили сделанные в поле выводы: пахотные горизонты, имея светло-серую окраску, содержат существенно больше гумуса, чем нижележащие горизонты почв, они также обогащены валовым фосфором, что невозможно для обычных гумусовых горизонтов почв. Кроме химических особенностей пахотных горизонтов, в них обнаружены фитоциты культурных злаков, отсутствующие в образцах из земляного заполнения стены и нижележащих горизонтов. Таким образом, на месте раскопов VII и IX ранее размещалось пахотное поле. Вопросы жизнеобеспечения напрямую связаны с вопросами урожайности зерновых культур. Обращает внимание большое количество фитоцитов в пахотных горизонтах всех изученных квадратов. Помимо фитоцитов в этих горизонтах много мельчайших угольных частиц, что обеспечивает темную окраску пахотного горизонта.

Все эти факторы: повышенное содержание органики, валового фосфора, углистых частиц, фитоцитов различных растений позволяют сделать вывод о внесении в пашню жителями органических удобрений. Вероятно, это не был речной ил, поступающий в почву при ее поливе, поскольку в пахотных горизонтах спикул губок и/или панцирей диатомовых водорослей практически нет, как и фитоцитов тростника/камышы. В почвы при распашке сознательно и специально вносились удобрения с целью повышения плодородия и, в итоге, урожайности. Возможно, это была зола из очагов, но, учитывая большое количество фитоцитов без следов обугливания, можно говорить о внесении навоза.

Участок Г раскопа IX размещался на склоне площадки городища к берегу р. Оки, в том месте, где древо-земляная стена заканчивалась. Тут следов пашни не прослежено,

поскольку сильный уклон поверхности не позволял проводить агрогенную деятельность, но следы обдерновывания поверхности фиксировались. Во всех других изученных стенках раскопа IX на поверхности пашен зафиксирована дернина, то есть древо-земляная стена ставилась на залежных землях, когда пашня заросла травами. А участок квадрата 14 даже использовался в каких-то хозяйственных целях, поскольку помимо дернины, здесь фиксируется строительный материал в виде большого количества крупного древесного детрита и какая-то органическая масса.

Таким образом, удалось доказать, что все оборонительные сооружения Ростиславля создавались на месте заброшенной пашни более раннего времени.

XII–XVII века: Раскоп I, участок Б1, 2016 г. (рис. 37, пункт 8)

Участок исследований размещался в центре площадки городища, т.е. в том месте, где на протяжении ряда лет в советский период проводились сельскохозяйственные работы, включая распашку. Современная растительность – сорный луг с доминированием борщевика. Почвообразующая порода – крупнопылеватые средние суглинки.

Рассмотрены почвы двух квадратов: квадрата 537 (восточная стенка) (рис. 31, А) и квадрата 535 (южная стенка) (рис. 31, Б; 57, А). В обоих квадратах мощности и чередование слоев (почвенных горизонтов) идентичны. Две стенки рассмотрены с целью дополнительной проверки и уточнения деталей. Ввиду идентичности полученных данных по обоим квадратам (535 и 537) результаты анализов даются лишь по одному из них.

Квадрат 537, восточная стенка.

Здесь выделяются несколько пахотных горизонтов под современной дерниной. Простирание слоев линейно прослеживается по всем стенкам раскопа, что указывает на площадную проработку территории в прошлом. Это типично для пахотных земель.

Содержание органического углерода около 2% по всей мощности верхнего пахотного горизонта с уменьшением вниз по профилю. Количество валового фосфора существенно больше требуемого для природных значений даже в нижнем пахотном горизонте, что независимо подтверждает длительную агрогенную историю участка.

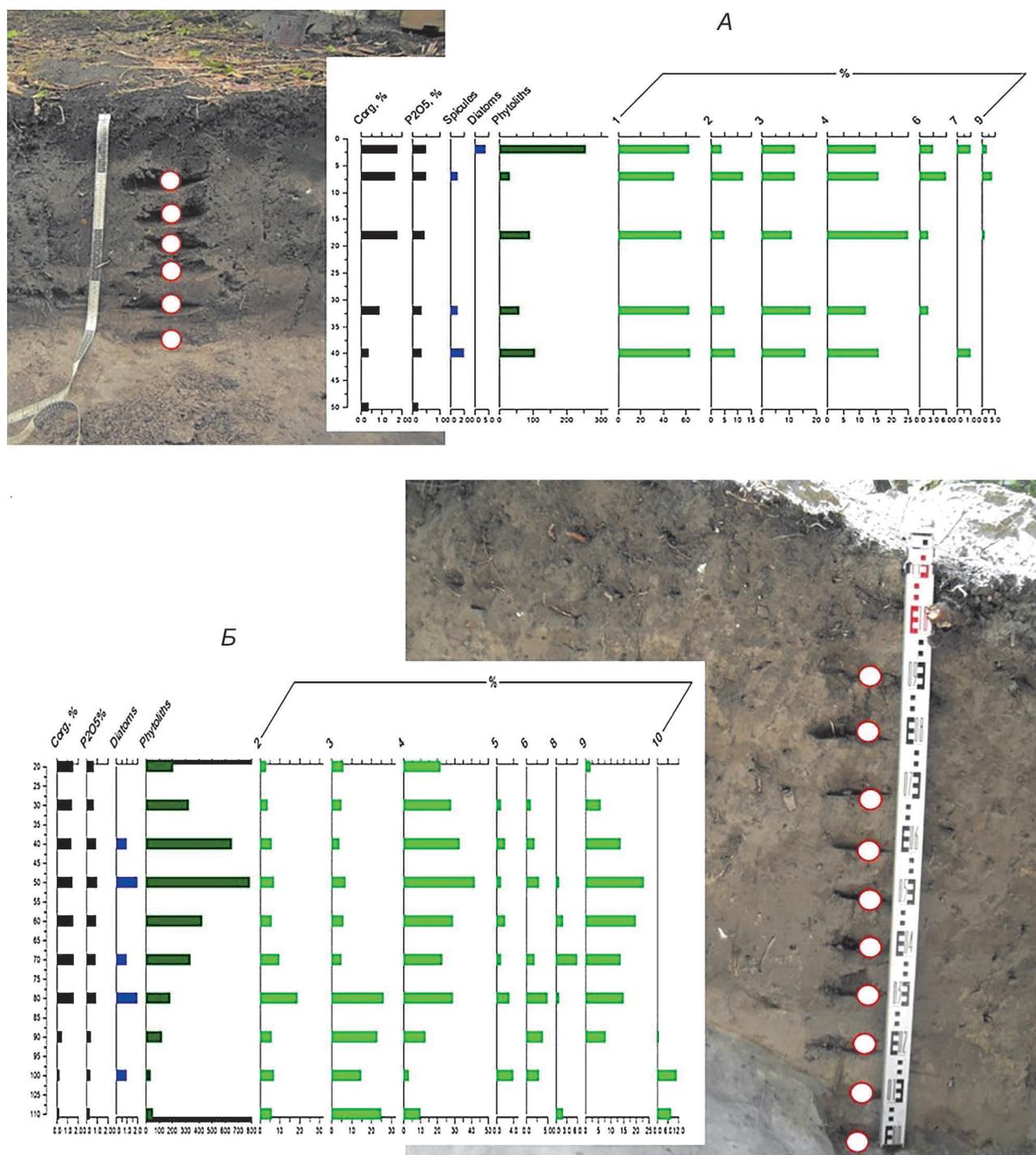

Рис. 57. А. Раскоп I (2016 г.), участок Б, квадрат 535, южная стенка. Б. Раскоп II (2010 г.), участок С, квадрат 164, южный профиль (условные знаки см. на рис. 38)

На микробиоморфный анализ были взяты образы из всех пахотных и современных (дернового и гумусового) горизонтов. В пахотных горизонтах встречены единичные спикулы губок, что часто встречается и свидетельствует о поливе пашни речной водой в период вегетации или при внесении

навоза животных, которых поили речной водой. Максимальное количество фитолитов выявлено в современном дерновом горизонте, что не удивительно, минимальное – в современном гумусовом. Возможно, это связано с относительно молодым возрастом этого горизонта (полноценный фитолитный профиль

не успел сформироваться). Пахотные горизонты обогащены фитолитами, особенно самый нижний из них. Фитолиты культурных злаков встречаются практически во всех образцах кроме самого нижнего, но в нем есть фитолит, типичный для сорной флоры (крапива, конопля).

Таким образом, вся территория данного участка в прошлом многократно распахивалась. Морфологически выделяются не менее трех периодов распашки, разделяемые залежным периодом. В пользу различного во времени использования земли для сельскохозяйственных нужд указывает различный цвет пахотных горизонтов: более темные отражают внесение золы в качестве удобрения, светлые означают, что земля не удобрялась. То есть фиксируются различия по обработке участка.

В то же время, отсутствие подзолистого горизонта, хорошо сохранившегося в фоновой почве, свидетельствует о полной проработке почвы участка. То есть еще ранняя распашка уничтожила все признаки верхней части исходной почвы за счет перемешивания толщи и внесения золы. Последующие антропогенные преобразования шли по уже измененному ландшафту.

Наиболее поздний горизонт распашки однозначно связан с современностью, поскольку площадка городища использовалась для нужд сельского хозяйства на всем протяжении XX в. Второй пахотный горизонт мог относиться к периоду, когда город перестал существовать (в начале XVII в.) и превратился в пахотные угодья крестьян из окрестных селений (Коваль, 2004а. С. 20). Особенно интересен самый нижний, третий пахотный горизонт, который оказался прорезан подпольными ямами городских построек, включая ямы, вырытые во второй половине XII – первой половине XIII вв. Это означает, что данная пашня возникла до начала городской застройки, не позднее первой половины XII в.

XVII–XX века: Раскоп II, участок С, квадрат 164, южный профиль, 2010 г.) (рис. 33, В; 57, Б).

Исследован слой пашни XVII–XX веков, сползший вниз по склону в сторону р. Оки. Верхние 15 см – это современная дернина и темно-серый гумусовый горизонт. Переход к нижележащей толще неровный, определяется по цвету, обилию следов крупных корней.

Средняя часть стенки раскопа представляет собой однородную буровато-серую толщу, пронизанную тонкими корнями, червоходами. Местами встречаются светло-бурые комочки нижележащих горизонтов. Это типично для склоновых переотложенных слоев. Переход к нижней части раскопа по склону резкий, линейный, заметный по цвету. Но место отбора проб было в нижней части склона, где угол падения становился меньше. Там, под буровато-серой массой наноса на глубине 80 см был замечен однородный светло-серый материал мощностью до 10–15 см. Скорее всего, это перемещенный пахотный слой, но более ранний. И уже под этим слоем на глубине 90–100 см начинается бурая толща почвообразующей породы.

Изучена колонка образцов с шагом 10 см, начиная с глубины 20 см, то есть вся пахотная толща и исходная порода. Образцы колонки обогащены фосфором и органическим углеродом, распределение этих элементов ровное по профилю, включая оба пахотных горизонта и резко уменьшается начиная с 90 см.

Фитолитов во всей переотложенной толще много, но четко выделяются два блока. Первый – поздний по времени материал перемещенного пахотного горизонта и второй – материал ранней пашни. В первом случае фитолитов в 2–3 раза больше, чем во втором, хотя и там фитолитов много по сравнению с образцами коренной породы (100–110 см). Вероятно, более поздняя пашня удобрялась золой и/или навозом. Состав фитолитных комплексов в верхних 80 см преимущественно луговой, даже с элементами степных злаков, в то время как ниже – лесной. Фитолиты культурных злаков регулярно встречаются по всех пахотных образцах вне зависимости от возраста пашни.

2. Средневековый вал (Раскоп VII, участок Б, 2006 г.)

Выделяются две группы прослоек в теле вала – нижняя и верхняя. Нижняя, из более светлого (желтого) и плотного однородного материала. Выше, на отметках +133+142 см – бурый прослой, возможно, разложившееся дерево. Верхняя часть насыпи более темная, созданная из желто-коричневого суглинка, в толще которого видны серии узких белесых вытянутых (или ступенчатых) прослоев.

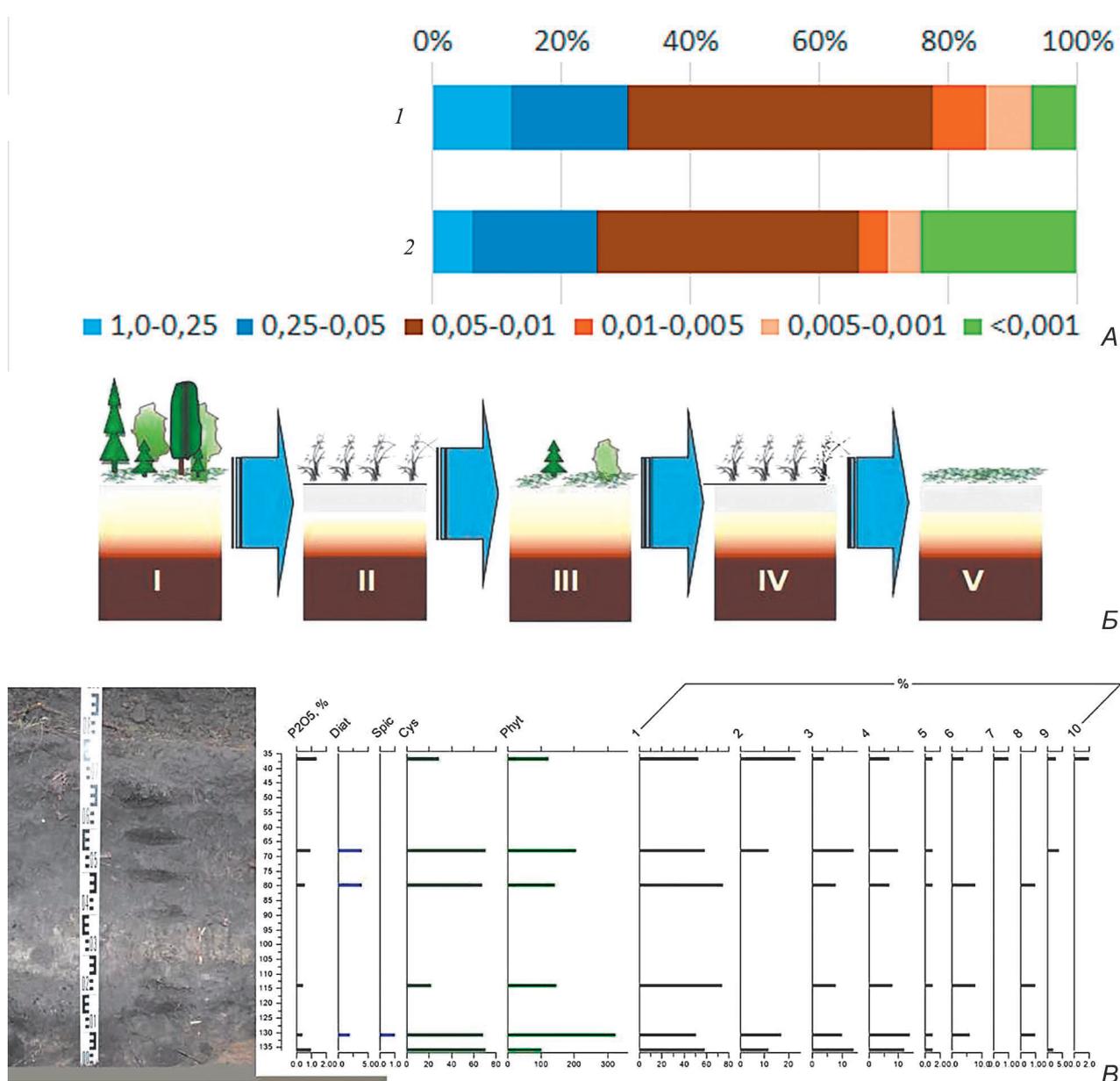

Рис. 58. А. Гранулометрический состав двух прослоев из средневекового вала (1 – суглинистая часть; 2 – глинистая часть). Б. Раскоп VII (2006 г.). Средневековый вал. Реконструкция этапов трансформации ландшафта перед созданием вала. В. Яма 580 (погреб), заполнение. Содержание валового фосфора (P₂O₅, %) и микробиоморфные характеристики

В верхней части вала сформирована современная дерновая почва. В основании вала выделяется массив из светло-желтого однородного плотного материала (возможно, использовалась исходная подстилающая порода). Выше – переслои из более легкого суглинки. Проведенный анализ по определению гранулометрического состава (рис. 58, А) показал, что желтая масса является крупнопылеватым средним суглинком, а вышележащая более темная толща – крупнопылеватым

легким суглинком. В обоих изученных массивах грунта есть четкие полосы белесого цвета – остатки дернины, которая составляла один из компонентов засыпки городской древо-земляной стены, разрушение которой привело к образованию вала (наряду с коренной породой – суглинком).

Погребенная почва

Вал лежит на однородном темно-сером горизонте мощностью не менее 12–15 см – погребенном пахотном (или огородном)

Таблица 2. Ростиславль Рязанский. Раскоп VII. Средневековый вал.
Данные химических анализов

№ образца	Морфологическая характеристика	pH _{водн}	P ₂ O ₅ , %	C _{орг} , %	CO ₂ , %
Юго-западный борт раскопа					
1	Светло-серый горизонтальный прослой в толще верхней части вала (+194 см)	6.4	0,05	0,31	0.01
2	Светло-серый горизонтальный прослой в толще верхней части вала (+100 см)	6.65	0,06	0,24	Не опр.
3	Верхняя прослойка буровато-серого цвета (+ 105 - +110 см)	6.1	0,08	0,19	
4	Нижняя прослойка буровато-желтого цвета (+40 см)	6.45	0,07	0,16	
5	Светло-серый горизонтальный прослой в толще нижней части вала (+28 см)	6.4	0,07	0,24	0
6	Светло-серая прослойка на поверхности погребенной почвы	7.55	0,08	0,68	Не опр.
7	Верхняя часть погребенного агрогенного горизонта	8.05	0,08	0,67	
8	Нижняя часть погребенного агрогенного горизонта	8.05	0,08	0,69	
9	Верхняя часть погребенного подзолистого (?) горизонта	8.15	0,05	0,37	
10	Нижняя часть погребенного подзолистого (?) горизонта	8.15	0,05	0,33	
11	Переходный подзолисто-иллювиальный горизонт	7.95	0,05	0,41	
12	Иллювиальный горизонт	7.65	0,06	0,31	
Северо-западный борт раскопа					
13	Светло-серый горизонтальный прослой в толще верхней части вала (+200 см)	6.3	0,08	0,40	Не опр.
14	Светло-серый горизонтальный прослой в толще нижней части вала (+ 120 см)	6.5	0,07	0,28	
15	Верхняя часть погребенного агрогенного горизонта	5.85	0,11	0,68	
16	Нижняя часть погребенного агрогенного горизонта	5.8	0,08	0,62	
17	Верхняя часть погребенного подзолистого (?) горизонта	5.9	0,04	0,43	
18	Нижняя часть погребенного подзолистого (?) горизонта	6.0	0,04	0,52	

горизонте. Об искусственном генезисе этого горизонта свидетельствует как более темный по сравнению с фоновыми почвами цвет верхнего горизонта, так и резкая ровная нижняя граница, однозначно указывающая на агрогенный генезис толщи.

Ниже, под агрогенным, находится частично сохраненный подзолистый горизонт, его нижняя часть. Верхняя часть подзолистого горизонта была преобразована в пахотный горизонт. Под подзолистым расположен буроватый иллювиальный горизонт. Переход к этому горизонту постепенный, диффузный, что является характерным признаком естественного почвообразования.

Образцы на химические анализы отбирались по двум бортам раскопа – юго-западной и северо-западной.

*Данные химических анализов (табл. 2)
Юго-западный борт раскопа*

Полученные цифры по содержанию и распределению валового фосфора по всей исследованной вертикальной колонке лежат в пределах природных значений, т.е. каких-либо примесей культурных слоев в валу нет, использовались природные грунты и почвы. Выявляется некоторое увеличение количества валового фосфора для погребенных гумусированных слоев, но они незначительны и не типичны для непосредственно поверхностных горизонтов.

Величины почвенной кислотности следующие: слабо кислые в толще прослоек (образцы 1–5), нейтральные для образцов 6 и 12 и щелочные в большей части образцов из погребенной почвы. Щелочные параметры па-

Таблица 3. Ростиславль Рязанский. Раскоп VII. Средневековый вал. Распределение кремниевых микробиоморф (шт /%) и диагностических групп фитолитов (%)

№ образца	Всего	Диатом. водо-росли	Спикулы губок	Фито-литы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
2	217/100	–	–	217/100	52	3	10	31	2	–	Ед.	–	2	10	–
6	306/100	2/1	–	304/99	59	2	5	29	2	1	–	–	–	2	–
7	328/100	2/–	–	328/100	52	2	10	24	–	1	–	–	7	1	3
8	287/100	–	–	287/100	55	2	11	21	–	–	–	–	8	–	3
9	238/100	–	–	238/100	56	1	8	34	1	–	–	Ед.	Ед.	–	1
10	450/100	–	3/2	447/98	54	1	13	30	–	–	–	–	1	1	–
11	66/100	–	1/2	65/99	62	–	12	20	–	–	–	–	–	6	–
12	18/100	–	–	18/100	50	6	27	17	–	–	–	–	–	–	–
14	195/100	–	1/–	195/100	49	4	11	24	4	–	–	–	2	6	–
15	168/100	2/1	2/1	168/100	59	2	7	23	5	Ед.	–	–	–	4	–
16	117/100	5/4	–	112/100	57	1	9	17	8	2	–	–	–	6	–
17	188/100	–	1/–	188/100	55	2	17	15	3	Ед.	Ед.	–	6	2	–
18	408/100	2/–	1/–	408/100	46	4	8	27	2	2	–	–	9	2	Ед.

Примечание цифрами показаны основные группы фитолитов: 1 – двудольные травы; 2 – иглы хвойных; 3 – лесные злаки; 4 – луговые злаки; 5 – степные злаки (сухие луга); 6 – культурные злаки; 7 – осоки; 8 – сорная рудеральная флора; 9 – мхи; 10 – тростник/камыш; 11 – недиагностируемые формы

хотной почвы имеют диагенетический характер. Не исключено, что агрогенный горизонт в процессе эксплуатации удобрялся известью, которая подщелачивает почву.

Содержание органического углерода невелико: во всех образцах менее 1%, но при этом наблюдается отчетливое увеличение углерода в погребенных гумусированных образцах по сравнению с минеральными. Повышенным количеством гумуса хорошо маркируется агрогенный горизонт по сравнению с нижележащим подзолистым.

Северо-западный борт раскопа

Содержание валового фосфора соответствует природным параметрам, т.е. нет признаков добавления материала культурного слоя. Выявляется некоторое увеличение по фосфору в гумусированных образцах по сравнению с минеральными. Это типично для природных объектов.

Величина почвенной кислотности (рН) близка к нейтральной в толще вала, кислая в погребенных почвенных горизонтах. Кислотность почвы несколько ослабевает с глубиной почвенного профиля, что характерно для природных почв.

По содержанию органического углерода (гумуса) исследованная почва близка с рассмотренной для ЮЗ борта вала: повышенные

величины в гумусированных образцах и пониженные в минеральных.

Микробиоморфный анализ (табл. 3)

Юго-западный и северо-западный борты раскопа. Исследовано 18 образцов. В обоих колонках выявлено по 2 пахотных горизонта: ранний, морфологически полностью исчезнувший и более поздний, хронологически близкий к периоду создания вала. Горизонт, который в поле был отмечен как подзолистый, по данным исследования, является пахотным. Судя по отсутствию морфологических признаков ранней распашки, можно уверенно говорить, что пашня была заброшена не менее, чем за 250–350 лет до вторичной распашки. Поскольку второй пахотный горизонт имеет четко выраженный рисунок своей нижней границы, период вторичного забрасывания пашни составил примерно 5–10 лет.

На основании комплексного исследования можно реконструировать следующую последовательность этапов развития участка (рис. 58, Б): I – доантропогенный, дерново-подзолистая почва под пологом смешанного леса; II – начало антропогенного преобразования ландшафта, вырубка леса, распашка почвы; III – длительная залежь (запустение, забрасывание земли), зарастание пашни травами, в том числе сорными,

восстановление лесного подроста, частичное исчезновение четкой нижней границы пахотного горизонта; IV – вторая стадия распашки земель; V – кратковременная залежь, зарастание пашни луговой и сорной флорой.

Почва под валом распахивалась дважды. Один раз – в РЖВ и во второй раз в средневековье практически непосредственно перед созданием вала. Более ранняя пашня сохранилась фрагментарно и не везде фиксируется от более поздней, поэтому в некоторых описаниях отмечается один пахотный горизонт, а в других – два.

3. Заполнения средневековых ям и рва Ростиславля Рязанского как объекты естественно-научных исследований (информационные возможности)

Достаточно часто при проведении археологических работ встречаются хозяйственные ямы, заполненные разнообразным грунтом. В ряде случаев из-за последующей антропогенной деятельности (в первую очередь распашки) сам культурный слой оказывается уничтожен, но сохраняются ямы, впущенные в материк. То есть заполнение ямы может быть единственным показателем специфики обживания территории того или иного временного периода. Это делает изучение материала заполнения ям важным и актуальным. Помимо ям (искусственно созданных объектов) на городищах встречаются рвы, большей частью заполненные каким-то грунтом. Сами рвы обычно являются искусственно созданными объектами (исключения – превращение рвов в овраги из-за эрозионных процессов), но материал их заполнения, скорее всего, имеет природно-антропогенное (начальные и зачастую финальные стадии заполнения рва) и природное (как правило, в средней части засыпки) происхождение. Это позволяет рассматривать материал заполнения рвов как независимый источник информации о природной и антропогенной составляющей, причем как периода функционирования городища, так и после его забрасывания. Возможно, сравнительный анализ заполнения объектов разного генезиса, но одного временного периода, позволит разделить антропогенную и природную составляющие.

Рассмотрен материал придонного заполнения четырех средневековых ям, вскры-

тых при проведении раскопок в разное время (рис. 37, пункты 13–16).

1) Яма 580 (раскопки 2012 г.) представляла собой остатки глубокого погребя, находившегося, вероятно, под жилым домом, располагавшемся на одной из центральных усадеб города. Засыпка этого погребя была проведена, вероятно, в конце XII в., но материал из этой засыпки датировался второй половиной XII в., т. е. именно тем временем, когда дом и погреб функционировали как жилой объект и его хозяйственное дополнение. Рассмотрена колонка образцов, начиная с глубины 35 см и до 135 см. Образцы отобраны из наиболее четко выраженных слоев и придонной части.

2) Ямы 498 и 536 (раскопки 2011 и 2010 годов), заполнения обеих ям относятся к первой половине XIII века. Различие состояло в том, что яма 498 являлась остатками подполья под жилым домом, а яма 536 была круглой хозяйственной ямой. При этом обе они фактически служили мусорными ямами для бытового мусора, скапливавшегося на усадьбах города. В обоих случаях проанализированы образцы придонного заполнения ям.

3) Яма 462 (раскопки 2009 г.) представляла собой крупное вытянутое в длину углубление, которое могло служить как подпольем под жилым домом, так и мусорной ямой, вырытой на площади двора. Материал из заполнения ямы относится ко второй половине XIV в. Исследованы два образца – тлен на дне ямы (рис. 59, III, номер 2) и тлен в нижней части ее заполнения (номер 1 там же).

Помимо ям, изучены слои заполнения средневекового рва, выкопанного перед валом городища РЖВ. Ров был впервые исследован на раскопе IV в 2004 г. Он был выкопан в домонгольское время (точная дата не установлена, но скорее всего во второй половине XII в.), затем обновлен, начал заплывать в золотоордынскую эпоху и окончательно засыпан в первой половине XV в. Новое исследование рва (к сожалению, частичное, поскольку до его дна вскрытие оказалось невозможным) было проведено в 2022 г. на раскопе II (рис. 37, пункт 17). Здесь ров был перекрыт поздним наносом грунта, смытого с соседнего с юга участка, использовавшегося вплоть до XVII в. под кладбище. Мощность этого наноса достигала 1 м. Под ним обнаружена поверхность засыпки рва в виде более темной

прослойки (от темно-серого до черного цвета) толщиной около 10 см. Эта поверхность могла быть остатками погребенной почвы.

Изучена колонка из 11 образцов (отсчёт образцов идёт сверху вниз). Образцы 1–4 были взяты из естественного наноса, образец 5 соответствует слабо уловимой почвенной прослойке, фиксирующей момент стабилизации поверхности после засыпки рва (в первой половине XV века). Образцы 6, 7 являются материалом заполнения рва (конец XIV – начало XV веков). Образцы 8–11 – это материал заполнения второй половины XIV века. Таким образом, хронологические этапы заполнения представленных выше ям и рва практически не совпадают. Можно с определенной долей условности считать, что лишь образцы из ямы 462 и самые нижние изученных слои из рва относительно синхронны.

Заполнения ям рассмотрены в хронологической последовательности.

Яма 580 (погреб под жилым домом), материал заполнения – вторая половина XII в. Заполнение в нижней части слоистое. Слой, залегающий на глубине 8–10 см от дна ямы (130–132 см от поверхности) обогащен крупными древесными углями. Суммарно просмотрено более 20 фрагментов, отобранных из этого слоя, но разных участков заполнения ямы. Все они были древесиной дуба.

Валового фосфора много во всех образцах, но больше всего в самом нижнем и самом верхнем (рис. 58, В). Слой, обогащенный углями, содержит наименьшие количества фосфора, хотя тоже более, чем в 2 раза выше природных значений. Относительно небольшие значения по фосфору в углистых прослоях объясняется меньшей концентрацией фосфора в растительной органике по сравнению с животной.

В образцах из средней части заполнения есть панцири диатомовых водорослей. Вероятно, были небольшие по времени перерывы в засыпке ямы, когда застаивалась вода, поскольку диатомовые водоросли – водные организмы, предпочитающие стоячую воду, обогащенную органическим веществом.

Помимо диатомовых водорослей, в образцах присутствуют цисты золотистых водорослей. Эти водоросли также предпочитают участки с высокой влажностью, поэтому их много в тех же слоях, где есть диатомовые водоросли. Но в культурных слоях обилие цист

обнаруживается и в контекстах, обогащенных древесным детритом. Вероятно, при разложении древесины создаются благоприятные для этих водорослей условия, способствуя их размножению. Например, самый нижний придонный слой ямы содержит цист больше, чем вышележащие. В этом же слое отмечено обилие древесного детрита (не горелого). То есть большую концентрацию цист можно использовать в качестве независимого диагноста наличия в прошлом на изучаемом месте древесины и её разложения естественным путем.

Фитолитов во всех образцах много, максимум в угольном слое 130–132 см, минимум в самом верхнем слое 36–39 см.

В нижних слоях относительно много фитолитов игл хвойных (17 и 12% в слоях 130–132 и 132–140 см соответственно). Это достаточно странно, учитывая то, что все исследованные древесные угли принадлежали дубу. Древесина, включая древесину дуба, фитолитов не образует. А в хвойных деревьях фитолиты формируются в иглах. То есть, говоря о хвойных в фитолитном комплексе, мы имеем ввиду только иглы хвойных, а не древесину в целом. Возможно, в данном случае для каких-то бытовых целей использовались ветви хвойных пород деревьев. В средней части заполнения встречаются фитолиты культурных злаков, что типично для культурных слоев.

Ямы 498 (подполье под жилым домом) и 536 (хозяйственная яма). Яма 536 (рис. 59, II) содержит в два раза больше фосфора по сравнению с ямой 498 (рис. 59, I), что указывает на различия в характере заполнения ям.

Обе ямы были созданы в один хроноинтервал (первая половина XIII в.), что позволяет проводить сравнительный анализ придонной части их заполнения. В обеих ямах много цист золотистых водорослей, но в яме 498 их существенно больше. Скорее всего, на дне этой ямы было что-то из дерева.

Количество фитолитов в обоих образцах примерно одинаковое, практически сходен и состав фитолитных комплексов. Можно лишь отметить, что в яме 498 (подполье под домом) есть формы, характерные для сорной флоры (крапива/конопля), которых нет в образце из ямы 536. То есть можно говорить как об определенном сходстве, так и о различиях материала заполнения ям. Очевидно, различия отражают разный генезис заполнения ям: судя

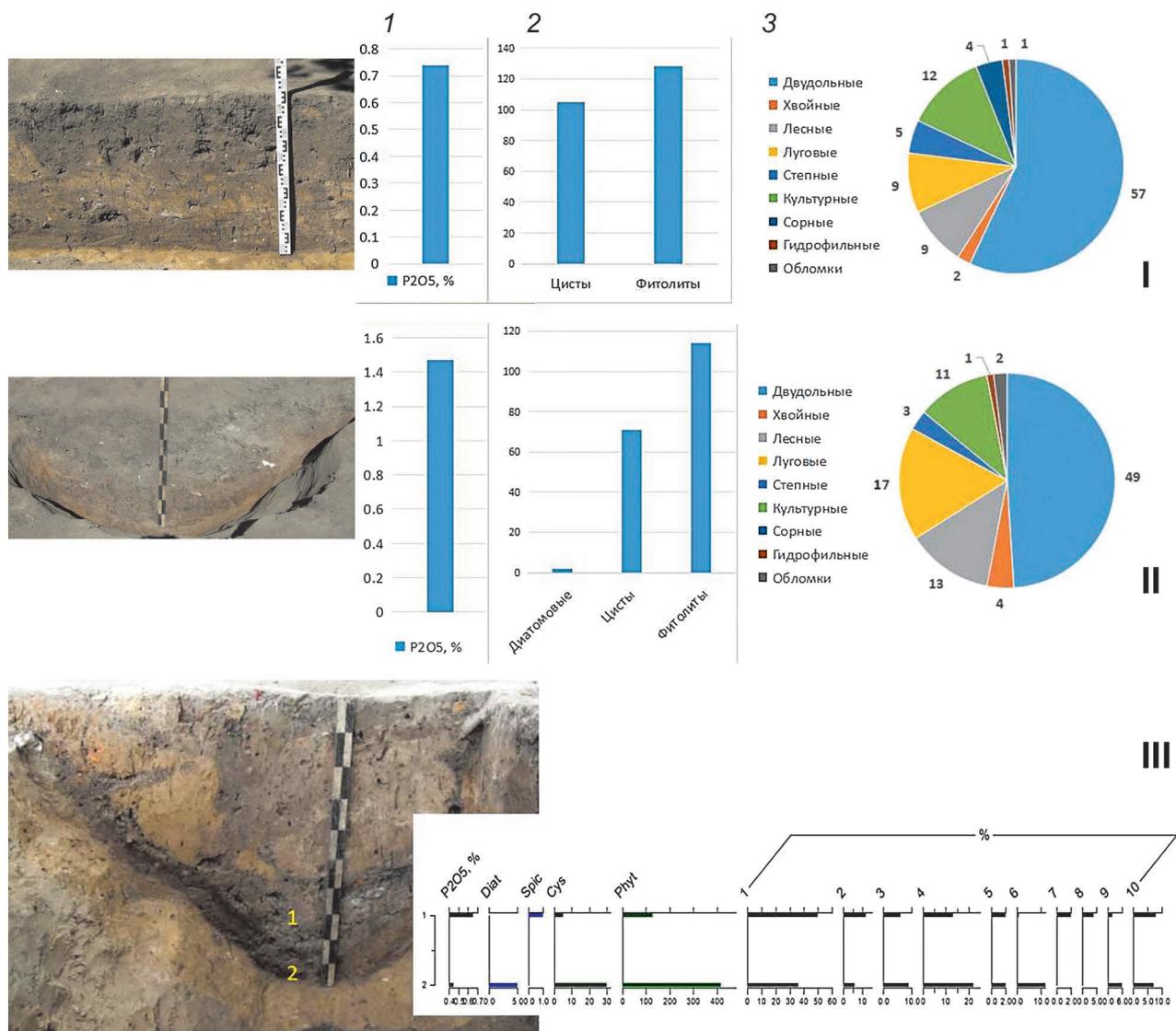

Рис. 59. Заполнения ям: I. Яма 498. II. Яма 536. 1 – содержание валового фосфора (%); 2 – содержание кремниевых микробиоморф (ед.); 3 – состав фитолитных комплексов (%). Цифрами показана доля отдельных растительных сообществ. III. Яма 462. (цифрами показаны участки отбора проб) и основные характеристики (условные знаки см. на рис. 38)

по фосфору, в яме подполья была в основном растительная органическая масса, в то время как на дне хозяйственной ямы – животная. Сходство в заполнении отражают антропогенную роль в формировании слоев, не природную.

Яма 462 (подполье или открытая мусорная яма), материал придонного заполнения XIV века. Рассмотрен тлен со дна и из прослоя над ним (рис. 59, III). Оба образца обогащены валовым фосфором. Его величины типичны скорее для растительной органики, чем для животной. В самом нижнем слое есть панцири диатомовых водорослей. Вероятно, здесь какое-то время стояла вода – было переувлажнено. В пользу этого предположе-

ния свидетельствует и относительно (по сравнению с вышележащим слоем) большое количество цист золотистых водорослей.

Самый нижний слой выделяется и обилием фитолитов – максимальные значения среди всех исследованных образцов. Следовательно, образец тлена на дне ямы – какая-то органическая масса растительного происхождения. Преобладают формы, характерные для лугового разнотравья, есть фитолиты культурных злаков (12%). В вышележащем слое фитолитов существенно меньше (127 единиц по сравнению с 417 в едином объеме 0,1 мм³). Кроме того, в нем практически нет форм, характерных для культурных злаков (1%), но, напри-

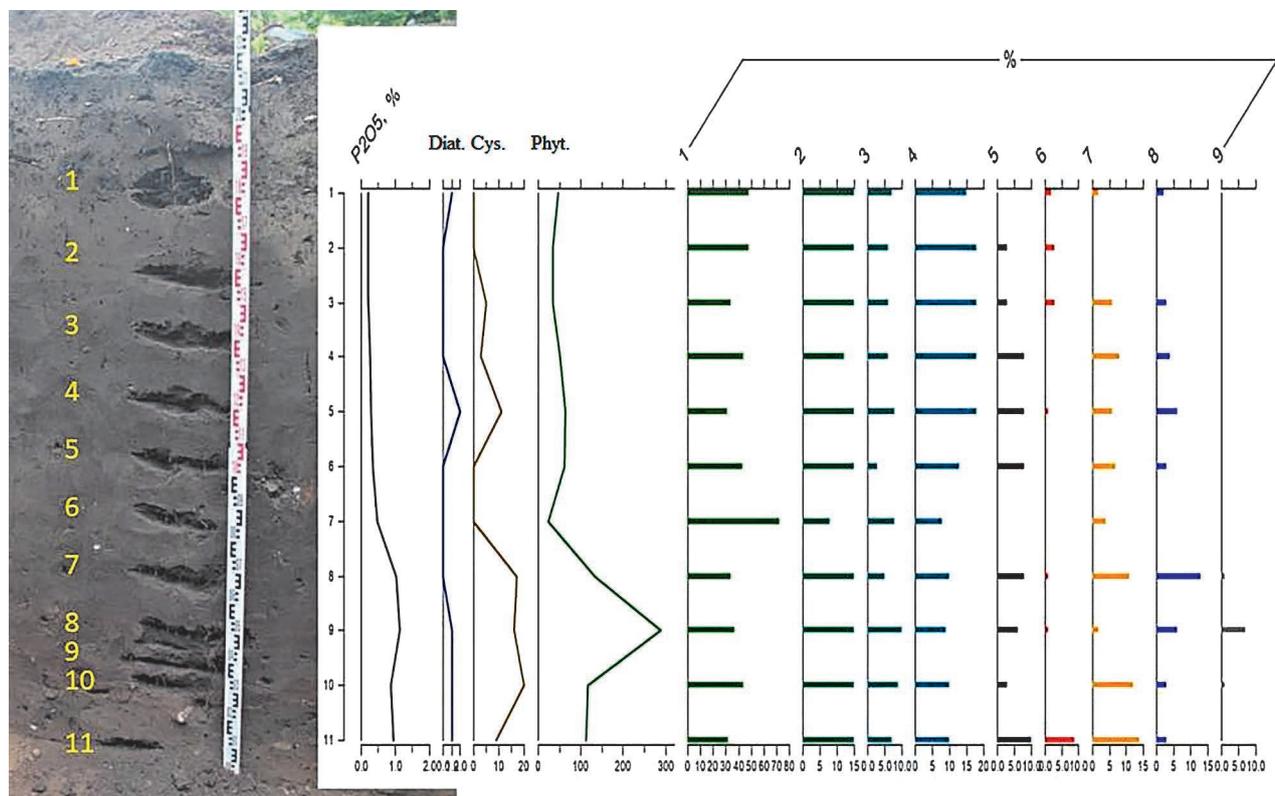

Рис. 60. Раскоп II, Участок 30, северо-восточный профиль. Заполнение средневекового рва. Общий вид. Цифрами отмечены места отбора проб. На графике показано распределение валового фосфора, кремниевых микробиоморф и состав фитолидных комплексов (условные знаки см. на рис. 38)

мер, в два раза больше фитолидов хвойных, есть формы, характерные для сорной флоры и тростника. Всё это свидетельствует о том, что придонные слои, залегающие друг над другом, сформировались по-разному. Самый нижний слой, возможно, какая-то подстилка или навоз, в то время как верхний, скорее всего, переотложенный материал культурного слоя, использовавшийся для заполнения ямы.

Заполнение средневекового рва (раскоп II, участок 30, северо-восточный профиль) (рис. 60).

Образцы 1–4 – материал естественного заполнения рва. Содержание валового фосфора во всех образцах примерно одинаковое и небольшое. Это характерно для естественных наносов, поскольку при любом перемещении концентрация фосфора уменьшается. Есть одна диатомовая водоросль в самом верхнем образце. Вероятно, этот слой был некоторое время поверхностным, застаивалась вода. Фитолидов немного, распределение их по глубине ровное, что, как и с фосфором, типично для переотложенного мелкозема. Состав фитолидных комплексов во всех четырех образцах практически одинаковый – преобладают

формы лугового разнотравья. Можно отметить наличие фитолидов сорной флоры в образцах 3 и 4 по сравнению с образцами 1 и 2. Скорее всего эти различия отражают специфику растительного покрова территории, откуда сносился материал заполнения.

Образец 5 – маломощный (1–2 см) дерновый горизонт темного цвета. Верхняя граница линейная, нижняя диффузная, созданная корнями трав. Хронологически относится к первой половине XV века. Горизонт содержит фосфора несколько больше, чем в верхних слоях. Эти значения превышают требования для природных объектов, значит, почвообразование шло на поверхности переотложенного культурного слоя. Горизонт выделяется от вышележащих присутствием панцирей диатомовых водорослей и цист золотистых водорослей. Эти организмы являются гидрофилами, то есть живут в условиях повышенного увлажнения. Скорее всего, на поверхности травянистой дернины застаивалась вода в тёплое время года (диатомовым нужна растворенная в воде органика).

Количество фитолидов так же больше по сравнению с вышележащими слоями. Это

нормально, поскольку травы, сформировавшие дернину, сами формируют достаточное количество фитоцитов, плюс некоторое количество было унаследовано от культурного слоя, в толще которого сформировался горизонт почвы – например, фитоциты степных злаков (сухих мест обитания) или тростника. В целом доминируют формы, типичные для лугового разнотравья. Есть, единично, фитоциты культурных злаков и сорной флоры.

Образцы 6 и 7 – обогащенные древесными углями слои заполнения в начале XV и конце XIV веков соответственно. Признаков почвообразование не выявлено. Следовательно, засыпание рва шло постоянно без периодов стабилизации поверхности. Наблюдается постепенное возрастание концентрации валового фосфора. Количество фитоцитов резко уменьшается в образце 7. Это коррелирует с большим количеством углей, поскольку древесина фитоцитов не формирует.

Образцы 8–10 – разные по генезису наносы второй половины XIV века. Образцы резко выделяются от описанных ранее высоким содержанием валового фосфора, цист золотистых водорослей и фитоцитов. По всем этим параметрам эти слои ближе к культурным слоям, чем к переотложенному материалу. Возможно, здесь (образцы 9 и 10) было какое-то скопление древесины, которая разлагалась (это объясняет большое количество цист золотистых водорослей), причем здесь же скапливался бытовой мусор разного генезиса (это объясняет большое количество фосфора и фитоцитов).

Образец 11 – самый нижний из изученных, относится к этому же временному периоду, но отличается по своим характеристикам от верхних образцов 9 и 10: существенно меньше цист и несколько меньше фитоцитов. В образце не было древесного детрита. Очевидно, генезис слоя иной, без значительных объемов бытового мусора.

Обобщение данных по заполнению средневековых ям и рва

Новые исследования подтвердили выводы, сделанные после изучения заполнений средневековых ям в Московском Кремле (Гольева и др., 2022): ямы, формирование заполнения которых связано с хозяйственной и бытовой деятельностью жителей города,

различаются между собой как по химическим свойствам (содержание валового фосфора), так и по составу микробиоморфных комплексов. Это связано, в первую очередь, с разными функциональными назначениями изученных ям (углублений, созданных под различные задачи). Вполне естественно, что погреб под жилым помещением будет иметь иное заполнение, чем хозяйственная яма в дворе.

Заполнение средневекового рва в нижней части (когда этот процесс происходил за счёт антропогенной активности) ничем не отличается от заполнения хозяйственных ям как по величинам валового фосфора, так и по специфике микробиоморфных комплексов (количественных и качественных). Более поздние горизонты заполнения, в формировании которых большую роль играли природные процессы, более однородны, слабо различаются друг от друга, что совпадает с выводами, полученными на основе исследования фитоцитного состава заполнения рва вокруг тела Плоская могила (Киселева и др., 2005. С. 127–129). В то же время полученные данные независимо указывают на однородность и стабильность природной среды.

Присутствие панцирей диатомовых водорослей в образцах заполнения каких-либо открытых углублений (рвы, ямы) можно использовать в качестве независимого индикатора перерыва в заполнении, стабилизации поверхности, где застаивалась вода после дождей.

Итоговые выводы

Итоговые выводы многогранны, их можно объединить в несколько групп, в которых сделан акцент на какой-либо один значимый фактор.

Палеоэкологические выводы

Исходно на месте современного Ростиславля Рязанского росли смешанные хвойно-лиственные леса, под которыми сформировалась подзолистая почва. Приход людей в позднем палеолите не сопровождался трансформацией исходного ландшафта, изменения окружающей среды были минимальными, что способствовало быстрому восстановлению исходных свойств почв и растений. Культурный слой стоянки впоследствии был несколько видоизменен процессами почвообразования в сово-

купности со склоновыми наносами. При этом основные признаки культурного слоя – повышенное содержание органического вещества и валового фосфора сохранились, хотя и не так ярко, как в более поздних культурных слоях. Возможно это связано как с отсутствием стационарных жилищ, так и с тем, что участок какое-то время был экспонированным и часть информационного блока была уничтожена еще в то время, до начала склоновых наносов.

Более 3 тыс. лет назад на площадке городища была дерново-подзолистая почва, очевидно, под пологом смешанного леса (хвойные и лиственные). С приходом людей лес был сведен, начался период формирования нового типа ландшафта – антропогенного. В процессе создания построек исходные земли были полностью преобразованы людьми на значительную глубину – более 70 см, то есть на глубину всего профиля исходной почвы. За счет привноса органического и подщелачивающего материала сформировались серии культурных слоев, химические свойства которых не имеют ничего общего с зональными почвами. Очевидно, при создании жилищ люди использовали разнообразный материал: растительный (травы, древесину), животный (кожа, шкура, шерсть), минеральный (известь). Следствием стало формирование на поверхности почвы мощного темноцветного культурного слоя, изменение кислотности всего почвенного профиля (современная почва, культурные слои под ней и погребенная исходная почва), обогащению толщи валовым фосфором, органикой.

Лесная растительность в полном объеме больше не восстанавливалась. При этом кардинально изменился ее состав: вместо смешанных стали произрастать широколиственные породы. Не исключено кратковременное зарастание вторичными лесами и рудеральными кустарниками в периоды ослабления антропогенного пресса (например, на этапе между РЖВ и средневековьем). Но основную часть времени культурные слои развивались в экспонированном режиме. Наиболее интенсивно, судя по обилию керамики, участок был преобразован в XIII–XIV веках, когда на городище была возведена деревянная оборонительная стена с засыпью из суглинка.

Необратимо изменился почвенный покров: вместо подзолистых сформировались

серые лесные почвы. Фиксируются признаки сильной почвенной эрозии (агрогенной?).

Таким образом, результаты исследований показали, что данные земли давно освоены и изменены людьми. Период антропогенного воздействия исчисляется тысячелетиями. Там, где были жилища, характер нарушения исходной почвы максимален, практически необратим. Самой почвы как таковой нет, сформированы культурные слои и делать какие-либо выводы о природной среде до антропогенного периода невозможно. На участках, где жилищ не было, также менялся характер почвообразования и формировались культурные слои, но степень трансформации исходной почвы была невелика. Это позволяет проводить реконструкцию природных условий до прихода человека и на различных этапах освоения им ландшафта. Можно выделить следующие этапы (рис. 61):

1) до-антропогенный – формирование зональных дерново-подзолистых почв под пологом смешанных (хвойно-лиственных лесов);

2) первичного заселения, когда в окрестностях были сведены леса, началось формирование культурных слоев;

3) интенсивного освоения и преобразования ландшафта – строительство построек, формирование различных по мощности и хозяйственной нагрузке культурных слоев, возведение различных насыпей (возможно, данный этап чередовался с периодами запустения территории, но длительность их была небольшой, поскольку не фиксируется восстановление зональных почв и лесов);

4) уход людей с данной территории, снятие интенсивного антропогенного прессинга, развитие процессов почвообразования, зарастание участка вторичным лесом и сорными травами.

Временные градации возможны следующие: первый период завершился около 3 тыс. лет назад; второй – продолжался с эпохи поздней бронзы до раннего железного века; третий – с раннего железного века до средневековья и четвертый – с XVII в. до наших дней.

Методические выводы

Использование различных методов почвоведения позволяет реконструировать разные этапы освоения ландшафта, поскольку устойчивость отдельных элементов почвенного профиля к антропогенному

Время	Поздний Палеолит	Неолит, Бронза	РЖВ	Средневековье
Исходный ландшафт (почвы, растения)	Хвойные леса	Смешанные леса	Смешанные леса с доминированием широколиственных пород Серые лесные почвы	
Характер территории обживания	Стоянка	нет	Укрепленное поселение	Город, кладбище
Хозяйственная деятельность	Охота, собирательство	?	Животноводство, растениеводство	
Степень трансформации ландшафта	Минимальная	?	Тотальная вырубка лесов, распашка Нарушение литосферы при создании рва	
Новый ландшафт	Ландшафт не изменен	?	Антропогенный ландшафт со специфическими свойствами	

Рис. 61. Обобщающая схема почвенных процессов на Ростиславле

воздействию неодинакова. Наиболее устойчивым является гранулометрический состав фоновой почвы, поскольку даже при формировании на поверхности почвы культурного слоя элювиально-иллювиальный характер распределения мелкозема сохранился.

Данные по кислотности почвы менее устойчивы. При образовании культурного слоя независимо от его мощности происходит подщелачивание всей почвенной толщи. Эти параметры сохраняются даже после забрасывания поселения и прекращения антропогенной нагрузки.

Различия по содержанию карбонатов в разных культурных слоях, возможно, могут быть использованы при определении их хозяйственной значимости. Содержание валового фосфора является надежным критерием диагностики культурного слоя любой мощности и хозяйственной нагрузки (помещение, улица и т. п.).

Данные по содержанию и распределению органического углерода нужно рассматривать только совместно с данными по валовому фосфору, поскольку со временем происходит минерализация органических соединений элемента. В то же время, полностью исключить этот вид анализа из комплекса палеоэкологических исследований нельзя, поскольку

он связан только с растительным сырьем, в то время как фосфор преимущественно с животным. Из растительного сырья много фосфора в семенах растений. Поэтому, если, например, на полу жилища была циновка из стеблей и листьев трав, то возможны пики по углероду без максимумов по фосфору.

В результате работы были:

- исследованы культурные слои эпохи позднего палеолита;
- исследованы пашни и перекрывшие их прослой под валом (руинами средневековой городской стены);
- обнаружены остатки средневековой пашни даже в центре площадки, где культурный слой разрушен практически полностью;
- реконструированы ландшафты, начиная с позднего палеолита;
- показано нарастание антропогенной трансформации территории во времени;
- определено, что максимальные воздействия антропогенного фактора были в раннем железном веке и в средневековье. Современный период характеризуется слабой трансформацией ландшафтов, доминируют природные процессы

Исследования выполнены в рамках темы Государственного задания ИГРАН FMGE-2024-0010.

6. РОГОЖНЫЙ СОСУД СО ЗНАКАМИ С ГОРОДИЩА РОСТИСЛАВЛЬ И ЕГО КУЛЬТУРНО- ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

В 2006 году при раскопках вала городища Ростиславль была сделана редкая находка – развалы трех рогожных горшков, на одном из которых вдоль края венчика еще до обжига по сырой глине были прочерчены знаки в виде крестов. Область распространения рогожной керамики – территория городецкой культуры, где она появляется уже в VI в. до н. э. Верхней границей ее бытования в Среднем Поочье принято считать I в. н. э. (Фоломеев, 1993. С. 19–21; Ставицкий, 2021. С. 326, 328). Это была не единственная находка обломков рогожных сосудов на городище, керамика этого типа встречалась как в предыдущие, так и в последующие годы раскопок, но ее количество было невелико, в среднем от нескольких до одного десятка фрагментов за сезон. Изучению этой коллекции было посвящено отдельное исследование, которое позволило сделать вывод о разных этапах контактов между жителями Ростиславля и городецким населением. На раннем этапе (середина – вторая половина I тыс. до н. э.) эти контакты были минимальны: рогожная керамика отсутствует в нижних горизонтах вала, в нижнем слое городища было найдено в три раза меньше обломков рогожных сосудов, чем в верхнем. На рубеже эр контакты с городецким населением резко интенсифицируются: значительная часть фрагментов рогожной керамики позднего облика⁹ связана с горизонтами памятника, которые датируются последними веками до н. э. – рубежом эр (Лопатина, Тавлинцева, в печати). Находка 2006 г. была исключительно важна не только тем,

что впервые на памятнике были обнаружены именно развалы рогожных сосудов, но и точной стратиграфической привязкой: все сосуды были найдены в одном из верхних горизонтов вала городища (9 этап строительства).

Изучению вала Ростиславльского городища было посвящено несколько публикаций (Коваль, 2011. С. 35–57; 2012. С. 53–69; Гольева, 2011. С. 58–71). Комплексное исследование показало, что практически весь его объем (высота вала превышала 5 м) был насыпан за несколько столетий в период от III в. до н. э. до рубежа эр или первых веков н. э. Было выделено 10 этапов возведения его насыпи. Начиная со 2 этапа, вал рос не только в высоту, он периодически подсыпался с напольной стороны и становился шире; на этапах 2–7 сооружались новые рвы. На этапах 4–10 в насыпи вала прослойки материкового суглинка чередовались с прослойками культурного слоя, которые фактически представляли собой мусор, перемещенный на поверхность вала с площадки городища, т. е. они содержали предметы и керамику, время первичной археологизации которых на площадке городища не сильно расходялось со временем их попадания в насыпь вала (Коваль, 2011. С. 51; 2012. С. 55).

Для этапа 9 сооружения вала, в заполнении которого были найдены развалы рогожных горшков, была получена радиоуглеродная дата: 50 BC – 90 AD (Ki-16529). Эту дату косвенно подтверждают данные радиоуглеродного анализа, полученные для предыдущего этапа 8: 170 BC – 60 AD (Ki-16527) (Коваль,

⁹ Выделена по совокупности признаков: венчики поздних форм, высокая общая пропорциональность, рогожные отпечатки с признаками угасания традиции их нанесения, морфологическое сходство (короткий отогнутый венчик) с комплексами, имеющими сходную датировку (городище Настасыно).

2012. С. 53). Таким образом, комплекс керамики и вещей из насыпи вала этапа 9 отражает состояние местной материальной культуры на очень узком отрезке времени: самый конец I тыс. до н. э. – рубеж эр. Для классических памятников дьяковской культуры это начало познедьяковского периода, время значительных культурных изменений, одним из которых стало постепенное исчезновение текстильной керамики. Городище Ростиславль, материальная культура которого в I тыс. до н. э. представляла собой один из локальных вариантов дьяковских древностей, находилось на юго-восточной периферии этих процессов. Его материалы чрезвычайно важны для понимания этнокультурной ситуации, сложившейся в Среднем Поочье на рубеже эр, где этот период характеризуется исчезновением городецких памятников, а в дальнейшем полной сменой культур на сопредельных территориях.

Исследование вала Ростиславльского городища показало, что в конце I тыс. до н. э. в жизни обитателей городища начинают происходить какие-то важные перемены. Они начинают фиксироваться еще до начала 9 этапа. Начиная с 8 этапа, перестает возобновляться ров, а на 9 этапе его полностью засыпают, что существенным образом снижает оборонительный потенциал укреплений городища (Коваль, 2011. С. 46). Развалы рогожных сосудов были найдены именно в засыпке рва. Но наиболее существенные отличия этого горизонта проявились в керамическом материале: именно в поздний период формирования вала происходит заметное увеличение доли текстильной керамики над гладкостенной. Она начинает преобладать, уже начиная с 8 этапа, на 9 этапе преобладание становится еще более заметным. На этапе 9 также резко возрастает доля рогожной керамики, от долей процента до 4,3% (Там же. С. 50). В этом контексте комплекс находок из вала этапа 9 становится исключительно важным для понимания процессов, происходивших в это время в местной материальной культуре. Этот горизонт существенно выделяется по количеству керамики и индивидуальных находок, публикации которых и посвящена эта работа.

Характеристика находок

С этапом 9 связаны 32 индивидуальные находки. Практически все они относятся к раннему железному веку.¹⁰ Предметы из кости в основном представлены проколками и их обломками – 9 предметов (рис. 62, 1–9). Большинство из них изготовлены из малой берцовой кости свиньи (рис. 62, 1–7).¹¹ Верхняя часть сохранилась у 6 экземпляров. 4 находки – изделия с расширенной головкой с отверстием и без – относятся к типу 1 по Н. А. Кренке (2011. С. 46. Рис. 79) (рис. 62, 1–4). К. А. Смирнов относил подобные проколки к двум разным типам, в зависимости от наличия или отсутствия отверстия (1974. С. 44). Возможно, заготовку проколки этого же типа, представляет собой еще одна находка, изготовленная из малой берцовой кости свиньи: верхняя часть ее обломана, чуть ниже линии слома находится крохотное, едва намеченное углубление – недосверленное отверстие (рис. 62, 6). Одну из находок можно определить, как иглу типа 3 (по Н. А. Кренке) – с выемкой вокруг головки для крепления нити (рис. 62, 5). Проколка, изготовленная из боковой метаподиальной кости лошади, может быть отнесена к типу 4 – крупным проколкам без отверстий (рис. 62, 9). К этому же типу, возможно, относится обломок проколки из того же материала (рис. 62, 8). Все типы проколок хорошо известны по другим памятникам раннего железного века. Аналогичные изделия были найдены в нижнем слое Дьякова городища, где они являются самой массовой категорией находок. Продолжают бытовать и в нижнем горизонте верхнего слоя (Кренке, 2011. С. 46, 55. Рис. 106, 107).

В насыпи вала этапа 9 была найдена заготовка наконечника стрелы из кости копытного животного (рис. 62, 10). Форма пера близка к подтреугольной, черешок едва намечен. Тип конечного изделия определить достаточно сложно, можно лишь отметить стандартные для раннедьяковского времени размеры и относительно тонкое плоское перо без утолщения в нижней части на месте перехода к черешку.

¹⁰ Один фрагмент лепного керамического сосуда относится к эпохе бронзы и, видимо, связан с поселением этого времени, располагавшимся на западном краю площадки городища (см. раздел 3).

¹¹ Здесь и далее определения Е. Е. Антипиной (Институт археологии РАН).

Рис. 62. Находки из вала этапа 9 городища Ростиславль. Предметы из кости (1–13).
Фрагменты сосудов со знаками: Ростиславль (14), Щербинское городище (15)

Обломок струга из ребра лошади (рис. 62, 13) так же относится к предметам, часто встречающимся в слоях москворецких дьяковских городищ. На Дьяковом городище они были характерны для раннего слоя «В» (Кренке, 2011. С. 49. Рис. 88). Редкими находками являются подвеска-амулет из сезамовидной кости лошади (рис. 62, 11) и поделка из малой берцовой кости свиньи (рис. 62, 12). Аналогичное изделие происходит с городища Свиного (Никольская, 1959. Рис. 11, 9). В качестве возможной аналогии можно также привести заготовку костяной пуговицы (?), найденной на Дьяковом городище в раннем слое (Кренке, 2011. С. 50. Рис. 91, 1228–85). Предмет с городища Свиного в публикации также был атрибутирован как застежка, но в целом назначение подобных предметов остается неясным.

Изделия из железа представлены тремя находками. Две из них маловыразительны: это обломок слегка изогнутого стержня круглого сечения и обломок небольшой линзовидной в сечении пластинки. Найденное в этом же горизонте железное шило представляет собой типичное изделие подобного типа (рис. 63, 3). В нижнем слое «В» Дьякова городища был найден только один обломок железного стержня, предположительно атрибутированный как шило. Количество подобных предметов существенно возрастает уже в самом раннем горизонте слоя «А» (Кренке, 2011. С. 54, 56). Это типичная находка на дьяковских памятниках Подмосковья, однако, почти полное их отсутствие в нижнем слое Дьякова городища наводит на мысль, что в большей степени они характерны именно для позднедьяковских горизонтов. По наблюдениям А.Ф. Дубынина, на Щербинском городище шилья были широко распространены как раз в поздний период существования памятника (1974. С. 229).

В коллекции также есть фрагменты двух погребушек. Одна из них (рис. 63, 6), скорее всего, относится к типу погребушек яйцевидной формы с отверстием для подвешивания (тип II по И.Г. Розенфельдт), но, судя по сохранившемуся фрагменту, ее торцевая часть имеет не заостренную или оттянутую форму, а раздвоенную. Второй обломок (рис. 63, 5) относится к варианту 3 типа V по И.Г. Розенфельдт – боченковидным погребушкам

с неглубокими выемками в торцевых частях. Боченковидные погребушки, как и яйцевидные хорошо известны по материалам памятников Волго-Окского междуречья. Это одни из наиболее распространенных типов (Розенфельдт, 1970. С. 56–59. Рис. 1, 3, 4, 18, 19, 21). На Ростиславле известны оба типа, но яйцевидная погребушка с раздвоенными концами найдена впервые.

В насыпи вала неоднократно встречались обломки рогатых кирпичей. Несколько таких изделий относились к этапу 9. Все они были из грубого теста с примесью органики, очень плохой сохранности. В коллекции имеется 1 фрагмент с орнаментом в виде рельефных пальцевых вдавлений вокруг отверстия (рис. 63, 8). По мнению А.С. Сыроватко, орнамент на рогатых кирпичах – достаточно редкое явление (2003. С. 74). Рогатые кирпичи с аналогичной орнаментацией были найдены в нижнем горизонте верхнего слоя Дьякова городища, датировка которого близка датам верхних горизонтов вала Ростиславля, а также на городище Настасьино (ГК-9612380; 9612349) и Мамоново (ГК-12687180). Скорее всего, так же был орнаментирован рогатый кирпич с городища Круглица, а также еще один рогатый кирпич из нижнего слоя Дьякова городища, но в последнем случае вдавления не были сгруппированы вокруг отверстия, а были вытянуты линией вдоль верхней части изделия (Кренке, 2011. Рис. 109, 174–82; 98, 821–84. С. 56).

К этапу 9 относятся обломки четырех тиглей. Они были опубликованы в 2009 г. (Тавлицева, Лопатина, 2009. С. 457–460). Три плавильных сосуда относились к типу ложковидных тиглей без втулки. Это были небольшие ковшки с вертикальными стенками высотой 31–32 мм и 49 мм и трапециевидными в сечении рукоятями. Толщина стенок тиглей составляла 7–11 мм. Четвертый тигель (рис. 63, 2), вероятно, относился к этой же разновидности. От него сохранился лишь небольшой фрагмент ковша. От остальных он отличался достаточно тонкими стенками – 5–6 мм. Все тигли были изготовлены из ожелезненного сильнозапесоченного глинистого сырья с высоким содержанием пылевидного песка размером менее 0,1 мм. Во всех случаях в формовочной массе присутствовала искусственно введенная растительная

Рис. 63. Находки из вала этапа 9 городища Ростиславль. Предметы из глины (1, 2, 4-8) и железа (3)

примесь, которая может быть интерпретирована как отходы молотьбы. Тигли этого типа повсеместно встречаются на памятниках дьяковской культуры, это один из наиболее распространенных типов плавильных сосудов. Датировка очень широкая – с середины I тыс. до н. э. по 3-ю четверть I тыс. н. э.

На одном из тиглей сохранился орнамент – два пальцевых вдавления на верхней части рукояти (рис. 63, 1). Это уникальный случай. В отличие от более поздних ложковидных тиглей с втулкой, тигли этого типа никогда не орнаментировались, по крайней мере, авторам подобные примеры не известны. Не исключено, что ногтевой орнамент на рогатых кирпичках и тиглях связан с распространением в Москворечье со II в. до н. э. так называемой керамики троцкого типа.

Все тигли имеют следы использования. К сожалению, в заполнении культурного слоя этого этапа не было найдено ни одного бронзового предмета, хотя присутствие тиглей говорит о том, что производство украшений на городище продолжалось. Скорее всего, обломки тиглей представляли собой производственный мусор, выброшенный на поверхность вала или в ров, в момент засыпки последнего. Стоит отметить, что за все годы раскопок на площадке городища было найдено лишь несколько обломков тиглей, предназначавшихся для плавки бронзы. В то же время в культурном слое памятника достаточно часто встречаются льячки с втулкой в рукояти, которые использовались для производства свинцово-оловянных украшений уже в более позднее время. Можно предположить, что производство украшений из бронзы, по-видимому, происходило за пределами площадки городища. С внешней стороны валов, за границей поселения отдельные находки, относящиеся к раннему железному веку (вещи и керамика) встречались на протяжении нескольких десятков метров к югу. Все они были переотложены. Раскопками удалось зафиксировать лишь несколько объектов этого времени, большая их часть была уничтожена средневековым городом (см. раздел 8).

Оставшиеся керамические находки представлены двумя обломками миниатюрных сосудов, от одного из которых сохранился полный профиль (рис. 63, 4), и грузиком дьякова типа (рис. 63, 7), единственной подобной на-

ходкой в насыпи вала. Большая его часть была утрачена. Судя по сохранившемуся фрагменту грузик, имел немного сплюснутую форму, близкую к грузикам типов 12а, 12в и 12г (по К. А. Смирнову). Насечка по краю (там, где она сохранилась) расположена относительно равномерно.

По данным К. А. Смирнова, подобные грузики в основном характерны для нижнего течения Москвы-реки и средней Оки (1971. С. 95). Для Ростиславля это один из наиболее распространенных типов: более четверти найденных при раскопках мысового городища грузиков, глиняных и роговых, относилась именно к нему. К. А. Смирнов предполагал, что этот тип грузиков связан с древним этапом (VII–VI–III вв. до н. э.), причем появился он в самом его начале (Смирнов, 1974. С. 78). На Боршевском городище подобные грузики (тип 2, по Х. И. Крис) представляют собой наиболее ранний тип и характерны для раннедьяковского слоя (Крис, 1982. С. 43).

Характеристика керамики из культурного слоя 9 этапа возведения вала

Основные наблюдения о распределении морфологических групп керамики с разной поверхностью в соответствии с этапами возведения вала были приведены в работе В. Ю. Коваля (2011. С. 50–53).

Для нашего исследования важно отметить, что, начиная с 8 этапа, доля текстильной керамики в керамическом комплексе начинает преобладать, что продолжилось и на 9 этапе (58,1%). При этом соотношение ниточной и рябчатой керамики неодинаково: ниточная (46,6%) существенно преобладает над рябчатой (11,5%). Картина с распределением по этапам рогожной керамики также весьма показательна. В самой ранней насыпи рогожной керамики нет. В горизонтах, соответствующих этапам 2–3, 4–6, а также 7 и 10 найдено по 1 обломку рогожной керамики, на 8-м этапе рогожная керамика отсутствовала. Но в насыпи 9 этапа ее количество резко увеличивается – 42 обломка (4,3%). Резкое увеличение рогожной керамики объясняется в первую очередь тем, что в слое присутствовали развалы сразу нескольких рогожных сосудов (Коваль, 2011. С. 50). Но, даже учитывая этот

факт, доля рогожной керамики в слое все равно высока, особенно по сравнению с предыдущими горизонтами, а присутствие развалов сосудов резко выделяет этап 9 из числа всех остальных.

Один из развалов – полный профиль очень крупного (объем примерно 19 л) рогожного горшка – представляет особый интерес. В верхней части этого сосуда под венчиком читаются знаки в виде прямых и косых крестов. Это четыре целых изображения и одно фрагментарное. Очертания всех крестов отличались друг от друга (рис. 64, 1). Изображения были нанесены по сырой глине до обжига, они создавались в разной технике и разными инструментами. Первый слева направо косой крест, нанесен прочерчиванием, при этом одна линия креста острием, другая – инструментом с раздвоенным рабочим краем. Второй прямой крест, также нанесен прочерчиванием. При этом горизонтальная линия креста состоит из двух отрезков. Левый отрезок прочерчен инструментом с раздвоенным краем, а правый острием. Таким же острием нанесена и вертикальная линия. Третий крест также прямой состоит из лучей неравной длины, которые нанесены оттискиванием предмета с тонким рабочим краем, возможно, лезвием. Четвертый крест косой, прочерчен острием. Часть пятого косого креста нанесена оттискиванием.

Аналогичных композиций из знаков, выполненных различными инструментами и в разной технике, ранее не было известно. Вместе с тем кресты, не образующие композиций, а также другие прочерченные или оттиснутые по сырой глине фигуры, изредка встречаются на сосудах дьяковской культуры и на сосудах с памятников сопредельных территорий. Сводка, подобных знаков была дана И. Г. Розенфельдт, которая предположила, что, во-первых, все они относятся в основном к первой половине I тыс. н. э., во-вторых, указала на редкость таких находок. По ее мнению, тот факт, что подобные метки наносились на поверхность сосудов крайне редко, исключает их использование в качестве тамг

или владельческих знаков. И. Г. Розенфельдт, вслед за А. К. Амброзом, высказала мнение об их культовом характере (*Розенфельдт, 1974. С. 150*). Приведенные ею примеры знаков можно дополнить образцами нескольких венчиков с единичными изображениями косых крестов, прочерченных острием. Это находка с Ростиславля из раннего слоя 2, с Щербинского городища (юго-восточный край площадки (кв. X-19, Ц-19) (рис. 62, 14, 15) и с городища Надежда (*Никольская, 1959. С. 17. Рис. 3, 8*).

Наиболее близкой аналогией композиции знаков на рогожном сосуде с Ростиславля является фрагмент верхней части сосуда с городища Дуна с изображением трех косых крестов (*Никольская, 1959. С. 23. Рис. 8, 3; коллекция ГИМ 42786/493*)¹². Мы можем предположить, что знаки на ростиславльском сосуде, коль скоро они наносились разными инструментами, были оставлены разными людьми, сопричастными к какому-то совместному действию (соглашение, заключение союза, общее моление и т. п.)¹³.

В ходе исследования нами была поставлена задача технологического анализа рогожной керамики городища Ростиславль в целом по памятнику и керамики относящейся к 9 этапу вала, в частности (Приложение; табл. 4). Постановка этой задачи была вызвана необходимостью решить вопрос об однородности или неоднородности серии рогожной керамики городища, которая на сегодняшний день является наиболее представительной по сравнению с другими памятниками дьяковской культуры. Рогожные сосуды из этапа 9 вала показали определенную близость между собой по технологическим особенностям. Они были изготовлены из разных видов сырья (сырье 2, 4 и 6), которые сходны по составу естественных минеральных примесей, но различаются по особенностям запесоченности. Преимущественно это глины средне-низкой и средне-высокой запесоченности. Для них отмечен единственный рецепт формовочной массы – глина+дресва.

¹² В монографии Т. Н. Никольской этот фрагмент был опубликован дважды, как найденный на двух разных памятниках: Дуна (*Никольская, 1959. С. 23. Рис. 8, 3*) и Гремячево (1959. С. 24. Рис. 9, 1). Изучение археологической коллекции ГИМ позволило установить, что местом его находки является городище Дуна.

¹³ Авторы благодарят С. А. Яценко за консультацию. Сходную смысловую нагрузку имеет скопление знаков, нанесенных разными инструментами для клеймения скота, на сосуде из Бака-тобе (*Яценко, Авизова, Торгоев и др., 2020. С. 166, 167*).

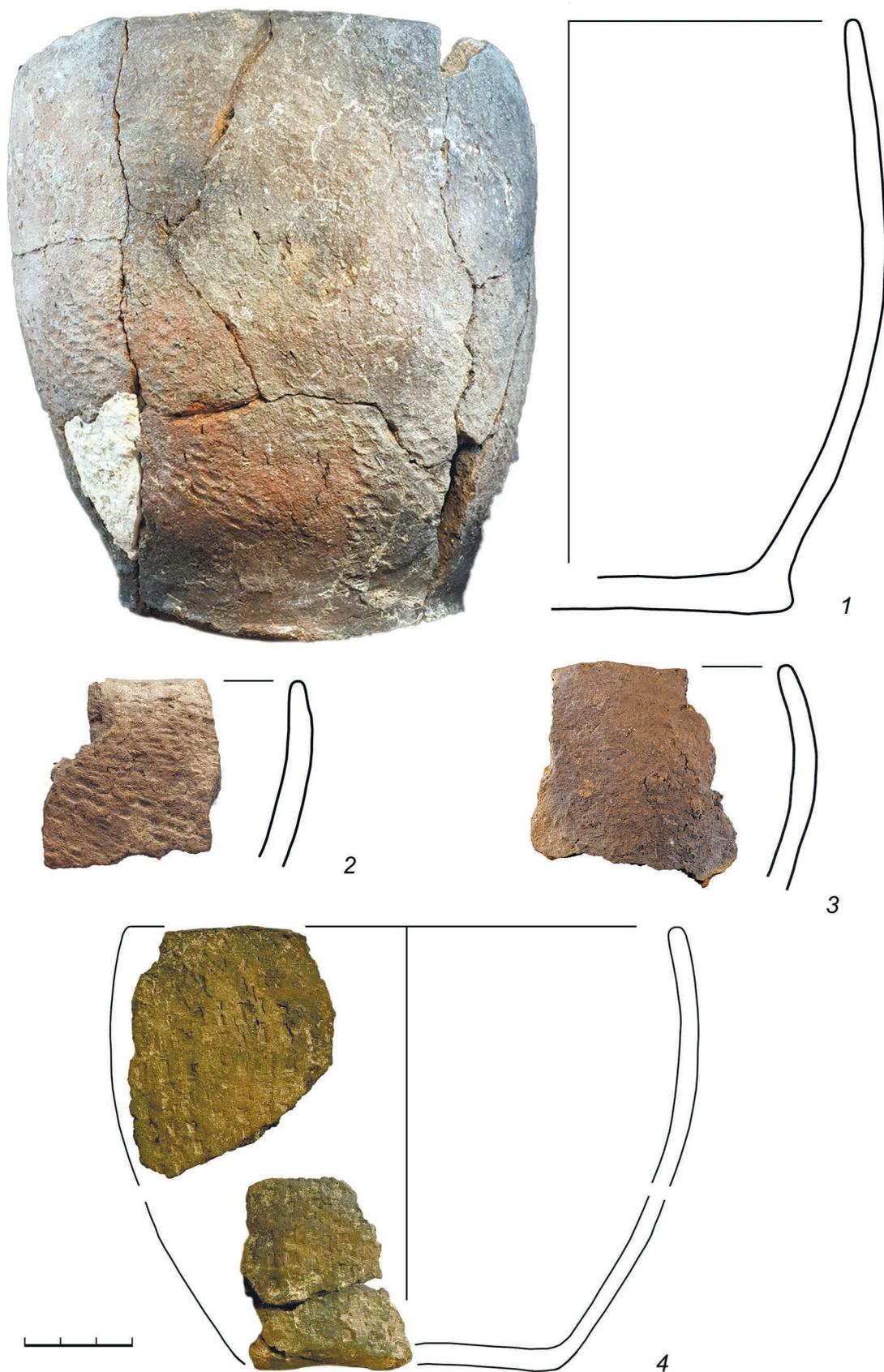

Рис. 64. Сосуды с полным профилем, этап 9 возведения вала городища Ростиславль: 1 – рогожный со знаками, 2 – гладкостенный

Таблица 4. Особенности сырья и формовочных масс рогожной керамики городища Ростиславль

№	Рисунок	Название	Паспорт (год – раскоп – № по описи – № фонда)	Вид сырья	Рецепт формовоч- ной массы	Искусственные минеральные примеси	
						Концентра- ция	Максимальн. размер (мм)
1	Рис. 2-3	Венчики, днища и стенки от одного сосуда	а) 2012 P-V № 142; нвф 17759/1290 б) 2009 P-V № 178; нвф 17759/1400 в) 2005 P-V № 317; нвф 16830/3431 г) 2007 P-V № 272; нвф 16830/4221 д) 2022 P-V постр 12;	Сырье 1 (2А)	ГД	1:3–1:4	2,0–3,0
2	Рис. 2-1	Венчик и стенки одного сосуда	а) 2006 P-IV № 214; нвф 16830/3780 б) 2023 P-V в) 2023 P-V г) 2023 P-V яма 992	Сырье 1 (2А)	ГДП?	1:3–1:4	2,5–3,5
3	–	Стенки одного сосуда	а) 2001 P-V № 193; нвф 16830/2028 б) 2022 P-V яма 962	Сырье 2 (1А)	ГДП	1:7	3,5
4	–	Дно	2001 P-V № 197; нвф 16830/2016	Сырье 2 (1А)	ГДП	1:6	2,5
5	Рис. 8: 2	Венчик с насечкой по краю	2006 P-IV № 129; нвф 16830/3678	Сырье 2 (1А)	ГД	1:5	5,0
6	Рис. 3-5	Венчик и стенка	а) 2000 P-V № 151; нвф 16830/1612 б) 2022 P-V я. 962	Сырье 3 (1А)	ГДП	1:5	2,0–3,0
7	Рис. 7: 2	Развал	а) 2006 P-IV № 126; нвф 16830/3781 б) 2006 P-IV № 126; нвф 16830/3782	Сырье 4 (1ВА)	ГДД изв	1:5	1,5
8	Рис. 11: 1	Сосуд со знаками и проколом под венчиком	2006 P-IV № 187 оф 32948/512	Сырье 4 (1ВА)	ГД	1:4–1:5	8,0
9	Рис. 5: 3	Венчики с ямочным орнаментом	а) 2006 P-V № 209; нвф 16830/3378 б) 2006 P-IV № 128; нвф 16830/3777	Сырье 4 (1ВА)	ГД	1:4	4,0
10	Рис. 3-3	Стенка и венчик	а) 2023 P-V б) 2023 P-V я 992	Сырье 5 (1ВА)	ГД	1:3–1:4	4,5–5,0
11	–	стенка	2020; P-II № 94; нвф 17759/2848	Сырье 5 (1ВА)	ГД	1:4	3,5
12	Рис. 3-4	Венчик и стенка	а) 2013 P-V № 146; нвф 17759/1653 б) 2008 P-V № 164; нвф 17759/164	Сырье 4 (1ВА)	ГД?	единично	1,0

№	Рисунок	Название	Паспорт (год – раскол – № по описи – № фонда)	Вид сырья	Рецепт формовоч- ной массы	Искусственные минеральные примеси	
						Концентра- ция	Максимальн. размер (мм)
13	–	Стенка	2005 P-IV № 201; нвф 16830/ 3432	Сырье 4 (1ВА)	ГДШ	Д 1:5 Ш 1:5	Д 5,0 Ш 4,0
14	Рис. 8: 4	Венчики	а) 2004 P-V № 118; нвф 16830/ 3035 б) 2006 P-V № 130; нвф 16830/ 3775	Сырье 6 (1ВС)	ГД	1:6–1:7	4,0–6,0
15	Рис. 6: 1	Венчик	2012 P-IV № 110; нвф 16830/ 3774	Сырье 6 (1ВС)	ГД	1:4	6,0
16	Рис. 3-10	Венчик	2012 P-V № 66; нвф 17759/ 1214	Сырье 6 (1ВС)	ГД	1:4	2,5
17	-	Стенки	а) 2004 P-V № 100; нвф 16830/ 3037 б) 2004 P-V № 119; нвф 16830/ 3038	Сырье 7 (1ВС)	ГД	1:7–1:8	4,5–3,5
18	Рис. 2-8	Венчик	2008 P-V № 196; нвф 17759/ 196	Сырье 6 (1ВС)	ГД	1:5–1:4	2,5
19	Рис. 3: 4	Развал	а) 2006 P-IV № 127; нвф 16830/ 3778 б) 2006 P-IV № 127; нвф 16830/ 3779	Сырье 6 (1ВС)	ГД	1:4	4,0
20	Рис. 3-6	Венчик	2009 P-IV № 125; нвф 17759/ 415	Сырье 8 (1С)	ГД	1:6	5,0
21	Рис. 3-12	Венчик	2023 P-V	Сырье 8 (1С)	ГД	1:4	2,0
22	Рис. 3-1	Венчик с проколами	2013 P-V № 206; нвф 17759/ 1714	Сырье 8 (1С)	ГШ	1:1:7	4,0
23	Рис. 2-2	Венчики	а) 2003 P-V № 145; нвф 17759/ 1651 б) 2013 P-V № 145; нвф 17759/ 1652	Сырье 8(1С)	ГДШ	Д 1:4 Ш ед	Д 4,0 Ш 1,5
24	Рис. 2-7	Венчик и дно	а) 2002 P-IV № 215; нвф 16830/ 2307 б) 2002 P-IV № 216; нвф 16830/ 2308	Сырье 8 (1С)	ГД	1:5	3,0
25	Рис. 3-2	Венчик	2020 P-III № 227; нвф 17759/ 2980	Сырье 8 (1С)	ГД	1:4	3,0
26	Рис. 3-11	Венчик с ямочным орнаментом и стенки	а) 1998 P-V № 76; нвф 16830/ 1084 б) 2001 P-V № 195; нвф 16830/ 2029 в) 2022 P-V я. 962	Сырье 8 (1С)	ГД	1:4	6,0

Примечание: для сосудов №№ 5, 7-9, 14, 15, 19 ссылки на рисунки даны по данной статье, на остальные рисунки – по статье (Лопатина, Тавлинцева, в печати).

Условные обозначения для столбца «Вид сырья»: в скобках указаны: ожелезненность глины – ожелезненная (1), слабожелезненная (2); буквами степень запесоченности глины – низкой запесоченности (А), средне-низкой (ВА), средне-высокой (ВС), высокозапесоченная (С).

Сокращения для столбца «Рецепт»: Г – глина, Д – дресва, Ш – шамот, П – песок, О – органика неясного происхождения, Н – навоз.

Следует отметить, что больше половины рогожных сосудов, найденных на городище, представлены сразу несколькими фрагментами (табл. 4). Критерии отнесения фрагментов к одному сосуду включали в себя несколько признаков: морфологическое сходство рогожных отпечатков и сходство определенных технологических особенностей (запесоченность глины, цветовые характеристики излома черепка, обожженного до 800°C, качественный и количественный состав искусственных примесей). В большинстве случаев разные фрагменты одного сосуда происходят с соседних участков, либо с площади одного раскопа, но иногда – с разных участков площадки городища, значительно удаленных друг от друга. Так, из четырех фрагментов сосуда (табл. 4. № 2) один был найден в насыпи вала этапа 8, а остальные три на раскопе 2023 года, разбитом с внутренней стороны у подножия вала. Причем один из этих трех фрагментов происходил из заполнения ямы 992, датировка которой близка датам финальных этапов вала. Керамический комплекс ямы характеризовался достаточно высоким процентом рогожной керамики – 4%. Особый интерес представляют пять фрагментов одного рогожного сосуда (табл. 4. № 1), три из которых (в, г, д) были найдены на площадке городища с внутренней стороны от вала, а два фрагмента (а, б) были обнаружены ближе к границе центральных и северных участков. Можно предположить, что горшок был разбит именно в этом месте, а затем его обломки были выброшены на поверхность вала вместе с остальным мусором. В этой связи нужно отметить некоторое увеличение концентрации рогожной керамики на границе северных и центральных участков мысового городища (Лопатина, Тавлицева, в печати). Возможно, именно здесь было место компактного проживания людей, использовавших в быту рогожную керамику.

Для морфологической характеристики керамики 9 этапа возведения вала были отобраны все доступные для изучения венчики и развалы разных сосудов, всего 42 единицы. В это число входят 3 сосуда с полным профилем и 2 с реконструированным профилем.

Из 42 сосудов 20 текстильных, 15 гладкостенных и 7 рогожных. Среди текстильных сосудов существенно преобладают ниточные – 14 сосудов. Ниточные отпечатки

различаются по плотности (редкие, частые), размеру (мелкие, крупные), структуре (с отпечатками волокон и там, где они практически не различимы). Рябчатые – представлены прямыми или слегка дуговидными отпечатками. Реконструкция инструмента проблематична, но можно утверждать, что они не являются следами инструментов из еловой шишки. Существенная доля елово-шишечных инструментов, реконструированных по отпечаткам, отмечена на городище Настатьино, а также на городище на Соборной горе Московского кремля (Лопатина, 2019; Лопатина, в печати). Не исключено, что такая картина отражает хронологические особенности, однако уточнить это пока невозможно.

По характерным особенностям форм верхних частей сосудов было выделено 6 групп. Доступными для изучения оказались 40 сосудов.

Группа 1. Тулово слегка выпуклое, венчик незначительно загнут внутрь. 7 сосудов: 4 текстильных и 2 рогожных и 1 гладкостенный (рис. 64, 1; 65; 66).

Группа 2. Открытые сосуды с практически прямыми стенками и непрофилированным венчиком. 9 сосудов: 5 текстильных, 2 гладкостенных и 2 рогожных (рис. 67; 68).

Группа 3. Открытые сосуды чуть выпуклыми стенками и слегка выделенным плечом. Венчики как правило короткие отогнутые (рис. 69; 70, 1, 2, 4–7), редко слегка выделенные, чуть намеченные (рис. 70, 3). 9 сосудов: 4 текстильных, 3 рогожных и 2 гладкостенных.

Группа 4. Сосуды слегка закрытой формы, горло сужено. Максимальное расширение расположено сравнительно низко. Венчики как правило отогнутые (рис. 71, 1–5, 7), редко прямые (рис. 71, 6), чаще короткие, реже слегка удлиненные. 7 сосудов: 4 текстильных, 3 гладкостенных.

Группа 5. Сосуды слегка закрытой формы с выделенным плечиком. Венчики короткие отогнутые (рис. 72, 2, 3, 9) или прямые (рис. 72, 1, 6). 5 сосудов: 3 текстильных и 2 гладкостенных.

Группа 6. Сосуды со сравнительно удлиненным плавно отогнутым венчиком и слегка выделенным плечом (рис. 64, 2; 72, 4, 5). 3 гладкостенных сосуда.

Распределение текстильной и гладкостенной посуды по группам отражает ту же самую

Рис. 65. Сосуды группы 1. Этап 9 возведения вала городища Ростиславль

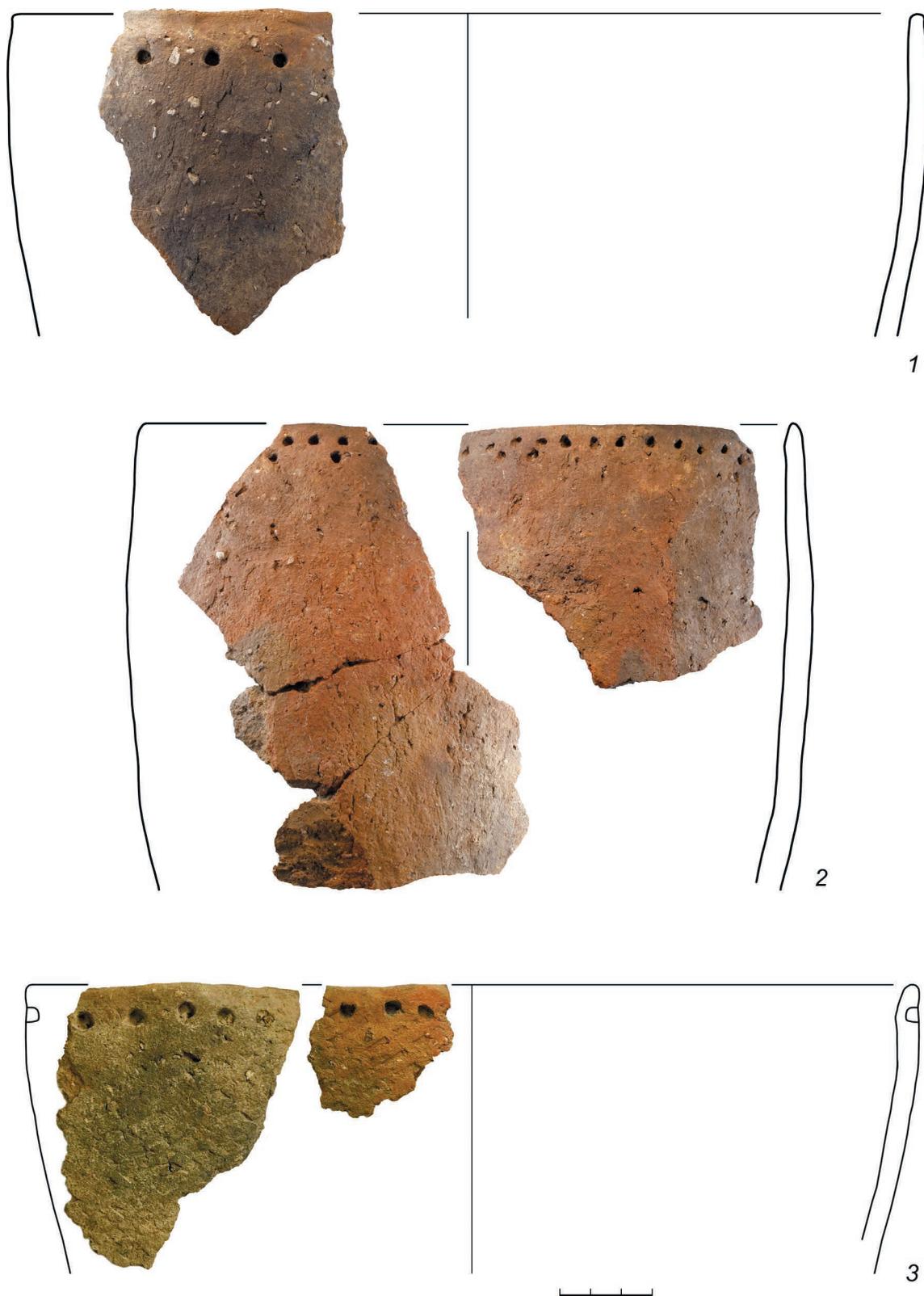

Рис. 66. Сосуды группы 1 (продолжение). Этап 9 возведения вала городища Ростиславль

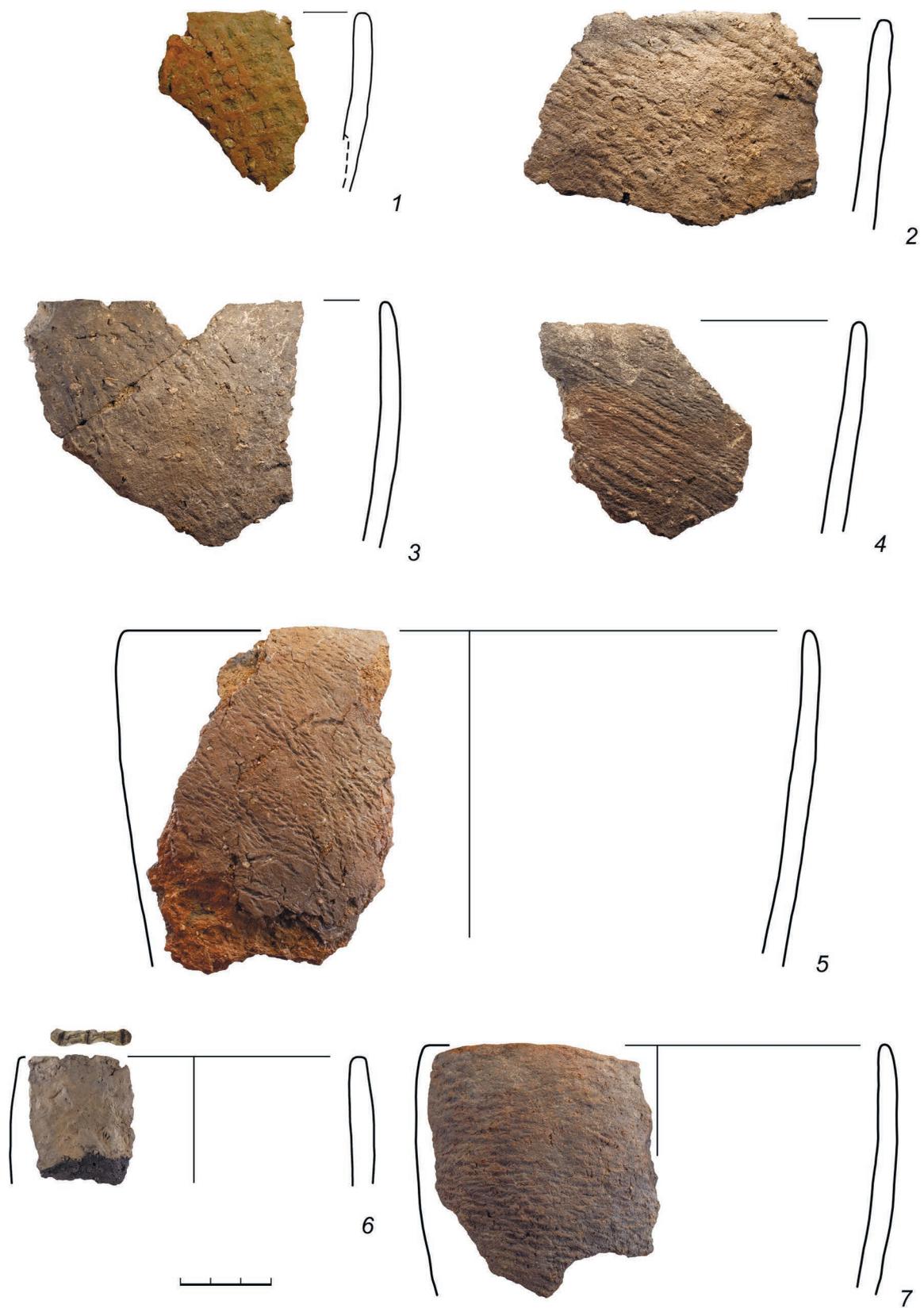

Рис. 67. Сосуды группы 2. Этап 9 возведения вала городища Ростиславль

Рис. 68. Сосуды группы 2 (продолжение). Этап 9 возведения вала городища Ростиславль

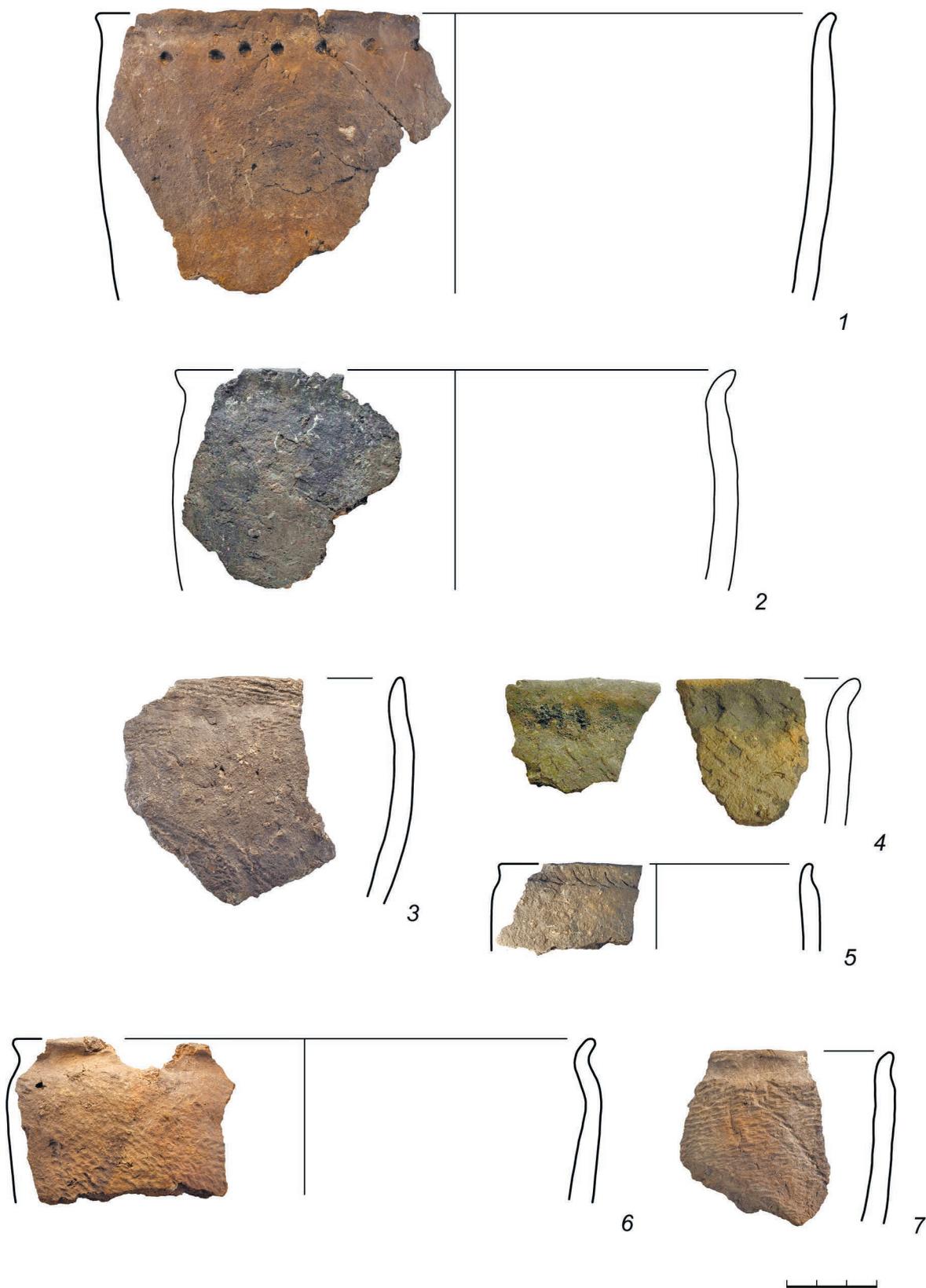

Рис. 69. Сосуды группы 3. Этап 9 возведения вала городища Ростиславль

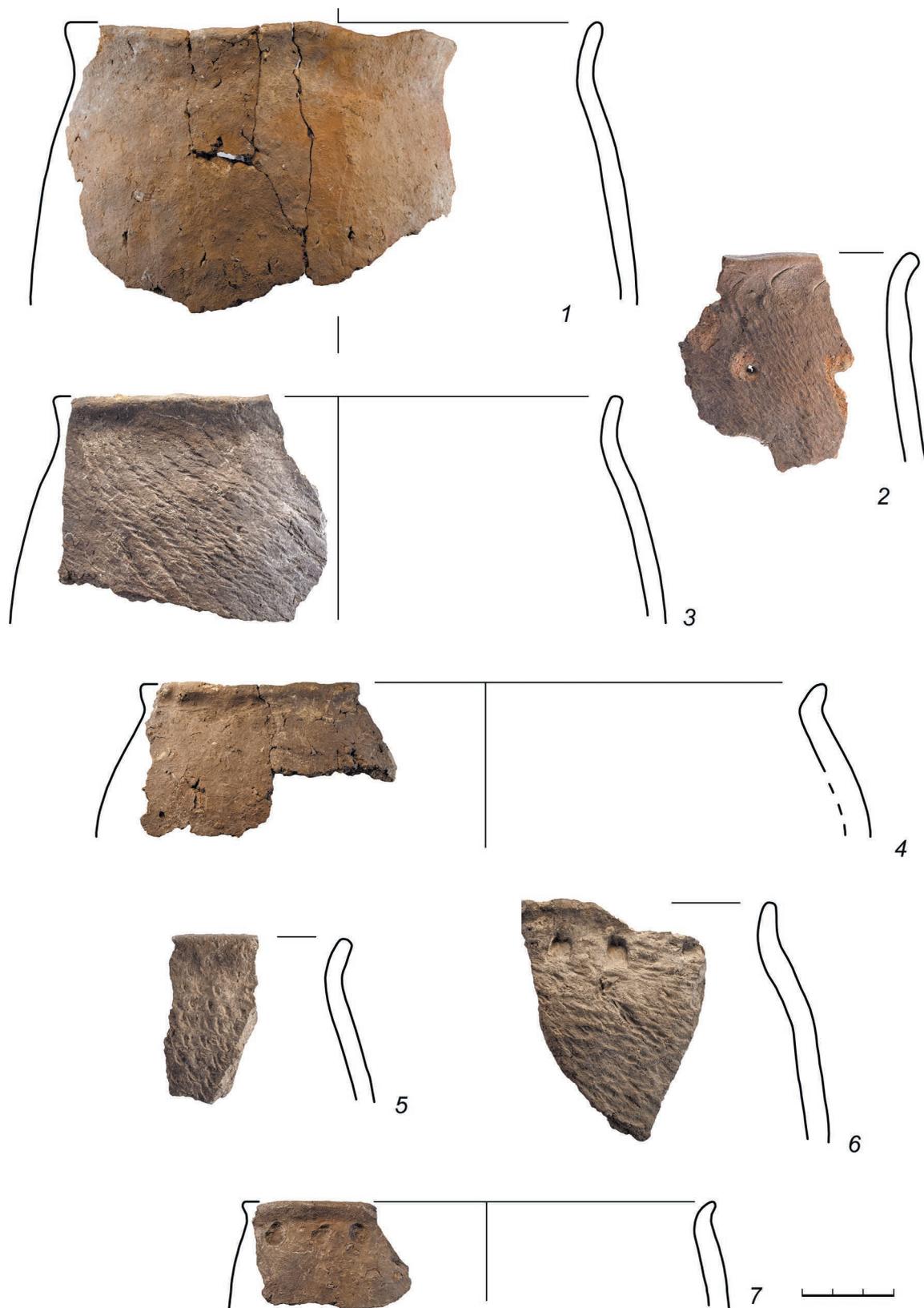

Рис. 70. Сосуды группы 3, продолжение. Этап 9 возведения вала городища Ростиславль

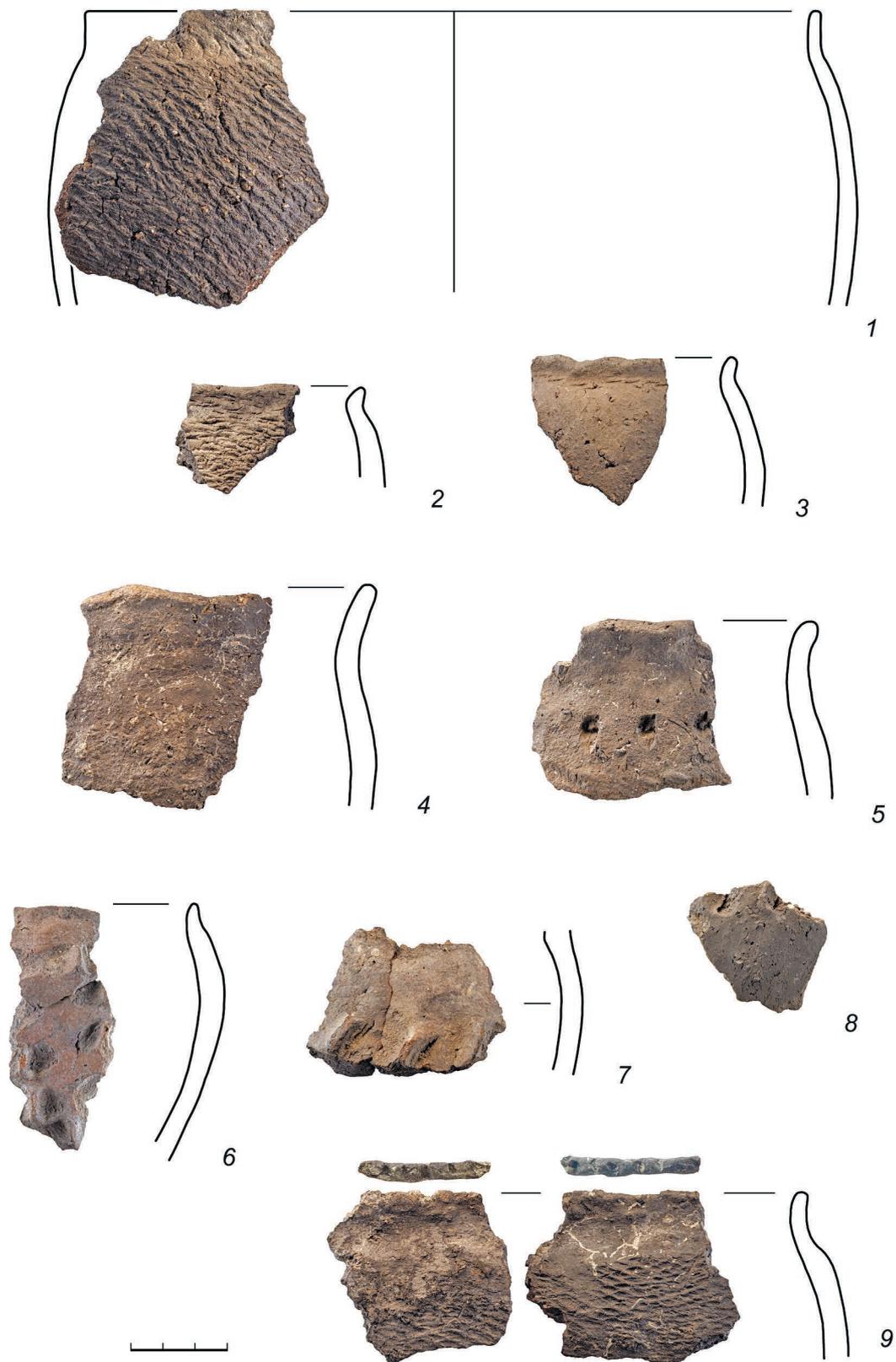

Рис. 71. Сосуды группы 4. Этап 9 возведения вала городища Ростиславль

Рис. 72. Сосуды групп 5 и 6: 1–3, 6, 9 – группа 5; 4, 5 – группа 6.
Этап 9 возведения вала городища Ростиславль

Таблица 5. Виды орнаментов на керамике из культурного слоя этапа 9 возведения вала

Вид орнамента	Число сосудов
Ямки	5
Тонко-ногтевые отпечатки	4
Тычки	2
Защипы	2
Ногтевые вдавления	1
Ногтевой по краю венчика	2
Насечка по краю венчика	1
Вдавления по краю венчика	1
Всего	18

закономерность, что прослежена по всей керамике в целом: практически во всех группах текстильная преобладает над гладкостенной. Лишь в группе 6 отмечены только гладкостенные сосуды, но она слишком малочисленна для каких-то заключений.

Особенности форм сосудов из 9 насыпи вала Ростиславля можно сравнить с результатами исследования форм сосудов, принятым ранее для материалов городищ Мутёнковское, Старшее Каширское, Настасьино и Дьяково (Лопатина, 2019. Прил. 2. Рис. 4–109; Прил. 1. Табл. 4). Было установлено, что в керамике памятников, где материалы рубежа эр широко представлены (Дьяково, Настасьино), существенную долю составляют формы со щекой¹⁴. Это отличает их Мутёнковского и Старшего Каширского городищ, где таких форм существенно меньше; при этом материалы этих памятников относятся в основном к более раннему времени. Керамический комплекс 9 насыпи содержит 20 сосудов (т.е. ровно половина всех исследованных) с отогнутыми венчиками, которые допустимо рассматривать в качестве щеки, т.е. устройства для слива. Такие венчики фиксировались в группах 3, 4, 5 и 6.

Формы сосудов, отнесенные к группам 1 и 2 довольно близки, находят широкие аналогии в дьяковских материалах более раннего времени. В отношении групп 3 и 5 можно сказать, что такие особенности форм как очертания плеча и тулова, также находят очень широкие аналогии в керамике более ранне-

го времени. По поводу других групп что-то определенное утверждать пока сложно.

Особенности общей пропорциональности (Цетлин, 2017. С. 154, 155) можно было установить лишь по трем сосудам. Наиболее высокий коэффициент общей пропорциональности (H/D макс) у рогожного горшка – 1,3 (рис. 64, 1). У гладкостенного он составляет 1,1 (рис. 64, 2), у текстильного – 1,0 (рис. 65, 1). Нам известно, что относительно высокая пропорциональность свойственна для керамики начального этапа позднедьяковской культуры. Так, на Троицком городище общая пропорциональность более половины сосудов имеет значение 1,0 и более (Лопатина, 2019. С. 213).

На сосудах 9 этапа вала представлены следующие виды орнамента (табл. 5). В основном это ямки, ногтевые отиски, тычки.

В ходе исследования мы обратили внимание на серию из 4 сосудов с орнаментом, который ранее не учитывался. Это тонко-ногтевые отпечатки в виде неглубоких оттисков края ногтевой пластины (рис. 73); на отпечатках иногда видна характерная асимметричность края ногтевой пластины (Гей, 2005). В пользу не случайного происхождения таких оттисков говорит их упорядоченность и аналогии, найденные на других дьяковских памятниках (Настасьино, Боршева). Вероятность случайных отпечатков ногтя при отгибе венчика нельзя принимать во внимание, т.к. большая серия коротких отогнутых венчиков не несет подобных оттисков. Тонко-ногтевые отпечатки расположены под краем венчика близко друг к другу, могут быть ориентированы горизонтально, вертикально и с наклоном, образуя пояс. Скорее всего, такой орнамент являлся развитием на местной основе ногтевых орнаментов (вдавлений и защипов), которые к рубежу эр широко распространились на территории Москворечья.

В целом в исследуемых материалах ногтевые орнаменты сравнительно широко представлены. В частности, зафиксированы защипы и рельефные пальцевые вдавления с отпечатками ногтя (рис. 72, 6, 7, 8). Такой орнамент на сосудах с гладкой поверхностью характеризует т.н. керамику троцкого типа,

¹⁴ В нижнем горизонте слоя «А» Дьякова городища таких сосудов 94% (учитывались только развалы).

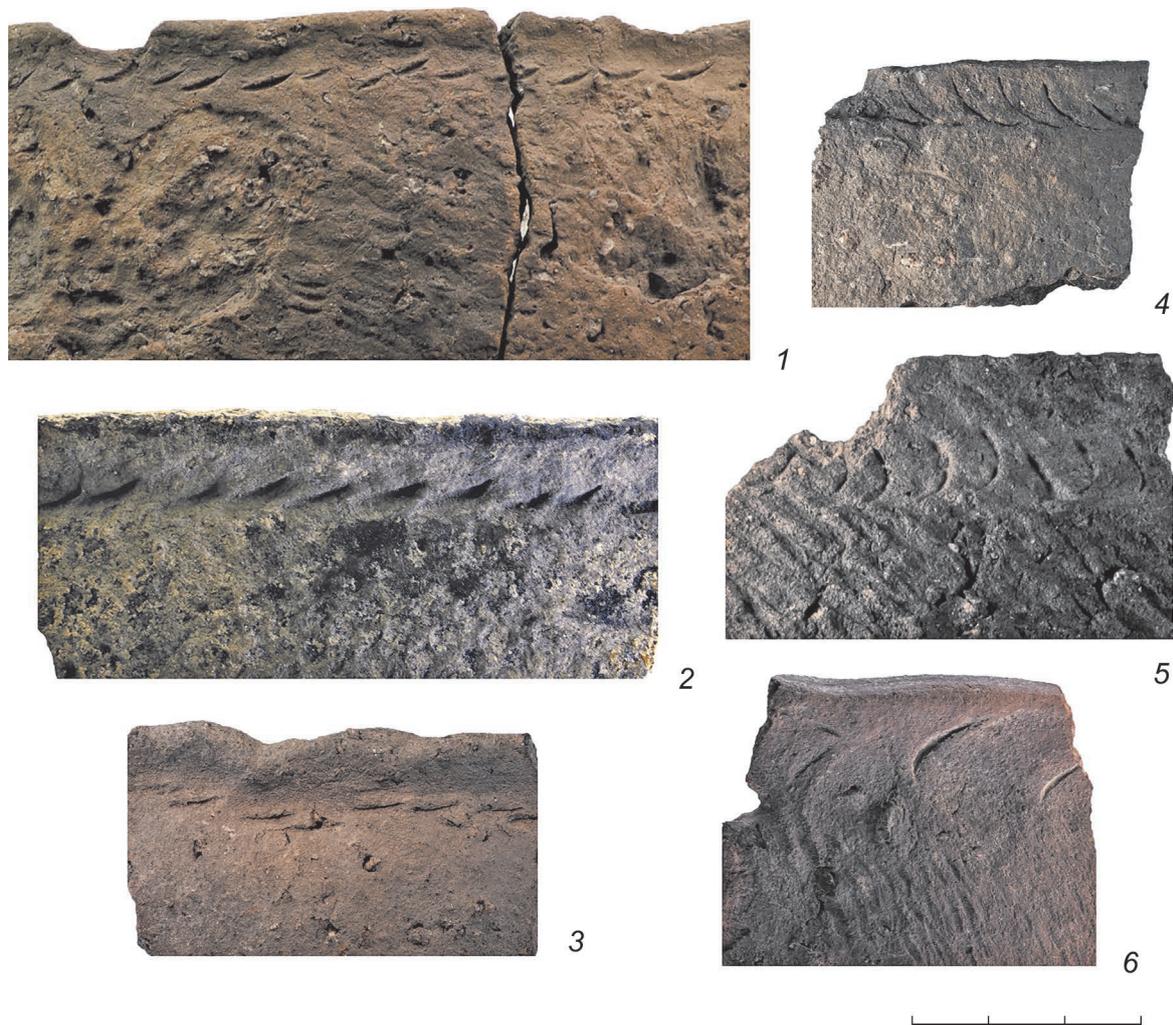

Рис. 73. Тонко-ногтевой орнамент на керамике городищ дьяковской культуры:
1 – Настасьино, 2 – Боршева, 3–6 – Ростиславль

массово отмеченную на Троицком городище в верховьях р. Москвы и широко распространенную в Москворечье с первых веков до н. э. (Лопатина, Тавлицева, 2017. С. 89). На памятниках южного Москворечья и в Поочье такая керамика единична. В материалах 9 этапа вала все фрагменты сосудов с защипами и ногтевыми вдавлениями имеют также гладкую поверхность.

Т.о. можно говорить о том, что керамический комплекс из культурного слоя 9 этапа возведения вала показал определенное своеобразие. Это проявилось как в общих для Москворечья времени рубежа эр особенностях, так и специфических для данного региона. К общим особенностям относится сравнительно высокая пропорциональность сосудов (насколько можно судить по 3 развалам), заметная доля сосудов с отогнутым

венчиком, а также распространение керамики типа Троицкого городища (гладкостенная, орнаментированная ногтевыми вдавлениями и защипами).

Со специфическими особенностями керамического комплекса рассматриваемого слоя Ростиславля можно связывать увеличение доли текстильной, а именно ниточной керамики, увеличение доли рогожной керамики, а также распространение орнамента в виде тонко-ногтевых отпечатков.

В исследовательской литературе были выдвинуты две гипотезы, объясняющие возрастание доли керамики с ниточными отпечатками ко времени рубежа эр на памятниках юго-восточного Подмосковья. Так, А.С. Сыроватко предположил, что это явление имеет отношение к изменениям климата. Керамика с ниточными отпечатками на памятниках

коломенской группы начинает преобладать в конце III – во II в. до н. э., что м.б. связано с потеплением климата, изменением ареала распространения ели и смещением его на север, в конечном счете с сокращением ресурсов для производства елово-шишечных инструментов (Сыроватко, 2009. С. 120, 208–210; 2016). Другое объяснение, выдвинутое В.Ю. Ковалем, лежит в возможности изменений в составе населения городища Ростиславль на поздних этапах сооружения вала, что могло быть вызвано межплеменными столкновениями. Поскольку эти столкновения происходили, скорее всего, внутри однокультурного населения, полной смены традиций не происходило, они менялись лишь частично и были связаны с частичной сменой населения на памятнике (Коваль, 2011. С. 53, 54). Не пытаюсь следовать какой-то из двух версий, мы представляем важной саму фиксацию таких явлений и их увязку с хронологией.

Вещевые находки, происходящие из насыпи этапа 9 типичны для конца I тыс. до н. э. – рубежа эр: преобладание костяных орудий, единичные железные предметы. Материал имеет сходство с другими памятниками этого времени, расположенными как в бассейне Москвы-реки, так и Верхней Оки. Более интересную картину дает анализ керамики.

Керамические материалы из верхних горизонтов вала Ростиславля (а большинство из них, происходит из насыпи вала этапа 9) полностью подтверждает существующие на сегодняшний день представления о культурном своеобразии памятников, расположенных в южном течении Москвы-реки и в Среднем

Поочье (Сыроватко, 2009. С. 162; Кренке, 2019, С. 65). Если на остальной территории Московщины текстильная керамика со II в. до н. э. постепенно исчезает, то в этом регионе традиции ее изготовления продолжают существовать вплоть до самого начала новой эры. Более того, на этом этапе ее доля даже увеличивается. Это видимо и стало той базой, на которой в дальнейшем развивался феномен поздней профилированной текстильной керамики (ППТК), которая становится заметной в местном керамическом комплексе уже в первые века нашей эры (Лопатина, Тавлицева, 2017. С. 345–361). Длительное бытование текстильной керамики, всплеск распространения рогожной и другие особенности в облике материальной культуры свидетельствуют об определенных изменениях, происходивших здесь на рубеже эр, возможно связанных с продвижением с юго-востока каких-то групп нового населения. Можно предположить, что какие-то выходцы из области распространения городищской культуры постоянно проживали на поселении.

Одновременно прослеживается западный вектор культурных контактов, связанный с распространением керамики троицкого типа. Характерные для нее ногтевые орнаменты появляются также на таких абсолютно утилитарных категориях вещей как тигли и рогатые кирпичи.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Института археологии РАН по теме «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (№ НИОКТР 122011200264-9).

Приложение

Технологический анализ рогожной керамики городища Ростиславль

Из 51 фрагмента рогожной керамики городища Ростиславль, хранящейся в музее Москвы и доступной для изучения, для технологического анализа было отобрано 26 обломков, относящихся к разным сосудам (табл. 4). Стратиграфические условия их залегания различны (площадка городища, прослойки вала). 25 фрагментов из 51 несли следы воздействия высоких температур, о которых свидетельствуют небольшие участки остекловывания, в частности в изломах че-

репков, кракелюры, специфические изменения окраски поверхностей (тонкие поверхностные слои, сохраняющие темно-серую окраску после обжига в муфельной печи).

Технологическое изучение керамики включало рассмотрение особенностей исходного сырья и формовочных масс. Оно проводилось в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским (1978, 1999). Наблюдения за следами в изломах керамики велись с помощью биноку-

лярного микроскопа МБС-10. Для сравнения привлекались экспериментальные образцы, имеющиеся в лаборатории «История керамики» Института археологии РАН. Исходная информация о глинистом сырье включала в себя данные о его ожелезненности, степени запесоченности, качественном составе и концентрации естественных примесей. По совокупности этих особенностей выделялись виды исходного глинистого сырья. Информация о составлении формовочной массы включала данные о минеральных и органических примесях, ввопившихся специально.

Исходное сырье

Ожелезненность исходного глинистого сырья определялась по окраске черепка, нагретого в муфельной печи до 850°C в окислительной среде (Бобринский, 1999. С. 19). Образцы с оттенками терракотового цвета определялись как изготовленные из ожелезненной глины, светло-кремовой окраски – из неожелезненной. В представленном ниже списке видов глин первые обозначены цифрой 1, вторые – 2.

В настоящее время для оценки запесоченности как правило используется подсчет количества песчинок на единицу площади (Цетлин, 2017. С. 179).

Было выделено 8 видов исходного глинистого сырья.

Сырье 1 (глина 2А – **слабоожелезненная низкой** запесоченности). Число песчинок размером менее 0,1 мм составляет 75–225, размером 0,1–0,5 мм – от 8 до 50. Максимальный размер 0,2–1,0 мм. Единичные окатанные плотные комочки более глины разных оттенков (белого, терракотового, а также цвета самого черепка) максимальный размер 1,0 мм.

Сырье 2 (глина 1А – **ожелезненная низкой** запесоченности). Особенности запесоченности аналогично сырью 1. Единичные ярко-оранжевые окатанные включения землистой структуры (бурый железняк), а также малинового и черного цвета максимального размера 0,5 мм. Единичные плотные глинистые комочки разных цветовых оттенков до 1,5 мм.

Сырье 3 (глина 1А – ожелезненная **низкой** запесоченности). По особенностям запесоченности аналогично сырью 1. Отмечены включения оолитового бурого железняка, максимальный размер которых 0,8–1,0 мм.

Сырье 4 (глина 1ВА – ожелезненная **средне-низкой** запесоченности). Число песчинок размером менее 0,1 мм составляет 175–425, размером 0,1–0,5 мм – от 45–174. Максимальный размер 0,7–2,0 мм. Единично отмечены: включения бурого железняка 0,3–2,0 мм разной формы (угловато-окатанные, окатанные), цвета (оранжевый, малиновый, черный), плотности и структуры (землистые, плотные, включения, состоящие из мельчайших песчинок, соединенных окислами железа); частицы известняка 0,2–0,8 мм; плотные окатанные комочки чистой глины разных оттенков 0,2–1,0 мм.

Сырье 5 (глина 1ВА – ожелезненная **средне-низкой** запесоченности). Число песчинок размером менее 0,1 мм составляет 175–250, размером 0,1–0,5 мм – 0–83. Максимальный размер 0,2–0,3 мм. Единично отмечены: включения бурого железняка до 0,5 мм; частицы известняка до 0,5 мм; включения чистой глины разных оттенков до 0,2–1,0 мм.

Сырье 6 (глина 1ВС – ожелезненная **средне-высокой** запесоченности). Число песчинок размером менее 0,1 мм составляет 425–575, размером 0,1–0,5 мм – 4–198 частиц. Максимальный размер 0,5–1,5 мм. Единично отмечены: включения бурого железняка разного облика и цвета аналогичные сырью 4; плотные частицы чистой глины до 3,0 мм более интенсивной окраски, чем глина черепка.

Сырье 7 (глина 1ВС – ожелезненная **средне-высокой** запесоченности). Число песчинок размером менее 0,1 мм составляет от 300 до 425, размером 0,1–0,5 мм – 137–302. Максимальный размер 0,7–1,0 мм. Единично отмечены: включения бурого железняка разного облика и цвета аналогичные сырью 4; плотные частицы чистой глины до 3,0 мм более интенсивной окраски, чем глина черепка; частицы неизвестного происхождения в виде мельчайших шариков белого цвета, не более 0,1 мм.

Сырье 8 (глина 1С – ожелезненная **высокой** запесоченности). Число песчинок размером менее 0,1 мм составляет 475–1425, размером 0,1–0,5 мм – 114–322. Максимальный размер 1,0–2,0 мм. Единично отмечены: включения бурого железняка разного облика (окатанные и угловато-окатанные, оолиты, песчинки цементированные окислами до 2,0 мм); окатанные частицы известняка до 0,7 мм; частицы неизвестного

происхождения в виде мельчайших шариков белого цвета, не более 0,1 мм, которые фиксировались только после обжига до 850 град; плотные глинистые комочки до 2,0 мм.

По степени запесоченности глинистое сырье распределилось следующим образом: слабозапесоченные – 6, средне-низкой – 6, средне-высокой – 7, высокой – 7. Т.о. наиболее часто использовались среднезапесоченные глины. Признаков использования сухого дробленого сырья, а также смешивания двух глин не наблюдается.

Для сравнения исходного сырья, из которого изготавливалась археологическая керамика, с доступными местными глинами было собрано 8 образцов глин в одном из отвершков оврага с северо-восточной стороны площадки городища. Некоторые стратиграфически выделяемые прослойки глины отличались большим разнообразием естественных включений (известняк, железистые частицы разной морфологии, глинистые частицы разной цветности), а также особенностями запесоченности, что находит аналогии и в археологической керамике.

Для составления формовочной массы использовались дресва, шамот и песок. В качестве дресвы использовались гранитно-гнейсовые породы, а также песчаники примерно в разных долях, реже их смеси. Единичные следы растительной органики имеют естественное происхождение. Наиболее массовый рецепт – глина+дресва (21 сосуд, 73%). Остальные единичны: глина+дресва+песок – 4 сосуда, глина+дресва+шамот – 2 и глина+шамот – 1. Концентрация дресвы от 1:3–1:4 до 1:8, чаще всего 1:4.

В целом технологические особенности всей выборки рогожной керамики городища Ростиславль, показали определенное разнообразие как по особенностям сырья, так и по рецептам формовочных масс. Это разнообразие может указывать на определенную длительность контактов. Такой вывод подтверждают и особенности морфологии рогожных сосудов. Однако интенсивность этих контактов в разное время была разной. В наибольшей степени она проявилась в конце I тыс. до н. э. – на рубеже эр (*Лопатина, Тавлицева*, в печати).

7. РАСКОП НА ПОДОЛЕ РОСТИСЛАВЛЯ

Ростиславльское V селище было открыто в 2011 г. в результате разведочной шурфовки, проведенной А. В. Трусовым у подножия мысовой площадки городища Ростиславль, на участке узкой поймы р. Оки, там, где уровень поймы поднимался и переходил в крутой склон коренного берега (рис. 4; 74, А). В наше время участок, где был обнаружен культурный слой селища, во время весенних паводков периодически заливается водой, однако летом и зимой он просто приближен к береговой полосе. Заселенные территории на берегу реки, непосредственно примыкающие к городу, занимающему более высокую позицию в рельефе местности, в русской исторической топографии обычно именуется «подолом», по аналогии с известным по летописям районом Киева, который носил историческое название «Подол».

До шурфовки А. В. Трусова на поверхности этого участка не был встречен какой-либо археологический материал, так что само обнаружение тут выраженного культурного слоя стало полной неожиданностью. Поэтому для подробного изучения открытого древнего контекста вплотную к пройденному и засыпанному шурфу было решено заложить раскоп. Выявленный тут объект археологического наследия был назван селищем Ростиславльское V (селища I–IV были открыты в ходе разведок 1990-х гг. к северу, востоку и югу от городища Ростиславль). Границы памятника установить не удалось, хотя для этого были предприняты целенаправленные поиски. Один шурф был разбит в 50 м к ЮЮВ от раскопа (и на 3 м выше по склону), но в нем было собрано лишь 2 десятка мелких обломков керамики – как круговой средневековой, так и лепной РЖВ, которые с наибольшей вероятностью представляли собой снос с площадки городища. Еще один шурф, зало-

женный в 2016 г. в 13 м к западу от раскопа (и на 2 м ниже его по склону), показал полное отсутствие культурного слоя: под дерном тут залежали наносы слабогумусированного грунта с белокаменным щебнем толщиной 40–70 см, лежавшие на материковой скале. В дальнейшем, при работах А. В. Трусова к северу от рассматриваемого участка, на правом склоне Городищева оврага, где им была открыта финальнопалеолитическая стоянка Ростиславль 2, в перекрывающих ее отложениях, также был встречена средневековая керамика, но выраженный культурный слой там отсутствовал (см. выше раздел 3). Таким образом, селище Ростиславльское V могло быть вытянуто не только вдоль склона городской площадки, но и простирается к северу от тальвега Городищева оврага. Однако для установления границ этой площадки потребовались бы чрезмерные усилия по шурфовке склона с очень мощными (см. ниже) наносами грунта и камней. По этой причине границы селища остаются по сей день не установленными.

Информацию об открытом участке города дает пока только раскоп 2011 г., который имел размеры 6×4 м и располагался всего в 30–35 м от уреза воды в р. Оке в межень. Его дневная поверхность (как и вся окружающая местность) была покрыта густой травой и имела сильный уклон к западу (перепад до 95 см на расстоянии 4 м).

На начальном этапе работ была проведена разборка делювиального наноса, составлявшего верхнюю часть вскрывавшихся отложений и включавшего крупные обломки известняковых глыб. После удаления верхней части наноса, на уровне нижних отметок дневной поверхности раскопа, была проведена первая горизонтальная зачистка, соответствовавшая подошве пласта 6¹⁵ (рис. 74, Б; 75, А). Если

¹⁵ Отсчет пластов начинался от наивысшей точки поверхности раскопа. На раскопе принята толщина пласта в 20 см, все пласты снимались в горизонтальной плоскости с зачистками под нивелир.

Рис. 74. А. Место разбивки раскопа. Вид с востока сверху.
Б. Зачистка на уровне нижних отметок дневной поверхности раскопа (пласта 6). Вид с юга

А

Б

Рис. 75. А. Раскоп в процессе работ. Вид с востока сверху.
Б. Зачистка на уровне слоя поселения (пласта 9). Вид с севера

Таблица 6. Керамический материал раскопа

Слой	Пласты	Керамика (вес/шт.)	
1	1–6	785 гр	785 гр / 42 шт.
2	7–8	4202 гр	10865 гр / 724 шт.
2	9	5647 гр	
2	10	1016 гр	
3	9	1043 гр	1396 гр / 100 шт.
	10	353 гр	

до этого уровня керамика встречалась в виде измельченных обломков и довольно редко, то начиная с этого уровня она стала массовой находкой: максимальная ее концентрация была зафиксирована в пласте 9, соответствовавшем нижней части культурного слоя селища – слоя 2 (табл. 6). В этом слое было обнаружено крупное пятно печиной толщиной 20 см и размерами 1,2×0,8 м (рис. 75, Б). Отсутствие следов прокала грунта под этим пятном свидетельствует о том, что это не сама печь, а материал от разобранной печи, выброшенный за пределы жилища при ремонте. Рядом обнаружены развалы круговых горшков (рис. 76). Однако контуры жилой постройки на площади раскопа не фиксировались.

В пласте 9 начал вскрываться нижележащий слой 3 (черный суглинок с углями и камнями), где концентрация керамики резко снизилась (табл. 6). Учет керамики проводился на этом раскопе по двум методам – поштучно и на вес. Слой 2 дал 83% всей керамики раскопа при весовом подсчете и 84% при поштучном подсчете. Этот опыт наглядно показал, что фиксация керамики на вес, ставшая как раз в 2010–х гг. модной в археологической среде, не дает никаких преимуществ перед обычным поштучным подсчетом, но при этом занимает куда больше времени: ведь при взвешивании керамики вся она должна быть не только вымыта, но и высушена до однородного состояния, в противном случае расхождения появились бы за счет разной насыщенности обломков влагой.

Стратиграфия раскопа (рис. 77).

Слой 1 занимал верхнюю позицию в отложениях раскопа, он состоял из дерна толщиной 15–18 см и двух прослоек:

– верхней прослойки светло-коричневого суглинка с включениями серого суглинка, известняковой крошки и камней. Наибольшей мощности (до 25 см) эта прослойка достигала

у северного борта раскопа, на остальной его площади ее толщина составляла 5–10 см;

– ниже залегала прослойка серого суглинка с известняковой крошкой и известняковыми камнями, поперечник которых варьировал от 10 см до 50–80 см. Мощность этой прослойки сокращалась от 120 см у восточной стенки раскопа до 40 см у западной стенки. В ней фиксировались также тонкие (2–5 см) горизонты слабо окатанного белокаменного щебня (включавшего и более крупные камни), залегавшие горизонтально или с небольшим уклоном к З. В нижней части слоя залегали 5 таких горизонтов, следовавших с интервалом 5–30 см. Горизонты не прослеживались по всей площади раскопа, а переслаивались и лучше всего были видны в северном и восточном профилях. Вероятно, они фиксировали этапы размыва берега при древних паводках.

Общая мощность слоя 1 увеличивалась с запада на восток и северо-восток с 45 до 140 см.

В слое 1 были обнаружены 2 куски железного шлака, 2 кремневых отщепов и только 6 костей животных. В составе вещевых находок тут имелись керамическое рыболовное грузило, обломки железных предметов (гвоздей и шила), наибольший же интерес представляли обломок железного серповидного ножа РЖВ (рис. 78, 1) и железный универсальный наконечник стрелы (рис. 78, 2), принадлежавший к типу 9 (вариант Б – ромбовидные уплощенные в сечении с расширением в верхней трети длины пера) позднесредневековых наконечников по группировке О.В. Двуреченского, которые датируются XV–XVII в. (2006. С. 286. Рис. 18, 31, 37) и уже были встречены ранее на Ростиславле в комплексе середины – второй половины XVI в. (Коваль, 2005б. Рис. 1, 1). Среди крайне немногочисленной керамики, собранной в слое 1 (табл. 6), имелись 3 обломка лепной посуды РЖВ, 3 мелких обломка коломенской белоглиняной

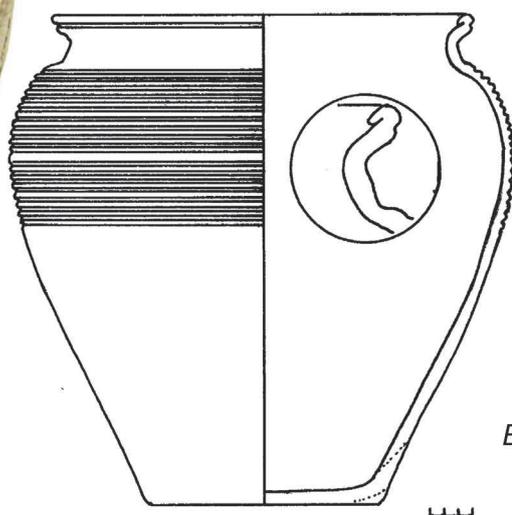

Рис. 76. Развал горшка в слое 2 (А) и горшок после реставрации – фото и прорисовка профиля (Б)

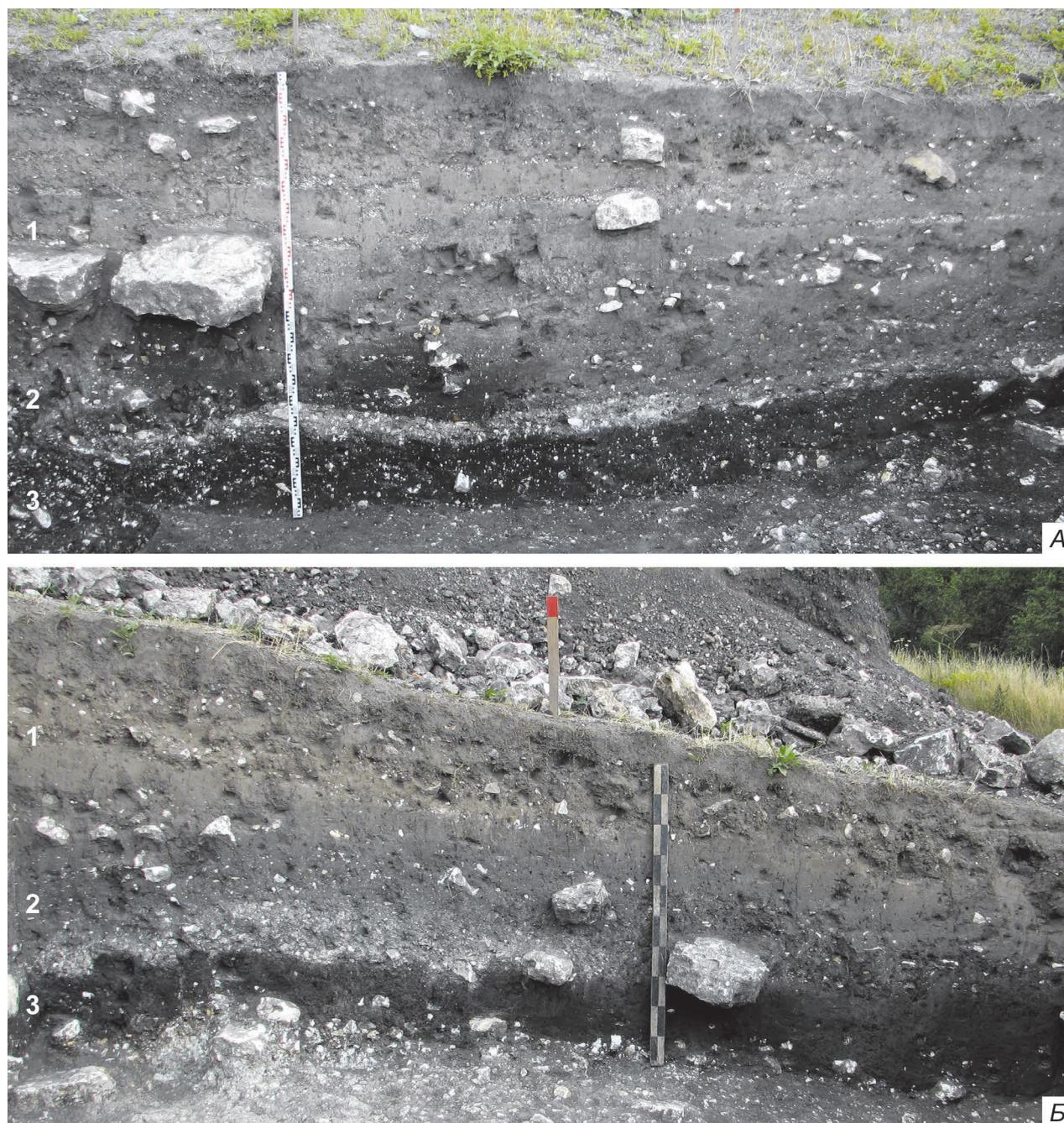

Рис. 77. Профили раскопа – восточный (А) и южный (Б). Красными цифрами помечены номера слоев

керамики и 34 также небольших по размерам обломка керамики XIII–XIV вв. Все эти находки (вещи и керамика) очевидно происходили с мысовой площадки городища, где имелись и слои РЖВ, и крупные постройки средневекового периода. Правда, на мысовой площадке средневековая керамика не была доминировавшей, но культурный слой там был сильно эродирован и ясно, что эрозия уничтожила прежде всего самые поздние (средневековые) отложения (Коваль, 2022а).

Таким образом, слой 1 представлял собой делювиальный нанос, включавший скатившиеся по склону глыбы известняка, происходившие из скальных выходов, размещавшихся примерно на середине высоты правого коренного берега Оки (15–25 м над современным уровнем реки). Формирование наноса могло происходить как в результате эрозии крутого склона городища в случае повреждения его из-за выпаса скота, так и при весенних паводках, подмывавших берег. Эрозия

Рис. 78. Находки из слоев раскопа (1, 2 – слой 1, 3–9 – слой 2, 10–12 – слой 3). 1, 4, 11 – ножи; 2 – наконечник стрелы; 3 – пряслице; 5 – обломок височного кольца; 6, 7 – грузила; 8, 9 – днища горшков с клеймами; 10 – обломок гребня; 12 – кресало (1, 2, 4, 11, 12 – железо; 3 – камень; 5 – цветной металл; 6–9 – керамика; 10 – рог)

склона могла происходить тут в XIII–XVI вв., пока город еще существовал, а после прекращения жизни на нем антропогенная нагрузка на склон резко сократилась, здесь началось формирование вторичного леса.

Слой 2 состоял из нескольких прослоек:

– основной была прослойка темно-серого суглинка с углями и разномерными известняковыми камнями, залегавшая почти горизонтально на всей площади раскопа. Толщина ее возрастала от 13 см в СЗ углу раскопа до 40 см в его ЮВ углу. В центре раскопа

эта прослойка включала линзы коричневого суглинка (толщиной 5–15 см) и пачины (толщиной до 20 см);

– к этому же слою относилась прослойка серого суглинка, густо насыщенная среднеразмерными камнями и щебнем, толщиной 10–30 см, залегавшая поверх предыдущей в южной части раскопа. Максимальной мощности 45 см она достигала в юго-восточном углу раскопа. Эта прослойка сформировалась, вероятно, в результате размыва слоя темно-серого суглинка, лежавшего выше по склону (восточнее);

– наконец, к слою 2 относилась прослойка известнякового щебня с включениями серого суглинка, залегавшая под основной прослойкой темно-серого суглинка в юго-восточной части раскопа, ее толщина составляла 10–20 см. Эта прослойка отделяла слой 2 от слоя 3.

Таким образом общая мощность слоя 2 возрастала от 10 см в северо-западном углу раскопа до 70 см в его юго-восточном углу. Перепад отметок подошвы этого слоя был относительно невелик – не более 40 см, в то время как кровля имела значительно больший перепад, видимо, в результате размывания слоя в СЗ части вскрытого участка.

В слое 2 были обнаружены 1 крупный кусок кричного железа и 23 кости животных. Набор вещевых находок был разнообразен и включал 2 железных ножа с длинными черешками рукоятей (рис. 78, 4), уплощенное пряслице из разноцветного пиррофилитового сланца («шифера») (рис. 78, 3) и обломок семилопастного височного кольца из сплава белого цвета¹⁶ (рис. 78, 5). Кольцо не имело боковых колечек, его лопасти имели каплевидную форму, а в верхняя кромка его щитка была изогнута, т.е. по своим морфологическим признакам оно принадлежало к типу III (по группировке Т.В. Равдиной), датированному первой половиной XII в. (Равдина, 1968. С. 138, 140. Рис. 1, 5).

Кроме того, в слое 2 встречены керамические изделия – 4 белоглиняных рыболовных цилиндрических (несколько аморфных) грузила, различавшихся размерами (2,7×1,8; 2,6×1,8; 4,3×2,5; >3,5×2,5 см) и составом формовочной массы: 3 – из глины с примесью мелкого песка (рис. 78, 6) и одно из глины без видимых примесей (рис. 78, 7). В соседнем поокском городе – Коломне – грузила такой формы, размеров и цвета были характерны для комплексов второй половины XII в. (Мазуров, Цепкин, 2003. С. 130. Рис. 2). Сходство керамики Ростиславля и Коломны специально не рассматривалось, однако оно представляется весьма высоким.

К числу керамических находок принадлежали еще 2 днища белоглиняных горшков, сформованных на песчаных подсыпках, с клеймами. Одно из клейм относилось к простейшему типу – в виде окружности

(рис. 78, 8), другое – несколько более сложное, в виде окружности с отростками (рис. 78, 9). Именно такие клейма характерны для ранней керамики Ростиславля (Коваль, 2002а. С. 131).

Как видим, слой 2 не был перенасыщен находками, однако те, что в нем встречены, явно указывают на ранний период его формирования. Значительно более важным представляется комплекс массовой керамики, насчитывавший 724 обломка. В составе этого комплекса лишь 5% составляла лепная керамика РЖВ – гладкостенная и сетчатая, что свидетельствует о случайном попадании ее в комплекс – либо вместе со смытым (сброшенным?) с мысовой площадки грунтом, либо из перекопов, внедрявшихся в нижеležавший слой 3.

Среди круговой посуды здесь полностью отсутствовали формы изделий середины XIII–XVI вв. В данном комплексе абсолютно преобладала керамика, изготовленная из масс с примесью мелкого песка (92%), остальные 8% приходились на керамику из масс, имевших естественную примесь очень мелкого песка (практически невидимого, но ощущаемого как легкая шероховатость поверхности сосуда). Из всего объема круговой посуды изделия, прошедшие полный (однослойный) окислительный обжиг составляли $\frac{3}{4}$ (77%), в т.ч. белоглиняная керамика – 56%. Лишь $\frac{1}{4}$ комплекса составляли сосуды с признаками неполного окислительного обжига (с черной полосой на изломе стенок), керамика восстановительного обжига отсутствовала полностью. Если учитывать белоглиняную керамику вне зависимости от степени ее обжига, то ее доля в комплексе достигала 69%. Остальная его часть приходилась на изделия из слабоожеженной (в обжиге – розового цвета) глины – 28%. Доля красноглиняной керамики (с ярко-красным или коричневым цветом поверхности и излома) составляла всего 3%, из них 6 обломков принадлежали горшкам, внешняя поверхность которых была покрыта слоем белого ангоба.

Номенклатура форм включала практически только горшки, кроме них – 1 обломок мискообразного сосуда (рис. 79, 12) и 1 мелкий обломок крышки от горшка. Из 46 днищ

¹⁶ Анализ состава металла не проводился, поэтому наличие в сплаве серебра можно лишь допускать с долей осторожности.

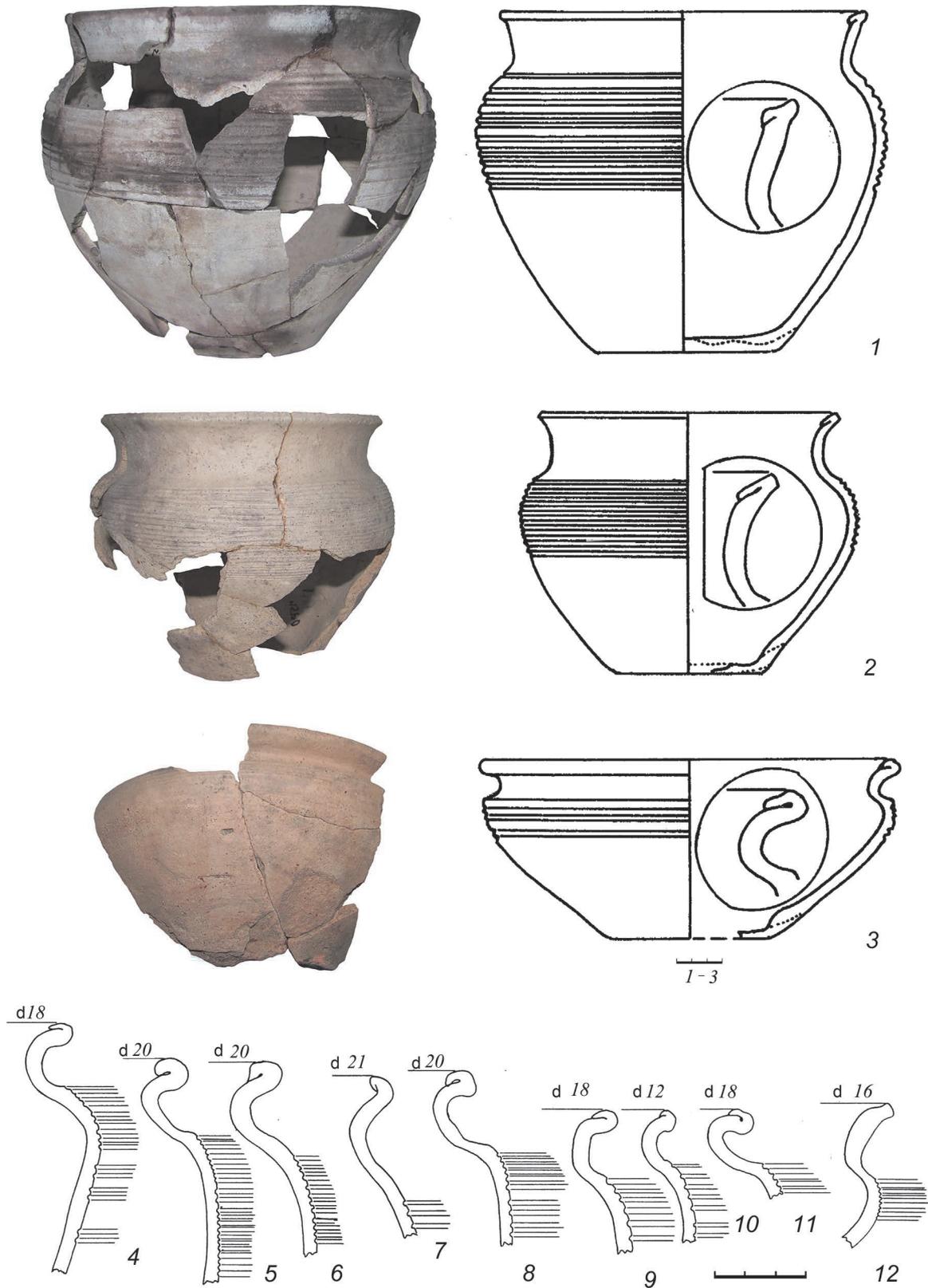

Рис. 79. Керамика слоев 2 (1-4) и 3 (5-13). 1-9 – круговая посуда, 10-13 – лепная керамика РЖВ. 1-4 – верхние части белоглиняных горшков; 5, 6 – верхние части светлоглиняных горшков; 7 – венчик красноглиняного белоангобированного горшка; 8, 9 – венчики белоглиняных горшков; 10 – обломок дна гладкостенного горшка, 11-13 – венчик и стенки сетчатых горшков

горшков только 2 были сформованы на зольных подсыпках, остальные на песчаных (песок той же размерности, что присутствовал в формовочной массе). Интересен набор форм венчиков горшков – тут доминировали сложнопрофилированные разновидности, относившиеся к типам¹⁷ 18/2, 23/2 (рис. 79, 6, 7; 80, 1, 6), 28/2 (рис. 79, 5, 8; 80, 2, 4, 8): им принадлежал 51 из 93-х венчиков, собранных в слое 2, т.е. заметно больше половины. Венчиков с уплощенными валиками типов 18/1 (рис. 79, 9), 23/1 (рис. 79, 3, 4; 80, 5) и 28/1 (рис. 80, 10) было существенно меньше, однако к этой группе относился развал горшка, сохранившегося практически целиком¹⁸ (рис. 76), т.е., вероятно, разбитого буквально перед тем, как слой 2 оказался перекрыт массивом делювиального наноса.

Отдельно надо прокомментировать весь набор венчиков горшков из слоя 2. Единственный венчик типа 3/1 здесь не принадлежал к серии хроноиндикаторов XIV в., а лишь имел схожую с ними конструкцию: такие редкие формы единично встречаются в комплексах домонгольского времени. Наиболее массовыми были следующие типы венчиков: 18/1 – 7 шт., 18/2 – 7 шт., 23/1 – 6 шт., 23/2 – 19 шт., 28/1 – 19 шт., 28/2 – 25 шт. По соотношению между собой венчиков типов 23/2 и 28/2 (с преобладанием вторых над первыми), 23/1 и 28/1 (с еще более выраженной такой же тенденцией), 18/1 и 18/2 (с примерным паритетом) данный набор находит себе аналогии среди комплексов из ям и построек на площадке городища (*Коваль*, 2004б. Табл. 3)

Венчики цилиндрической профилировки (тип 8/2), характерные на Руси для домонгольской эпохи, тут оказались очень редки (всего 4 шт.). Но при этом два горшка, частично собранных из обломков, имели венчики именно этого типа (рис. 79, 1, 2). А это означает, что незадолго до окончания формирования слоя 2 сосуды с такими венчиками еще производились и широко использовались в быту. Если бы дело обстояло иначе, то крупные обломки были бы раздавлены ногами людей на более мелкие фракции.

В комплексе слоя 2 орнамент присутствовал на 39% собранного массива обломков керамических горшков. При этом волнистый декор отсутствовал полностью, но в линейном декоре доли образцов, у которых он был нанесен палочкой (53%) и гребенкой (47%) были почти равны.

Таким образом, данный комплекс обладает многими признаками поокской керамики домонгольской эпохи, однако уточнить его позицию внутри этой эпохи оказывается сложнее. Так, высокая доля белоглиняной посуды (а она тут не просто высока, а является самой высокой среди всех исследованных комплексов Ростиславля) – признак керамики первой трети XIII в. (*Коваль*, 2004б. Табл. 1. С. 80). На относительно позднюю дату указывает также незначительная доля цилиндрических венчиков, а также широкое использование гребня для нанесения линейного декора на стенки горшков. В то же время, имеются и такие признаки, которые характерны для более раннего времени (второй половины XII в.): это бытование горшков с цилиндрическими венчиками, а также полное отсутствие волнистого декора, который в первой трети XIII в. уже начинает появляться на ростиславльских горшках. Какие из количественных значений названных выше признаков можно рассматривать как случайные, а какие надежны для хронологических выводов, пока сказать сложно.

В отчете о работах 2011 г. данный комплекс был датирован началом XIII в. и такая датировка вполне оправданна, однако можно допускать, что формирование слоя шло более длительный период и началось оно еще во второй половине XII в.

Слой 3, залегающий непосредственно под слоем 2 и простиравшийся вплоть до материка, состоял по большей части из прослойки тяжелого интенсивно-черного суглинка с включениями углей и известняковых разномерных камней. Мощность отложений слоя 3 возрастала от 20 см в юго-восточном углу раскопа до 65 см в северо-западном его углу.

В слое 3 были обнаружены 16 костей животных и 4 вещевые находки:

¹⁷ Здесь и далее нумерация типов дана по группировке, рекомендованной ОПИ ИА РАН (*Коваль*, 2016б).

¹⁸ Реставрация всех горшков данного комплекса выполнена М. В. Чемерисом.

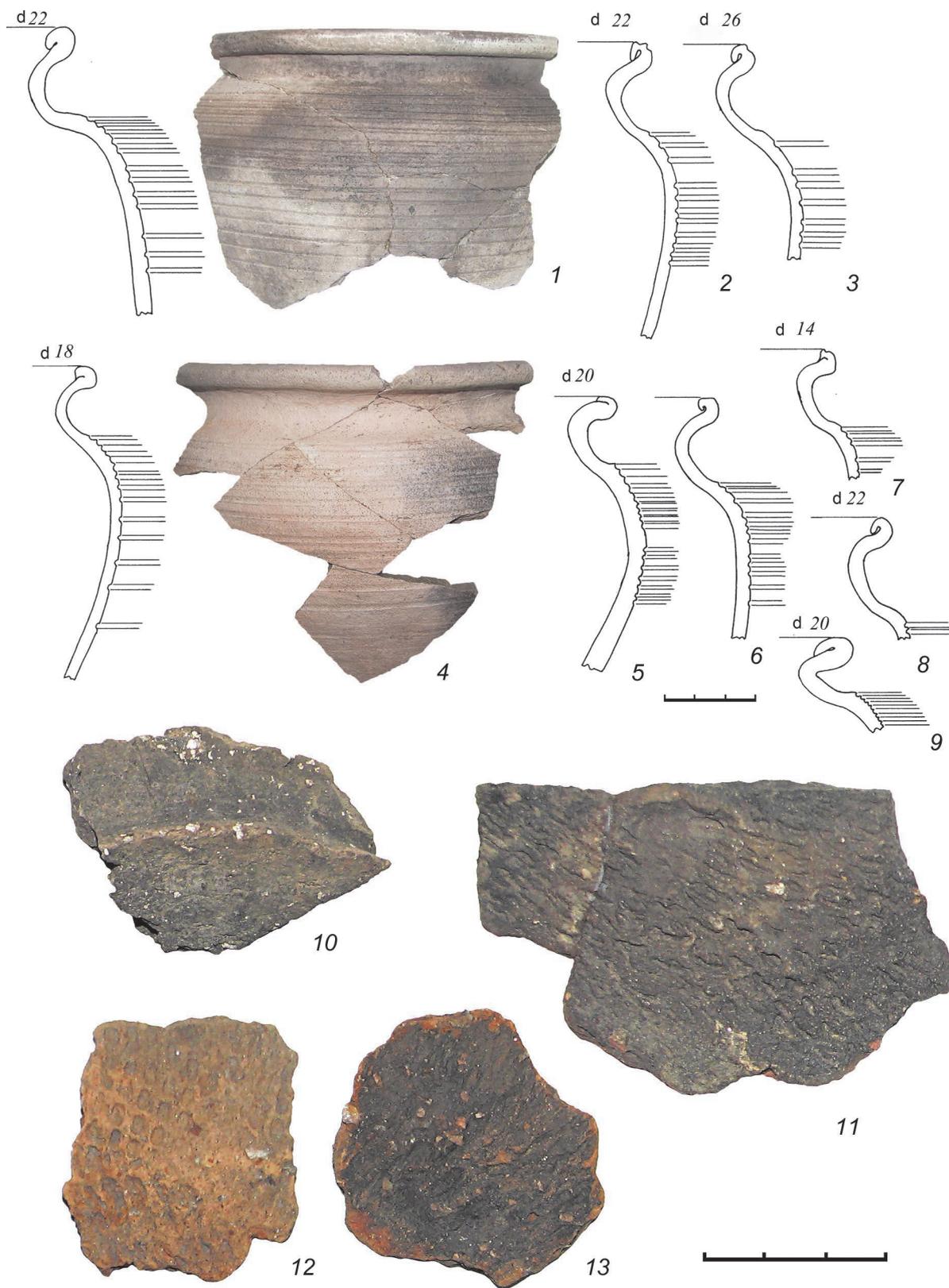

Рис. 80. Керамика слоя 2. 1, 2 – белоглиняные горшки; 3 – светлоглиняная миска; 4–8 – венчики белоглиняных горшков; 9, 11 – венчики светлоглиняных горшков; 10 – венчик красноглиняного горшка; 12 – венчик светлоглиняной миски

– железный нож с черешковой рукоятью (рис. 78, 11);

– обломок известнякового цилиндрического пряслица диаметром 2,3 см, высотой 1,1 см, с отверстием диаметром 1,0 см;

– обломок рогового двустороннего цельного гребня (рис. 78, 10), относившегося к типу «М» (или типу «Д»?) по новгородской хронологии с датировкой в пределах XI–XII вв. (Колчин, 1982. С. 166);

– железное пластинчатое кресало в виде прямоугольной подвески длиной 12,2 см с сечением пластины 1×0,5 см (рис. 78, 12).

Гребень и нож однозначно относятся к древнерусской эпохе, а вот известняковое пряслице принадлежит к кругу изделий, имеющих довольно широкий диапазон датировок. Из 26 пряслиц, изготовленных из этой породы камня, 16 были найдены на площади городища РЖВ, в т.ч. 2 были встречены в контекстах РЖВ второй половины I тыс. до н. э., 2 – в слое первой половины I тыс. н. э., 6 пряслиц были найдены в перемешанных слоях или в качестве подъемного материала на площадке городища РЖВ, а еще 6 – в средневековых ямах, содержащих также материал РЖВ. Только 10 таких пряслиц были получены при раскопках на основной территории Ростиславля, на отдалении от городища РЖВ, причем все они находились в заполнениях ям, датированных в основном XIV в. (в двух случаях – XV и XVI в.). Таким образом, подобные пряслица бытовали как в эпоху РЖВ, так и развитом средневековье, но не ранее конца XIII в. Поэтому для закрытого комплекса на подоле речь может идти только о переотложенном из слоев РЖВ раннем пряслице.

Наиболее интересной находкой в слое 3 было пластинчатое кресало. Близкие по форме кресала известны в древностях раннесредневекового финского мира, однако в большинстве случаев их пластины имеют небольшое расширение к низу (Финно-угры..., 1987. Табл. XXVI, 38; XXXI, 19; XXXIII, 17; XXXVII, 2; XLIX, 14), которого на ростиславльском образце не прослеживается. Изредка подобные кресала встречаются и на древнерусских памятниках развитого средневековья (Железные кресала, 2010.

С. 22)¹⁹, однако в целом для древнерусской культуры они не характерны и их появление на любом памятнике заставляет допускать то и ли иное влияние финских традиций, если не прямой импорт. Поскольку на ростиславльском городище РЖВ такие кресала еще ни разу встречены не были, данную находку сложно связывать с предшествующей эпохой, так что синхронность кресала вмещающему его слою кажется весьма вероятной.

Для датировки слоя 3 важен керамический комплекс. Хотя он очень невелик и уступает комплексу слоя 2 в 7 раз, он все-таки может считаться репрезентативным (100 обломков). Лепная керамика РЖВ и круговая средневековая посуда тут представлены практически в равном количестве (46 и 54 экз.). Средневековая керамика слоя 3 практически не отличается от той, что встречена в выше лежащем слое 2 ни по облику сосудов (только горшки), ни по морфологии венчиков горшков, среди которых доминировал тип 28/2, но присутствовали также типы 23/2 (рис. 80, 3) и 28/1 (рис. 80, 9). Из различий нужно назвать только полное отсутствие в слое 3 керамики, сформированной из масс без видимых примесей, и наличие 4-х обломков белоангобированных красноглиняных горшков (рис. 80, 7), которые, по материалам раскопок на площадке городища и на окружающих его селищах, присутствовали только в комплексах середины XII в.

Лепная керамика была представлена в слое 3 довольно крупными обломками горшков, относившихся к сетчатой и гладкостенной посуде, при полном отсутствии типов и форм керамики I–V вв. н. э. (поздней текстильной, рогожной, лощеной, гладкостенной из масс с примесью шамота), а также раннеславянской керамики. Хотя сам набор находок лепной керамики не составляет репрезентативного комплекса, его структура весьма показательна: сетчатая и гладкостенная посуда были представлены в равном количестве, а среди сетчатой также в равной пропорции присутствовали обломки нитчатой и мелко-рябчатой керамики. Таким образом, в этом слое присутствовала исключительно керамика второй половины I тыс. до н. э. Можно

¹⁹ Кресало происходит с селища Кибол-1 в окрестностях Суздаля, оно датировано в пределах даты всего памятника – X – началом XII вв. Руководитель раскопок В. А. Лапшин.

думать, что слой формировался еще в эпоху РЖВ, но низкая концентрация керамики указывает на то, что на этом месте вряд ли располагались жилые постройки. В то же время, здесь несомненно протекала интенсивная хозяйственная жизнь, скапливалась органика (см. выше раздел 5). В эпоху средневековья этот слой оказался полностью переработан (никаких следов почвообразования, неизбежно происходившего на длительном временном отрезке I тыс. н. э. здесь обнаружить не удалось), причем этот процесс начался в середине XII в. и закончился не позже начала XIII в., т.е. был интенсивным, но непродолжительным. О том, что слой 3 подвергался перекопам в этот период, указывают склейки обломков горшков, происходивших из слоя 3, с развалами горшков, залегавших в слое 2.

Под слоем 3 лежал массив очень плотного коричневатого-серого суглинка, насыщенного известняковыми камнями, в котором отсутствовали какие-либо следы деятельности человека. После того, как этот слой был контрольно прокопан на глубину 60 см стратиграфическим шурфом в северо-восточном углу раскопа, он был признан частью материка. Однако надо признать, что оставалась возможность иного (не понятного пока) генезиса этого грунта, поскольку, к западу от раскопа в шурфе на несколько больших глубинах выявлялась известняковая скала, отсутствовавшая в раскопе. Не удалось обнаружить и следов почвенного горизонта, предшествующего образованию слоя 3.

Поверхность материка (коричневато-серого суглинка) на раскопе имела выраженный уклон к СЗ (максимальный перепад отметок составлял 79 см).

После завершения работ раскоп был полностью засыпан, как того требует методика археологических раскопок на памятниках.

Работы на раскопе, расположенном фактически на берегу р. Оки, оказались чрезвычайно трудоемкими из-за присутствия в грунте большого количества щебня и обломков камня, включая очень крупные глыбы. Однако эти раскопки оказались и необыкновенно результативными. Выяснилось, что берег Оки, вернее, подножие мыса с городищем РЖВ (поскольку трасса русла Оки 3 тысячи лет назад не известна) использовалось жителями этого городища уже во вто-

рой половине I тыс. до н. э., т.е. в то время, когда на городище строились и перестраивались «длинные дома». Впоследствии эта территория либо никак не использовалась, либо следы ее использования были полностью уничтожены неизвестными природными процессами (срезание тут каменистого грунта человеком кажется более сомнительным вариантом из-за чрезмерной трудоемкости). Сама площадка имела уклон к северо-западу, однако в эпоху РЖВ она оказалась в целом выровнена накоплением культурного слоя. Эрозионный (делювиальный) нанос грунта на эту площадку в то время отсутствовал, а сама она простиралась гораздо дальше к востоку, чем это можно было бы предположить, глядя на современный рельеф. Отсюда следует, что склон мыса, под которым располагалась эта ровная площадка, был гораздо более крутым, чем сегодня, но этот склон был обдернован и не разрушался.

С появлением города Ростиславля в середине XII в. берег Оки и площадка у подножия мыса были вновь освоены: вероятно, тут ставились жилые дома, на что указывает крупный массив печины (остатки разрушенной печи, которая вполне могла стоять внутри жилого дома), а также изобилие кухонной керамики, служившей для приготовления пищи. Находки керамических грузил указывают на занятие проживавших тут людей рыболовством и на один из важных источников их питания.

Отложившийся во второй половине XII в. культурный слой был довольно мощным (до полуметра), но в нем встречены очень крупные глыбы известняка, которые могли попасть сюда, только скатившись вниз по склону. Видимо, эрозионные процессы на мысу начались уже в ходе формирования этого слоя, во второй половине XII в. Формирование средневекового слоя было резко прервано не позднее начала XIII в. Тот факт, что культурный слой был перекрыт эрозионным наносом, позволяет думать, что именно активизация эрозии берегового склона и привела к забрасыванию участка и прекращению на нем жизни. Большие массы грунта, сдвинутого со склона, и крупные камни консервировали средневековый слой, превратив его в полностью закрытый комплекс. В то же время, можно видеть, что накопление наноса

шло долгое время, а дополнительные порции грунта, сдвигавшегося сверху, не закреплялись в изученном месте навечно, а продолжали свое движение вниз по склону, кроме того, этот грунт мог вымываться паводками и ливнями. Отсутствие следов почвообразования в массиве делювия указывает на то, что эта часть берегового склона долгое время не была обдернована и продолжала подвергаться процессу эрозии. Единственным материалом, который был затронут этим процессом в минимальной степени, были крупные камни и глыбы известняка, оставшиеся на своих местах после того, как они переместились сюда и зафиксировались на местах. Таким образом, крупные известняковые глыбы находятся тут в положении *in situ* (после падения сверху), а грунт вокруг них мог смыться и замещаться новым наносом.

Что же стало причиной катастрофы, остановившей жизнь на подоле Ростиславля в начале XIII в.? По мнению почвоведов д.г.н. А.А. Гольевой, лично посетившей раскоп и изучавшей его профили, такой причиной могло быть землетрясение (см. выше раздел 5). Эта гипотеза кажется вполне допустимой, однако, согласно летописным данным, самые сильные землетрясения из случившихся на Руси в XII–XIII вв., произошли в 1170 и 1230 гг. (Борисенков, Пасецкий, 1988. С. 255, 264), а во временном промежутке между ними известно лишь землетрясение 1195 г., о котором сообщает только В.Н. Татищев (Там же. С. 258), поэтому достоверность его вызывает определенные сомнения. Из всех этих событий именно землетрясение 1230 г., отличавшееся необычной силой, ближе всего к тому временному периоду, когда прекратилась жизнь на подоле Ростиславля. Однако можно допускать и несколько иной сценарий развития событий: наличие крупных глыб известняка непосредственно в средневековом слое (слое 2) указывает на то, что обрушения камня происходили уже в процессе обживания подола. Если в ходе роста города был нарушен экологический баланс и благодаря неконтролируемому выпасу домашних животных на склонах мыса травяной покров

там был подавлен, эрозионные процессы, вызвавшие обнажения каменных плит, могли начаться гораздо раньше – на протяжении второй половины XII в. Все это вполне могло вызвать неожиданное массивное обрушение камней и оплывание грунта даже просто после сильного ливня, что и вызвало оставление жителями опасного участка. В таком случае землетрясение 1230 г. надо рассматривать как дополнительный, последний, «удар» по подолу, причину окончательного запустения территории, заваленной каменными глыбами. А после 1237 г. ставший крайне неудобным для заселения участок у берега Оки уже более никогда не занимался людьми.

Тем не менее, сам подол Ростиславля не мог оставаться ненаселенным, неиспользуемым, потому что тут неизбежно должна была располагаться пристань, здесь же проводился забор воды для обеспечения ею города (ведь на самой площадке источников воды не существовало). Все это требовало присутствия (постоянного или временного) людей, какой-то, пусть самой примитивной, береговой инфраструктуры (мостков на столбовых опорах, дорог, навесов), которая, конечно, не имела шансов сохраниться на протяжении веков. А все более поздние (чем те, что открыты в раскопе) следы использования берега реки либо вообще не сохранились, либо сохранились на очень ограниченных участках и потому требуют чрезвычайно трудоемкого поиска.

Экологическая катастрофа, случившаяся в начале XIII в. на подоле Ростиславля, стала, пожалуй, единственным эпизодом бедствия в этом городе, приведшем к формированию полноценного закрытого комплекса на самом раннем этапе его жизни. В будущем это место может стать одним из наиболее интересных объектов исследований, в особенности та его часть, которая примыкала к древнему краю склона.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Института археологии РАН по теме «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

8. ПЛАНИГРАФИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ НА ПЛОЩАДИ СРЕДНЕВЕКОВОГО РОСТИСЛАВЛЯ (РАСКОПЫ I–III)

Планировка и застройка средневековых городов Руси до сих пор остается одним из наименее изученных вопросов исторической топографии, поскольку очень немногие древнерусские города изучены на достаточно большой площади, чтобы делать какие-то выводы об их планировке. Такие площади вскрыты в основном в крупных городах – Великом Новгороде (*Засурцев, 1964*), Старой Рязани (*Даркевич, Борисевич, 1995. С. 84–338*) и Москве (*Дубровин, Коваль, 2014*), но даже в них большие раскопы составляли лишь ничтожную долю от всей площади этих крупных городов, что не позволяло составить представление о планировке городов в целом и оставляло множество вопросов относительно общей городской планировочной структуры, изучаемой в основном на базе поздних письменных источников, без привлечения археологических данных (*Мазур, 2007*).

Ростиславль представляет в этом смысле особенный интерес, поскольку на нем изучена уже 1/5 всей территории детинца. Первые попытки понять систему застройки города были предприняты еще 20 лет назад, когда раскопки на памятнике только начинались и материалов для выводов было относительно не много (*Коваль, 2005; 2008; 2017*). И хотя сделанные тогда наблюдения и выводы не утратили своей актуальности, многие из них потребовали корректировки.

Городская планировка средневекового Ростиславля рассматривается на материалах северной части площадки городища, изученной Ростиславльской археологической экспедицией с 1994 по 2023 гг. в границах раскопов I, II и III, которые были состыкованы друг с другом и тем самым составляли единый массив общей площадью 4070 кв. м (рис. 4; 81).

На исследованной раскопками территории было выявлено 818 различных заглубленных в материк объектов (представлявших собой остатки подпольных, подпечных и хозяйственных ям, погребов, столбовых ям, оград и перекопов) (рис. 82), из которых 145 составили перекопы и грабительские ямы (рис. 83), остальные заманчиво было разделить по хронологии и вычленив синхронно существовавшие или одновременно выходявшие из употребления (и засыпавшиеся для нивелировки площадки) сооружения.

В этой связи первоначальной задачей исследования стало получение дробных датировок для имеющихся остатков построек и сооружений. Для этого уже в ходе обработки отчетных материалов проводился анализ всех датирующих находок и керамических наборов из комплексов с опорой на выявленные хронологические индикаторы керамики (т.е. хронологически изменявшиеся ее признаки). В результате для более трети объектов (297 из упомянутых 818 объектов) удалось установить узкие датировки с точностью до половины столетия, которые маркировали время прекращения функционирования этих объектов. Эти датировки зафиксированы в отчетах о раскопках, кроме того, они обоснованы и уточнены в ряде публикаций (*Коваль, 1996; 2004; 2022а; 2022б*).

Параллельно были установлены две особенности формирования исследованных на Ростиславле комплексов (цит. по: *Коваль, 2008. С. 129*):

1. В подавляющем большинстве они сформировались не в результате каких-то катастрофических событий (пожары, внезапные разрушения), а представляли собой итог целенаправленной засыпки котлованов,

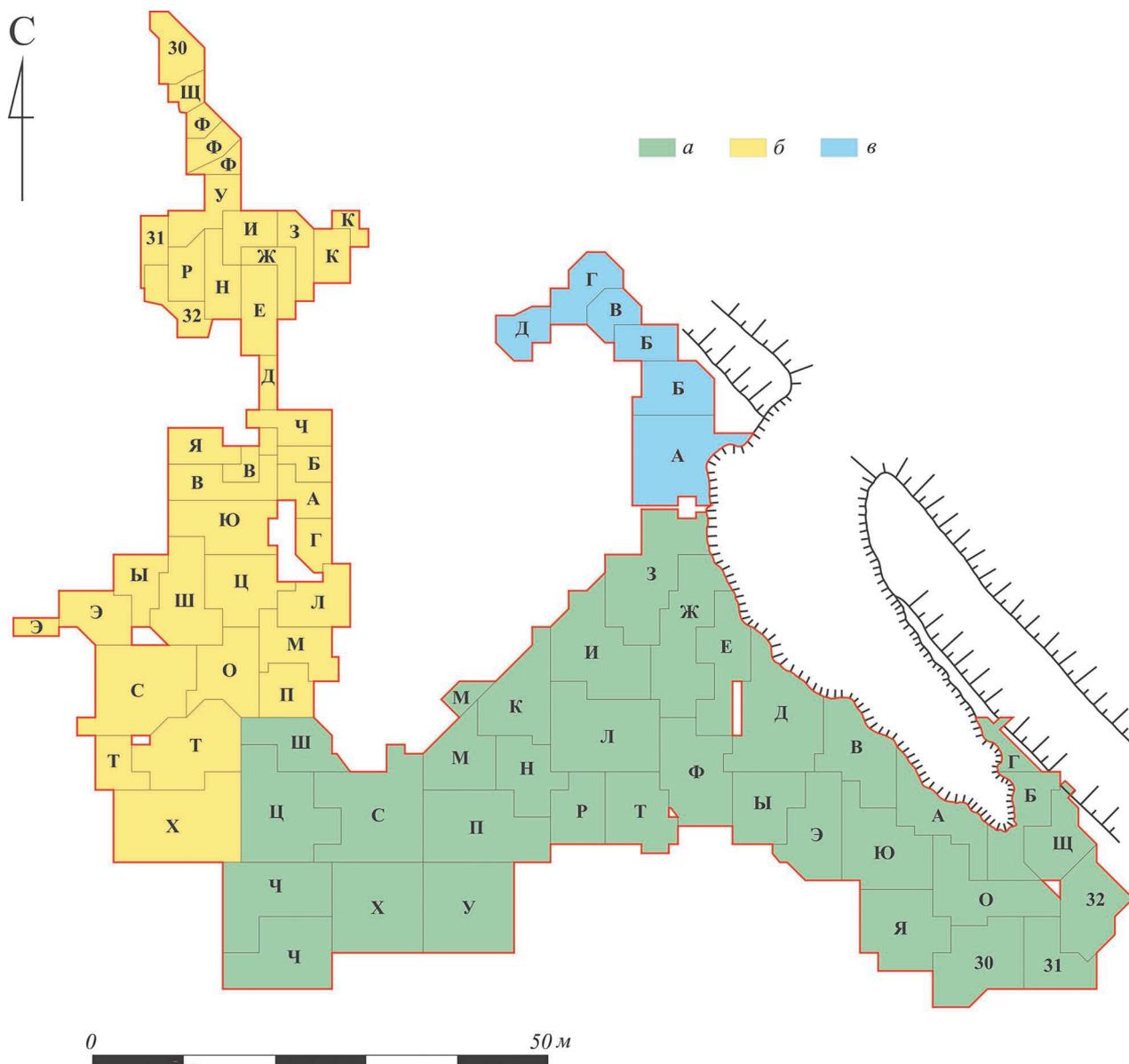

Рис. 81. Схема раскопов на городище Ростиславль. а – I раскоп, б – II раскоп, в – III раскоп

образовавшихся после разборки наземных (а чаще всего и подземных) частей деревянных построек, проводившейся с целью скорейшего выравнивания поверхности участка. Это означало, что ликвидация построек проходила в условиях обычной мирной жизни города и могла быть связана с перестройками отдельных обветшавших зданий и сооружений, либо с какими-то общими перепланировками усадебной территории. При этом все ценные вещи из котлованов старых построек (независимо от назначения последних) вынимались, а в засыпку попадал только разнообразный мусор (сломанные или случайно утерянные вещи).

2. Засыпка образовавшихся после разборки деревянных построек ям производилась как культурным слоем, бравшимся, вероятно, с окружающей площади того двора, на которых они находились, так и материковым грунтом, который мог поступать в результате выкапывания каких-то новых ям. При этом заполнение ставших ненужными котлованов производилось в максимально сжатые сроки, о чем свидетельствует отсутствие в заполнении подавляющего большинства ям дождевых замывов (тонкослоистых суглинистых прослоек), неизбежно возникающих при длительном пребывании незасыпанной ямы под

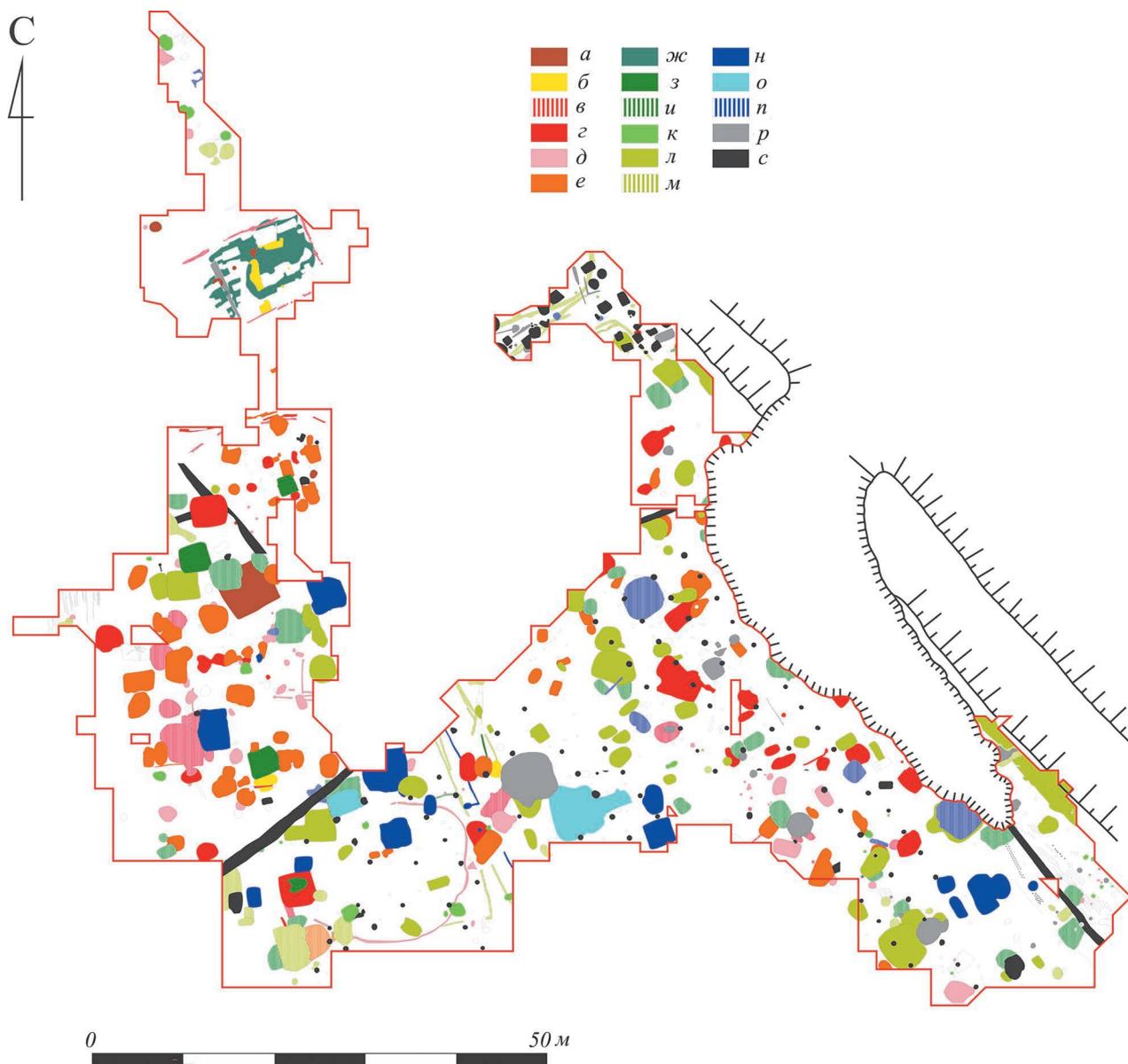

Рис. 82. Общий план выявленных объектов. *a* – Дославянское время; *б* – X век; *в* – середина – 2-я половина XII в.; *г* – 2-я половина XII в.; *д* – 2-я половина XII – 1-я половина XIII в.; *e* – 1-я половина XIII в.; *ж* – сооружение 13 (середина XII в.); *з* – 2-я половина XIII в.; *и* – конец XIII – 1-я половина XIV в.; *к* – 2-я половина XIII–XIV в.; *л* – 2-я половина XIV в.; *м* – XIV в.; *н* – 1-я треть XV в.; *о* – середина – 2-я половина XV в.; *п* – XV в., *р* – XVI в., *с* – перекопы и грабительские ямы

открытым небом. Меньшую часть объектов составляли ямы, заполнение которых бытовым мусором происходило длительное время: это подпечные ямы, находившийся внутри построек, в которые сгребалась зола и уголь из печей, а также ямы конической профилировки (на их дне невозможно было стоять) различного назначения с дождевыми замывами на дне или в толще заполнения – такие ямы располагалась под открытым небом. К числу погибших в пожаре объектов отно-

сились только подпечная яма и погреб (ямы 77 и 76), входившие в состав одной крупной жилой постройки начала XIV века.

Из сделанных наблюдений можно получить следующие выводы:

– датировки по вещевому и керамическому материалу основной массы комплексов не могут быть сужены в пределах выделенных хронологических этапов протяженностью в полстолетия (поскольку материал в этих комплексах смешан);

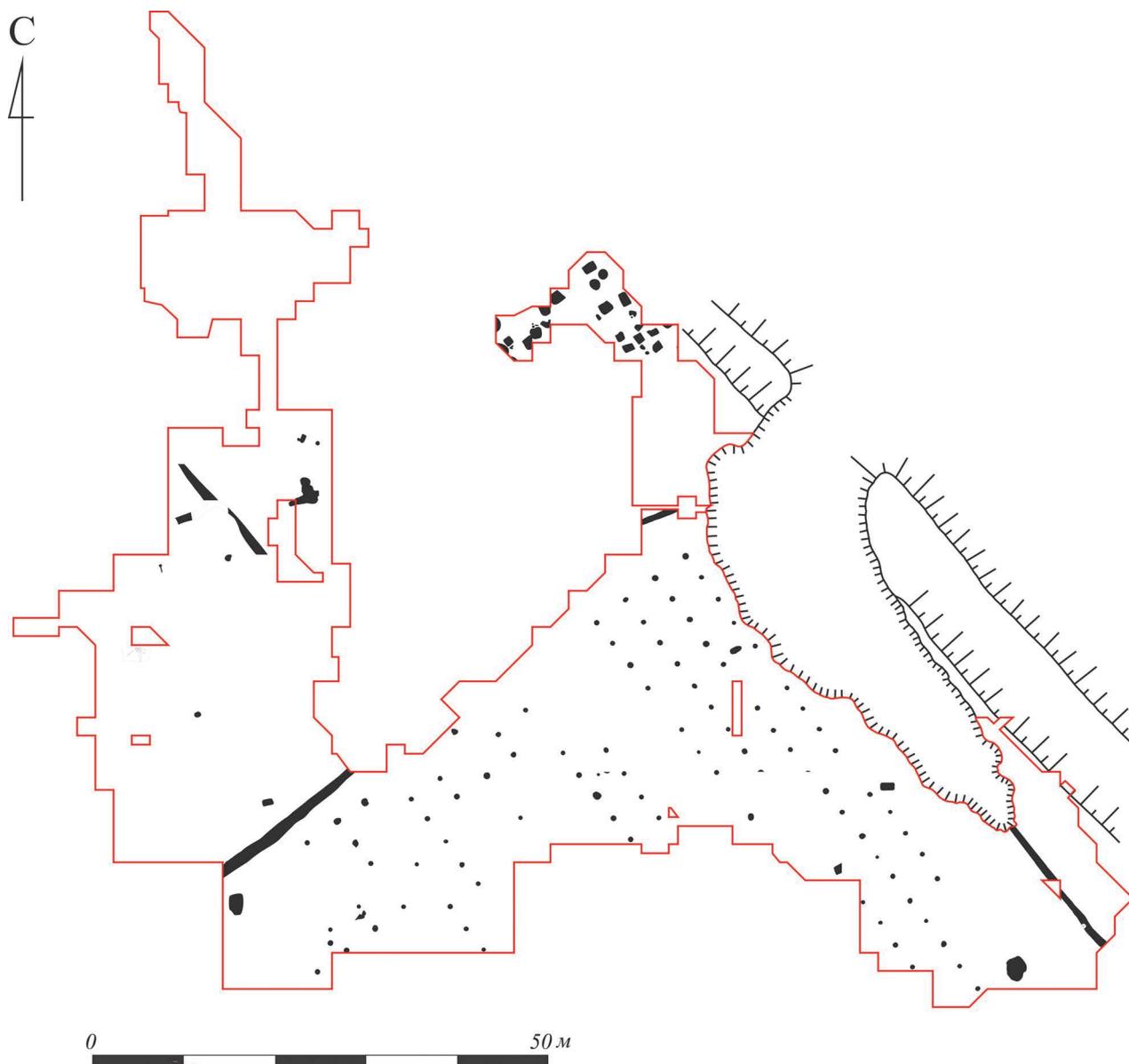

Рис. 83. Перекопы и грабительские ямы

– на территории Ростиславля имеется очень мало комплексов мгновенного накопления, для которых можно попробовать установить дискретные даты;

– планировка Ростиславля изменялась не под влиянием катастроф (пожаров и разорений города врагами), а в условиях нормально протекавшей жизни.

Для 130 объектов даты завершения их функционирования было возможным установить с меньшей точностью – до столетия – по причине недостаточно объемных керамических комплексов и отсутствия датирующих вещевых находок. Таким образом, для надеж-

ной хронологической градации оказались доступны лишь 427 (более 50%) разновременных объектов, являвшихся остатками жилых и хозяйственных построек. На основании полученных ранее датировок эти объекты были разделены на 6 хронологических групп:

1. Дославянское время.
2. конец X – начало XI в.
3. Середина XII – первая половина XIII в.
4. Вторая половина XIII–XIV вв.
5. XV в.
6. XVI в.

Объекты, отнесенные к каждой из выделенных хронологических групп, выносились

на отдельные схемы исследованного раскопами I, II и III пространства, что позволяет проследить динамику в размещении этих объектов.

Методические вопросы

(цит. по: Коваль, 2008. С. 130–136)

Необходимо остановиться также на ряде методических вопросов, связанных с интерпретацией заглубленных в материк объектов (ям и котлованов построек), а также реконструкции размеров и пространственной ориентировки жилых и хозяйственных построек. Поскольку культурный слой Ростиславля является сухим и не сохраняет органических материалов, следы деревянных конструкций здесь встречаются исключительно редко и в неудовлетворительном состоянии сохранности. Не сохранились не только основания деревянных стен, но даже отпечатки бревен в материке, по которым можно было бы реконструировать размеры и конфигурацию построек. Поэтому установление размеров существовавших некогда деревянных наземных строений сопряжено здесь со значительными трудностями.

Единственными маркерами древних деревянных построек Ростиславля являются котлованы их подземных частей, вырытых в материке. При этом можно с полной уверенностью констатировать, что на раскопанных площадях в Ростиславле не было обнаружено ни одной постройки, которую можно было бы интерпретировать в качестве землянки или полуземлянки. Выявленные же крупные углубления в материке являлись остатками подпольных частей зданий (кратко – «подполий») и погребями (как отдельно стоящими, так и находившимися под жилыми постройками).

Сложнее обстоит дело с интерпретацией столбовых ям в качестве построек каркасной конструкции, которые предполагались исследователями древнерусской архитектуры в Старой Рязани. На Ростиславле несомненных образцов таких построек не выявлено, однако известны несколько подпольных ям и погребов, в ближайшем окружении которых были обнаружены скопления столбовых ям, которые могли быть остатками каркасно-столбовых конструкций, перекрывавших эти сооружения.

Остатки деревянных конструкций удалось выявить только в одной постройке XV века

и при исследовании остатков оборонительной стены второй половины XIV века, возведенной вдоль восточного края площадки города, где на нераспаханных участках сохранились ленточные прослойки грунта, насыщенного древесным тленом, которые могли остаться в результате разрушения и изгнивания бревенчатых пустотелых стен. Учитывая все перечисленные трудности, при реконструкции размеров и ориентировки деревянных построек на Ростиславле было принято решение исходить из 5 гипотез:

1. Ориентировка заглубленных частей построек приблизительно совпадала с направлением их наземных деревянных стен.

2. Все постройки предположительно рассматривались в качестве срубных.

3. Размеры внешнего контура стен срубов устанавливались на расстоянии не менее 0,5 м от края углубленной части постройки (исходя из того, что стена должна была устанавливаться на прочном основании).

4. Каждое углубление в грунте размерами не менее 2×2 м рассматривалось соответствующим, как правило, одной наземной постройке, однако в тех случаях, когда два (или более) соседних углубления содержали идентичный материал (например, обломки от одних и тех же сосудов, что означало, как минимум, их одновременную засыпку) и размещались изолированно от других синхронных комплексов, то эти углубления в ряде случаев рассматривались как относящиеся к одному и тому же строению.

5. Конфигурация наземных построек условно была принята за квадратную в плане; исключение составляли некоторые постройки, в состав подземных частей которых входили 2 или более углубления (планировка таких домов реконструировалась в виде прямоугольника).

В результате были гипотетически реконструированы срубные постройки (клетки) размерами от 2×2 до 10×10 м при среднем размере домов приблизительно 5×5 м (рис. 84–89). Вместе с тем, такие реконструкции не претендуют на полную научную достоверность – они создавались только для того, чтобы составить наглядное представление о плотности размещения построек по площади города. В то же время они соответствуют средним размерам срубов наземных жилых

домов и хозяйственных построек, известных по раскопкам в Новгороде и Киеве.

В связи с тем, что все постройки Ростиславля XII–XVI веков относились к числу наземных, а их остатки оказались практически начисто уничтожены распашкой XIX–XX веков (к которой добавилась еще разрушительная деятельность кладовщиков, не оставлявших своим вниманием Ростиславль на протяжении полувека), то отопительные сооружения (печи) жилых и хозяйственных построек оказались начисто уничтожены. Их единственными остатками являются крошечные кусочки обожженной глины в перемешанном культурном слое и пласты такой же глины («печины»), сохранившиеся в заполнении многих ям, в том числе таких, которые были остатками заглубленных в материк подземных частей наземных построек. Эти массивы печины информируют о том, что все печи жилищ на Ростиславле изготавливались только из материкового тяжелого суглинка, но в подавляющем большинстве случаев они не могут указывать на конкретное местоположение таких печей до их разрушения, поскольку ремонты печей (при которых они частично разбирались) производились часто, а образующийся «печной мусор» мог выбрасываться довольно далеко от того места, где ремонтировавшиеся печи располагались. Конечно, такой тяжеловесный мусор старались выкинуть где-то неподалеку от дома, но по месту его обнаружения, как правило, невозможно достоверно установить первоначальное местоположение печи.

Лишь в двух случаях удалось более или менее точно выяснить расположение глинобитных печей по отношению к углубленным частям построек. Остатки глинобитного массива от первой печи были обнаружены на краю объекта 21, являвшегося остатками подпольной ямы в жилом доме первой половины XVI века (судя по датировке материала из заполнения). Уверенность в синхронности существования подпольной ямы и отопительного устройства проистекает из того факта, что одна часть массива печины компактно залежала на материковом краю ямы, а другая сползла в яму и фиксировалась на ее стенке и дне. К сожалению, размеры печи по этому скоплению не могут быть точ-

но установлены, но можно констатировать ее относительно небольшие размеры (не больше, чем у основной массы печей Новгорода).

Второй случай фиксации печи связан с объектами 76 и 77, заполнение которых датировано концом XIII – первой половиной XIV в. В первом из них (являвшемся остатками погреба) был обнаружен блок обожженной глины размерами 130×50–70×30 см с отпечатками бревен на одной из граней, который несомненно принадлежал очень крупной глинобитной печи, стоявшей некогда вплотную к стене дома. Размещавшаяся рядом яма глубиной до 30 см (объект 77), заполненная углистой супесью, была перекрыта аморфным массивом аналогичной по цвету и плотности печины. Вероятно, это была подпечная яма, над которой, собственно, и размещалась большая глинобитная печь. Представляется возможным следующее объяснение данного археологического контекста: после разрушения наземной постройки с печью, которое произошло в результате пожара (следы этого пожара фиксировались в объекте 76), часть материала печи была сброшена в ставший ненужным погреб, а другая ее часть просела в подпечную яму. Остается неясным, в какой части постройки размещалась эта печь, и каковы были ее размеры и конструкция.

В ряде случаев фиксировались подпечные ямы, по которым допустимо весьма приблизительное определение положения отопительного устройства внутри здания. Однако в подавляющем числе реконструируемых построек не только расположение печи, но даже само ее наличие оставалось трудно разрешимым вопросом. Чему способствовало также то, что Ростиславльские печи, видимо, устанавливались не на столбовых опечках (или не только на них). Достоверные следы таких опечков в виде 3–4 столбовых ям, размещающихся по углам квадрата с размерами, близкими типовым параметрам печей, пока обнаружить не удалось. Возможно, в отличие от Новгорода, здесь печи устанавливались на срубных опечках не только в производственных помещениях, но и в жилых домах.

Следы оград, разделявших усадьбы, на Ростиславле пока не выявлены. Возможно, они представляли собой не частокотлы, а более легкие сооружения типа плетней или наметов (подобные ограды известны на Старой Рязани). И хотя именно ограды рассматрива-

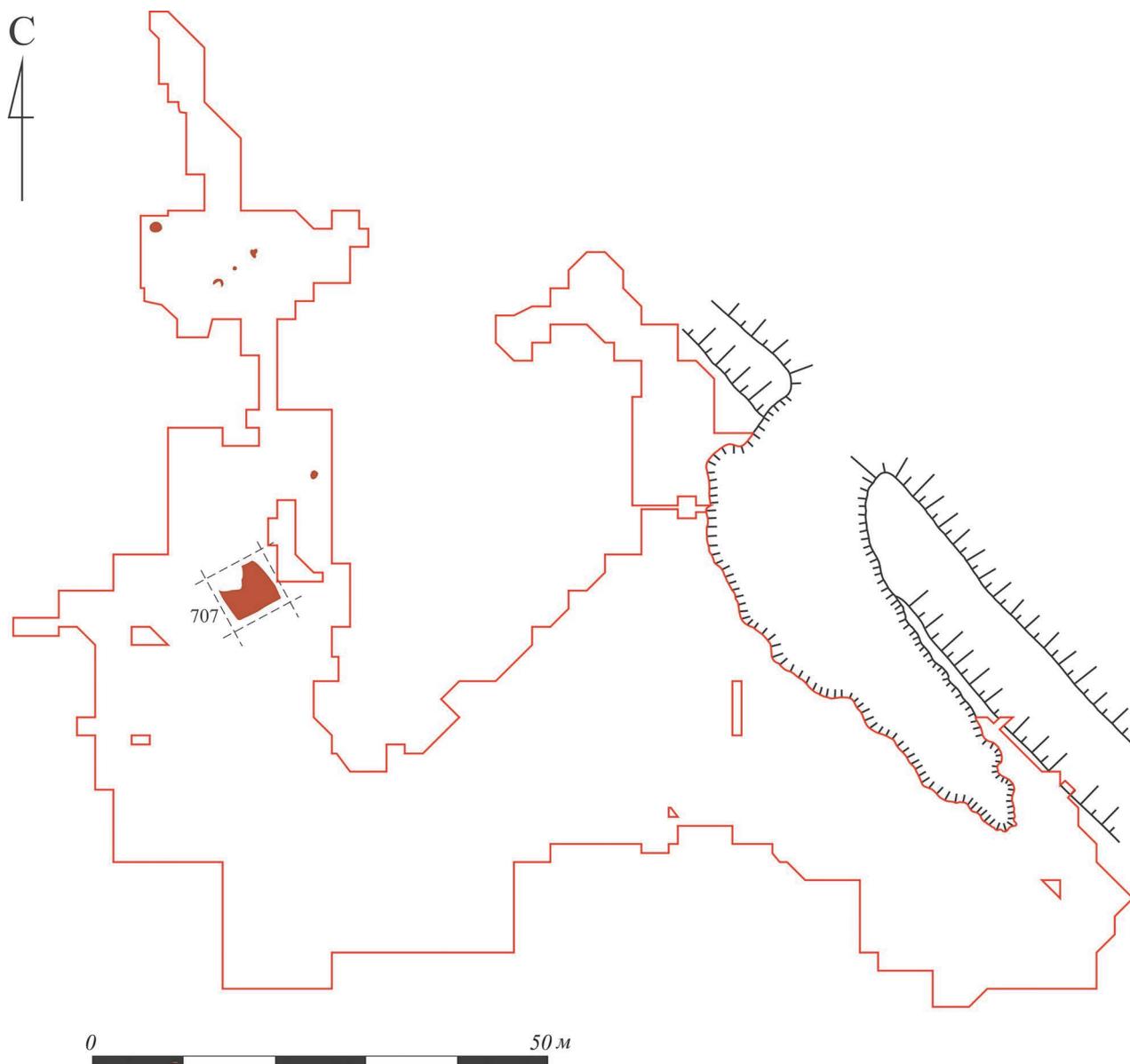

Рис. 84. Объекты дославянского времени

ются исследователями древнерусского градостроения в качестве главного признака наличия усадебной застройки (Куза, 1985. С. 62), трудно сомневаться в том, что застройка Ростиславля была именно усадебно-дворовой. Подтверждением тому служат канавки от чостоколов, ограничивавших усадебные территории со стороны улицы, которые были здесь зафиксированы (рис. 82).

Планировка поселения дославянского времени

Поселение дославянского времени не имеет отношения к средневековому городу Ростиславлю и объекты с материалами этого вре-

мени рассматриваются здесь только потому, что они обнаружены на площади будущего города. Фиксировались они только в северо-западной части рассматриваемого здесь участка. Из 6-ти объектов только один (№ 707) можно отнести к числу жилых построек: она размещалась в 20 метрах от западного края площадки городища (рис. 84). Разновременность открытых объектов и невозможность установить для них точные даты (из-за незначительного объема полученных материалов) не позволяет делать выводы о планировке поселения, примыкавшего с юга к городищу РЖВ (на мысовой площадке Ростиславля), однако ясно, что заселенная зона не ограничи-

валась валом этого городища, а распространялась на 70–100 м от него, охватывая территорию, которая в 2–3 раза превышала площадь самого городища. Правда, освоение этого пространства под жилищно-хозяйственные нужды происходило в основном на позднем этапе жизни городища (в I–V вв. н. э.).

Планировка поселения рубежа X–XI в.

Славянское поселение столь раннего времени также не имело отношения к Ростиславлю, хотя существовало в эпоху средневековья. Тем не менее, хронологический разрыв протяженностью не менее 100 лет не позволяет воспринимать это недолговременное поселение в качестве непосредственного предшественника города.

Данный комплекс представлен восьмью объектами, 6 из которых (ямы 330, 331, 339, 340, 341, 342) достаточно компактно расположены в северной части рассматриваемой территории. Можно думать, что эти объекты принадлежали одному комплексу построек (дому или усадьбе). Два других объекта, расположенные значительно южнее, говорят только о размещении жилых домов в один ряд вдоль края площадки, обращенного к р. Оке (рис. 85).

Ростиславль в середине XII – первой половине XIII века

Основание Ростиславля в 1153 г. сразу же привело к строительству большого числа жилых и хозяйственных построек. Объекты с материалами указанного времени размещаются по всей площади исследованного участка городища. Всего к нему можно отнести 190 объектов, при этом серединой – второй половиной XII века датировано 22 объекта, второй половиной XII – первой половиной XIII века – 61, первой половиной XIII века – 66. Различия в интервалах предложенных дат объясняются прежде всего разным объемом археологического материала (от нескольких штук до нескольких сотен обломков керамики и десятков находок из других материалов).

Большинство объектов группируются по нескольким обособленным зонам. В северной части исследованного участка (рис. 86, д) расположена насыпь из материкового суглинка мощностью 20–40 см (сооружение 13), ограниченная частокольной канавкой, охва-

тывающей прямоугольный участок размерами 15×8–9 м. Под этой грунтовой платформой сохранился культурный слой, содержащий материалы только первой половины I тыс. н. э. и рубежа X–XI веков. Очевидно, что такая насыпь могла возникнуть лишь на начальном этапе существования Ростиславля, когда городской культурный слой еще не начал накапливаться на его площадке. Насыпь могла служить основой для крупной деревянной постройки размерами не менее чем 10×8 м, которую логично связывать с христианским храмом (городским собором), воздвигнутым, вероятно, в момент основания города и сохранившимся вплоть до самого конца существования Ростиславля (конечно, с многократными перестройками) (Коваль, 2015б).

Прихрамовая территория была свободна от застройки и, какая-то ее часть была предназначена для захоронения усопших, имевших при жизни, вероятно, более высокий статус, позволявший после смерти быть погребенным рядом с церковью. На севере, в 25 м от храма, эта территория была ограничена рвом, проведенным у подножия вала эпохи РЖВ, а в 10 м южнее – оградой ближайших к храму городских усадеб, остатками которой были 3 параллельные частокольные канавки (сооружения 9, 10 и 11). К западу от собора, вплоть до края склона, обращенного к р. Оке, застройка также отсутствовала. Пока остается неизвестно, как далеко простиралась прихрамовая территория на восток. Очевидно лишь то, что на первом этапе жизни города вся эта зона не была еще полностью занята кладбищем, хотя какие-то отдельные захоронения у стен церкви появлялись уже в это время (Русаков и др., 2015). В то же время, на этой прицерковной земле все же велась какая-то хозяйственная деятельность, о чем свидетельствуют небольшие ямы, забутованные материковым суглинком к северу от церкви и одна небольшая яма с материалом домонгольского времени югу от нее.

Южнее церкви выявлены две усадьбы с группой построек (рис. 86, № 2), ядром которых были объекты 865 и 560. Расположение усадеб вблизи храма позволяет сделать предположение о привилегированном положении их владельцев. Юго-восточнее этих «высоко-статусных» усадеб фиксируется незастроенное пространство, вытянутое по линии СВ-ЮЗ,

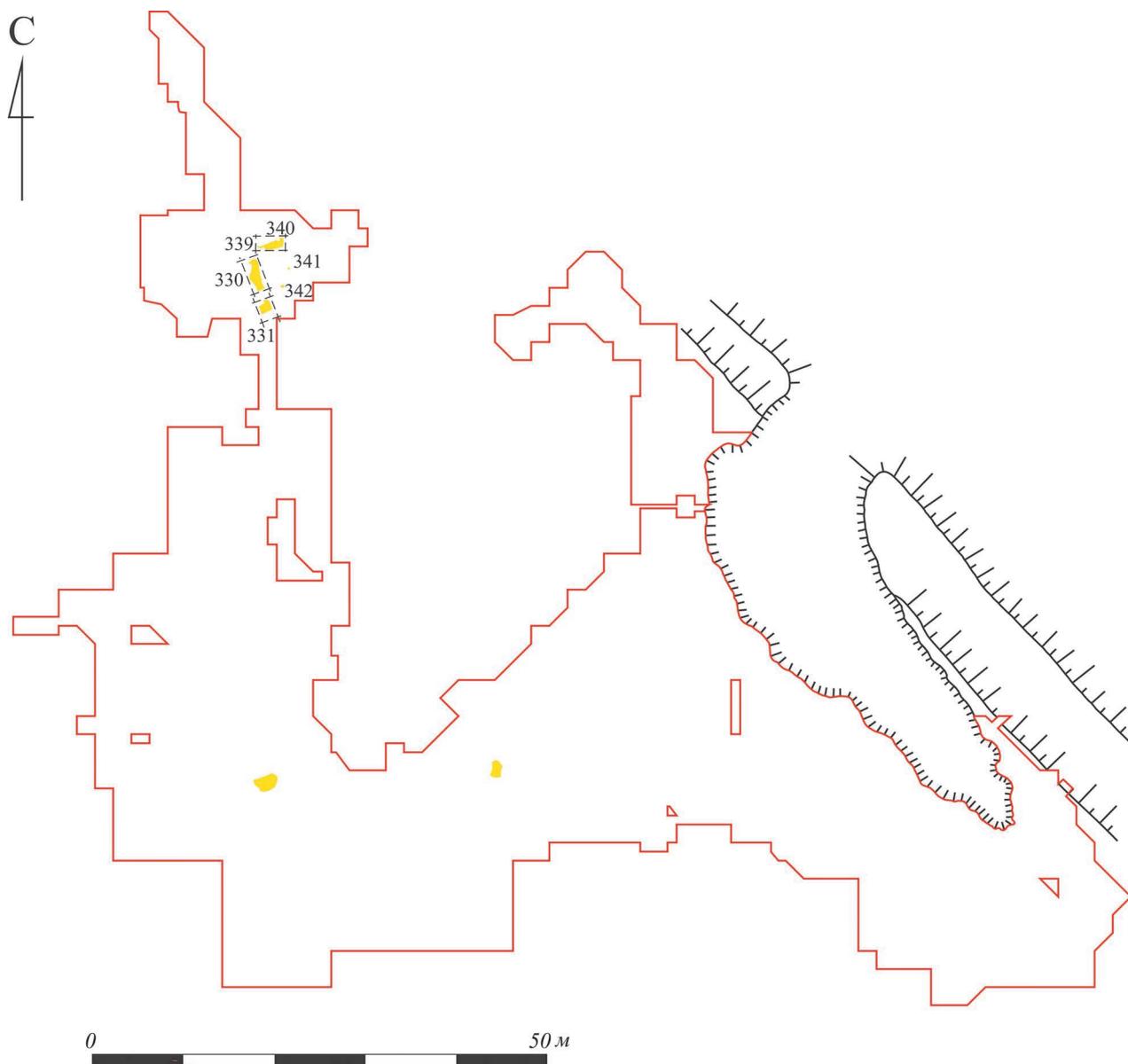

Рис. 85. Объекты X века

шириной около 4 м, не занятое какими-либо объектами, которое можно предположительно связывать с улицей или переулком, подводившим к указанным постройкам (рис. 86, № 3).

Восточнее предполагаемой улицы расположен необычный объект (сооружение 25) – площадка овальной формы размерами 17×15 м (рис. 86, № 4), ограниченная канавкой от ограды (небольшого частокола), в которой с запада и северо-запада находился обширный разрыв (зафиксировать тут следы канавки на уровне материка не удалось, возможно, потому, что в этом направлении уровень материка понижался и канавка просто не достигла его). Материал из заполнения канавки был

представлен минимальным числом измельченных обломков горшков домонгольского времени, по которым достоверная датировка сооружения невозможна – допустимо лишь утверждать, что оно относилось к самому раннему этапу жизни города. Подобные структуры округлых очертаний в планировке русских средневековых городов крайне редки и не всегда понятны. Присутствие в заполнении канавки культурного слоя и керамики заставляет исключать мысль о том, что это сооружение представляло собой оградку от полностью скрытого раннего кургана с несохранившимся центральным погребением, совершенным на уровне материка или в насыпи.

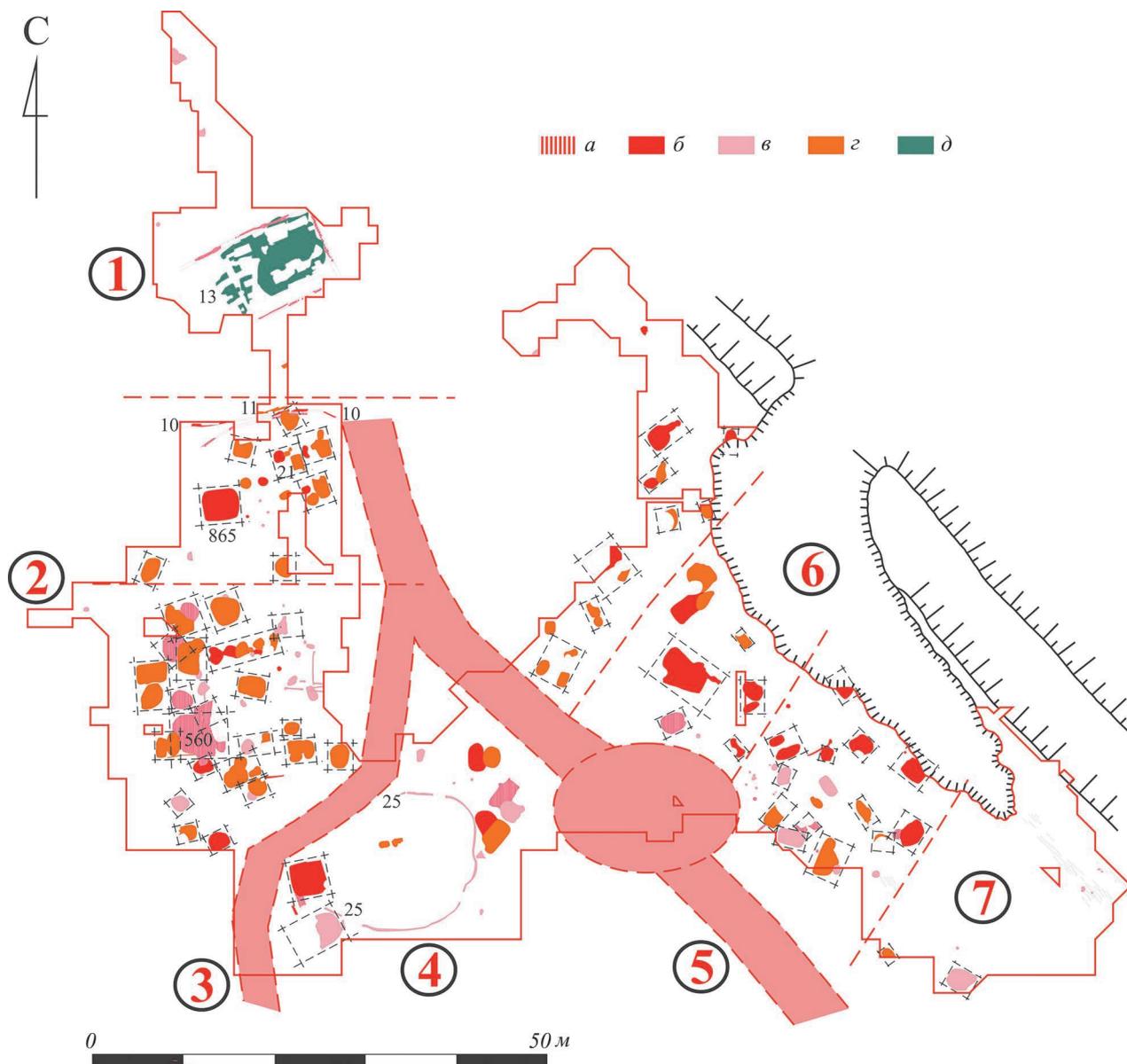

Рис. 86. Объекты середины XII – 2-й половины XIII в. *a* – середина – 2-я половина XII в.; *б* – 2-я половина XII в.; *в* – 2-я половина XII – 1-я половина XIII в.; *г* – 1-я половина XIII в.; *д* – сооружение 13 (середина XII в.); 1 – местоположение церкви; 2, 6 – усадьбы; 3, 5 – улицы; 4 – сооружение неопределенного назначения; 5 – свободное от застройки пространство

Еще далее на восток размещалась еще одна незастроенная зона, вытянутая по линии СЗ-ЮВ (рис. 86, № 5), которую логично интерпретировать в качестве уличного проезда шириной около 9 м, который проходил по осевой линии площадки городища (примерно на равном расстоянии от ее западного и восточного краев) по направлению к церкви, образуя собой ее главную транспортную артерию. В южном направлении незастроенная зона значительно расширялась, а подполья домов и другие ямы концентрировались на ее границах.

С восточной стороны от данного уличного проезда размещалась плотная застройка, разделить которую на отдельные усадьбы довольно сложно. Юго-восточнее этой зоны фиксируется еще одно свободное от объектов пространство (рис. 86, № 7), в северо-восточной части которого был зафиксирован фрагмент пашни, функционировавшей до начала городского строительства, т.е., вероятно, в первой половине XII века.

Остается совершенно невыясненным наличие городской фортификации рассматри-

ваемого периода. Главная линия обороны города – древо-земляная стена – в это время еще не была выстроена (Коваль, 2017в). Если говорить о рассматриваемом участке в центральной части городища, то ни на западном, ни на восточном крае площадки городища следы укреплений зафиксировать не удалось. На западном краю это могло быть связано с эрозией, развивавшейся в XVII–XVIII вв., когда она активно распахивалась (см. раздел 5). Однако нельзя полностью исключать возможности существования тут деревянной пустотелой рубленой стены, для размещения которой здесь имелось достаточно места (вариант частокола не рассматривается по причине отсутствия всяких следов такого сооружения). На восточном краю площадки следы этой стены могли быть полностью уничтожены во время постройки в XIV веке нового укрепления по той же линии. Однако остается неясным, как оборонялась городская застройка с юга – с самого опасного направления. Возможно, там могла быть поставлена линия обычного частокола, канаву от которого найти очень сложно, не изучив раскопками значительную часть площади города.

Планировка Ростиславля с самого начала его существования была подчинена геометрической (треугольной) форме площадки мыса. В северо-западной ее части располагались постройка культового назначения (церковь) и усадьбы, принадлежавшие городской элите, а в восточной – дворы рядовых горожан. На исследованном участке города могли проходить одна или две продольные улицы. Определение размеров усадеб затруднено тем, что какие-либо следы межусадебных оград не сохранились либо сохранились фрагментарно.

Судя по довольно плотному размещению ям от подполий, датирующихся близким временем, но при этом явно разновременным (прорезающим одна другую), на протяжении столетия домонгольской эпохи происходили многочисленные перестройки городских зданий, требовавшие засыпки одних подпольных ям и выкапывания рядом с ними новых. К сожалению, во многих случаях определить, какой из объектов возник раньше, а какой позже, было невозможно, поскольку материал, попадавший в эти ямы при их засыпке, был фактически синхронным.

Планировка Ростиславля во второй половине XIII–XIV вв.

Объекты с материалами золотоордынской эпохи размещаются по всей площади исследованного участка. К этому периоду принадлежали 153 объекта, при этом второй половиной XIII в. датировано 5 объектов, концом XIII – первой половиной XIV в. – 31, второй половиной XIV века – 51, всем XIV веком – 38, а всем периодом со второй половины XIII по XIV вв. – 28.

Так же, как и в домонгольское время, на изученном пространстве выделяется несколько зон. В северной его части фиксируется незастроенная территория «соборной площади» (рис. 87, № 1). Однако севернее церкви продолжали возникать ямы неясного назначения, забутованные материковым суглинком, а пространство южнее церкви начинает использоваться для совершения захоронений.

По западной границе городища зафиксировано два комплекса построек, которые, как и в домонгольское время можно отнести к «статусным» усадьбам. Застройка самой северной из расположенных тут усадеб сместилась к югу, а часть того места, где ранее находилась усадьба домонгольского времени, перестала застраиваться (рис. 87, № 2). Возможно, это связано с указанным выше расширением кладбища на юг от церкви и общей перепланировкой города, которая могла произойти после 1237 г. (Коваль, 2022б).

В восточной части южной из двух «статусных» усадеб прослеживается свободное от застройки пространство размером 12×9 м, примыкавшее к уличному проезду, которое могло представлять собой двор, по периметру которого и располагались основные постройки (ямы 433, 426, 518, 579, 621).

Восточнее этой усадьбы выявлены частокольные канавки, маркирующие границу уличного проезда шириной около 5 м, вытянутого по линии СЗ-ЮВ (рис. 87, № 3). Улица сместилась к западу относительно трассы проезда домонгольского времени, что может также свидетельствовать о перепланировке города после 1237 г. Несколько параллельных канавок от частоколов свидетельствуют о периодических смещениях трассы улицы в ходе ремонтных работ. Можно предположить, что улица по-прежнему вела на север до «соборной площади», откуда еще один переулочек шел

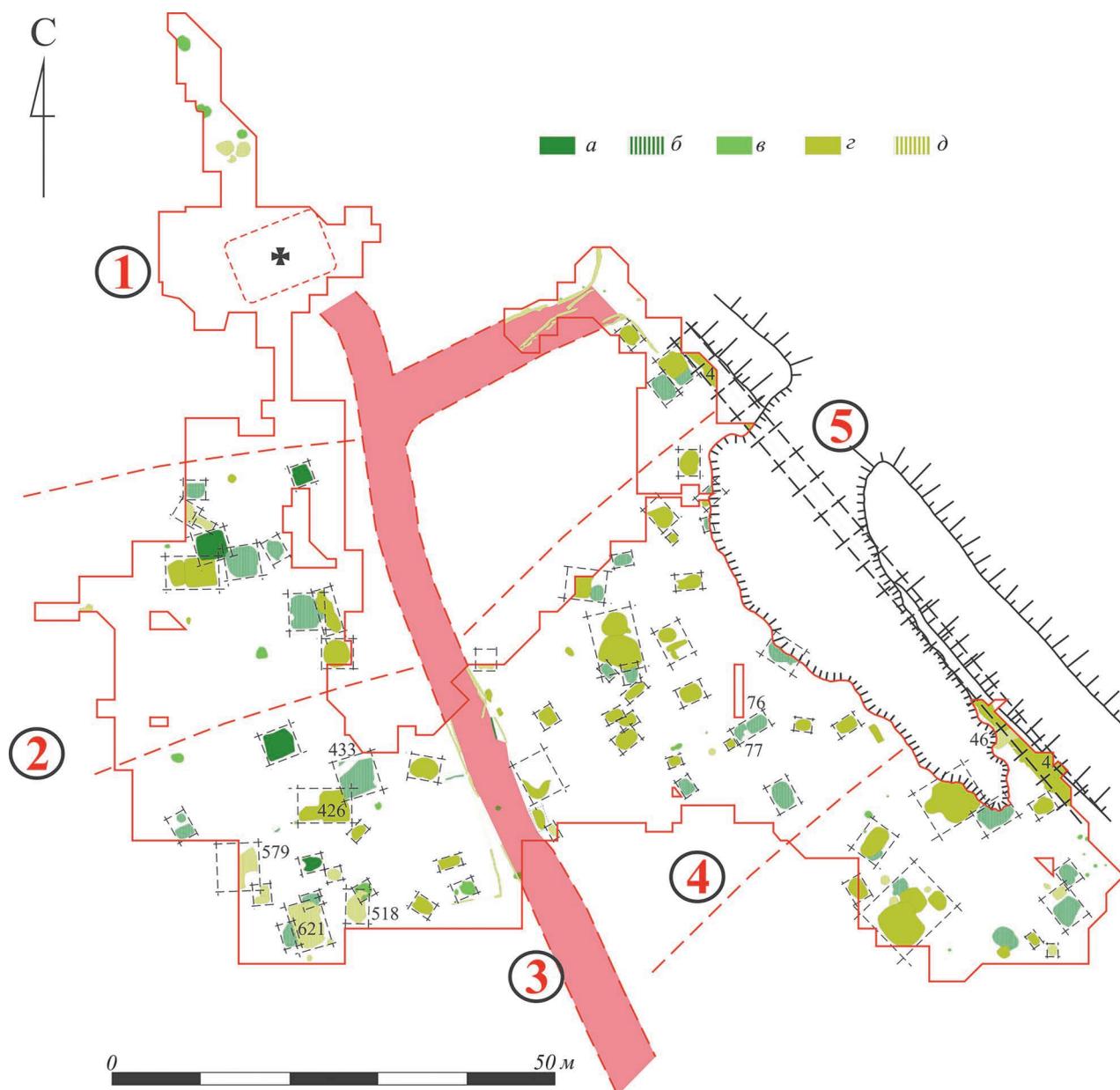

Рис. 87. Объекты 2-й половины XIII–XIV в. *а* – 2-я половина XIII в.; *б* – конец XIII – 1-я половина XIV в.; *в* – 2-я половина XIII–XIV в.; *г* – 2-я половина XIV в.; *д* – XIV в. 1 – местоположение церкви; 2, 4 – усадьбы; 3 – улица; 5 – трасса деревянной стены

на северо-восток, подходя к спуску в овраг (менее вероятно – мосту через него). Эта городская артерия обеспечивала связь между городом и посадом, расположенным на противоположной стороне оврага.

К востоку от улицы отмечается хаотичная и застройка, но здесь можно предположительно выделить несколько усадеб (рис. 87, № 4). На краю оврага, ограничивавшего город с востока, судя по ленточной глиняной подсыпке и массивам древесного тлена, могла стоять стена из пустотелых деревянных клетей

(рис. 87, № 5), которые использовались как жилые или хозяйственные помещения с погребями и прочими ямами (Коваль, 2017в).

В целом городская планировка во второй половине XIII–XIV веках характеризуется некоторым снижением плотности застройки. Происходит небольшое смещение трассы уличного проезда по сравнению с предыдущим домонгольским периодом и появляется переулок от соборной площади на северо-восток к оврагу. На месте рядовых построек домонгольского времени возникают усадьбы

с большими подпольями и погребями, маркирующими крупные жилые дома. «Статусные» усадьбы западной зоны смещаются несколько южнее домонгольских, кроме того, они появляются и в восточной части изученного пространства, где обнаружены остатки домов с большими печами и дорогой импортной посудой (например, иранской люстровой чашей) – объекты 76 и 77. Заметно расширилась территория кладбища, возникшего вокруг собора.

Не ранее конца XIII в. была построена древо-земляная стена и выкопан ров, оформившие детинец Ростиславля (Коваль, 2015а). В середине XIV в. эта стена была перестроена и увеличена в размерах, одновременно по восточному краю площадки была, видимо, выстроена стена из пустотелых клеток, чем было завершено сооружение фортификационного ансамбля.

Высокая плотность размещения объектов, наблюдаемая на плане городища, является следствием постоянных перестроек на площади усадеб, когда предыдущие котлованы погребов и подполий засыпались, а на их месте (с небольшим смещением) выкапывались новые. За полтора столетия такие перестройки могли произойти несколько раз. Но даже с учетом этой корректировки ясно, что застройка детинца в золотоордынскую эпоху истории города была очень плотной.

Ростиславль в XV веке

Объекты с материалами XV века размещаются преимущественно в южной части исследованной площади. В этот период плотность застройки Ростиславля здесь резко сократилась – до 36 объектов, причем на первую треть XV в. приходится 20 объектов, на середину – первую половину XV в. – 3, на весь XV век – 13. Одновременно продолжали расширяться размеры прицерковного кладбища. Вместе с тем оставались и усадьбы с крупными погребями, свидетельствующими о соответствующих размерах жилых построек (ямы 229, 422, 495) (рис. 88, № 1–3).

Выявлена крупная усадьба с частокольными канавками, маркирующими одну из границ уличного проезда шириной около 6 м, вытянутого по линии СЗ-ЮВ (рис. 88, № 4), расположенного практически на том же месте, что и во второй половине XIII–XIV ве-

ках. В этом частоколе имелся разрыв, ограниченный двумя столбовыми ямами, сдвинутыми внутрь усадьбы относительно границы улицы, отмечавшими места размещения столбов от ворот. Еще одна частокольная канавка (яма 283), вероятно, ограничивала усадьбу № 2 с севера.

При всем этом сложно сказать, сколько улиц осталось на площади детинца. Разреженность застройки сильно контрастирует с предыдущими периодами жизни города. Важно также исчезновения укреплений на восточном краю площадки города: на месте разрушенной (не сожженной, но частично истлевшей) деревянной стены не возникло какой-либо иной линии фортификации.

Планировка Ростиславля в XVI веке

На XVI век приходится последний период существования городской застройки Ростиславля. К этому периоду относились 33 объекта, которые размещаются преимущественно в восточной части исследованного участка городища (рис. 89).

Самая крупная постройка располагалась в центре изученной территории и представляла собой погреб (яма 350) крупных размеров (5×5 м при глубине более 2 м). В заполнении погреба встречен разнообразный материал, датируемый серединой – второй половиной XVI века (Коваль, 2005б). Вторая постройка, с погребом гораздо более скромных размеров (яма 100), располагалась в 16–18 м к северо-востоку от первой. Размеры этого погреба были невелики, но, судя по компактному размещению рядом с ним других ям с синхронным заполнением, здесь стояла довольно крупная по размерам постройка (около 6×4 м), которая вполне могла быть и жилой.

Третья постройка может быть реконструирована по яме 748, расположенной к юго-востоку от объекта 100, судя по размерам погреба, габариты строения были не меньше чем 4×4 м. В 5 метрах северо-западнее от нее расположены две столбовые ямы (80 и 781), возможно, отмечавшие воротный проем проема усадьбы, на которой размещалась данная постройка.

Четвертая постройка определяется по погребу (яма 860), расположенному к юго-востоку от объекта 748. Исходя из размеров

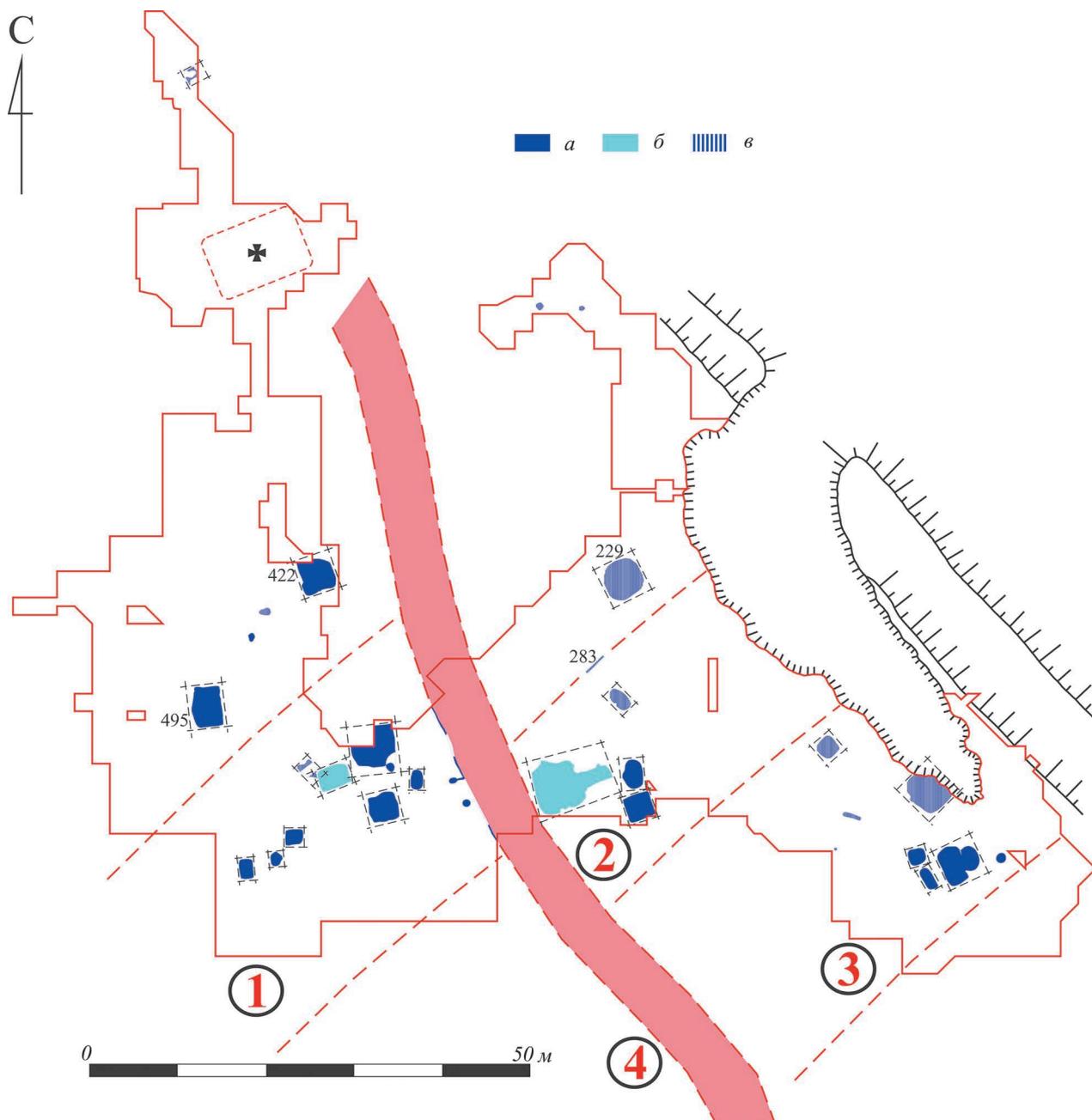

Рис. 88. Объекты XV века. а – 1-я треть XV в.; б – середина – 2-я половина XV в.; в – XV в.
1–3 – усадьбы; 4 – улица

погреб, габариты наземного строения могли быть значительно более, чем 3×4 м. Так же, как и в случае с соседней к северу усадьбой, здесь также к северо-западу от постройки с ямой 860 располагались две столбовые ямы (849 и 857), которые могли быть вырыты для установки верейных столбов воротного проема усадьбы.

Возможно, к этой же усадьбе относились следы еще одной, частично разрушенной современной оврагом, постройки, которая раз-

мещалась на восточном краю изученного участка – это крупная подпольная яма (объект 45), почти половину заполнения которой составляла печина (остатки разрушенной глинобитной печи). Эта постройка располагалась буквально на самом краю площадки городища, поверх оборонительной линии XIV в.

Кроме того, зафиксированы и другие мелкие ямы, и столбовые канавки описываемого периода, которые обнаружены по краю оврага, на северо-востоке и юго-востоке исследован-

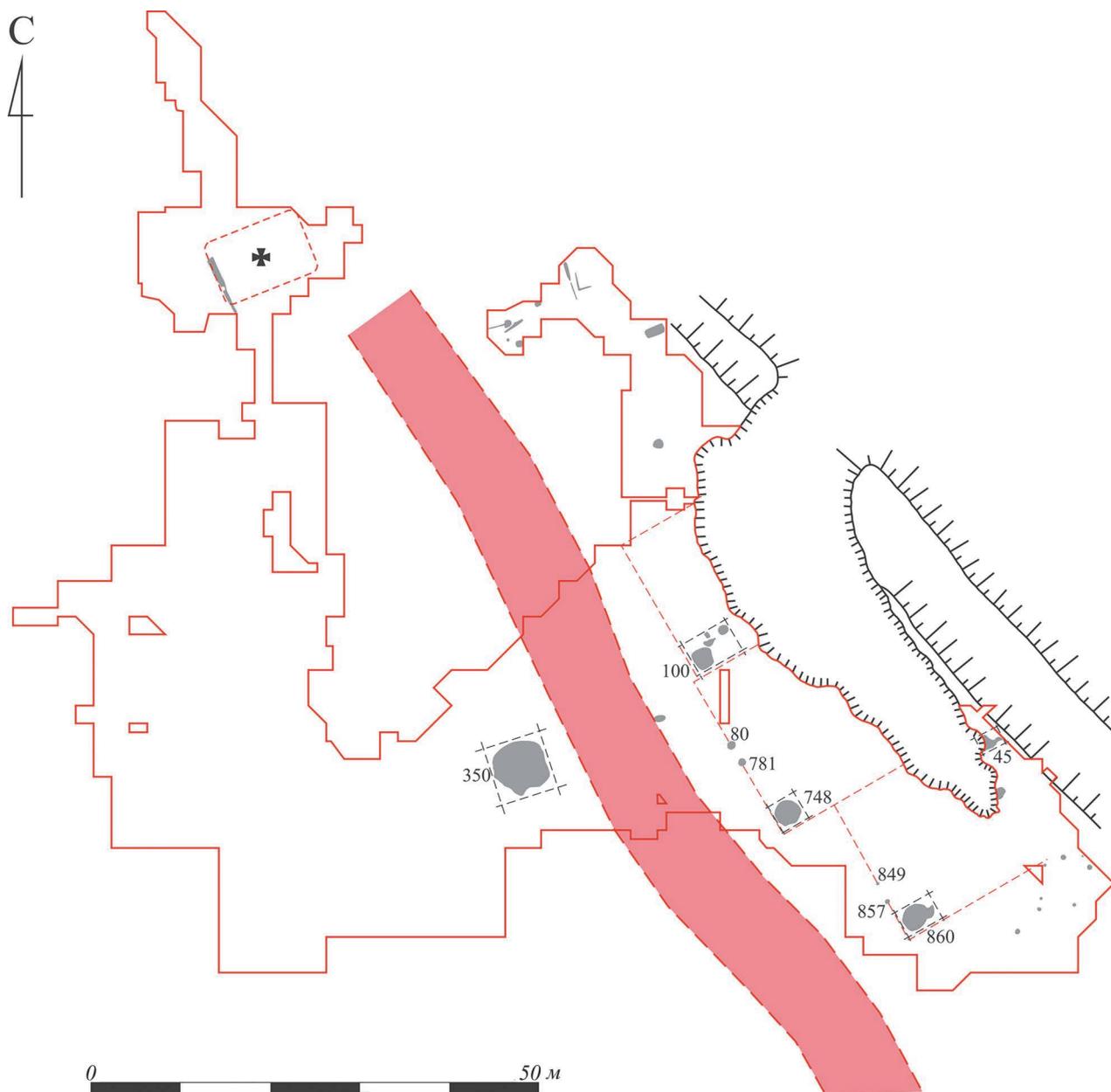

Рис. 89. Объекты XVI века

ного участка. Они указывают на то, что вся территория детинца (правда, уже лишенно укреплений, кроме вала на месте развалившейся древо-земляной стены более раннего времени) была в XVI в. занята разреженной застройкой. В этот период сильно разрослось в южном направлении прицерковное кладбище, граница которого стала проходить в 50 м южнее церковного места.

Если перечисленные выше объекты 100, 748 и 860 принадлежали трем разным усадьбам, ворота которых выходили на уличный проезд, то трасса улицы в XVI в. существен-

но сдвинулась на восток, пройдя по тем местам, где в XV в. еще стояли жилые дома и размещались усадьбы. Интересно, что к западу от предполагаемой улицы осталась только одна усадьба с постройкой (см. выше яму 350), причем между ней и западным краем площадки города не найдено пока ни одной, даже мелкой, ямы этого времени.

Исследование планировки древнего Ростиславля позволяет прийти к выводу, что она подчинялась геометрической форме площадки детинца. Выявленные усадьбы не сохранили полного периметра оград,

однако строительство жилых домов и хозяйственных построек на одних и тех же местах (с незначительными сдвигами) свидетельствует о существовании здесь относительно стабильных дворовладений. В этом смысле Ростиславль мало отличался от всех остальных средневековых русских городов. В то же время, уличная сеть города не была столь же стабильна, как в крупных городах и трасса улицы периодически смещалась то в одну, то в другую сторону. Периоды стабильности (середины XII – первой трети XIII в., вторая половина XIII–XV вв.) были разорваны

событиями 1237 г., когда город не был разорен монголами, но, видимо, на время обезлюдел, что привело к некоторой смене его застройки. В XVI в. также замечается существенная перепланировка городской территории, в т. ч. смена трассы улицы и заметное расширение кладбища.

Многие вопросы планировки Ростиславля еще остаются неясными или реконструируются гипотетически. Для ответа на эти вопросы потребуются новые исследования, как на площадке детинца, так и на посадах города, которые пока остаются слабо изученными.

9. ДАТИРОВКА СТЕКЛЯННЫХ БРАСЛЕТОВ, НАЙДЕННЫХ НА ГОРОДИЩЕ РОСТИСЛАВЛЬ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

В ходе археологических исследований 1991–2022 гг. на Ростиславльском городище было найдено 267 обломков стеклянных браслетов²⁰. О них нередко упоминалось при публикации материалов раскопок, однако подробному анализу подверглась лишь группа из 16 предметов, собранных в течение первых полевых сезонов. Эта небольшая выборка происходила из четырех комплексов (ям), которые В. Ю. Коваль уверенно отнес к домонгольской эпохе, установив при этом более ранний характер одного из них и отсутствие «существенных различий» между тремя остальными. Однако их точная абсолютная датировка, по признанию автора, еще не могла быть определена «без опасности допущения ошибки» (Коваль, 1995. С. 40–41, 47). Достигнутые с тех пор успехи в изучении остатков детинца летописного города сделали Ростиславль заметным явлением на археологической карте России, одним из опорных памятников при изучении материальной культуры и фортификации средневековой Руси, а также важным полигоном методических разработок в области производства раскопок, стратиграфических наблюдений и обработки археологических материалов, прежде всего керамики.

За 30 лет изменилась ситуация и в подходах к датировке стеклянных браслетов. Если в 1995 г. можно было без сомнений согласиться с утверждением о том, что они являются «одним из самых надежных идентификаторов хронологии культурного слоя для городов Северо-Восточной», да и всей Руси (Там же. С. 39), то к концу первой чет-

верти XXI в. стала очевидна фрагментарность наших знаний в этом вопросе, «невозможность, – по справедливому заключению И. А. Сафаровой, – распространения выводов о хронологическом распределении находок, полученных на материалах одного, даже большого раскопа, на весь исследуемый памятник» (Сафарова, 2020. С. 42), тем более – с одного поселения на другое.

Традиционный взгляд, обоснованный Ю. Л. Шаповой в 1960-х – начале 1970-х гг., предполагал, что по результатам полевых исследований фиксируется два типа распределения стеклянных браслетов, различающихся по темпам увеличения и сокращения количества таких находок в толще культурных отложений первой половины XII – второй половины XIV вв. При этом в обоих случаях выделялась константа: слой (пласт, ярус и т. п.), на который приходился пик выпадения этих украшений и который датировался «первой половиной XIII в.» (как этот период обычно обозначался Юлией Леонидовной), а точнее, 1201–1240 гг. (табл. 7). Различия между типами распределения стеклянных браслетов объяснялись экономическим и военным факторами: тем, производились ли эти изделия на изучаемом поселении, или завозились из других центров, а также судьбой этих пунктов во время монгольского нашествия (Шапова, 1972. С. 173–175).

Между тем, еще до разработки означенной схемы появились примеры датировки пика такого распределения периодом после прихода войск Батые на Русь. Сначала Б. А. Колчин,

²⁰ За исключением двух случаев, в отчетной документации каждому фрагменту соответствует особый номер индивидуальной находки. Под № 68 из ямы 350 (2003 г.) и под № 148 из ямы 474 (2009 г.) указано по 2 обломка, которые в настоящем исследовании учтены по отдельности.

Таблица 7. Распределение стеклянных браслетов в культурном слое
(по: Щапова, 1972. С. 174. Табл. 33)

Периоды	Первый тип	Второй тип
Первая половина XII в.	0,03	0,02
Вторая половина XII в.	0,33	0,08
Первая половина XIII в.	0,59	0,50
Вторая половина XIII в.	0,05	0,32
Первая половина XIV в.	–	0,07
Вторая половина XIV в.	–	0,01
Итого	1,00	1,00

а затем, на более широкой площади, М. Д. Полубояринова показали, что на Неревском раскопе в Великом Новгороде наибольшее количество таких находок пришлось на ярусы 14–13, мостовые которых на основании дендрохронологического анализа получили даты соответственно 1238 г. и 1268 г. При дальнейших исследованиях в столице бывшей вечевой республики пик распределения стеклянных браслетов в напластованиях второй половины 1230-х – начала 1280-х гг. отмечался на Ильинском, Михайловском, Нутном I и Троицком раскопах. Более поздняя, в пределах второй половины XIII–XIV в., датировка предложена по материалам раскопок в Москве, Нижнем Новгороде, Рязани (древнем Переславле-Рязанском), Смоленске, Твери (Феребов, 2024. С. 171–173, 177, 180–183)²¹, а также, по предварительным сведениям, в Старой Руссе (Болонин, 2023) и, возможно, Торжке (Малыгин, 1989. С. 149–150; Сафарова, 2002. С. 357). Более того, среди использованных Ю. Л. Щаповой в 1960-х – начале 1970-х гг. данных отсутствовали показания, которые позволяли бы говорить о максимальном выпадении стеклянных браслетов в слой в «первой половине XIII в.» как о типичном явлении (Феребов, 2024. С. 173–179).

Получение в ходе новых исследований, в том числе в уже упомянутых городах, «привычной» даты в пределах последних десятилетий перед монгольским нашествием (см., например: Столярова, Коваль, 2017. С. 89, 91–92;

Столярова, 2022. С. 184–185, 188) лишь подтверждает необходимость осмысления датировки стеклянных браслетов как самостоятельной проблемы. Рассмотрению некоторых трудностей на этом пути, связанных с репрезентативностью и хронологической интерпретацией выборки, полученной при раскопках Ростиславльского городища и посвящена настоящая работа

Достаточно малая мощность культурного слоя, десятилетиями, если не веками подвергнувшегося распашке, делает невозможным традиционный способ изучения стеклянных браслетов Ростиславля по сплошному распределению всей коллекции по пластам, слоям, ярусам и подобным подразделениям. Поэтому дальнейшему анализу будут подвергнуты находки, происходящие из так называемых условно-закрытых (Коваль, 1996. С. 104) или полузамкнутых (Колтаков, 2013. С. 55, 56) комплексов. Такие комплексы представляют собой остатки углубленных в землю объектов строительного и хозяйственного назначения (котлованов погребов, подвалов, подполий, подклетов, столбовых, мусорных и иных хозяйственных ям); в отчетах и публикациях по материалам раскопок Ростиславля они называются «ямами». Опора на условно-закрытые комплексы – способ, успешно зарекомендовавший себя при разработке хронологической шкалы обнаруженной в Ростиславле керамики (Коваль, 1996; 2004). Встречается он и в историографии стеклянных

²¹ К упомянутому в этой работе сведениям следует добавить, что в отношении Троицкого раскопа наблюдения носят частный характер. Однако показательно следующее замечание, сделанное при освещении итогов полевого сезона 2015 г., но отразившее общее представление о бытовании стеклянных браслетов в средневековом Новгороде: «Стеклянные браслеты являются надежным датировочным материалом, их широкое распространение ограничивается сравнительно узкими хронологическими рамками, а именно серединой – второй половиной XIII в.» (Янин, Рыбина, Покровская, Сингх, Степанов, Тянина, 2016. С. 13). О том же свидетельствуют данные Федоровского раскопа (Дубровин, Тарабардина, Тихонов, 2020. С. 37–42; Тронин, 2020. С. 457).

ных браслетов как для выявления происшедших с течением времени изменений морфологии и технологии изготовления этих украшений (Сафарова, 2014. С. 65–72; Сафарова, Кунгурцева, 2019), так и для решения чисто хронологических задач (Латшин, 2022. С. 8, 33, 74).

Особенно следует отметить предпринятый И. А. Сафаровой и С. А. Кунгурцевой поиск закономерности развития наборов стеклянных изделий, в том числе браслетов, и керамической посуды, по материалам остатков 14 построек, 6 хозяйственных ям и 1 частоточной канавы, изученных при раскопках в Твери в 2014 г. Авторы по отдельности проанализировали состав находок, обнаруженных в отложениях периодов строительства, функционирования, разрушения и засыпки комплексов, и установили ряд случаев перемешивания разновременных изделий (Сафарова, Кунгурцева, 2019). Применение такого подхода имеет большие перспективы, хотя, в отличие от керамики, для изучения стеклянных браслетов имеет определенные ограничения, связанные с насыщенностью ими условно-закрытых комплексов на конкретном памятнике. Так, подавляющее большинство обнаруженных на Ростиславльском городище ям с фрагментами этих украшений заполнено одним хронологическим горизонтом. Когда же стратиграфических подразделений прослеживается больше, то рассматриваемые изделия залегают обычно только в одном из них, и лишь в редких случаях – в нескольких (ямы 229, 309, 522, 571, 714 и 865). В целом, типохронологический анализ стеклянных браслетов из Ростиславля является делом будущего, одним из первых шагов к которому является оценка датирующих воз-

можностей количественного их распределения в стратиграфических горизонтах ям. При этом, конечно, нельзя забывать о таящейся в таком подходе опасности, которую воочию проявляют раскрытые в публикации И. А. Сафаровой и С. А. Кунгурцевой обстоятельства археологизации предметов²². Хронология находок, установленная по времени сложения стратиграфического горизонта, часто связанного с засыпкой углубления в земле, может (и, скорее всего, будет) отклоняться от даты создания соответствующих изделий или их первоначального выпадения в слой (утери, выброса ненужной вещи). По всей видимости, недооценка этого обстоятельства и послужила укоренению взгляда о характерности для всех поселений средневековой Руси единого расположения вершин различных вариантов распределения стеклянных браслетов на временной шкале.

В 1991–2022 гг. в Ростиславле выявлено 69 ям, содержащих 181 обломок стеклянных браслетов (табл. 8)²³. Полученная выборка обладает рядом черт, позволяющих считать ее естественной выборкой. В ней содержится основной спектр технологических («гладкие», крученые, «витые», рифленные, нередко с перевитьем) и цветowych (коричневые, зеленые, бирюзовые, черные, синие, фиолетовые, желтые; перевитье обычно желтое, единично – красное, белое) решений. Состав находок обусловлен сочетанием перемен в обживании территории городища в Средневековье и общей сохранности памятника ко времени его археологического изучения. О случайном характере коллекции свидетельствует в первую очередь отсутствие признаков преднамеренного накопления, которые известны по литературе, как-то: присутствие

²² Этой работе предшествовали многолетние исследования стеклянных браслетов одним из авторов, об итогах которых на разных этапах см. (Сафарова, 2015; 2020).

²³ Подсчитано по Отчетам В. Ю. Коваль о раскопках в 1992, 1994, 1995, 1996, 1997, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2015, 2017, 2019, 2023 гг.; В. Ю. Коваль и П. Е. Русакова – в 2019 и 2021 гг. Помимо находок из открытых комплексов (слоев 1, 2 и 3) из исследования исключены: 2 находки из заполнения сооружений 6 и 6а (раскоп II), представляющих собой остатки водосливного канала яблоневое сада 1950–1970-х гг. (Коваль В. Ю. Отчет... 1996 г. Л. 29–30; Коваль В. Ю., Русаков П. Е. Отчет... 2021. Л. 71–72), а также 4 обломка, поступивших от постороннего частного лица и, с учетом его указаний, соотнесенных с местом грабительского разрытия № 27, существенно повредившего яму 25 (раскоп II). Хотя по части заполнения, которую удалось изучить археологически, яма 25 датирована первой половиной – серединой XIII в. (Коваль В. Ю. Отчет... 1994 г. Л. 56–57; Коваль В. Ю. Отчет... 2001 г. Л. 85), точный контекст залегания стеклянных браслетов не установлен: нельзя исключать, что они происходили из напластований, перекрывавших эту яму. Исключены из анализа и 4 находки из погребений 87, 94, 100, 356, впущенных из слоя 2 (раскоп II), поскольку в них не найдено других хроноиндикаторов и датировать эти стеклянные браслеты можно в пределах двух-трех столетий (Коваль В. Ю. Отчет... 2002 г. Л. 37, 47, 50, 51; Коваль В. Ю. Отчет... 2019 г. Т. 1. Л. 14–19, 20, 24, 25, 30).

Таблица 8. Распределение стеклянных браслетов на городище Ростиславль по условно-закрытым комплексам

Комплекс	Количество обломков						
Яма 1	1	Яма 269	5	Яма 451	1	Яма 595	8
Яма 5	5	Яма 280	2	Яма 466	4	Яма 621	1
Яма 21	3	Яма 281	5	Яма 471	1	Яма 643	2
Яма 22	1	Яма 285	1	Яма 474	6	Яма 680	1
Яма 23	1	Яма 309	4	Яма 495	4	Яма 681	1
Яма 26	7	Яма 334	1	Яма 498	7	Яма 683	1
Яма 47	2	Яма 349	1	Яма 515	1	Яма 684	1
Яма 52	1	Яма 350	4	Яма 522	8	Яма 714	6
Яма 66	1	Яма 397	3	Яма 536	1	Яма 799	1
Яма 85	1	Яма 417	2	Яма 541	7	Яма 809	1
Яма 86	3	Яма 421	3	Яма 544	2	Яма 812	1
Яма 87	1	Яма 422	3	Яма 545	2	Яма 826	1
Яма 91	1	Яма 423	2	Яма 556	2	Яма 859	1
Яма 143	1	Яма 425	1	Яма 560	3	Яма 865	8
Яма 229	4	Яма 426	2	Яма 569	1	Яма 962	1
Яма 244	2	Яма 428	7	Яма 571	6		
Яма 247	1	Яма 433	2	Яма 580	2		
Яма 268	1	Яма 450	2	Яма 592	1		

в составе кладов (Климовский, 2011. С. 28, 30), нахождение в мастерской или близ нее в качестве производственного сырья или только что изготовленной продукции, а также иные обстоятельства складирования (предназначенного к сбыту товара у торговца, сбора обломков для передачи мастеру и т.п.) (Рыбаков, 1948. С. 397, 469; Шапова, 1968; Олейников, 1997. С. 289; Веремейчик, Шекун, 2007. С. 213, 214; Журухина, Храменкова, 2012; Веремейчик, 2015; Столярова, Миненко, 2017. С. 169, 170). Хотя основное заполнение условно-закрытых комплексов формировалось преимущественно при их засыпке (в том числе в несколько этапов) (Коваль, 2007. С. 64–68; Коваль, 2020а. С. 157–160), действия людей при выравнивании поверхности ям с окружающей территорией распространялись, очевидно, на перемещение грунта в целом, без какого-либо предварительного отбора грунта для заброса в углубление по какому-то определенному признаку (и тем более – по наличию в нем каких-то определенных изделий).

В то же время, нельзя не отметить зональную концентрацию украшений, тяготение условно-закрытых комплексов со стеклянными браслетами к отдельным участкам Ростиславля. Если в 2013 г. при учете всех

находок прослеживалось их достаточно равномерное (1 обломок на 23–25 м²) распределение в отношении к изученной площади на северной оконечности мыса, ограниченной валом железного века (который использовался также в Средневековье), и вне её (Коваль, 2017б. С. 108), то при формировании выборки на основе условно-закрытых комплексов этот показатель заметно колеблется. Ямы со стеклянными браслетами зафиксированы только на пяти раскопах из девяти (по состоянию на 2022 г.), причем подавляющее большинство предметов (158 из 181) обнаружено на раскопе I (83 штуки) и примыкающем к его юго-западному крылу раскопе II (75 штук), квадраты которого протянулись в северном направлении вдоль западной границы городища. Плотность находок на втором раскопе (1 фрагмент на 17–18 м²) выше, чем на первом (1 на 27–28 м²), а при их объединении результат в 1 обломок на 22–23 м² значительно превосходит данные мысовой площадки (где 14 штук происходят с раскопа V), равные 1 экземпляру на 38 м².

Последний разрыв можно связать с тем, что раскопами I и II вскрыта наиболее интенсивно обживавшаяся в Средневековье зона летописного города, располагавшаяся вокруг

церковного места. К этому району следует добавить 6 стеклянных браслетов, найденных на небольшом раскопе III, примыкающем к северной «вершине» первого раскопа (рис. 4). Плотность находок на третьем раскопе составляет 1 на 34 м², а на всех трех в этой части городища – 1 на 23–24 м². Особняком стоят 3 находки в южных квадратах раскопа IV (в основном связанного с прорезкой вала), затронувших жилую застройку эпохи Средневековья, так сказать, за кладбищем. Мысовая площадка, отгороженная валом железного века, в свою очередь, обживалась менее активно как из-за размеров, так и, видимо, особого предназначения, связанного, по крайней мере в отдельные периоды, с представительскими функциями проживавших здесь лиц (Коваль, 2022а). Отсутствие ям со стеклянными браслетами на расположенном тут же раскопе VI (стыкуется с пятым), в котором обнаружены остатки построек золотоордынского периода, можно связать с малой площадью работ и сильным разрушением слоя (включая заполнение ям) грабительскими разрытиями, а в заложенных на южной границе городища раскопах VII–IX, на которых изучается фортификация детинца, – с тем, что здесь расселение началось лишь в золотоордынскую эпоху.

Как видно, разнообразие плотности находок на разных участках памятника имеет определенное историческое объяснение. В связи с этим особое значение для оценки репрезентативности выборки приобретает то обстоятельство, что к концу 2022 г. раскопками была затронута лишь 1/3 территории городища²⁴, причем почти сплошной лакуной в этом отношении остается южная половина поселения за исключением участков, размещающихся вдоль вала.

Как отмечалось, на современном этапе изучения хронологического распределения стеклянных браслетов экстраполяция наблюдений по материалам одного участка (раскопа) памятника на другой представляется преждевременной и требует дополнительной аргументации. Важно заметить, что сведения о ранних укреплениях Ростиславля касаются только работ по усилению защитных свойств вала раннего железного

века перед мысовой площадкой, предположительно проводившихся в середине XII в. Заложенные для изучения стены на юге городища раскопы VII–IX показали, что впервые ее возвели не ранее конца XIII в., а возможно, и после 1300–1301 гг. (Коваль, 2017в). Поэтому нельзя исключать, что время создания главной линии городской обороны отражает произошедшее к указанному времени расширение жилой застройки на юг от церковного места и, соответственно, в наблюдаемой концентрации стеклянных браслетов в северной половине городища может присутствовать внутренний, характерный лишь для уже изученной площади тренд.

Необходимую проверку на отсутствие тренда можно произвести математическим методом – с помощью критерия серий, основанного на медиане выборки, при котором должно соблюдаться два неравенства:

$$\begin{cases} v(n) > 0,5(n + 1 - u_t \sqrt{n - 1}) \\ t(n) < 3,3[\lg(n) + 1] \end{cases}$$

В первом неравенстве количество серий, v наблюдаемых в исходном ряду n (в данном случае, количестве ям, равному 69) должно превышать результат расчета в правой части, где u_t (квантиль нормального распределения) определяется заданным уровнем значимости (выбран уровень 0,05, что соответствует вероятности в 95%; $u_t = 1,96$). Для выяснения количества серий на основе исходного ряда был выстроен вариационный ряд: все ямы расставлены по числу найденных в них стеклянных браслетов в неубывающей последовательности, т. е. с количеством находок: 1, 1, 1, 1... 8, 8, 8. Середина вариационного ряда соответствует номеру 35, принадлежащему яме с двумя обломками стеклянных браслетов – это число (2) и является медианой. При сравнении медианы с количеством находок в каждой яме в исходном ряду (если количество стеклянных браслетов меньше 2, ставился «–», если больше – «+», при совпадении – ячейка оставалась пустой) получены серии (когда подряд идут либо плюсы, либо минусы) в количестве $v(n) = 33$. Длина самой длинной серии, необходимая для второго неравенства, $t(n) = 33$. Значение десятичного логарифма $\lg(69) = 1,83885$. Подставив полученные значений

²⁴ Коваль В. Ю. Ростиславль. Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». 2023. № 6

в правые части обоих неравенств, получаем (с округлением до целых чисел):

$$0,5(n + 1 - u_t \sqrt{n-1}) = 0,5(69 + 1 - 1,96\sqrt{69-1}) = 26$$

$$3,3(\lg(n) + 1) = 3,3(1,83885 + 1) = 9$$

И, таким образом:

$$\begin{cases} 33 > 26 \\ 5 < 9, \end{cases}$$

Оба неравенства соблюдаются, следовательно, гипотеза о случайном характере выборки не отвергается²⁵.

По данным отчетов, для 181 находки в соответствии с контекстом их залегания установлено 27 вариантов датировки в интервале между второй половиной XII и серединой XVI в. включительно, продолжительность каждой из которых составили отрезки времени от одного-двух десятилетий (начало, конец, середина века) до целого столетия. Полученные результаты сверены с опубликованными материалами, из-за чего одна датировка была снята, но вместо нее добавлены три другие и получилось 29 позиций²⁶, которые для удобства анализа сгруппированы по полувековым периодам иногда с добавлением частично пересекающегося отрезка времени (обычно это «середина» столетия), но при сохранении в отдельном виде не расчленяемых более крупных хронологических эпизодов; для каждого полученного таким образом периода вычислена доля находок от общего их числа (табл. 9).

При датировке стеклянных браслетов по заполнению ям не удивительно, что часть находок оказалась в комплексах XV и даже XVI вв., хотя обычно считается, что завершающий этап их бытования на территории Руси укладывается в пределы XIV в. (чаще говорится о первой половине столетия). Эта картина соответствует наблюдениям, сделанным при выстраивании шкал по пластам, яру-

сам, стратиграфическим слоям и прослойкам и т.п., в том числе с учетом ям на других памятниках (Полубояринова, 1963. С. 170–171; Столярова, 2022. С. 184–185).

Более примечательно то, что при расположении пика распределения стеклянных браслетов на уровне первой половины XIII в. с обеих его сторон образуется одинаково резкое снижение доли находок. Такая динамика противоречит обоим типам распределения, предложенным в работах Ю.Л. Щаповой, где с одной из сторон должен наблюдаться относительно постепенный нисходящий тренд.

На первый взгляд, к обнаруженной в Ростиславле периодизации рассматриваемых украшений приложима идея О.М. Олейникова о кратковременном ввозе «на древнерусский рынок большой партии стеклянных браслетов в первой трети XIII в., которые выпадали в культурный слой в соответствии с продолжительностью их бытования», а «в результате перекопов и выбросов из ям XIII–XIV вв., прорезающих слои XIII в., фрагменты браслетов попадали в слои конца XII–XIV в.»²⁷. Правда, предположив допустимость систематического перемещения предметов «вглубь» веков, видимо, в связи с известными трудностями в фиксации стратиграфической (не ярусологической) картины для «влажного» слоя, автор никак не прокомментировал закономерного вопроса о соотношении такой версии с хронологическими шкалами по всем другим категориям находок при раскопах в Великом Новгороде (руководителем многих из которых выступил сам исследователь). Ведь все предметы, из чего бы они не были сделаны, находятся в том же самом культурном слое, и часто – в столь же фрагментированном состоянии, как и стеклянные браслеты. Обойден стороной этот вопрос и в предложении О.М. Олейникова объяснять тем же образом

²⁵ Критерий серий, как и ряд других методов, не обладает собственно подтверждающей силой, но при нарушении условий неравенств гипотеза об отсутствии тренда однозначно отклоняется.

²⁶ В сравнении с показаниями отчетов в приведенной далее таблице приведены следующие уточнения: для браслетов из ямы 1 принята датировка второй половиной XIII в. вместо второй половины XIII – начала XIV в.; из ямы 66 – второй половиной XII в. вместо конца XII – начала XIII в.; из ямы 244 – первой половиной XIII в. вместо первой половины – середины XIII в.; из ямы 87 – второй половиной XIII в. вместо конца XIII – начала XIV в. (поскольку к этой дате в отчетах относился единственный фрагмент, то она отсутствует в левом столбце); из ям 85 и 91 – первой половиной XIV в. вместо первой половины – середины XIV в.; из ямы 86 – серединой – второй половиной XIV в. вместо середины XIV в.; из ямы 229 – первая половина XV в. вместо XV в. (Коваль В.Ю. Отчет... 1992 г. Л. 52; Коваль, 1996. С. 105, 110; Коваль В.Ю. Отчет... 1996 г. Л. 27; Отчет... 1997 г. Л. 29–35, 45–48; Отчет... 1998 г. С. 177–179, 185; Отчет... 2000 г. Л. 9–16, 21; Отчет... 2004 г. С. 63–64, 69, 78–79).

²⁷ Здесь и далее имеется в виду «ввоз» изделий с рецептурами стекла классов PbO-K₂O-SiO₂ и PbO-SiO₂.

Таблица 9. Хронология стеклянных браслетов из условно-закрытых комплексов Ростиславля

Данные отчетов с поправкой по опубликованным материалам		Данные по укрупненным периодам		
Датировка	Число находок	Датировка	Число находок	%
Вторая половина XII в.	2	Вторая половина XII в.	8	4,42
Четвертая четверть XII в.	4			
Конец XII в.	2			
Вторая половина XII – первая половина XIII в.	3	Вторая половина XII – первая половина XIII в.	4	2,21
Конец XII – начало XIII в.	1			
Начало XIII в.	4	Первая половина XIII в.	89	49,16
Первая треть XIII в.	7			
Первая половина XIII в.	78			
Первая половина – середина XIII в.	3	Первая половина – середина XIII в.	3	1,66
Середина XIII в. ²⁸	3	Середина – вторая половина XIII в.	8	4,42
Середина – вторая половина XIII в.	2			
Вторая половина XIII в.	3			
Вторая половина XIII – начало XIV в.	4	Вторая половина XIII – первая половина XIV в.	6	3,32
Вторая половина XIII – первая половина XIV в.	2			
Первая половина XIV в.	4	Первая половина – середина XIV в.	8	4,42
Первая половина – середина XIV в.	2			
Середина XIV в.	2			
Середина – третья четверть XIV в.	5	Середина – вторая половина XIV в.	17	9,39
Середина – третья треть XIV в.	1			
Середина – вторая половина XIV в.	1			
Вторая половина XIV в.	10			
XIV в.	12	XIV в.	12	6,63
Вторая половина XIV – первая треть XV в.	2	Вторая половина XIV – первая половина XV в.	6	3,32
Конец XIV – начало XV в.	3			
Первая половина XV в.	1	Середина – вторая половина XV в.	13	7,18
Середина XV в.	8			
Вторая половина XV в.	5			
XV в.	6	XV в.	6	3,32
Середина XVI в.	1	Середина XVI в.	1	0,55
Итого	181	Итого	181	100

распределение браслетов из стекла в Твери, Торжке, Рязани (Старой Рязани), Переяславле Рязанском (современной Рязани), Серенске (Олейников, 2015. С. 205), в которых, благодаря, как правило, «сухому» культурному слою, производить собственно стратиграфические

наблюдения заметно проще, хотя и эта часть полевой работы не лишена затруднений²⁹. Примечательно, что вместо апробации своей точки зрения на материалах Неревского раскопа автор сослался на расчеты динамики «ввоза» стеклянных браслетов в средневековый

²⁸ Объединение в правом столбце данных этого отдельно выделенного периода с последующим хронологическим отрезком связано с тем, что датировка «середина XIII в.» по отношению к учтенным экземплярам привязана ко времени сразу после монгольского нашествия либо прямо отграничивается от комплексов первой половины XIII в. (Коваль В. Ю. Отчет... 1994 г. Л. 53–55; Коваль В. Ю. Отчет... 2017 г. Л. 49–53).

²⁹ Случаи «проникновения поздних вещей в более ранние слои», действительно, известны и для «сухих» культурных отложений, но, во-первых, они не носят систематического характера, тем более на такие глубины, которые сформировались за два столетия, а во-вторых, при соблюдении методики археологических раскопок, успешно фиксируются и верно интерпретируются (Коваль, Модин, 2022. С. 83).

Новгород, произведенные М. А. Стеганцевым и основанные на признании распределения стеклянных браслетов на Неревском раскопе в качестве эталонного и отражающего реальную картину исторического прошлого (экстраполированную, кстати, в виде математической модели и на Троицкий раскоп), т.е. нарастающего использования новгородцами этих украшений с середины XII в., что в корне противоречит версии О. М. Олейникова (Олейников, 2015. С. 205–207; Стеганцев, 1999. С. 181–185)³⁰. Возможно, поэтому в более поздней работе после повторения тезиса о выпадении стеклянных изделий в слой «в соответствии с продолжительностью их бытования» исследователь не упомянул о «проникновении» этих изделий с помощью перекопов ни в более ранние, ни в более поздние слои. При этом из представленных им материалов Козьмодемьянского 3 раскопа следует, что столь хрупкие стеклянные вещи после однократного приобретения в первой четверти XIII в. всеми желающими носились последующими поколениями горожан в течение приблизительно ста лет, до первой четверти XIV в. (Олейников, 2020). На уровне набора предположений остается и версия о едином источнике гипотетического разового «ввоза» браслетов из стекла (Олейников, 1998; 2002; 2015).

Хронологическое распределение стеклянных браслетов, найденных в Ростиславле, выбивается из известных в литературе примеров, и чтобы его осмыслить необходимо, прежде всего, проверить его точность. Такая постановка вопроса представляется востребованной, поскольку в начальный период разработки хронологии и периодизации средневековых слоев памятника именно эти изделия стали одним из опорных хроноиндикаторов (Коваль, 1995; 1996; 2004). Это касается и хронологической шкалы керамики, несмотря на то, что в течение 30 лет она неоднократно показывала свою эффективность и позволяла выстраивать вновь обнаруживаемые комплексы в непротиворечивую последовательность.

Так, одним из важнейших признаков при датировке комплексов летописного города являются венчики типа 3/1 (по типологии В. Ю. Ковалья). В части южнорусских

и рязанских земель этот тип был широко распространен в XIII–XIV в., но применительно к Ростиславлю он выступает в качестве хроноиндикатора XIV в. В незначительном количестве (обычно 6–11%, но встречается и больше) такие венчики могут обнаруживаться в комплексах второй половины XIII в., при этом их появление, наряду с другими изменениями в гончарстве, связывается со сменой населения после Батыева нашествия (Коваль, 1996. С. 108–110, 117–118, 120; 2004. С. 80, 83–84; 2016. С. 94–97). Между тем, присутствие венчиков этого типа отмечено и в более ранних комплексах, ставших опорными для характеристики гончарной продукции как первой половины XIII в. (ямы 21, 26 на городище и 8 на Ростиславльском 3 селище), так и второй половины XII в. (горизонт 3 ямы 52, ямы 42 и 72), что не было как-либо пояснено при их публикации (Коваль, 1996. С. 111–112; 2004. С. 78).

Следует отметить, что ранее основное внимание уделялось близости и, соответственно, синхронности комплексов «ям 5, 21, 26, 47, причем, – по замечанию В. Ю. Ковалья, – яма 26 с наименьшей долей ранних венчиков и наивысшим удельным весом волнистой орнаментации (явно имевшей тенденцию к росту) представляется самой поздней» (Коваль, 1996. С. 109). Однако в данном наборе комплексов могут оказаться важнее не сходства, а различия, учитывая наличие венчиков типа 3/1 в двух из них, неопределенность типичной датировки стеклянных браслетов (эти изделия найдены во всех четырех названных объектах) и накапливаемые свидетельства сохранения вятичских древностей в быту до одного-двух, а может и более, десятилетий после монгольского нашествия (Шполянский, 2003; 2007) – в яме 21 обнаружены обломки лопастного височного кольца и решетчатого трехзигзагового перстня. При этом среди наборов из ям 21 и 26 преобладала часть признаков, ставших в дальнейшем определяющими (венчики типа 3/1, волнистый орнамент и его варианты), и менее выраженные, чем в комплексах ям 5 и 47, оказались некоторые черты домонгольской эпохи (доля белоглиняной керамики и линейной орнаментации,

³⁰ О результатах анализов, показавших наличие в материалах Неревского раскопа браслетов из свинцовых классов стекол с XII в., см.: (Щапова, 1972. С. 122–132).

Таблица 10. Сопоставление хронологических групп керамики из комплексов Ростиславля и материалов ям 21, 26 и 8 (на Ростиславльском III селище) (по: Коваль, 1996; 2004)³¹

Признаки	Комплексы и их группы					
	Группа 1	Группа 2 (без ям 21, 26 и 8-Рст III)	Группа 3, подгр. А	Яма 26	Яма 21	Яма 8 (Рст III)
ХИФМ 1	84,4–100	98,4–100	53,7–96,6	100	99,2	98,6
ХИФМ 2	0–12,3	0	0–1,4	0	0	0,2
ХИФМ 3	0–3,8	0–1,6	0,8–27,2	0	0	0,9
ПОО	55,8–78,9	40,5–61,9	12,9–63,2	57,5	48,7	42,8
Блгл	2,8–26	18,6–38,6	4–27,2	33,8	34,3	19,9
Сл.-ожел.	23,8–55,1	11,6–24	3,2–41,5	20,4	13,4	21,5
ХИВ 1	7,1–24,2	0–17,1	0–1,4	3	0	1,4
ХИВ 2	8,7–50	0–19,5	0–14,3	17,9	3	5,4
ХИВ 3	0–2,2	0	6,2–26,9	3	1,5	1,4
ХИВ 4	0	0–1,4	0	0	0	0
ХИД 1	0	0	0	0	0	0
ХИД 2	88,2–100	83,3–100	69,6–85,7	93,9	96,7	97,9
ХИД 3	0–12,8	0–16,7	20–30	6,1	3,3	2,1
ХИО 1	86,7–100	82,4–95,8	35,8–78,4	80,3	86,9	86,3
ХИО 2	0–5,6	4,2–18,8	21,6–61,7	16,8	12,8	11,5

ХИВ 1). Хотя среди четырех названных объектов лишь в яме 47 зафиксировано до 16,7% днищ на зольной подсыпке, тогда как в ямах 21 и 26 – от 3,3 до 6,1%, а в яме 5 таковых не обнаружено (Коваль, 1996. С. 104, 112).

Хотя речь идет о скромной доле типа 3/1, составившего всего 1,1–3% от изученного количества венчиков в зависимости от комплекса, нельзя не отметить, что в рамках образцовой выборки объектов первой половины XIII в. керамика из ям 21, 26 на городище и 8 на селище показывают пограничные значения в том направлении, в котором будет развиваться традиция гончарства (и пред-

почтения горожан в керамической посуде) в Ростиславле во второй половине XIII в. (табл. 10). Прояснение связи венчиков типа 3/1 с этими комплексами и, соответственно, датировки последних может сказаться и на хронологическом распределении стеклянных браслетов – в ямах 21 и 26 обнаружено 10 их обломков. При выявлении других подобных случаев могут произойти дополнительные уточнения по датировке браслетов из стекла, после чего можно будет с большей уверенностью приступить к разработке типохронологической шкалы этой категории находок на Ростиславльском городище.

³¹ Обозначения признаков:

ХИФМ – хроноиндикаторы по типу формовочной массы (в% к общему количеству круговой керамики);

ПОО – керамика полного окислительного обжига (в% от общего количества к керамики комплекса);

Блгл – % белоглиняной от общего количества керамики комплекса;

Сл.-ожел. – % керамики из слабоожелененных глин из общей коллекции комплекса;

ХИВ – хроноиндикаторы по типам венчиков (в% от общего количества венчиков в комплексе). ХИВ 3 соответствует тип 3/1;

ХИД – хроноиндикаторы по типам днищ сосудов (в% от общего количества днищ сосудов в комплексе);

ХИО – хроноиндикаторы по орнаментации (в% к орнаментированным обломкам в комплексе), в том числе ХИО 1 – линейный, ХИО 2 – волнистый и его комбинации с линейным.

Хронология групп комплексов:

группа 1 – вторая половина XII в.;

группа 2 – первая половина XIII в. (данные приводятся без учета отнесенных к ней в источнике ям 21, 26 на городище и 8 на Ростиславльском III селище);

группа 3, подгруппа А – вторая половина XIII в.

10. ИГРЫ И ИГРУШКИ РОСТИСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО

За 30-летнюю историю изучения городища Ростиславль Музей Москвы получил достаточно обширную коллекцию материалов этого памятника. Передача находок в отдел «Археология» осуществляется в полном объёме, что даёт возможность исследовать на их основе различные стороны жизни средневекового города и его жителей, в том числе их игровую культуру. При этом следует иметь в виду, что при характеристике любого культурного явления с помощью археологических данных, мы ограничены той его частью, которая оставляет материальные свидетельства, с осторожностью привлекая письменные и другие источники, а также аналогии из этнографии. Поэтому полученная Музеем Москвы коллекция предметов из категории «игры и игрушки» отнюдь не полная и, скорее всего, не включает все атрибуты для игр, которые могли использовать ростиславльцы. Во-первых, в почвах памятника не сохраняются органические материалы, и видимо, именно по этой причине здесь не представлены игрушки и игровые предметы из дерева и кожи. Во-вторых, не до конца ясно назначение некоторых категорий вещей, и отнесение их к играм и игрушкам носит предположительный характер. И наоборот, некоторые из находок, которые мы не соотносим с играми и игрушками, могли на самом деле использоваться как атрибуты игр. Тем не менее, имеется достаточно разнообразная коллекция вещей, которая может дать нам хотя бы приблизительное представление об игровой культуре Ростиславля Рязанского и помочь выделить основные этапы её развития.

Самые ранние атрибуты для игр на Ростиславле – альчики и брунчалки – были найдены в комплексах домонгольского времени. При этом в заполнении ямы 52 (подполье крупного жилого дома домонгольского вре-

мени), были найдены образцы обоих типов. Однако, широкое распространение брунчалки, в отличие от альчиков, получают только в золотоордынское время – с середины XIII и до XV века. Из комплексов этого периода известны 9 брунчалок. Ещё 2 были найдены с материалами XVI в., хотя нельзя исключать, что они могли быть переотложены. Впрочем, одна из брунчалок была найдена в подполье постройки (яма 350) вместе с фрагментами глиняных игрушек XVI в., так что есть вероятность, что брунчалка попала туда не случайным образом. Ещё 2 брунчалки были найдены во время раскопок 2024 года в поздне-средневековом мешаном контексте, так что их датировки неясны.

Брунчалка (или гудалка, жужжалка) (рис. 90) – это звуковая игрушка-забава, сделанная из трубчатых костей домашнего скота или птиц, чаще всего для неё использовалась пястная кость свиньи (в Ростиславле встречаются только такие брунчалки). В центре кости просверливалось сквозное отверстие, через которое продевался шнурок, нитка или ремешок. Натягивая ремешок, брунчалку вращали взад-вперёд так, чтобы она издавала гудящий звук. Некоторые исследователи относят брунчалку не к игрушкам, а к музыкальным инструментам, но скорее всего она могла использоваться в обоих вариантах (Поветкин, 1994. С. 68).

Альчики – другой тип игровых костей, они относятся к подвижным коллективно-сопоставительным играм. В Ростиславле четыре альчика были обнаружены в комплексах домонгольского времени, при этом один из них найден в яме вместе с раннеславянской керамикой (яма 535). Все они сделаны из астрагалов (таранной кости) мелкого рогатого скота (МРС). Ещё 4 таких же некрупных альчика из костей МРС (коз) и козули были

обнаружены в комплексах более позднего времени (второй половины XIII–XIV вв.), но часть из них могла попасть в заполнение ям золотоордынского времени при их засыпке. Косвенно на это указывает планиграфия распространения альчигов – почти все они концентрируются в западной части центральной площадки городища и найдены в соседних комплексах, независимо от их датировок. Среди альчигов есть два астрагала со знаками, нанесенными на выступающий бугорок. У одного (из ямы 535 с раннеславянской керамикой) – знак в виде частой решётки, у другого альчига (из ямы 495, засыпанной в течение первой половины XV в.) – знак состоит из прямоугольника, заполненного параллельными линиями. Шесть альчигов имеют отверстия или лунки, которые могли быть использованы для заливки свинца или подвешивания (рис. 91, 1).

Подобные альчики, сделанные из костей некрупных копытных животных, в том числе с лунками со свинцом и нанесенными на бугорок знаками, известны на обширной территории. Клад таких альчигов XI–XII вв. был найден, например, на Самосдельском городище в Астраханской области. Впрочем, на этом этапе они, возможно, ещё имели сакральную функцию – амулетов или гадальных костей (Петровицева, 2021. С. 308). Игральные кости из астрагалов МРС также найдены при раскопках на северо-западе России, например, в Новгороде Великом³³. Но при этом альчигов из астрагалов МРС на Ростиславле сохранилось не так много. Более распространенным сырьем для ростиславльских альчигов оказались астрагалы крупного рогатого скота (КРС).

Массивные альчики из костей КРС (коровы) и, изредка, благородного оленя, со стесанным до ровной площадки бугорком, появляются на Ростиславле в развитое золотоордынское время – в XIV веке. Всего их было найдено 42 экземпляра (рис. 91, 2–3). В нескольких комплексах XIV века обнаруживали сразу по 2–3 астрагала (ямы 10, 850, 812). Альчики

Рис. 90. Брунчалки (ГК 11944191 и 8300539³²)

распространены по всей центральной площадке городища, кроме кладбища, есть большие скопления в одном месте под стеной города, а также на самом краю мысовой площадки в комплексах, связываемых с присутствием ордынцев (Коваль, 2022. С. 238).

Альчики из коровьих астрагалов – не редкость, они известны по этнографическим данным, их использовали наряду с астрагалами МРС. Имеются они в археологических фондах ближайших к Ростиславлю музеев «Куликово поле» и Рязанского музея-заповедника. Но в игровых наборах обычно всё-таки их гораздо меньше, чем альчигов из астрагалов МРС.

Появление такой крупной серии альчигов из астрагалов КРС на Ростиславле возможно связано с тем, что здесь в XIV веке проживали выходцы из Золотой Орды. На это может указывать то, что в некоторых случаях альчики были обнаружены в заполнении крупных ям вместе с находками, имеющими золотоордынское происхождение (фрагменты кашинных чаш, предметы снаряжения воинов-степняков). Монголы использовали астрагалы в качестве игровых атрибутов и о том, что с ними играли даже дети, можно узнать, например, из монгольского литературного памятника 1240 года³⁴. Только использовались для игры, в основном, опять же таранные кости МРС. Изменение сырья, использованного

³² Что бы познакомиться с карточкой предмета, в поисковой строке базы данных Государственного каталога музейного фонда РФ (goskatalog.ru) введите номер предмета по ГК (только цифры).

³³ См., например, <https://novgorod-iss.kamiscloud.ru/entity/OBJECT/488935>

³⁴ «В первый раз ведь они поклялись друг другу быть андами, когда Темучжину было 11 лет. Чжамуха подарил тогда Темучжину альчик от козули, а Темучжин ему в знак дружбы – свинчатку, и они вместе играли в альчики на льду реки Онона» (Сокровенное сказание монголов, 1990. С. 42).

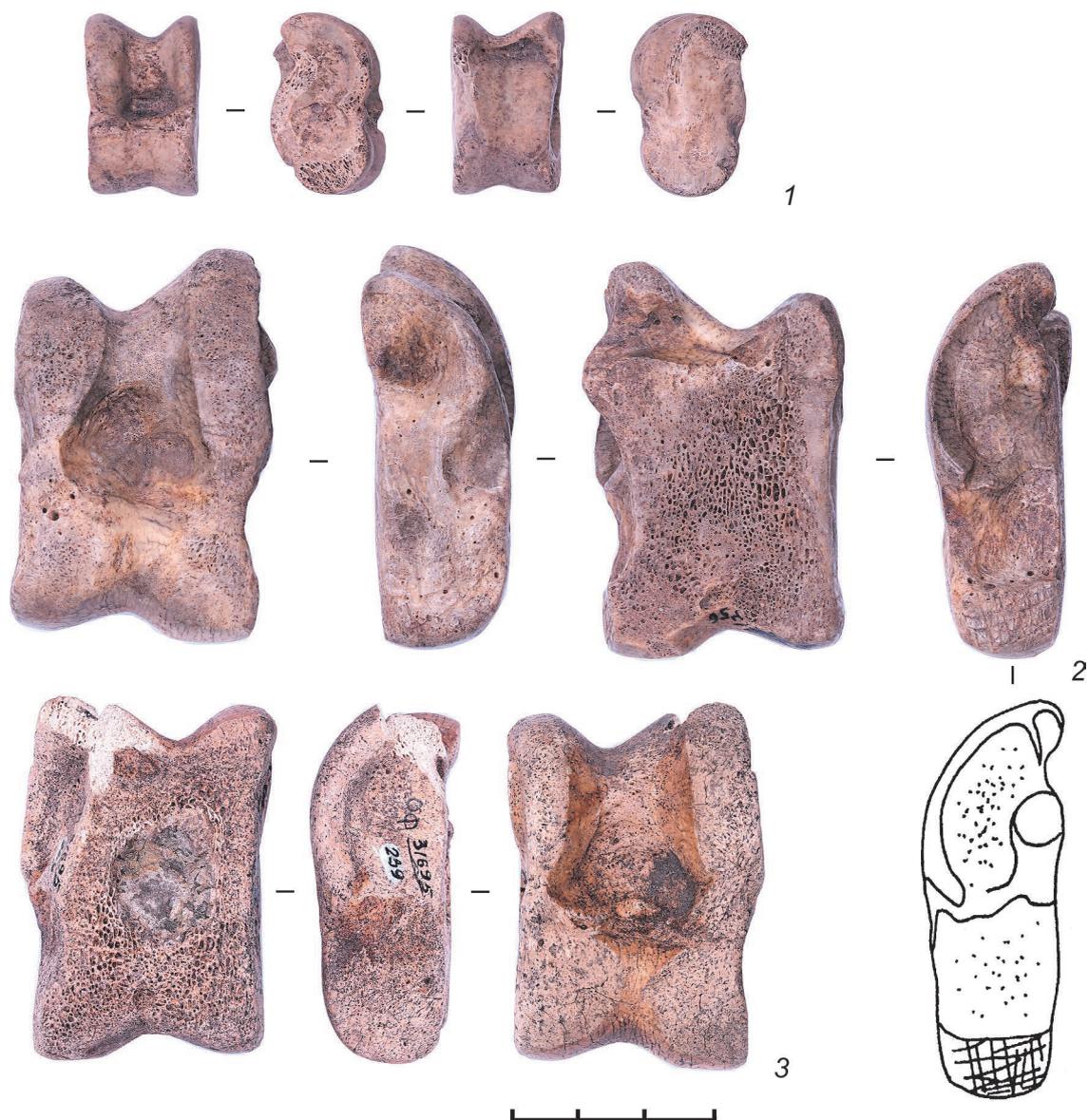

Рис. 91. Альчики. 1 – из астрагала мелкого рогатого скота (ГК 13137407);
2 – из астрагала крупного рогатого скота с рисунком на грани (ГК 13137361);
3 – альчик из астрагала крупного рогатого скота со свинцовой заливкой (ГК 11944482)

для изготовления альчиков, могло произойти из-за особенностей разведения скота местным населением округи Ростиславля. Судя по анализу остеологического материала из раскопок городища, мелкий рогатый скот имел меньшее значение в структуре питания городского населения по сравнению с крупным рогатым скотом (Кузнецова и др., 2004. С. 41). Астрагалы коровы были более доступны.

Ещё один интересный момент – большое число альчиков из Ростиславля, имеющих гравированные знаки в виде решётки – их примерно половина от общего числа (рис. 91, 2). В отличие от альчиков из костей МРС, у крупных

астрагалов помечены не широкие грани, а боковые. Знак решётки наносился только с одной стороны, но выбор её был не случаен. Два гребня проксимального блока астрагала имеют разную длину, и с какой стороны будет более длинный гребень, зависит от того, из какой конечности – левой или правой – была взята таранная кость. Знак решётки всегда наносился на грань с выступающим гребнем, то есть на самую длинную боковую грань. Некоторые альчики со знаком в виде решётки имеют вдобавок знак на противоположной грани, но тогда это не решётка, а хаотичные насечки, либо (в одном случае) косая решётка.

В этнографической работе А. Терещенко описывается один из вариантов татарской игры «альчики», в которой каждая сторона альчика имеет свой ранг, и одна из боковых граней считается наиболее выигрышной (Терещенко, 1848. С. 63). Её называли ольцар, это грань на бараньем астрагале с естественным углублением. Противоположная грань рангом пониже (тангеш) имеет уплощенную форму, без ложбинки. Такой вариант игры в альчики известен по этнографическим данным разных народностей, в основном тюркоязычных, а кое-где она сохранилась до сих пор. У ростиславльских альчиков из коровьих астрагалов меткой в виде решётки, по всей видимости, помечался именно ольцар. Возможно, метка играла роль знака, приносящего удачу.

16 альчиков имеют отверстия или лунки, в которые мог заливаться свинец, причём у некоторых костей свинцовая заливка сохранилась (рис. 91, 3). Такие кости могли использоваться в качестве биток (одно из их названий – свинчатка). Битки, сделанные из крупных астрагалов, утяжелённые свинцом, также известны по этнографическим данным. Как правило, они очень ценятся и их тщательно берегут, но при этом при разыгрывании игральных костей именно битки повреждаются больше всего, что заметно и по ростиславльским находкам. Интересно, что на шести из ростиславльских биток также нанесены знаки, то есть они могли разыгрываться и как битки, и как кости с разноранговыми гранями. Десять альчиков имеют только следы подтёски, но ни лунок, ни знаков у них, нет. Также примечательно, что именно они сохранились наиболее целыми среди других ростиславльских альчиков. Возможно, эти кости играли самую незначительную роль, игроки их могли, например, разыгрывать между собой или ставить на кон.

Таким образом, целый ряд отличий ростиславльских игральных костей делает возможной следующую гипотезу: с приходом в Ростиславль населения, связанного с Золотой Ордой, в культуру города были принесены некоторые новые для неё культурные явления, в том числе игра в альчики. Хотя эта игра здесь была известна и раньше, но своего расцвета она достигла только в XIV веке. На новой почве игра приобрела нехарактерные черты: вместо маленьких бараньих

и козьих астрагалов начали широко использоваться астрагалы более крупные, на боковые грани которых зачастую наносились знаки в виде решёток и других линий. Не исключено, что в игре появились новые правила и варианты разыгрывания, хотя суть её осталась прежней. Примечательно, что именно на XIV век приходится основное число находок из Ростиславля, связанных с коллективно-состязательными играми, в том числе настольными. Имеются в виду роговые фигуры для игры в шахматы и игр типа шашек (рис. 92).

Шахматные фигурки и шашки (круглые фишки), найденные при раскопках Ростиславля, частично уже были опубликованы Д. Ю. Бадеевым (2007. С. 229–233). К шахматам им были отнесены четыре находки, определенные автором как абстрактные фигуры арабского типа. Две фигурки из одного комплекса (яма 324), выточенные из рога на токарном станке, были найдены в центре площадки городища. Возможно, они происходят из одного набора: у них похожая конусообразная форма и пояски из линий. У одной из них таких поясов два, а на верхушке имеется углубление – эта фигура была определена как ферзь (рис. 92, 2). Вторая фигурка с навершием на верхней округлой плоскости и тремя поясками линий на боковой поверхности, по всей видимости, была «королём» (рис. 92, 3). В 2007 г. была найдена похожая шахматная фигура, не попавшая в публикацию. Такая же конусообразная фигурка с тремя поясками, но без навершия, возможно играла в одной армии с фигурой короля в качестве ферзя (рис. 92, 1). Если эта версия верна, то можно предположить, что две армии в наборе различались не цветом, а количеством полосок.

Ещё одна шахматная фигура из публикации Д. Ю. Бадеева, к сожалению, сохранилась не целиком. У неё отломана верхняя часть, по боковому выступу которой можно было бы точнее определить слон это или конь (у слона должно быть два выступа, изображающие бивни, у коня – один выступ, напоминающий лошадиную морду). Но, сравнив с аналогиями из Новгорода, автор всё же приходит к выводу, что это был слон (рис. 92, 4).

Наконец, к шахматным фигурам первоначально (в ходе раскопок) был отнесен

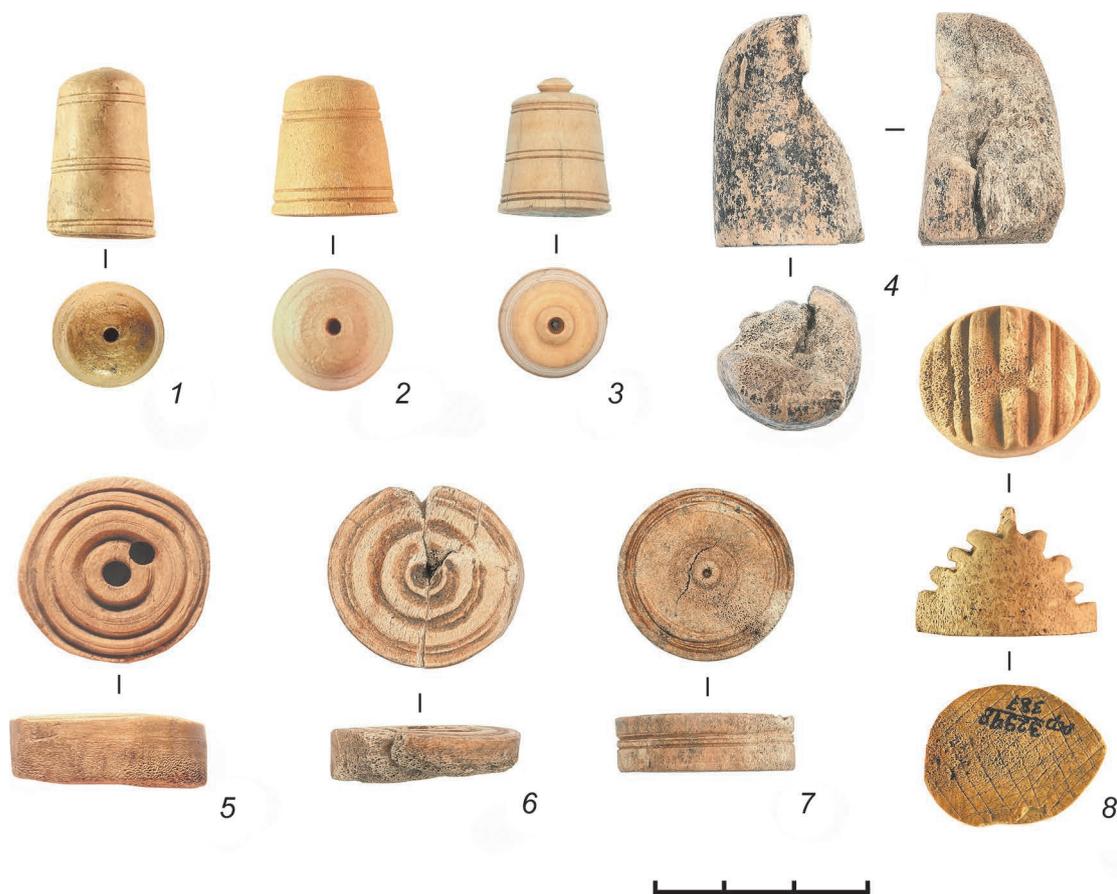

Рис. 92. Шахматы и фишки для настольных игр. 1–4 – шахматы (ГК 10065136, 6333600, 6333671, 8300586); 5–7 – фишки или шашки (ГК 35707215, 7250206, 15189576); 8 – навершие рукояти (ГК 8634768)

предмет, выточенный из рога, который имел подтреугольную форму с зубчатыми выступами, а по овальному основанию были сделаны насечки в виде решётки (рис. 92, 8). Похожая находка, украшенная фигурными вырезами, с решёткой из насечек на овальном основании, была атрибутирована в отчете 2013 г. как навершие (затыльник) рукояти. Овальная форма основания этих предметов напоминает сечение рукояти ножа и форму её деталей – затыльников и обоймиц. Решётка из насечек могла быть сделана для лучшего сцепления с рукоятью ножа при приклеивании к рукояти. Такую же путаницу в определениях можно наблюдать в материалах раскопок других памятников, например, Новгорода, где несколько похожих предметов – с подтреугольным верхом и заостренно-овальным основанием, покрытым снизу насечками – были

определены частью как затыльники³⁵, частью как шахматные фигуры³⁶. Есть даже предметы, получившие оба этих определения³⁷. При этом ни в одной типологии шахматных фигур изделия таких форм не встречаются, и версия, что мы имеем дело всё-таки с навершиями, выглядит предпочтительнее.

На момент публикации Д. Ю. Бадеевым среди предметов для игр была также отмечена одна круглая фишка (шашка), выточенная из рога, с циркульным орнаментом по верхнему основанию цилиндра (рис. 92, 6). Она была найдена рядом с шахматными ферзём и королем. Позже были сделаны ещё две находки подобных шашек. Обе – на мысовой площадке городища, где было обнаружено множество объектов, оставленных выходцами из Золотой Орды. Одна из шашек происходит из котлована самой крупной постройки

³⁵ См, например, <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=15658914>

³⁶ См, например, <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5772800>

³⁷ <https://novgorod-iss.kamiscloud.ru/entity/OBJECT/123066>

Рис. 93. Атрибуты для игр (?). 1–3 – предметы из скругленных осколков гончарной посуды (ГК 52561059, 50669288, 35706965); 4 – предметы из обработанного рыбьего позвонка (ГК 10742698, 11535446)

(яма 812) на Ростиславле, принадлежавшей высокостатусному лицу, возможно, из золотоордынской администрации. Здесь же были найдены три альчика, а также предметы быта и снаряжения воинов-степняков. У шашки такое же оформление, как и у описанной выше фигуры: концентрические окружности по верхней плоскости вокруг центрального сквозного отверстия, при этом рядом сделано ещё одно сквозное отверстие (рис. 92, 5). Другая шашка происходит из котлована, заполненного во второй половине XIV века (яма 127). Оформлена она по-другому: на боковой поверхности цилиндра нанесены пояски из линий, на верхнем основании цилиндра есть концентрические окружности, но только по краю (рис. 92, 7). Возможно, фигура происходит из другого набора шашек, но также можно предположить, что с помощью оформления шашки делились на две армии. Так как шашки не различались цветом, отличительным признаком двух армий могло стать наличие или отсутствие концентрических кругов на верхней поверхности фишки.

Кроме шахмат и шашек в своей статье Д. Ю. Бадеев к фишкам настольных игр относит также предметы, сделанные из обработанных рыбьих позвонков (Бадеев, 2007. С. 232–233). С них были удалены остистые отростки и рёбра, боковая поверхность заглажена, у некоторых позвонков в центре расши-

рен сквозной канал. Как верно отмечает автор, позвонки соотносятся в основном с комплексами золотоордынского времени. Предметы с широким сквозным отверстием могли использоваться как бусины чётков или подвески, но таких вещей немного. Всего на 2024 г. среди средневековых материалов насчитывается 81 предмет из позвонка рыбы, как с отверстиями, так и без. Интересна находка (в яме 426) целой серии из 10 рыбьих позвонков, взятых, по всей видимости, от рыб одного вида, возраста и размера. Половина из них была тщательно обработана лощением, а ещё пять были только подготовлены к обработке. В той же яме, которая была определена как глубокий подвал под крупной постройкой, был найден альчик из астрагала КРС, а также фрагменты золотоордынских кашинных чаш, обломок кочевнического зеркала и даже золототканые ленты. Версия, что эти предметы использовались как игральные фишки для какой-нибудь настольной игры, кажется наиболее правдоподобной, хотя прямых доказательств этому так и не появилось (рис. 93, 4).

Необходимо упомянуть ещё одну категорию вещей из раскопок Ростиславля, которые также могли использоваться как игральные фишки – так называемые пряслица из стенок сосуда (рис. 93, 1–3). Это небольшие фрагменты керамических сосудов, обточенные со всех сторон до круглой формы диаметром

2,5–4 см. По центру у них просверлено круглое отверстие, хотя есть несколько кружков без них. Традиционно эти предметы принято определять как пряслица, а кружки без отверстий как заготовки пряслиц. Ростиславльские пряслица имеют различные датировки от XII до XVI вв., но большей частью относятся к золотоордынскому времени. Всего на 2022 г. было найдено 33 пряслица (рис. 93, 1) и их заготовок. При этом часть заготовок имеют следы попыток сверления центрального отверстия и не полностью заглаженные края (рис. 93, 2), но 4 экземпляра, несмотря на хорошо обработанную круглую форму, следов сверления не имеют (рис. 93, 3). Такие же кружки из стенок сосудов из Старой Руссы определены как керамические игральные фишки (*Колосницын*, 2018. С. 1). В 2012–2017 гг. при раскопках Старой Руссы было найдено 32 таких предмета, датированных в интервале от XI до XIX вв. При этом небольшая их часть всё же имела центральное отверстие, однако исследователь также относит их к фишкам для настольной игры. Учитывая, что кружков без отверстия в Старой Руссе найдено гораздо больше, чем с отверстием, версия с использованием их в играх выглядит правдоподобной. Применить её к материалам Ростиславля мешает перекокс в соотношении кружков с отверстиями и кружков без них. Однако, версию, что хотя бы часть пряслиц из фрагментов сосудов или их заготовки могли использовать в качестве игровых фишек, всё-таки следует иметь в виду³⁸.

Кроме того, игровые атрибуты, сделанные из скругленных осколков сосудов, упомянуты в этнографическом описании народных забав (*Терещенко*, 1848. С. 31, 32): «Креймешки делаются из разбитой глиняной посуды и кафлей; округляют их величиною с грош, но не более пятака медного». Использовались они для игры «в камешки» («креймешки») – это подвижная игра на ловкость, известная ещё в Средневековье, только в качестве «камешков» могли использоваться другие небольшие предметы (например, на картине «Игры детей» Брейгеля Старшего

1560 г. дети используют астрагалы). Если эта игра действительно была известна в Ростиславле, то для неё можно было использовать и рыбы позвонки. Кроме того, кружки из осколков посуды и предметы из позвонков могли играть роль заменителей денег в азартных играх. Таким образом, остаётся под вопросом не только использование этих предметов как игровых атрибутов, но и тот тип игр, в котором они могли использоваться.

В XV веке почти все вышеописанные атрибуты коллективно-состязательных игр постепенно уходят из обихода Ростиславля. Не ясно, насколько это связано с тем, что примерно в это же время из города исчезает пришлое население, связанное с Золотой Ордой. В этот период игровую культуру города представляют только керамические детские игрушки.

Примечательно, что на более ранний период жизни Ростиславля детские игрушки практически не известны. Но это не значит, что до XV века у детей совсем не было игрушек, такое сложно даже предположить. Как минимум, у них были брунчалки, а в альчики, судя по этнографическим данным и литературным памятникам, могли играть как взрослые, так и дети. Также по материалам раскопок Новгорода известны многочисленные и разнообразные предметы, предназначенные для детских игр, но при этом подавляющее большинство из них сделано из дерева и кожи, то есть материалов, которые в почвах Ростиславля не сохраняются. Скорее всего, у ростиславльских детей также были игрушки из дерева и кожи, которые не могут быть обнаружены при раскопках. Так что хотя бы частичное представление о детской игровой культуре нам могут дать только брунчалки и игрушки из глины позднего этапа жизни города. При этом по планиграфии их распространения выделяется условная «территория детства»: почти все игрушки были найдены на восточной стороне площадки городища, близко к краю оврагу, а также единичные экземпляры на мысовой площадке (за дьяковским валом) и под стеной города (рис. 94). В этих же местах были обнаружены крупные скопления альчиков из коровьих астрагалов.

³⁸ Отметим также, что соотношение между скругленными фрагментами сосудов с отверстием и без отверстия по материалам из исторического центра Москвы (хранение археологического фонда Музея Москвы) на 2025 год составляет примерно 1 к 1, это среднее значение между Старой Руссой и Ростиславлем.

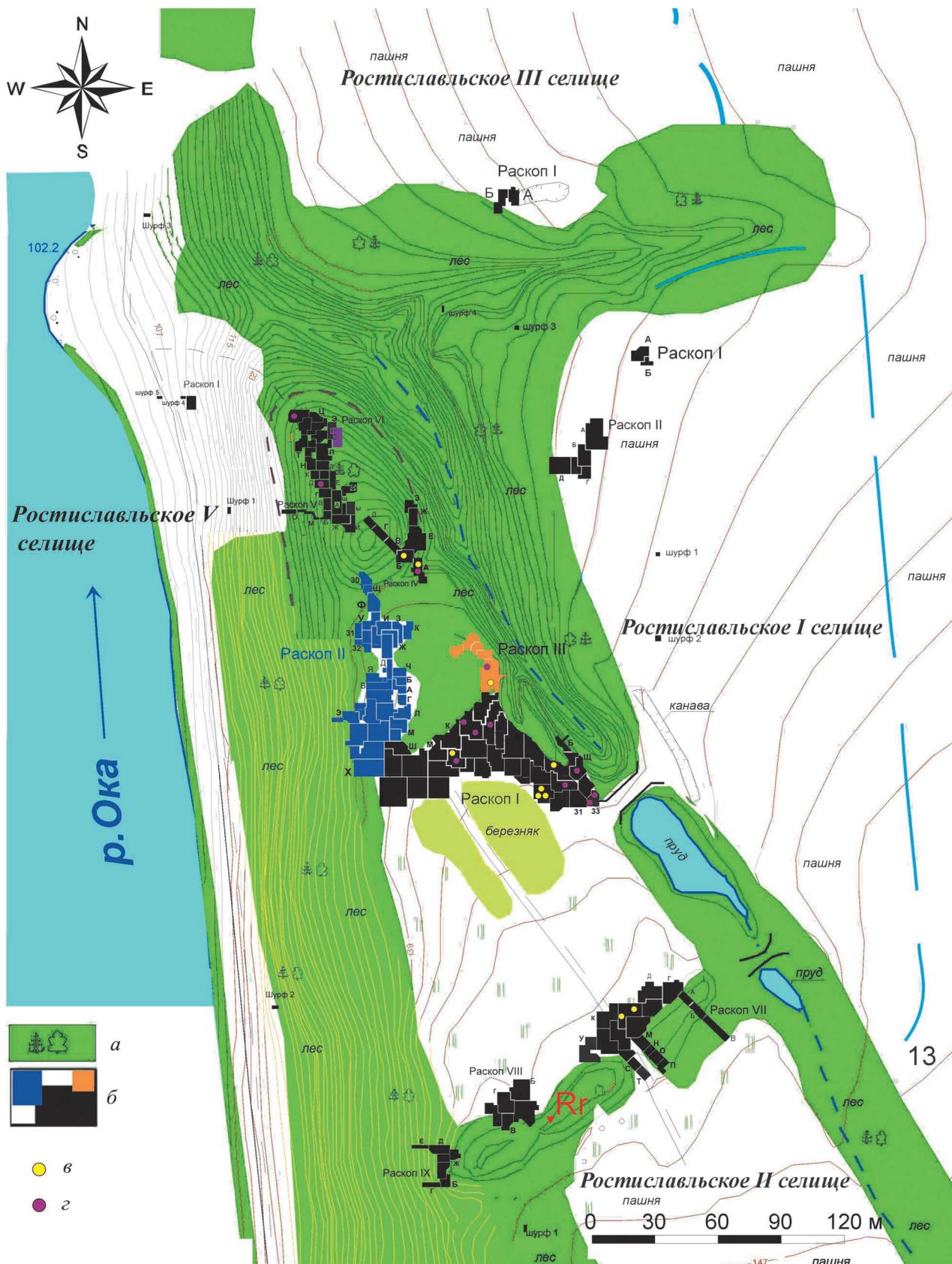

Рис. 94. Часть плана раскопок Ростислава Рязанского с указанием находок брусчаток и глиняных игрушек

Рис. 95. Глиняные игрушки. 1 – обломок красноглиняной белоангобированной погремушки-медведя (ГК 35699082); 2 – фрагмент красноглиняной игрушки-медведя (ГК 14570996); 3 – белоглиняная свистулька-курочка (ГК 10065206); 4 – обломок белоглиняной погремушки (ГК 10065221)

Серия керамических игрушек с Ростиславля малочисленна, всего 13 экземпляров, почти все они найдены в виде обломков. Далеко не все известные типы здесь представлены – можно выделить только дисковидные погремушки и зооморфные игрушки, среди которых были как погремушки, так и свистульки. Также следует отметить, что ростиславльские игрушки происходят из двух производственных центров – Москвы и Коломны. Сначала в конце XV веке в Ростиславле появляются керамические игрушки московского производства. Их находки в Ростиславле немногочисленны, всего 5 обломков (причём два из них, скорее всего, от одной игрушки). Все они относятся к красноглиняным белоангобированным зооморфным игрушкам, две из них, по всей видимости, были погремушками (рис. 95, 1). Так как на Ростиславле найдены были только обломки игрушек, для части из них невозможно точно определить, чьи фрагменты оказались среди

находок – коника или медведя. Серии таких игрушек (красноглиняных белоангобированных коников, человеческих фигурок, птичек и др.) были найдены в Гончарной слободе, Зарядье, Кремле и других районах центра Москвы в слоях XV–XVI вв., немногочисленные находки были отнесены даже к XIV в. (Розенфельдт, 1968. С. 24). В XVI в. Москва фактически была центром производства глиняных игрушек для всего Московского княжества (Колызин, 1998. С. 121). В Коломне под влиянием Москвы также, возможно, началось производство керамических игрушек, в том числе красноглиняных белоангобированных коников (Черкасов, 2004. С. 310), так что надо иметь в виду, что некоторые ранние ростиславльские игрушки, относящиеся к коникам, могли происходить из Коломны.

Кроме того, из двух соседних ям с примерно синхронным заполнением, укладываемым в рамки конца XIV – начала XV в., происходят две красноглиняные «игрушеч-

ные ноги» (рис. 95, 2). Они отличаются очень крупными размерами – диаметр обоих фрагментов 26 мм, из чего напрашивается вывод, что относятся они к одной, очень массивной, игрушке. Аналогии можно найти среди московских красноглиняных «медведей» больших размеров с полым туловом конца XIV–XVI вв. (Розенфельдт, 1968. С. 17).

По мере развития производства коломенских игрушек в XVI в. в Ростиславле появляются коломенские изделия, например, свистульки-птички. Исследователи коломенской игрушки определяют их как игрушки-курочки, по материалам Коломны они датируются XVI – первой половиной XVIII вв. (Черкасов, 2004. С. 311). Это белоглиняные игрушки с полым туловом, вытянутой слабо оформленной головкой, со свистком в хвостовой части и отверстиями для ладов. Всего в коллекции Ростиславля имеются четыре экземпляра, и только один из них – относительно целая свистулька (не хватает только головки) с красной росписью в виде сетки (рис. 95, 3). К сожалению, свистулька, ещё один фрагмент птички-свистульки и два фрагмента коломенских дисковидных погремушек из белой глины с росписью красным ангобом (рис. 95, 4) были найдены не при раскопках, а переданы «чёрным копателем», поэтому уверенности, что они происходят именно из Ростиславля, нет. Однако находки фрагментов двух таких же свистулек найдены уже при раскопках, а в крупном подполье XVI в. (яма 350) был найден обломок дисковидной погремушки, так что, возможно, игрушки из грабительских раскопок действительно связаны с Ростиславлем.

Дисковидные погремушки представляют собой низкие цилиндры со скошенными основаниями и со сквозным отверстием в центре. Коломенскими исследователями они датируются второй половиной XVI–XVII вв. (Черкасов, 2004. С. 317).

И наконец, в подполье постройки (яма 860), заполнение которого датируется последней четвертью XVI – началом XVII в., вместе с фрагментом красноглиняной белоангобированной игрушки-погремушки (вероятно московского «медведя» XVI в.) (рис. 95, 1), были

найжены два фрагмента ещё одной зооморфной полый игрушки, которая также могла быть погремушкой (рис. 96). Она изображает медведя, совсем не похожего на московских игрушечных медведей: его поводок из налепов украшен насечками, на месте глаз сделаны сквозные отверстия, в носу также проделано сквозное отверстие. Для медведя была использована «коломенская» жирная глина без примесей, но не беложгущаяся, а слабожелезненная, придавшая игрушке светло-коричневый оттенок (Коваль, Русаков, 2021. С. 33–34). Аналогичные медведи были найдены в Коломне, где датируются XVI – первой половиной XVII вв. (Черкасов, 2004. С. 314), а также в переотложенных слоях Зарайска и Рязани³⁹.

На основании изученных материалов можно сделать следующие выводы:

В категорию игры и игрушки могут быть отнесены четыре типа предметов из раскопок в Ростиславле: игрушки-забавы (брунчалки), атрибуты подвижных коллективно-состязательных игр (альчики), фишки настольных игр (шахматы, шашки), детские керамические игрушки. Отдельно выделим предметы, которые возможно хоть и были игровыми атрибутами, но к каким именно играм они относятся, пока точно определить нельзя (предметы из рыбьих позвонков и скругленные осколки глиняной посуды). Несмотря на разнообразие, игровую культуру города имеющиеся находки отражают лишь частично.

Самые многочисленные и ранние игровые атрибуты в ростиславльских материалах – альчики. Благодаря широкой серии этих предметов можно попробовать реконструировать игры с астрагалами, привлекая аналогии из данных этнографии. При этом следует иметь в виду ряд специфических черт, которые приобрели ростиславльские альчики в XIV веке: крупный размер из-за использования коровьих костей, разноранговые грани с метками у части астрагалов, большое число биток, различный характер повреждений в зависимости от вида альчика.

На XIV век Ростиславля приходится основное число атрибутов коллективно-состязательных игр, сделанных из кости и рога. Свой

³⁹ См., например: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=37612713>.

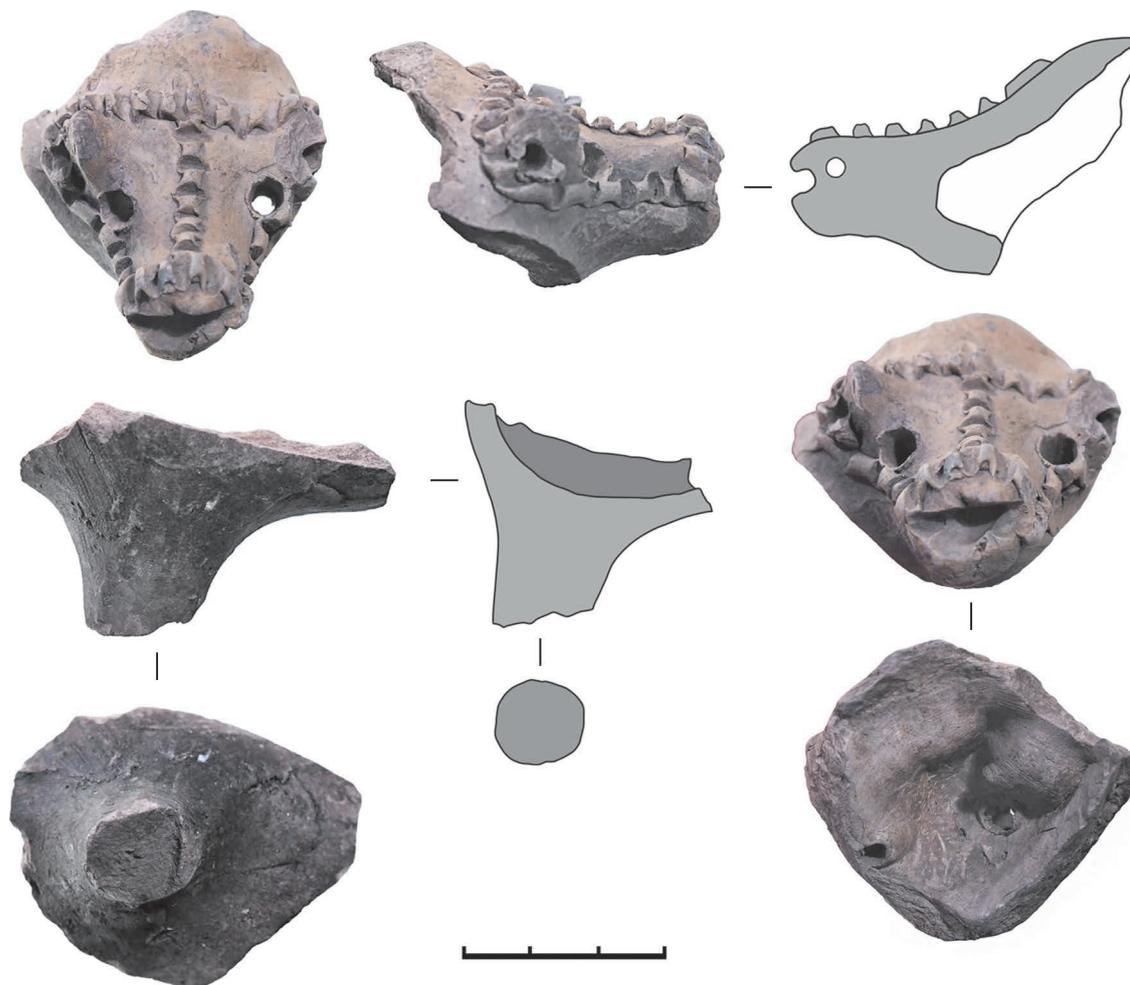

Рис. 96. Обломки белоглиняной погремушки-медведя (ГК 35699168)

расцвет получают игры в альчики, здесь появляются игры в шахматы, шашки и, возможно, другие «интеллектуальные» игры. С осторожностью можно предположить связь этого явления с пребыванием в Ростиславле пришлого населения с территории Золотой Орды.

На позднем этапе жизни города – XV – начала XVII в. от игровой культуры жителей остались только детские игрушки: брунчалки

и керамические фигурки, погремушки, свистульки. Впрочем, их тоже достаточно мало. Скучное число игрушек, по всей видимости, связано с постепенным упадком Ростиславля, сокращением его населения (Коваль, 2004а. С. 19). Самые поздние игрушки – две погремушки-медведя – были найдены в подполье постройки, скорее всего, разрушенной в Смутное время.

11. МОГИЛЬНИК РОСТИСЛАВЛЯ

Некрополь, исследуемый на городище Ростиславль, относится к протяжённому периоду с середины XII столетия по XVI–XVII вв. Нижняя дата этого периода исходит из даты основания города и отсутствия в материалах раскопок погребений с достоверно более ранней датировкой. Верхняя дата определяется приблизительно, исходя из материалов наиболее поздних погребений с крестами XVI в. и сведений картографического источника начала XVIII в., где на площадке городища церкви уже нет, но показан Погост Ростиславль в 300 м к югу от валов города (*Медведь*, 2014). Но пока нет точных сведений о том, когда прекратил своё существование храм, вокруг которого совершались погребения, и когда на территории кладбища было совершено последнее захоронение,

Могильник на Ростиславле начал раскапываться с 1995 года и продолжает исследоваться до сих пор. Почти все антропологические материалы сосредоточены в раскопе II. Все выявленные погребения этого кладбища имеют единую сквозную нумерацию. На момент окончания работ 2024 года всего выявлено 465 погребений. Некоторые из них были прослежены лишь частично в связи с тем, что наибольшая часть костяка уходила в борта раскопа, поэтому такие погребения не вскрывались. Соответственно, по этим погребениям нет антропологических определений. Вскрывавшиеся погребения проходили необходимую просушку и чистку костного материала, начиная с 2001 г. они передавались на хранение в музей антропологии МГУ, где антрополог к. б. н. Д. В. Пежемский сделал для них половозрастные определения (они приведены в отчетах о раскопках)⁴⁰. Археологической фиксации подвергнуто 381 погребение,

не считая отдельных черепов и скоплений костей. Остальные 84 погребения оставлены не расчищенными по разным причинам, в основном потому, что они значительной своей частью выходили за пределы раскопа.

Абсолютное большинство исследованных полностью погребений было безынвентарно. Во многих случаях можно предполагать наличие гробов или колод, поскольку кости черепа обычно обнаруживались в положении на боку. В нескольких случаях в могилах вокруг скелетов удалось даже проследить прямоугольные в плане пятна тлена, связанные с гробовищами. При этом в одном погребении такой тлен, по результатам аналитики, проведенной А. А. Гольевой, имел не древесное, а животное происхождение (шкура?). Во всех случаях определить по характеру тлена особенности конструкции погребальных сооружений было невозможно, железные гвозди в этих пятнах не были встречены ни разу. В 24 случаях возможно предположить пеленание покойных. В качестве признаков пеленания рассматривались тесно прижатые друг к другу кости ног, лежащий глазницами вверх череп и кости рук, расположенные вплотную к костям туловища.

Кладбище расположено в северной части городища (рис. 97). Его территория визуально ограничена с севера валом раннего железного века. Перед этим валом раскопками прослежен ров с заполнением XIV в., который в современном рельефе не заметен. На самом валу и севернее него погребения не встречены, за исключением отдельно лежавшего черепа без нижней челюсти на северном (противоположном от кладбища) склоне вала РЖВ, время попадания которого в культурный слой не очевидно. Во рву и в толщах культурного

⁴⁰ При раскопках 1995–2000 гг. было расчищено 17 погребений, костные останки которых перезахоранивались в раскопах, половозрастные определения проводились силами сотрудников экспедиции без участия профильных специалистов.

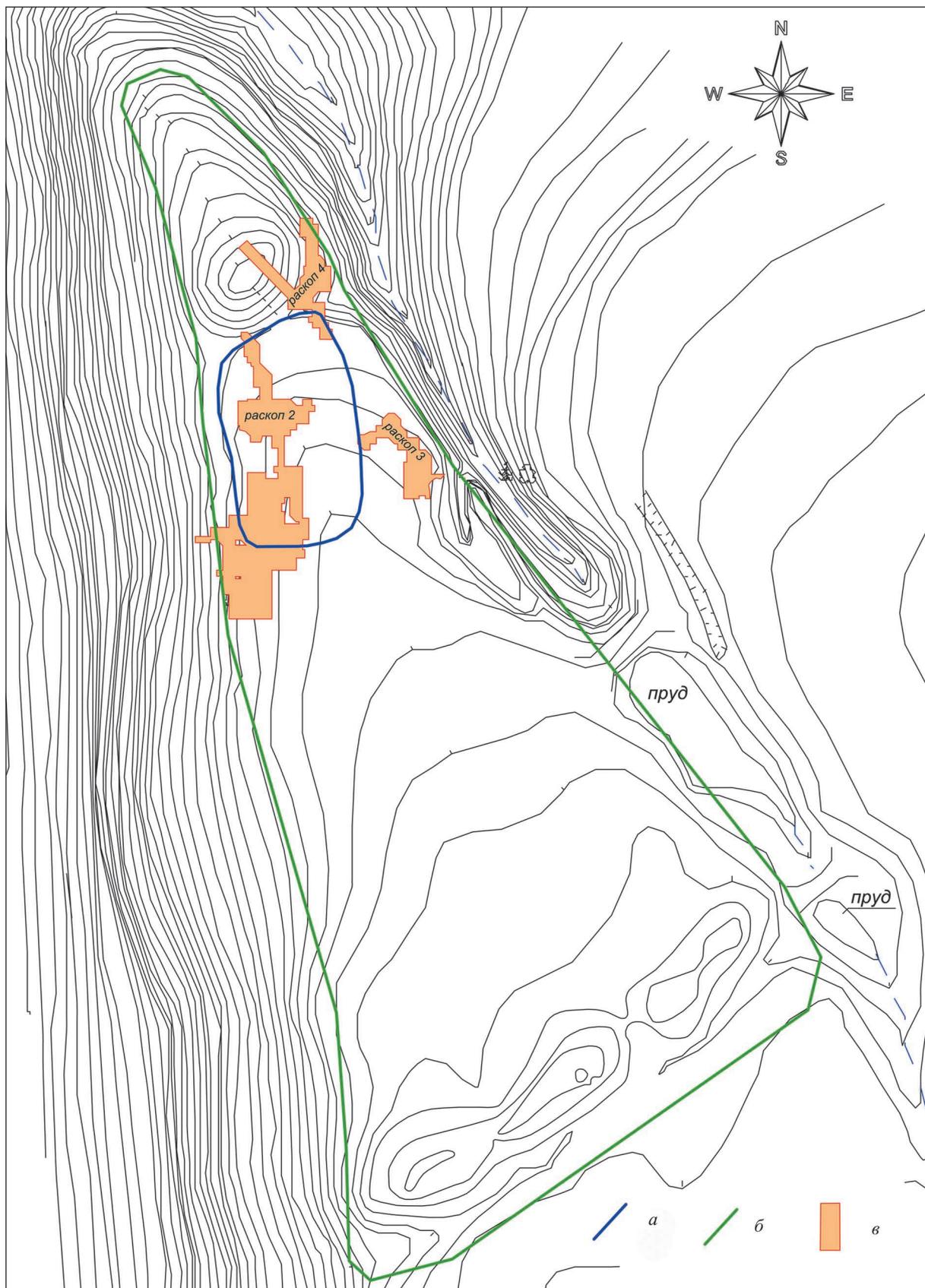

Рис. 97. Средневековое кладбище Ростиславля на плане городища.
а – предполагаемые границы кладбища; б – контуры площадки городища; в – раскопы

слоя над ним погребения тоже пока не встречены, хотя на его южном краю они присутствовали. Поэтому именно средневековый ров мысового укрепления должен был ограничивать распространение кладбища с северной стороны. С северо-восточной стороны отдельные погребения прослежены в раскопе IV, но разреженность могил там указывает на их периферийный характер в планиграфии могильника. С востока отдельные разрозненные человеческие кости попали в раскоп III, но ненарушенные погребения в нём не выявлены. С юга от кладбища расположен раскоп I, на пространстве которого погребения не встречены. Он пересекает городище полностью с востока на запад и стыкуется с раскопом II, что позволяет уверенно установить южный рубеж, далее которого кладбище точно не простиралось. С юго-запада контуры кладбища определены в границах раскопа II, где прослежены наиболее удалённые к югу и юго-западу могилы (рис. 98). Разреженный характер их расположения подтверждает, что эти погребения расположены в периферийной части кладбища. Западная граница кладбища соответствует западному краю городища, проходя вдоль берегового склона реки Ока. К сожалению, этот край был поврежден в советское время тяжелой техникой при оборудовании яблоневого сада. Но на участках раскопа II, расположенных максимально близко к западному краю городища, погребения прослежены. В целом, площадка могильника вытянута по линии север-юг, в плане у неё неправильная геометрическая форма, близкая к овалу. Возможно площадка, занимаемая погребениями, чуть расширяется в южной части, приближая форму его плана к трапеции. Максимальная протяжённость кладбища по линии север-юг зафиксирована в пределах 70 метров. По линии восток-запад его протяжённость укладывается в 60 м.

Площадка могильника имеет заметный уклон с юга на север с максимальным перепадом высот в пределах 5 метров. Рельеф этой площадки, в целом, ровный, за исключением двух периферийных зон. Это пространство на северном (у средневекового рва) и западном (у начала берегового склона) краях раскопа, где рельеф имеет более выраженное понижение. Немного выделяется в рельефе и место расположения средневекового храма: оно чуть

возвышается относительно площади могильника, расположенной от него к западу, северу и востоку. Это обусловлено не только исходным рельефом местности (о котором можно судить по отметкам материка), но и специфической стратиграфией в месте расположения храма. Раскопками установлено создание «подиума» – прямоугольной в плане платформы, сооруженной из желтого материкового суглинка, на которой был возведён самый первый храм в этом месте. Исследованная раскопками мощность сохранившейся части платформы достигала около 20–30 сантиметров (рис. 33, А, Б), что дополнительно выделяет место расположения храма в современном рельефе. Место расположения храма раскопом 2 исследовано полностью. Это делает Ростиславль одним из немногочисленных примеров археологического изучения средневековых деревянных храмов (Энговатова, Гончарова, 2002; Гоняный, 2005; Богомолов и др., 2009; Васильев и др., 2022). Реконструкции некоторых архитектурных и планиграфических особенностей храма посвящена специальная публикация (Русаков и др., 2014).

В размещении погребений на раскопе II (рис. 98) можно выделить три планиграфические зоны. Чётких границ между ними нет, но с опорой на следы плотной усадебной застройки в южной части раскопа и присутствие материковых ям в его северной части (рис. 99) можно обозначить их примерные границы. В *первой (южной) планиграфической зоне* могильника погребения встречаются относительно разрозненно, плотность расположения могил невысока, а их пространственная ориентировка была разнообразна. Здесь же размещались более ранние (по отношению к погребениям) средневековые ямы от жилых и хозяйственных построек. Совершение захоронений, разумеется, не могло происходить на территории жилых усадеб. Лишним подтверждением этого тезиса являлись случаи, когда могильные ямы погребений прорезали заполнения более ранних хозяйственных ям, противоположные ситуации отсутствовали. Рельеф материка в этой зоне нарушен хозяйственными и могильными ямами, но в целом близок рельефу современной дневной поверхности. Древние почвы здесь сохранились фрагментарно и на небольшую толщину (не более 5 см).

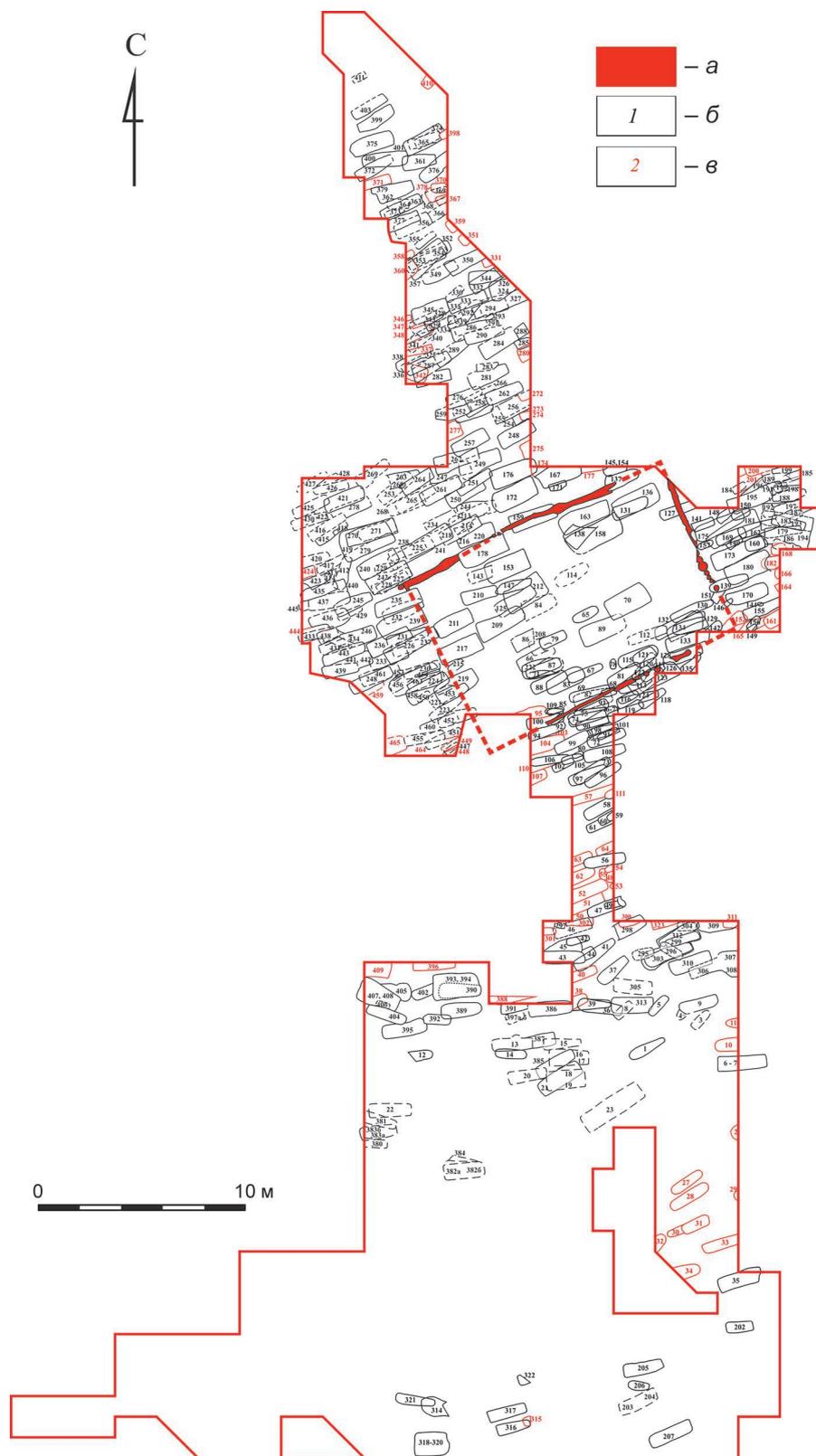

Рис. 98. Сводный план погребений раскопа II. а – сооружения 12, 23, 24; б – исследованные погребения; в – законсервированные погребения

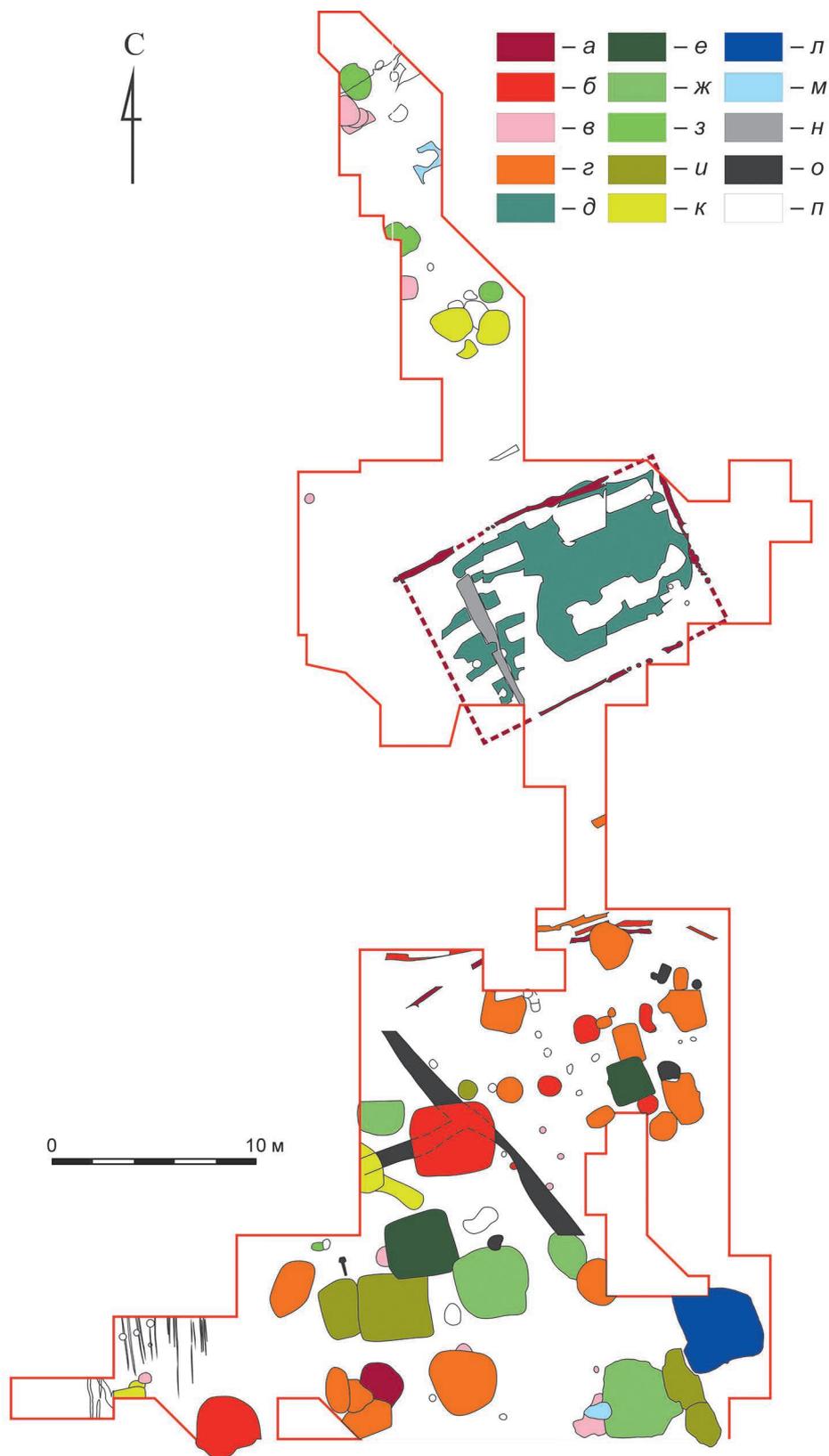

Рис. 99. Сводный план ям и сооружений на территории раскопа II. а – середина – 2-я половина XII в.; б – 2-я половина XII в.; в – 2-я половина XII – 1-я половина XIII в.; г – 1-я половина XIII в.; д – сооружение 13 (середина XII в.); е – 2-я половина XIII в.; ж – конец XIII – 1-я половина XIV в.; з – 2-я половина XIII–XIV вв.; и – 2-я половина XIV в.; к – XIV в.; л – 1-я треть XV в.; м – XV в.; н – XVI в.; о – перекопы и грабительские ямы, п – объекты не имеющие датировки

Чем севернее, тем выше концентрация погребений, которая значительно снижается только в месте расположения храма. Именно с храмом и ближайшим окружающим его пространством связана *вторая (центральная) планиграфическая зона* могильника. К сожалению, невозможно точно определить, когда храм прекратил существование, сколько раз перестраивался, как менялись при этом его размеры и насколько храм смещался относительно места своей первой постройки. Перед его постройкой была сооружена четырёхугольная в плане насыпная платформа. Для этого по периметру платформы был вкопан частокол, следы которого представляли канавки⁴¹, заглублённые в материк на 20–40 см. Диаметр столбов, судя по отпечаткам в материковом дне канавок (сама древесина не сохранилась) не превышал 10–20 см. По-видимому, частокол не был высоким, т. е. он не представлял собой обычную ограду, а предназначался именно для оконтуривания прямоугольного «подиума» (сооружения 13) размерами примерно 9×13,5 м (рис. 99). Внутри этой частокольной оградки был насыпан материковый суглинок, перекрывший нижележащие культурные напластования более ранних эпох (см. раздел 4). Сохранившаяся толщина насыпи составила 20–30 см. Канавки прослежены с трех сторон этого прямоугольника, за исключением юго-западной: здесь частокольная канавка, вероятно, была срезана позднейшими могилами. Тем самым было сооружено основание, предназначенное для возведения храма. Платформа была вытянута по азимуту 247–248 градусов. Это соответствует пространственной ориентировке большинства погребений, расположенных вокруг храмового места. Исходя из стратиграфии, нижняя дата появления «подиума», а значит и храма, близка к дате основания города – 1153 году.

На площади «подиума» плотность погребений существенно ниже, чем на окружающем его пространстве, где могилы располагаются в несколько ярусов. Внутри контура «подиума» могилы в несколько ярусов кон-

центрируются только в полосе вдоль его юго-восточной границы, что может свидетельствовать о сдвиге церковного здания на длительное время к северу относительно его первоначального расположения. Нельзя исключать и того, что отдельные захоронения могли совершаться внутри церкви. Тем не менее, имеются такие участки «подиума», которые оставались свободными от могил до самого конца существования кладбища. Наконец, даже после того, как храм прекратил своё существование, могильник мог продолжать использоваться, а захоронения могли совершаться и на месте храма.

Помимо плотного расположения погребений, важной особенностью второй планиграфической зоны могильника является почти полное отсутствие каких-либо хозяйственных ям эпохи существования города⁴². Следовательно, с самого основания Ростиславля в 1153 г. и до прекращения жизни в городе, это пространство не было обитаемо, использовалось только под храм и окружающее его кладбище. Кроме того, в центральной части могильника из-за высокой концентрации погребений редко прослеживались контуры могильных ям. Большинство захоронений сделано в сплошном слое могильного перекопа и выявлялось только по мере раскрытия в раскопе костных останков.

Рельеф материка во второй планиграфической зоне значительно нарушен могильными ямами, он не столько выявлен, сколько поддается реконструкции. В основном реконструируемый рельеф материка близок современной дневной поверхности, но в наши дни чуть более выражена выступающая часть рельефа в месте расположения храма. Верхняя часть материка сохранила остатки древних почв (см. раздел 5), в т. ч. содержащих материалы финального палеолита (см. раздел 3).

Третья (северная) планиграфическая зона могильника занимает склон в направлении рва и вала городища РЖВ. Для неё характерна высокая концентрация погребений, в том числе многоярусность, когда серии погребений совершались одно над другим с мини-

⁴¹ В связи с тем, что эти канавки открывались на протяжении нескольких сезонов раскопок и сначала не было ясно, что они принадлежат единой конструкции, им присваивались разные номера сооружений: 12, 23 и 24.

⁴² Единственным исключением тут является яма 286, располагавшаяся в 5 м к югу от «подиума», в которой было найдено 7 обломков домонгольской керамики. В отчете 2001 г. яма закономерно была датирована первой половиной XIII в., исходя из присутствия в ней 2-х венчиков горшков этого периода. Однако набор керамики в ней слишком мал для однозначной уверенности в правильности этой предварительной датировки.

мальным смещением. В этой зоне встречены средневековые ямы, предшествовавшие могилам, но не связанные с усадебной застройкой: все они забутованы материковым суглинком и содержали лишь единичные обломки керамики при полном отсутствии иных артефактов. Северной границей кладбища, как уже говорилось, служил средневековый ров, заполненный в конце XIV – середине XV в. Рельеф материка в третьей планиграфической зоне сильно повреждён ямами, но также легко реконструируется. Остатков древних почв тут не зафиксировано.

В ходе обработки материалов раскопок некрополя все данные по погребениям заносились в табличную базу данных, где указывалась глубина залегания костяка (от репера раскопа), размеры могильной ямы (если она прослежена), положение рук, комплектность скелетов, наличие и характер инвентаря и других датирующих признаков. Хронология совершения захоронений прослеживается по локальным стратиграфическим колонкам (рис. 100; 101)⁴³, которые отражают только хронологические связи независимо от того, как они проявлялись: расположены ли погребения в раскопе строго одно над другим, или одно погребение прорезало другое. В одной колонке могли оказаться погребения, прорезающие друг друга, тогда как под ярусами подразумеваются неповреждённые погребения, сделанные одно над другим с минимальным смещением. Можно думать, что люди, совершавшие захоронения в одном и том же месте, точно знали, где находятся предшествующие могилы, поэтому в таком «столбце» из 4, 5 или 6 ярусов погребений могут находиться относительно близкие по дате погребения. В ситуации, когда одно погребение прорезает другое, люди, совершавшие очередное захоронение, могли уже не вполне понимать, что в месте новой могильной ямы уже есть костные останки и как именно они расположены. Следовательно, на месте уже отсутствовали необходимые ориентиры в виде холмиков или соседних мо-

гил. В этом случае хронологический разрыв между совершениями захоронений, вероятно, был значительным.

К сожалению, локальные стратиграфические колонки дают лишь относительную хронологию могильника и только для небольших серий стратиграфически связанных друг с другом погребений. Можно попытаться выделить лишь наиболее ранние и наиболее поздние погребения исходя из пространственной ориентировки погребений и погребального инвентаря, который на ростиславльском кладбище встречается крайне редко.

В 2013 году были выделены четыре группы погребений, которые по некоторым признакам можно отнести к условно ранним погребениям могильника (*Русаков, Андрианов, Коваль, 2014*). В настоящий момент количество погребений в этих группах увеличилось, появились новые данные об их распространении на площади могильника.

К первой группе относятся 8 погребений с инвентарём, который имел многочисленные аналогии, датируемые домонгольской эпохой: погребения 220, 229, 242, 245, 257, 266, 460, 463, принадлежавшие взрослым женщинам и одному ребёнку (рис. 102). В одном случае (п. 257) датирующим признаком является ожерелье из стеклянных бус с использованием криновидных привесок и нательного крестика с ромбическим средокрестием. В другом случае (п. 242) это накладки-дробницы, нашитые на воротник, имеющие домонгольские аналогии (*Сабурова, 1997*. Табл. 74, 24). В трех погребениях обнаружены остатки золототканых шелковых лент от ворота (п. 220, 229, 242), которые, по мнению И. И. Елкиной⁴⁴, могут датироваться домонгольской эпохой. В погребении 460 встречены витой браслет, решетчатый трехзигзаговый перстень, рыбовидная янтарная бусина и шарообразные бусины из горного хрусталя и сердолика (рис. 103), в погребении 266 – решетчатый трехзигзаговый перстень и одна горнохрустальная бусина. Наконец, ещё одно погребение (п. 463) обладало солидным инвентарным

⁴³ Эти хронологические связи продемонстрированы линиями, соединяющими отдельные погребения. На рис. 100 и 101 расположение отдельных колонок, не связанных линиями, не отражает хронологического или какого-то иного соотношения между ними.

⁴⁴ Благодарим к. и. н. И. И. Елкину (ИА РАН) за консультацию и проведенную реставрацию обнаруженных древних тканей.

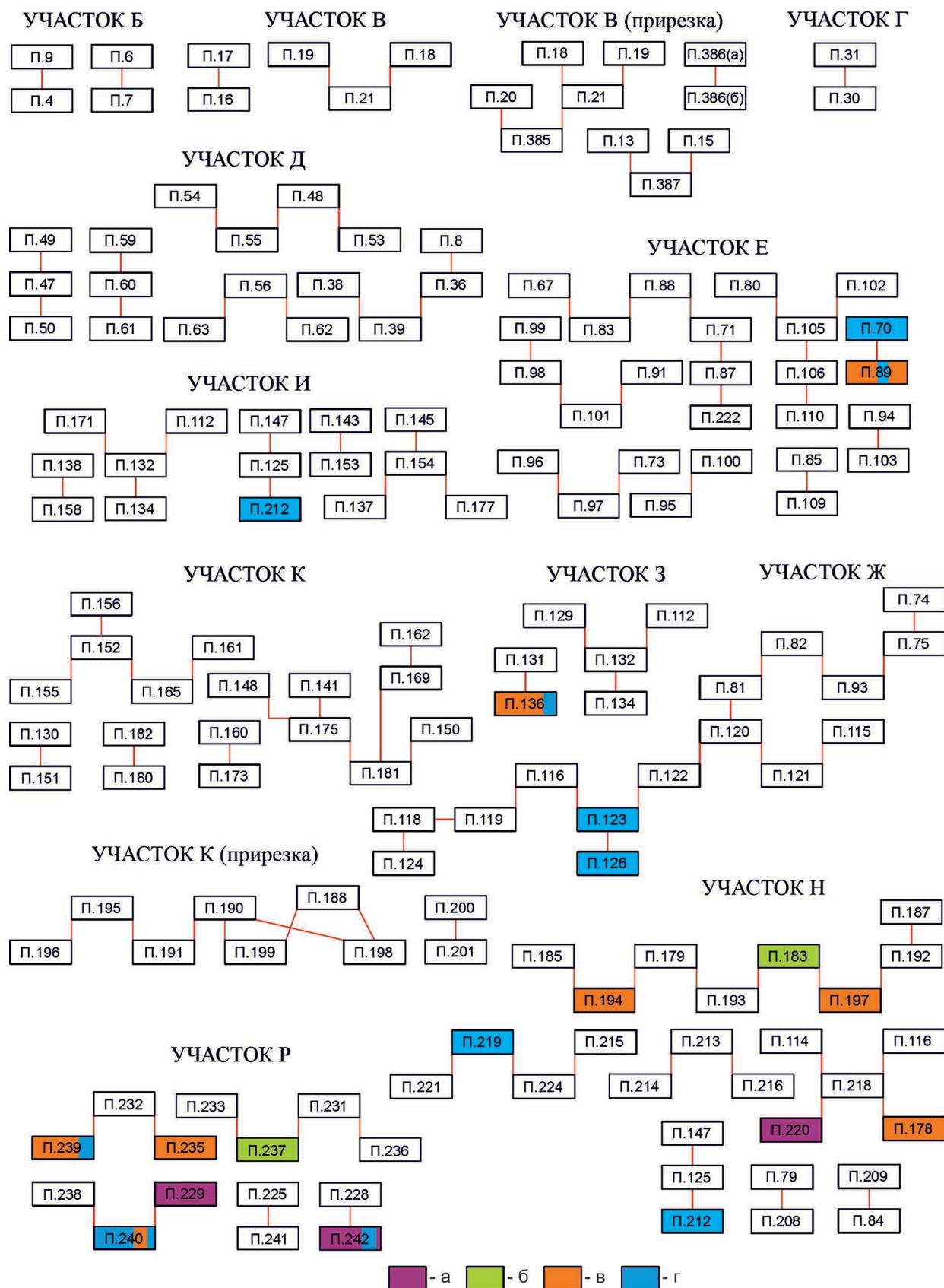

Рис. 100. Стратиграфические колонки (часть 1). а – погребения с домонгольским инвентарем; б – погребения с недатированным инвентарем; в – погребения с поперечными канавками; г – погребения с широкой могильной ямой

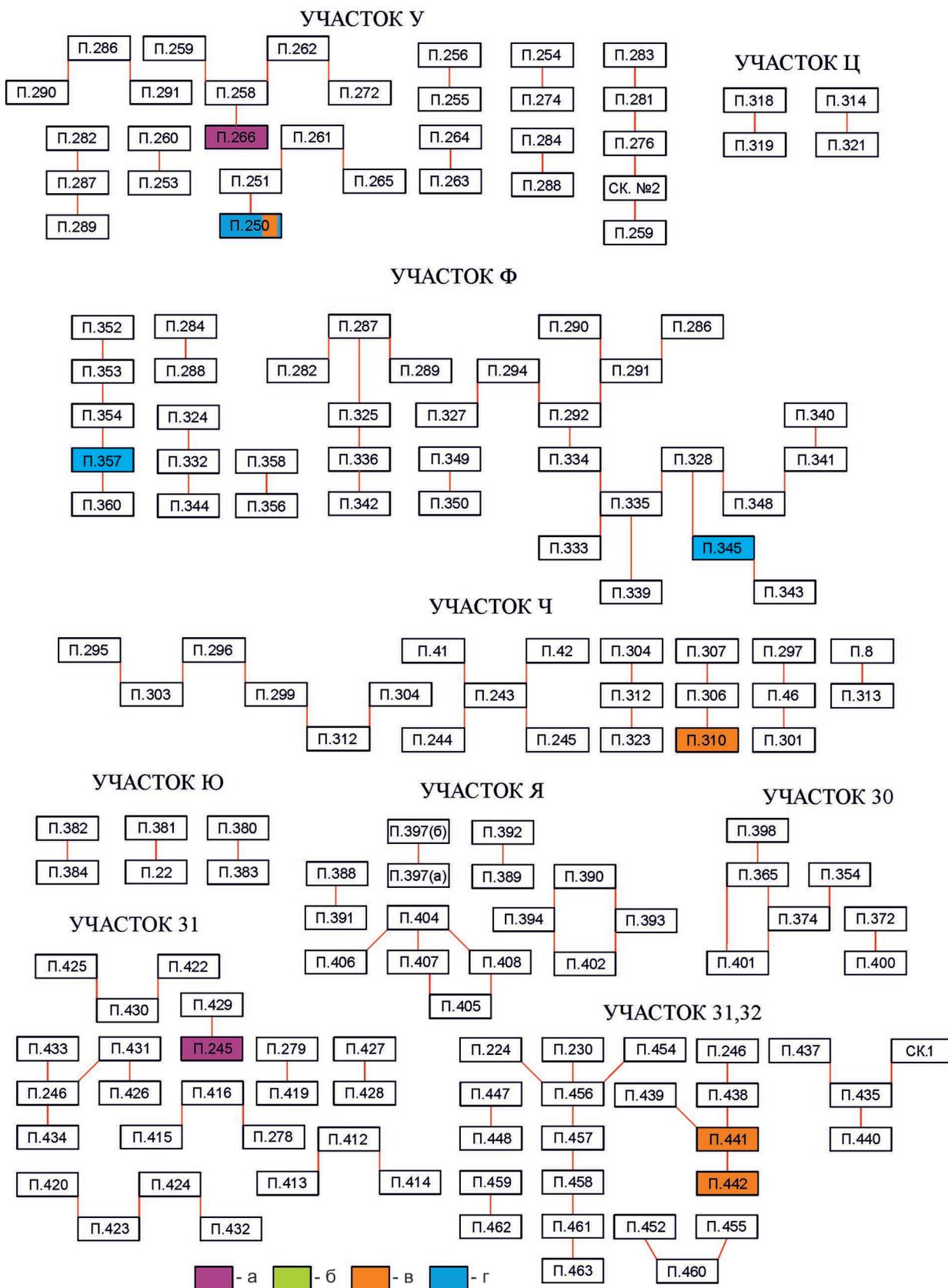

Рис. 101. Стратиграфические колонки (часть 2). а – погребения с домонгольским инвентарем; б – погребения с недатированным инвентарем; в – погребения с поперечными канавками; г – погребения с широкой могильной ямой

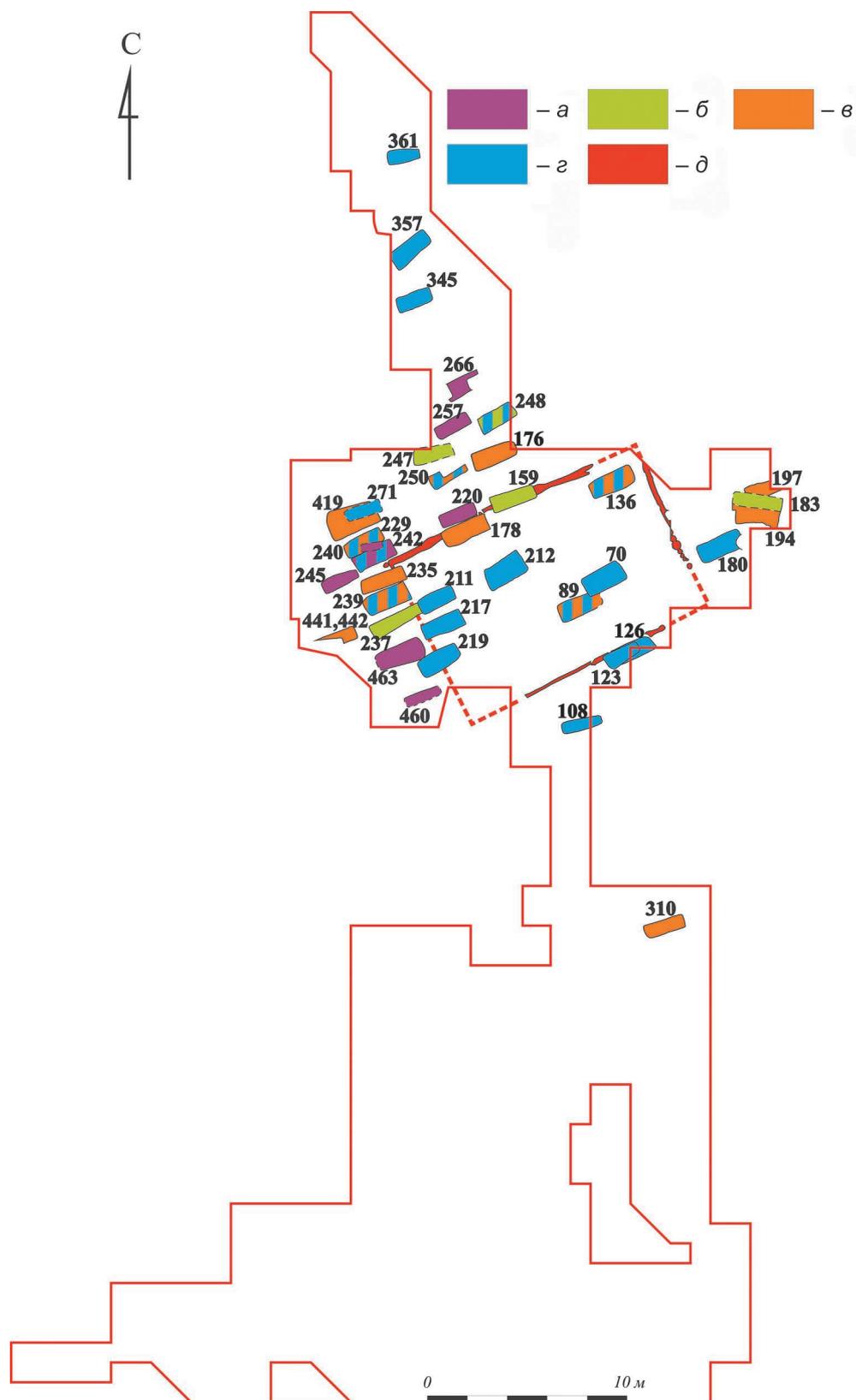

Рис. 102. Схема расположения условно ранних погребений. а – погребения с домонгольским инвентарем; б – погребения с недатированным инвентарем; в – погребения с поперечными канавками; г – погребения с широкой могильной ямой; д – границы церковной платформы середины XII в. (сооружения 12, 23, 24)

Рис. 103. Погребение 460 (план) и его инвентарь (номера находок соответствуют номерам на плане и в описи раскопа)

набором, включавшим височные перстнеобразные кольца, бусы (горнохрустальная шарообразная, сердоликовая бипирамидальная, зонные стеклянные), трюфовидную подвеску, решетчатые перстни (двузигзаговый и однопунктирный), браслеты из медного сплава (тройной витой и плетёный щитковоконечный со стеклянными щитками) (рис. 104). Частично инвентарь уже публиковался в предшествующей статье, посвящённой могильнику (*Русаков, Андрианов, Коваль, 2014*). Все погребения этой группы расположены за пределами места предполагаемого храма, к северу, северо-западу и западу (рис. 102).

Ко второй группе отнесены погребения, совершенные в могильных ямах, на дне которых (в изголовье и в изножье) проходят поперечные канавки глубиной 5–8 см и шириной около 10–20 см. Заполнение канавок не отличалось от заполнения могильных ям, а длина соответствовала ширине могилы. В ряде могил канавки встречены по одной – только в изголовье или только в изножье. От размеров и пропорций могильных ям, или пола погребенных, наличие канавок не зависело. Подобная традиция известна на ряде курганных могильников в Московской области (например, Новосёлки-2 и Мякинино), т. е. она явно указывает на раннее время совершения таких погребений. В Ростиславле выявлено 14 таких погребений (п. 89, 136, 176, 178, 183, 194, 197, 235, 239, 240, 250, 310, 419, 442). Преимущественно они мужские (пока прослежено только два женских и одно детское). В христианских могильниках подобные могилы с поперечными канавками на дне встречены в грунтовом могильнике домонгольской эпохи на окраине Переяславля Русского. Там такие особенности могильных ям связываются исследователями с особой конструкцией гробовища (*Товкайло и др., 2012. С. 216. Рис. 3, 4*). Помимо территории к западу и северо-западу от места предполагаемого храма, такие могилы встречены к востоку от него и непосредственно на его территории (рис. 102). Три таких погребения прорезали частокольные канавки, которые ограничивают место предполагаемого храма, но преимущественно они расположены всё же по периметру этой территории. Только погребение 89 размещалось почти в центре «церковного места», и относительно него трудно сомневаться, что

оно было совершено внутри храма. Важно заметить, что одно из погребений этой группы (п. 240) было перекрыто погребением первой группы (п. 229, см. выше), а это ставит его в ряд с наиболее ранними погребениями некрополя. Заполнение многих могильных ям погребений второй группы преимущественно состояло из материкового жёлтого суглинка, значит в момент совершения этих захоронений ни культурный слой, ни могильные перекопы в храме и вокруг него еще не появились. Это дополнительный аргумент в пользу раннего происхождения данных погребений. В некоторых случаях можно заметить, что погребения из первой группы (с домонгольским инвентарём) и погребения из второй, располагаясь поблизости, формируют ряды. Например, погребения 240, 235 и 239 оказались в одном ряду с расположенными вплотную погребениями 229 и 242. Аналогично погребения 178 и 250 расположены в один ряд с инвентарным погребением 220. Поэтому многие погребения второй группы, видимо, тоже относились к раннему периоду существования некрополя, причем часть из них относилась к домонгольской эпохе. Интересно также то, что среди 14-ти погребений этой группы 11 принадлежали мужчинам, 2 – женщинам и одно – ребёнку. Из обозначенного ряда резко выбивается погребение 310, которое располагалось на значительном удалении от остальных условно ранних погребений, на территории одной из самых высокостатусных усадеб домонгольской эпохи (она размещалась ближе других к церкви), отделенной от предцерковной площади частоколом. Очевидно, что это захоронение могло возникнуть только после того, как усадебная застройка в этом месте исчезла, а планиграфия городища свидетельствует, что сдвиг этой застройки к югу произошел лишь в золотоордынскую эпоху (см. раздел 8), а полностью она стала тут исчезать лишь с середины XV в. Означает ли это, что могилы с канавками на дне еще сооружались в столь позднее время (XV–XVI вв.) или динамика расширения кладбища к югу была гораздо более быстрой, нежели позволяет считать анализ городской застройки, пока остается неясным.

Третью группу составляли 5 захоронений с инвентарём, датировка которого не столь однозначна, как в группе 1 – это погребения

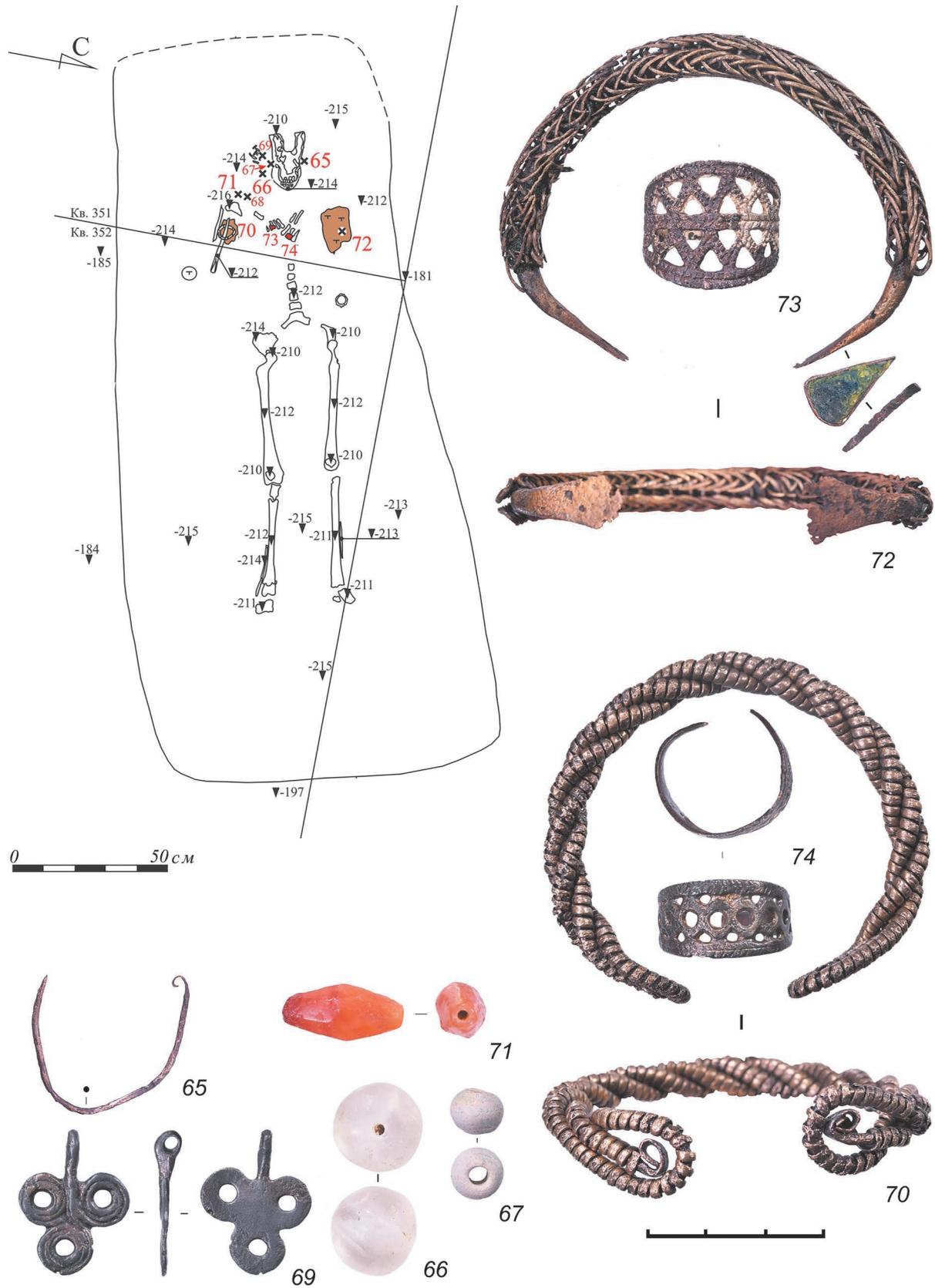

Рис. 104. Погребение 463 (план) и его инвентарь (номера находок соответствуют номерам на плане и в описи раскопа)

159, 183, 237, 247, 248 (рис. 102). Четыре погребения этой группы принадлежали женщинам, а одно (п. 248) не имело четкого полового определения, но судя по находке в нем каменного (серый сланец) нательного (?) креста, скорее принадлежало мужчине (*Русаков, Андрианов, Коваль* 2014). В трех захоронениях (п. 159, 237, 247) в области только одного из висков (т.е. они не были парными) были обнаружены проволочные кольца из медных сплавов, которые заметно отличаются от перстнеобразных височных колец домонгольской эпохи по размерам и толщине проволоки. При этом в одном случае их встречено сразу 3 шт. на виске погребенной (п. 247). В одном погребении (183) были встречены обломки бронзового украшения неясного типа, от которого под шейными позвонками сохранились только обломки сферического изделия, квадратная пластинка, проволочные колечки и шарик. Вероятно, такие украшения могли использоваться не столько в домонгольскую эпоху, сколько в период после ее завершения (во второй половине XIII – начале XIV вв.), причем их могли использовать и в качестве серег. Хотя погребения третьей группы встречены только вблизи места предполагаемого храма, там же, где и погребения второй группы, их стратиграфия иногда указывает на относительно более поздние даты. Так, погребение 183 перекрывало более ранние погребения группы 2 (п. 193 и 197) и имело специфическую пространственную ориентировку, максимально приближенную линии восток-запад. Это роднит его с близлежащими погребениями 144, 194 и 198 с аналогичной ориентировкой. Такая ориентировка вблизи храма возможна в двух ситуациях. Первая: когда храм на короткое время был перестроен с другой ориентировкой, а потом снова вернулся к прежнему расположению. Вторая: когда храм отсутствовал продолжительное время, и расположенные рядом возможные ориентиры – могильные холмики и другие надмогильные сооружения, сровнялись с землей и перестали диктовать ориентировку. Первый вариант представляется менее вероятным, поскольку смене ориентировки храма, а затем возвращению к прежней, трудно найти объяс-

нение и привести аналогии. Вторым вариантом был возможен после одного из разорений города: в XIII столетии, на протяжении XVI в., либо после полного прекращения жизни в городе в XVII в. Планиграфически некоторые погребения из третьей группы имеют связь с погребениями из первой и второй групп, попадая с ними в одни и те же ряды. Так погребение 237 расположено в одном уже упомянутом выше ряду с погребениями 240, 229, 242, 235, 239. А погребение 247 расположено в одном ряду с погребениями 178, 220, 250.

К четвертой группе относятся 19 погребений в так называемых «широких» могильных ямах – п. 70, 89, 108, 126, 180, 211, 212, 217, 219, 239, 240, 242, 248, 250, 271, 285, 345, 357, 361 (рис. 102). Длина таких ям превосходила их ширину не более, чем в 2,5 раза. По понятной причине могильные ямы детских погребений могли соответствовать этому критерию в силу невысокого роста погребенных, поэтому детские погребения в четвертую группу не включались. Также следует иметь в виду, что далеко не у всех погребений удалось проследить контуры могильных ям, поэтому группа может быть не полна. В целом, у стратиграфически наиболее поздних погребений расположение костей скелета предполагало тесное погребальное сооружение (куда тело приходилось буквально втискивать, плотно прижимая руки к туловищу и сдвигая или даже связывая (?) ноги) и, следовательно, узкую могильную яму. Узкие могильные ямы относительно поздних погребений в ряде случаев удавалось проследить в плане. Помимо пропорций могильной ямы, у погребений 4-й группы иногда присутствовали признаки, характерные для других групп – поперечные канавки в дне могильных ям (п. 89, 136, 239, 240, 250), типично домонгольский инвентарь (п. 242) и каменный нательный (?) крест (п. 248). Расположены такие погребения с набором ранних признаков на площади предполагаемого храма, в пределах «подиума» середины XII в. (2 из 7 могил)⁴⁵, а также к северу, западу от него (рис. 102). Одно из этих погребений прорезало более раннее погребение группы 2 (п. 89). Среди этих 19-ти погребений только 5 принадлежали женщинам.

⁴⁵ Сочетание «широкой» могильной ямы и канавок на дне могилы.

Если отобразить на плане могильника только погребения из этих четырёх групп, то станет очевидно постепенное формирование пространственной структуры кладбища. Так группы этих условно ранних погребений иногда расположены в ряд по соседству друг от друга. На основании таких планиграфических связей мы можем предположить относительно раннюю дату для ещё нескольких погребений, расположенных поблизости. Так погребения 270, 271, 278, 279, не имея ни одного признака из вышеописанных групп, располагаются в одном ряду с инвентарными погребениями и погребениями с поперечными канавками. Этот ряд почти не задевает площадь «подиума», на котором был возведён первоначальный храм, поэтому он мог появиться в числе самых первых на территории могильника. По тому же принципу можно предположить относительно раннюю датировку для погребений 153, 213, 244, 172 и 249, расположенных в других подобных рядах.

Несмотря на то, что «широкие» могилы иногда сочетаются с признаками других ранних погребений, планиграфия у погребений из четвёртой группы часто противоречит наметившейся рядной структуре могильника. Так погребение 219 не укладывается в расположенный поблизости ряд из условно ранних погребений 237, 239, 235, 242, 240, 229, 271 и 419. Между этим рядом и соседним (из погребений 178, 220, 250, 247) прослеживается проход шириной чуть более 2 метров. Однако погребения 211 и 217 в «широких» могилах перекрывают этот проход. Лишь погребения 4-й группы располагались близ церковного места с южной стороны от него. И только они прослежены в третьей – северной – планиграфической зоне могильника, уже на большом расстоянии от церковного места. Вероятно, погребения в «широких» могильных ямах, у которых нет других ранних признаков, могут хронологически быть позже остальных ранних погребений.

Пространственная ориентировка погребений могильника также требует специального исследования. Их азимут определялся по ориентировке могильной ямы, а в случаях, когда контуры ямы были не видны, – по ориентировке костяка. Поскольку могильные ямы детских погребений значительно короче, вычисление их азимута может содержать

сравнительно большую погрешность. Причём по той же причине ориентировка могильной ямы и останков погребённого могла иметь небольшое отклонение от заданного азимута уже на этапе совершения захоронения. Поэтому при анализе азимутов погребений могильника детские погребения имели наименьшее информативное значение. Применительно к ним такой параметр, как азимут, работает только в случае большого количества индивидов со сходным признаком.

Оказалось, что при сходной ориентировке большинства погребений разнообразие вариантов довольно велико: в диапазоне от 200 до 300 градусов включительно. Если принять градацию в 5 градусов, то в этом интервале можно выделить 21 вариант ориентировки погребений. Поскольку азимут 205 градусов не прослежен ни у одного погребения, их количество сокращается до 20. Дробление на такое большое количество вариантов усложняет поиск закономерностей. Однако максимальная дробность позволяет лучше устанавливать связи между полученными вариантами. Обозначенные выше 20 вариантов удалось разделить на 5 групп или видов пространственной ориентировки погребений.

Первый вид пространственной ориентировки – с азимутами от 200 до 220 градусов (рис. 105). К этому виду принадлежат всего 6 погребений: 120, 146, 151, 156, 330, 412. Почти все они расположены в пределах второй (центральной) планиграфической зоны. Условно ранних погребений среди них нет. Они не являются самыми ранними в своих стратиграфических колонках, но и не являются самыми поздними. Часть этих погребений являются детскими, но их азимут настолько сильно отличается от азимута большинства погребений, что это невозможно объяснить простой случайностью. Такая ориентировка могла бы появиться, если в какой-то момент исчезли бы все следы более ранних могил и другие ориентиры. Но ориентиром также не могло быть и солнце – на этой широте оно никогда не восходит и не заходит в тех точках горизонта, куда направлены изголовья и изножья этих погребений.

Важным отличием погребений с такой ориентировкой является их компактное размещение на плане могильника. Большинство

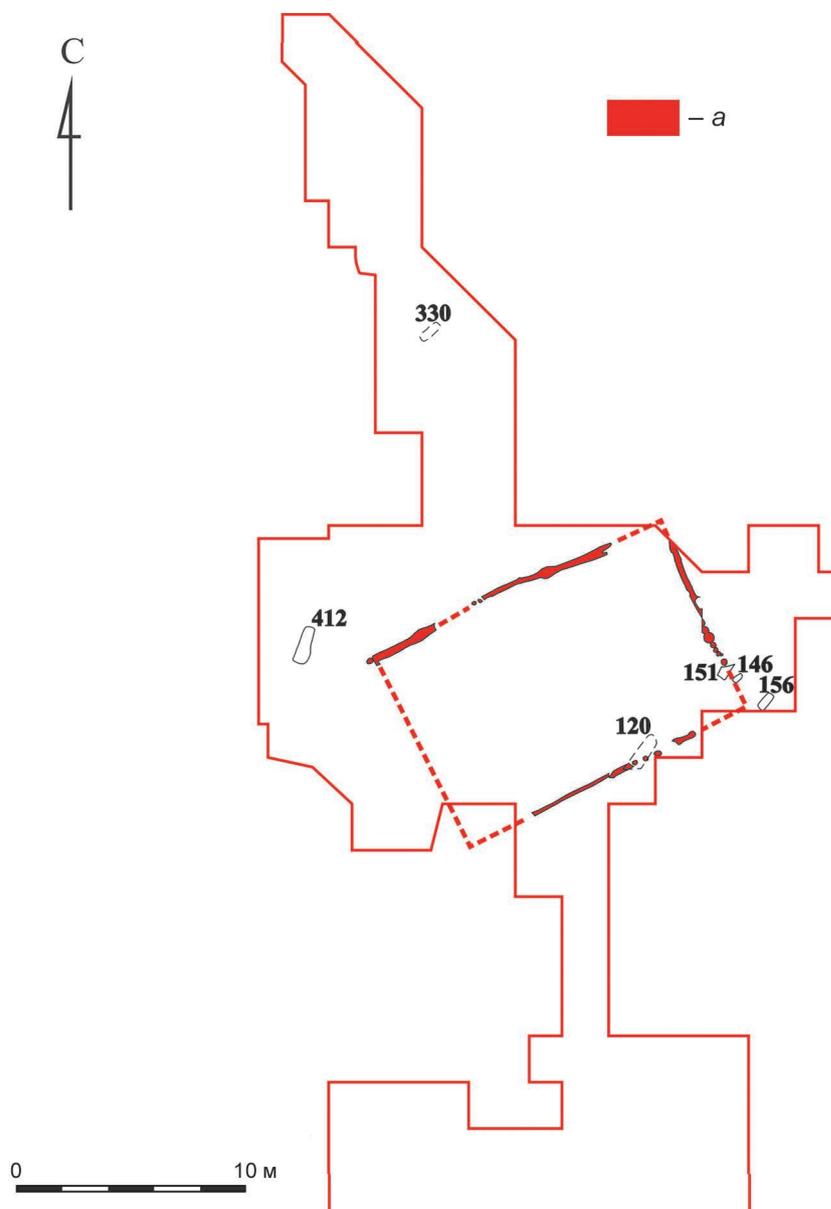

Рис. 105. Схема расположения погребений, сориентированных по азимутам 200–220 градусов.
a – границы церковной платформы середины XII в.

из них находятся на восточном краю «подиума», прорезая его. Погребение 330 из этой группы расположено в третьей (северной) зоне, но поскольку это одиночное погребение маленького ребёнка, его ориентировка не может быть основанием для планиграфических выводов. Лишь одиночное погребение 412 расположено отдельно от остальных погребений этой группы – к западу от храма. В целом, такая группа погребений может хронологически соответствовать непродолжительному периоду перестройки храма, но причины их переориентирования в этом

случае остаются неясны. Можно лишь осторожно предположить, что на месте храма какое-то время располагалась шестигранная (или восьмигранная) в плане часовня. Тогда рядом с ней (и как раз с разных сторон от неё) некоторые погребения могли быть ошибочно сориентированы по её ближайшим стенкам. Например, в случае с шестигранным планом часовни направление двух симметричных её стенок могло иметь ту же ориентировку, что и у погребений из этой группы, а это могло ввести в заблуждение тех, кто выкапывал могилы.

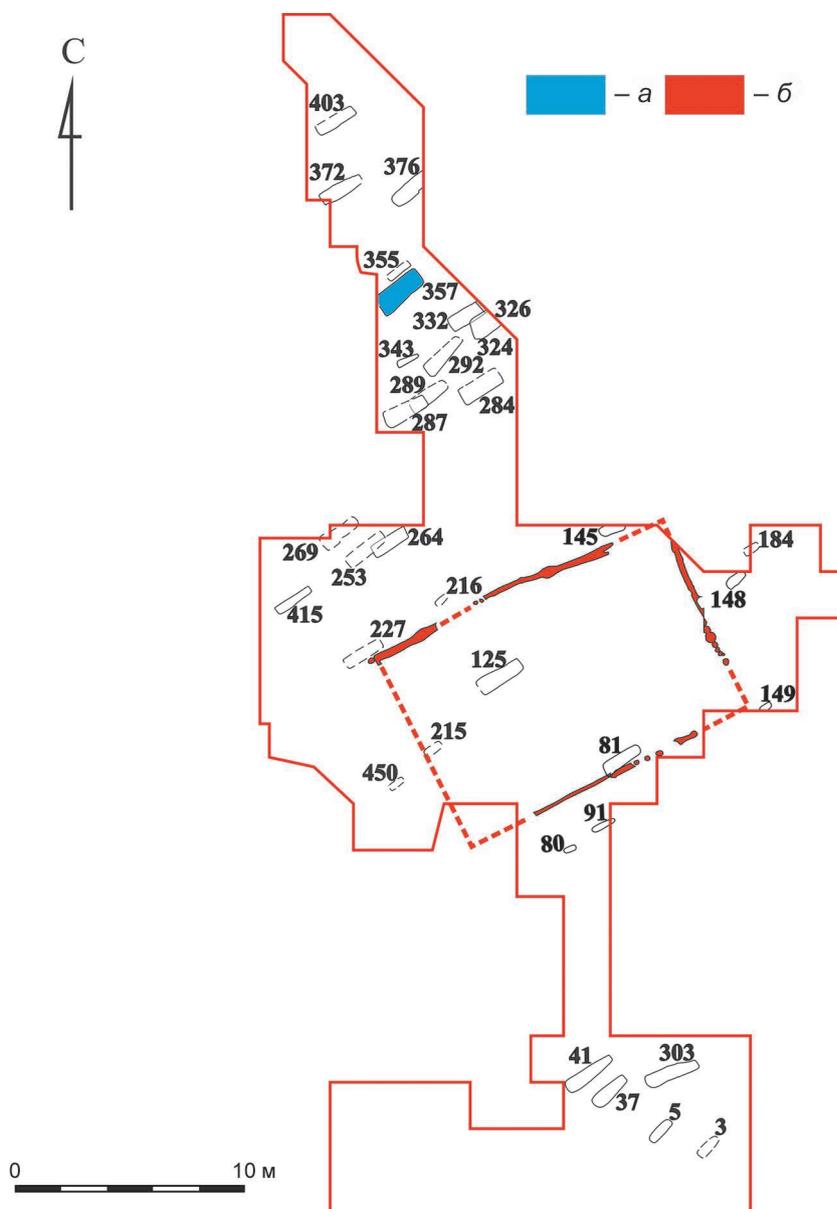

Рис. 106. Схема расположения погребений, сориентированных по азимутам 225–235 градусов.
a – погребения с широкой могильной ямой; *б* – границы церковной платформы середины XII в.

Второй вид пространственной ориентировки – 33 погребения с ориентировкой от 225 до 235 градусов (рис. 106). Среди них тоже почти нет тех, что обладают признаками ранних: лишь погребение 357 совершенно в «широкой» могильной яме, но расположено оно в северной части кладбища, на существенном расстоянии от церкви. Собственно, большинство погребений этого вида расположено на большом расстоянии от первоначального храма, т.е. там, где было сложно точно воспроизвести ориентировку его стен при выкапывании могил. Очевидно, что

многие захоронения второго вида делались на том этапе истории могильника, когда пространство вокруг церкви было уже занято другими могилами. В то же время среди наиболее поздних погребений могильника, сосредоточенных в первой планиграфической зоне кладбища, погребений с такими азимутами нет.

Третий вид пространственной ориентировки (рис. 107–110). К этому виду относится абсолютное большинство погребений могильника, ориентировка которых укладывалась в интервал азимутов от 240 до 255

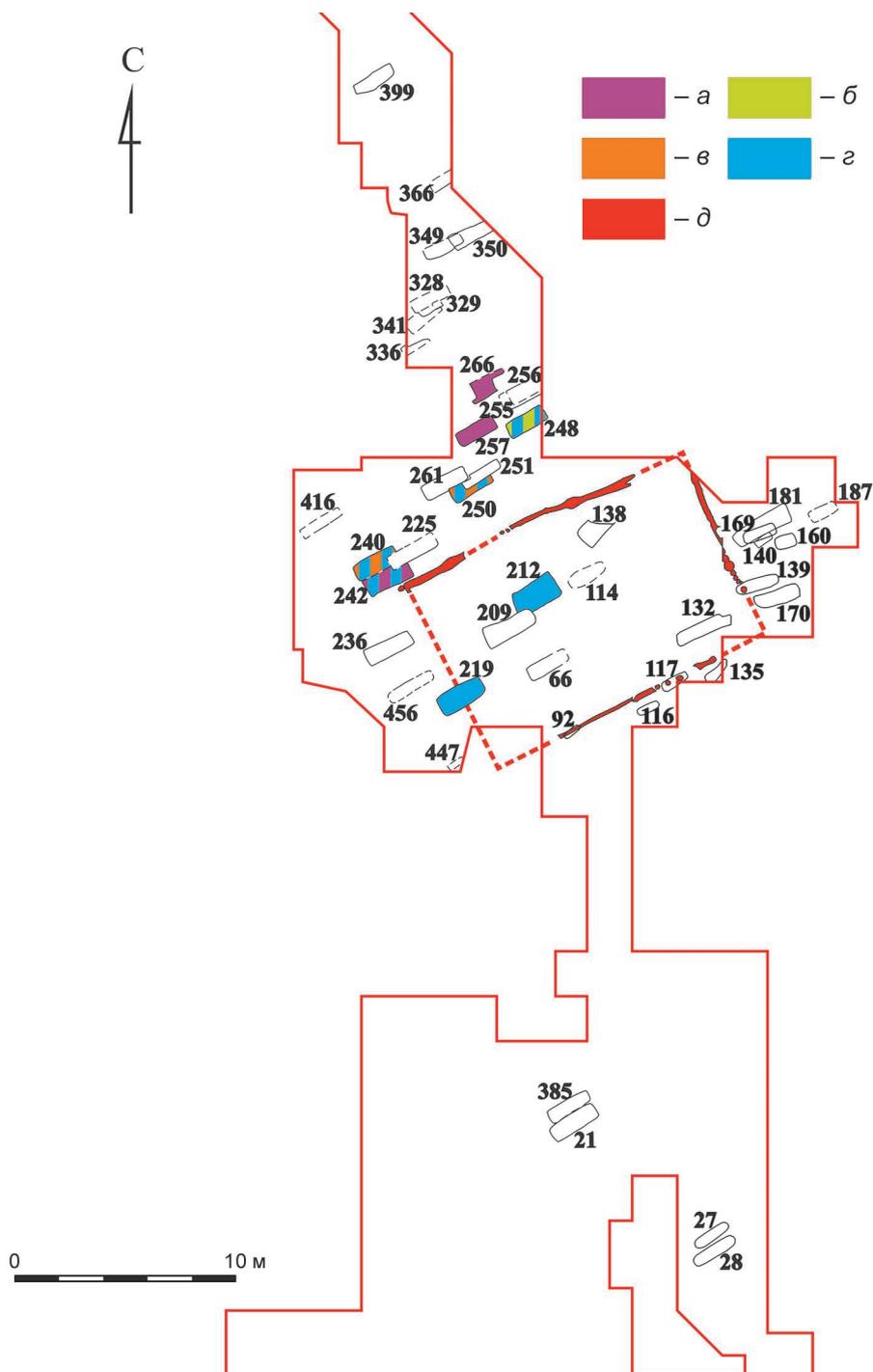

Рис. 107. Схема расположения погребений, сориентированных по азимуту 240 градусов. *a* – погребения с домонгольским инвентарем; *б* – погребения с недатированным инвентарем; *в* – погребения с поперечными канавками; *г* – погребения с широкой могильной ямой; *д* – границы церковной платформы середины XII в.

градусов – их насчитывается 224. Для представления их планиграфической ситуации приходится размещать этот вид погребений с разными вариантами азимута на нескольких планах, в противном случае на многих участках погребения слились бы в одну неразличимую

массу. Для каждого из этих четырёх вариантов ориентировки характерны сходные планиграфические особенности:

– они прослежены во всех планиграфических зонах могильника при их наибольшей плотности во второй (центральной) зоне;

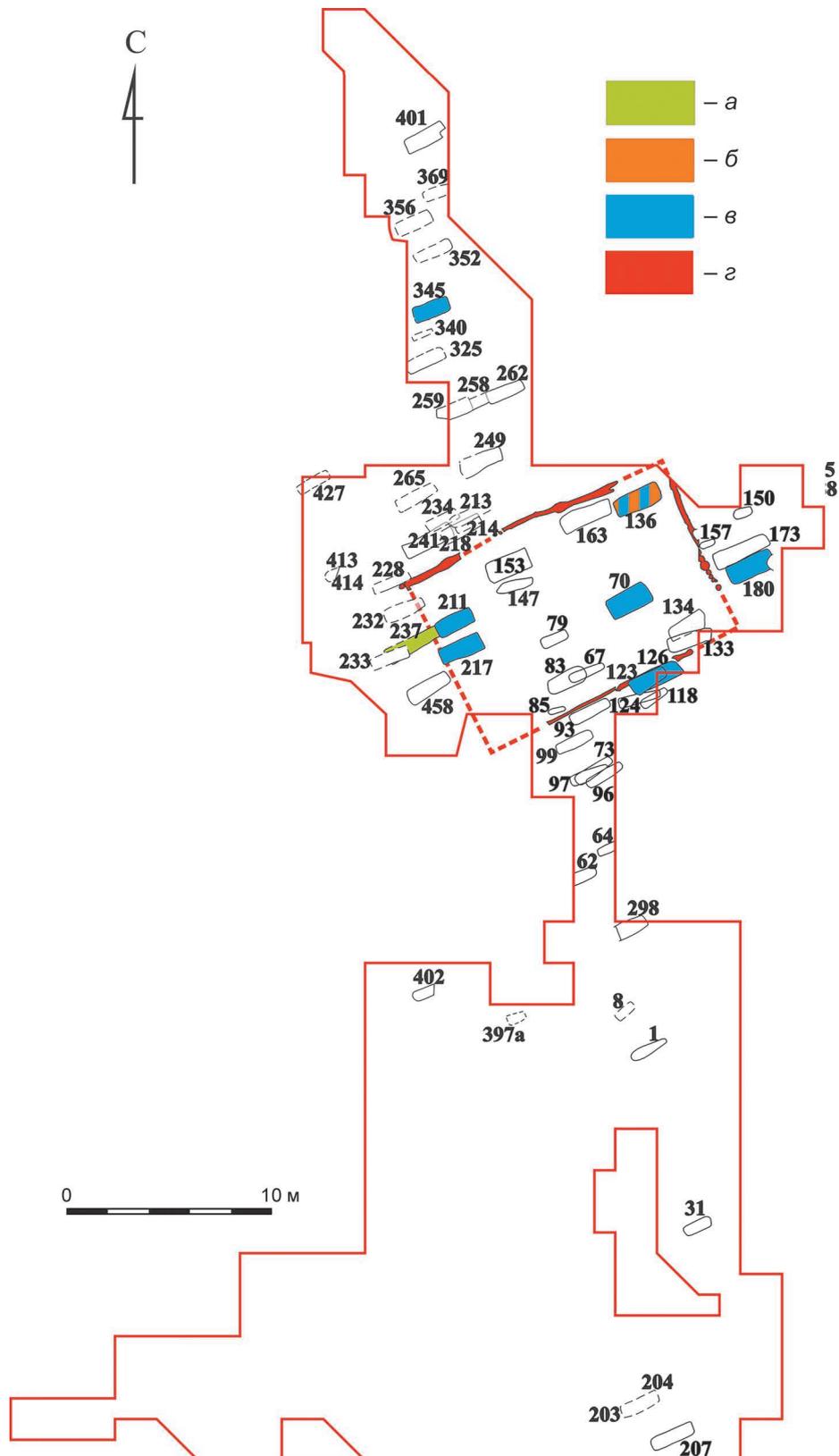

Рис. 108. Схема расположения погребений, сориентированных по азимуту 245 градусов. *a* – погребения с недатированным инвентарем; *b* – погребения с поперечными канавками; *v* – погребения с широкой могильной ямой; *z* – границы церковной платформы середины XII в.

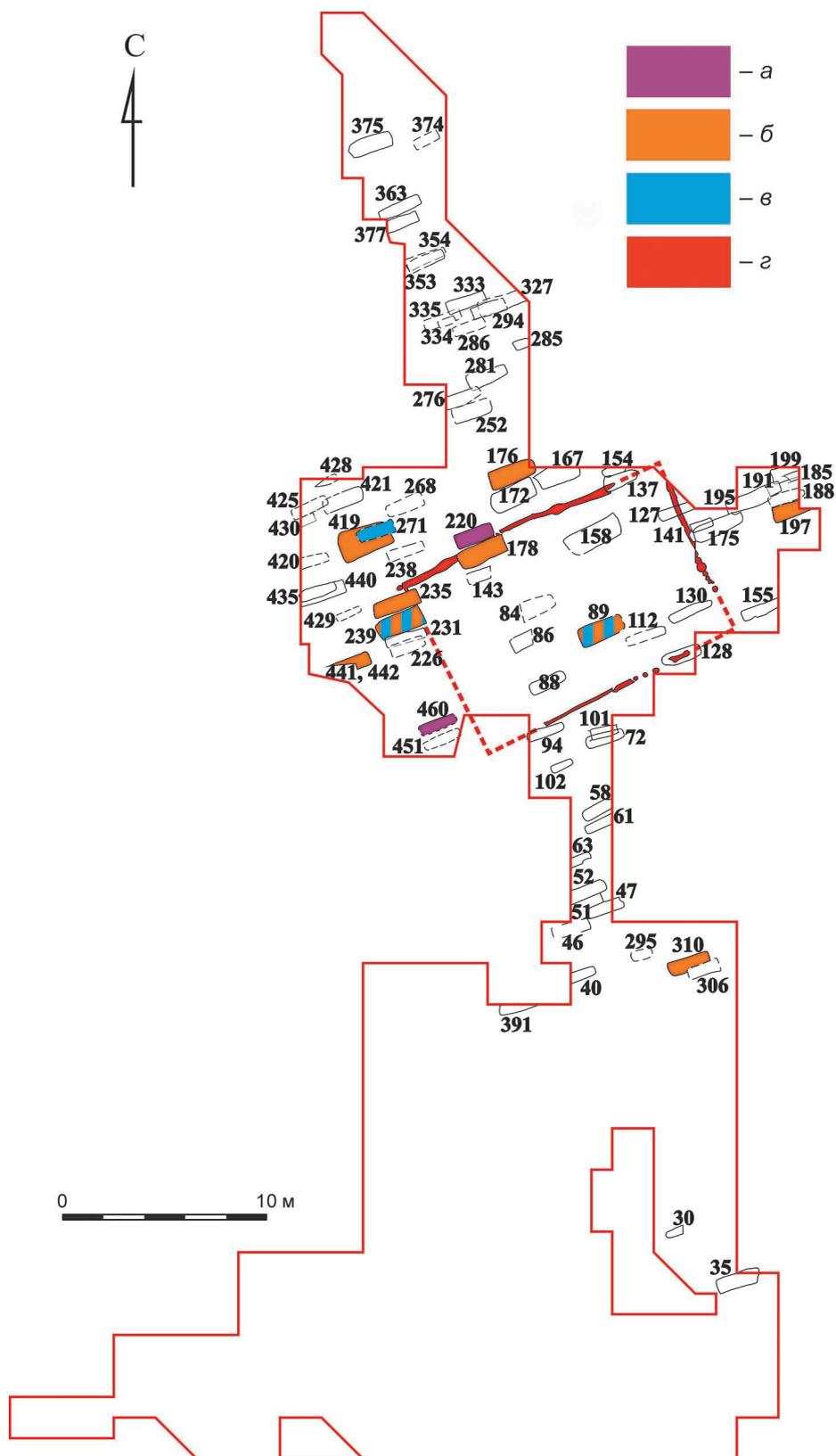

Рис. 109. Схема расположения погребений, сориентированных по азимуту 250 градусов. *a* – погребения с домонгольским инвентарем; *b* – погребения с поперечными канавками; *v* – погребения с широкой могильной ямой; *z* – границы церковной платформы середины XII в.

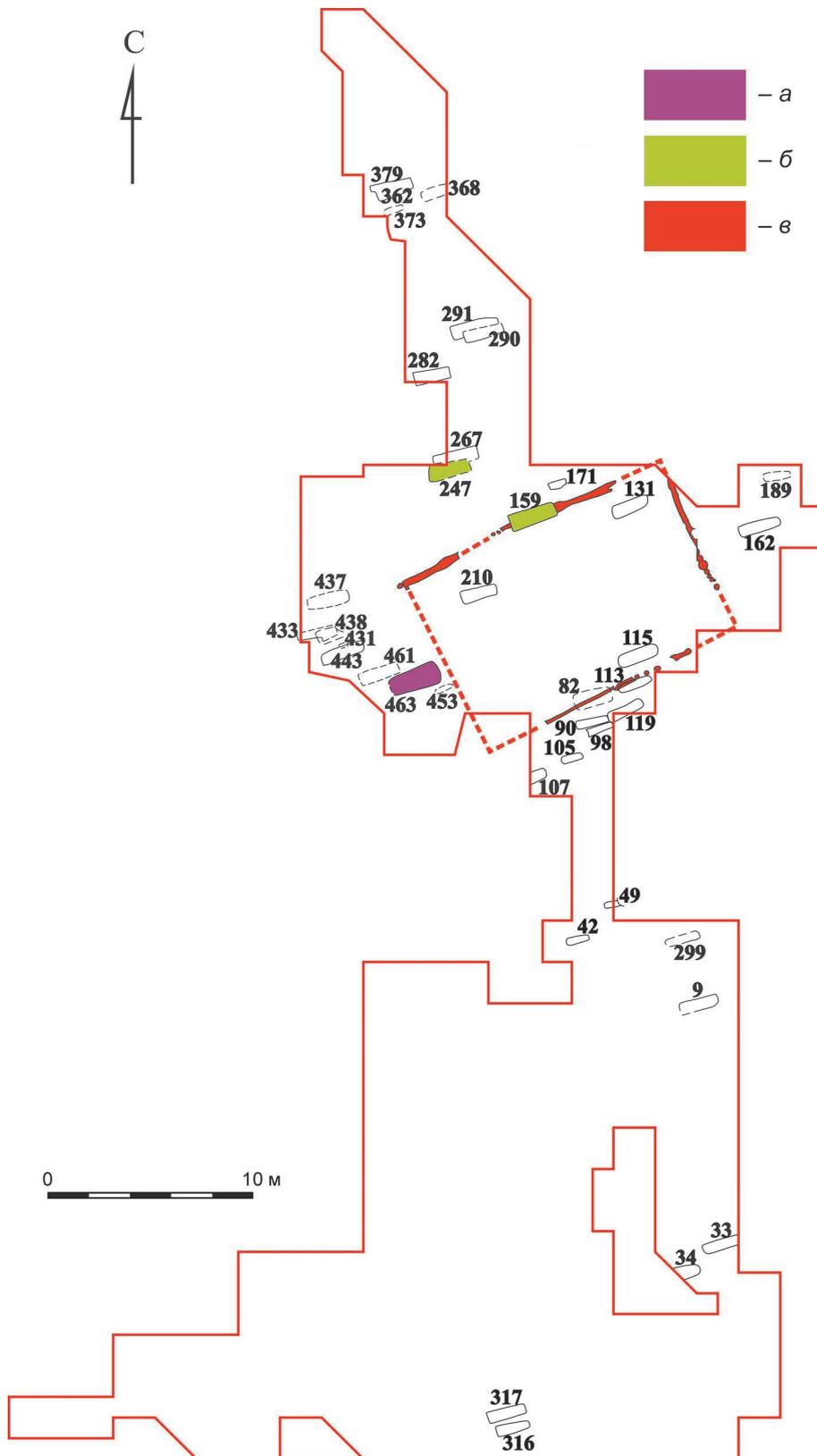

Рис. 110. Схема расположения погребений, сориентированных по азимуту 255 градусов. *a* – погребения с домонгольским инвентарем; *b* – погребения с инвентарем; *v* – сооружение 12, 23, 24

– во всех случаях среди погребений каждого варианта есть условно ранние могилы. В вариантах с азимутами 240 и 245 градусов более всего погребений, сделанных в широких могильных ямах. В варианте азимута 250 градусов заметно присутствие могил с поперечными канавками в дне.

Третий вид пространственной ориентировки начал использоваться в самом начале истории могильника, существовал длительное время, вплоть до прекращения существования кладбища. Поэтому могилы с такой пространственной ориентировкой, сделанные во второй (центральной) планиграфической зоне могут датироваться в самом широком диапазоне.

Четвёртый вид пространственной ориентировки – с ориентировкой по азимуту 260 градусов (рис. 111). 24 погребения этого вида расположены в первой (южной) и второй (центральной) планиграфических зонах могильника. Причём в центральной зоне они концентрируются преимущественно к югу и западу от «церковного места». Ранние погребения тут единичны.

Пятый вид пространственной ориентировки. К пятому виду ориентировки относятся погребения с азимутами 265, 270, 275, 280, 285, 290, 295 и 300 градусов, которых насчитывалось 51 (рис. 112). Несмотря на большой разброс вариантов, планиграфическая ситуация у таких погребений сходная. Часть таких погребений компактно расположена в «заалтарной» (восточной) части могильника. Термин «заалтарная» может использоваться только условно, поскольку не известно, в какой конкретно точке могильника могли располагаться разновременные алтари перестраивавшегося храма. Пространственная ориентировка этого пятого вида сильно отличается от большинства могил кладбища, поэтому можно предположить хронологическую близость таких компактно расположенных погребений. Часть этих погребений в «заалтарной части» могильника имеет признаки условно ранних (недатированный инвентарь и поперечные канавки в дне могильной ямы), но их нельзя относить к погребениям домонгольской эпохи, поскольку они совершены рядом с церковью и при выкапывании могил допустить столь огромную ошибку в ориентировке (до 50 градусов!) было бы очень сложно. Особенно много погребений 5-го вида распо-

ложено в первой (южной) планиграфической зоне, где они концентрируются в её северной части, видимо, тоже представляя собой относительно синхронную группу. Причем, в одном из этих погребений (407) был встречен наперсный крест-энколпион (рис. 112), принадлежавший к хорошо известному типу, большинство находок которых датируются XV–XVI вв. (Малых, 2015. С. 489). По наличию литейного дефекта в нижней части медальона на правой лопасти оборотной стороны креста (с изображением архангела Сихаила) этот крест вписывается в большой ряд отливок, место производства которых предполагается в Москве в районе расположения позднейшей усадьбы Лопухиных (Знаменский пер., д. 3 и 3/5) в интервале второй половины XV – первой половины XVI в. (Малых, 2015. С. 488, 489, 495. Рис. 12, 2). Таким образом, крест из погребения 407 не может датироваться ранее XV в., а в погребении он оказался, скорее всего, до середины XVI в. Этим временем и следует датировать как само погребение 407, так и соседние с ним погребения 406 и 408, а возможно и всю 5-ю группу захоронений.

История формирования кладбища вокруг церкви в Ростиславле пока остается не вполне понятной, но некоторые ее вехи все же можно попытаться сформулировать.

При основании в 1153 г. средневекового города Ростиславля его первые укрепления могли занимать миниатюрную площадку в северной оконечности городища, совпадающую по площади с более ранним городищем эпохи РЖВ. Скромным размерам крепости должно было соответствовать не слишком крупное поселение, в котором, тем не менее, сразу же был построен небольшой деревянный храм, располагавшийся за пределами крепостной стены. В дальнейшем город расширялся, но новых церквей не возникло, поскольку до сих пор нигде не обнаружено следов второго кладбища, которое непременно появилось бы вокруг него. Единственным местом в ближайшей округе, где известны костные останки, является Погост Ростиславль, расположенный в 300–400 м к югу от городища, но, к сожалению, это место практически полностью уничтожено кладоискателями за последние 70 лет непрерывного грабежа. Тем не менее, предположительно там, на месте позднейшего

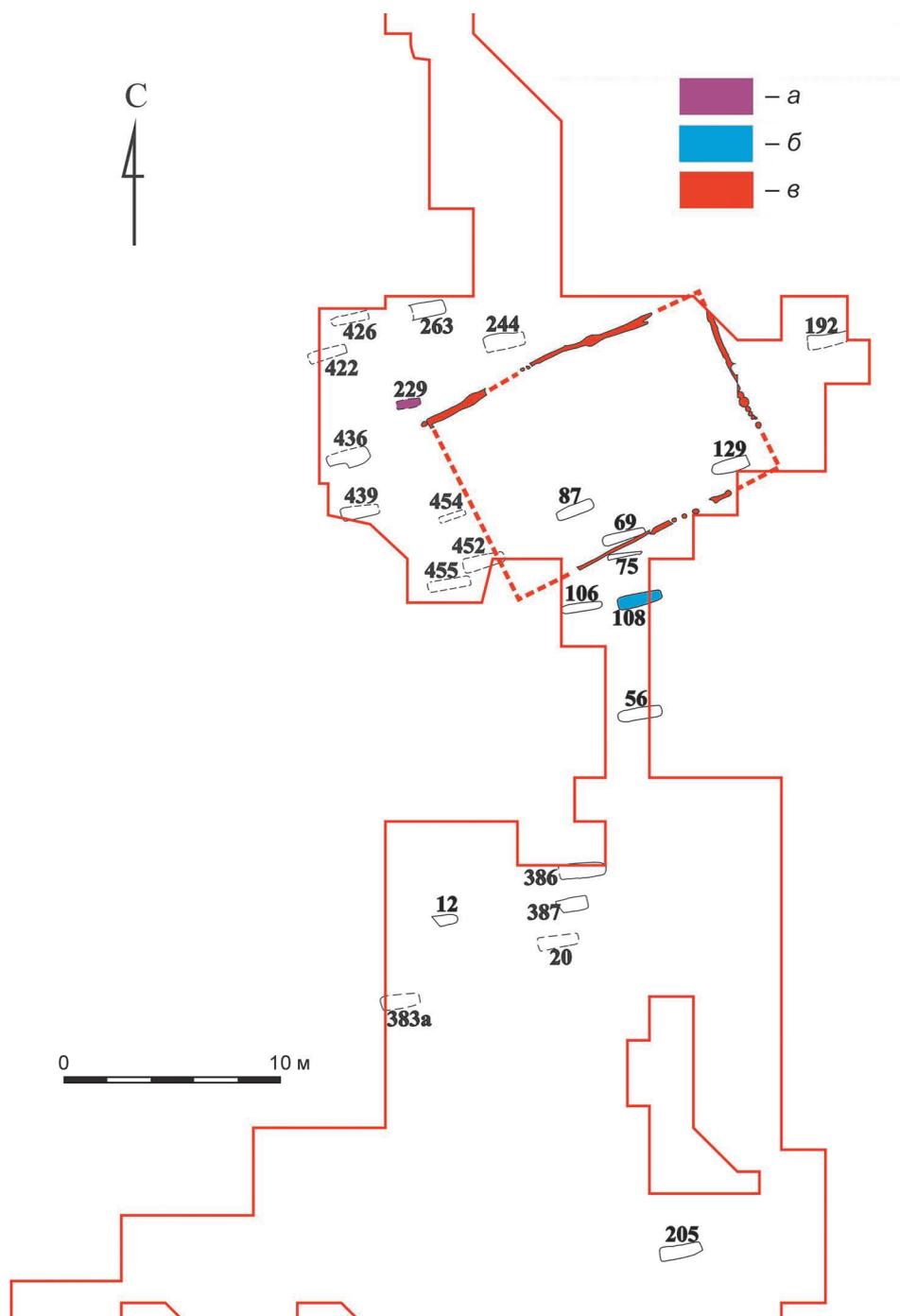

Рис. 111. Схема расположения погребений, ориентированных по азимуту 260 градусов.
a – погребения с недатированным инвентарем; *b* – погребения с широкой могильной ямой;
v – границы церковной платформы середины XII в.

(XVIII – первая треть XX вв.) погоста могло размещаться ещё одно кладбище городского населения. Городской храм (собор), посвященный, вероятно, Успению Богородицы (Коваль, 2015б. С. 187), на протяжении всего периода существования Ростиславля оставался единственным культовым местом внутри го-

рода. Будучи деревянным строением, он мог и должен был перестраиваться, но его площадь и другие конструктивные особенности не могут быть установлены на имеющемся источнике. Известно лишь то, что для строительства первого храма была подготовлена платформа «подиум» размерами не более 13,5×9 м.

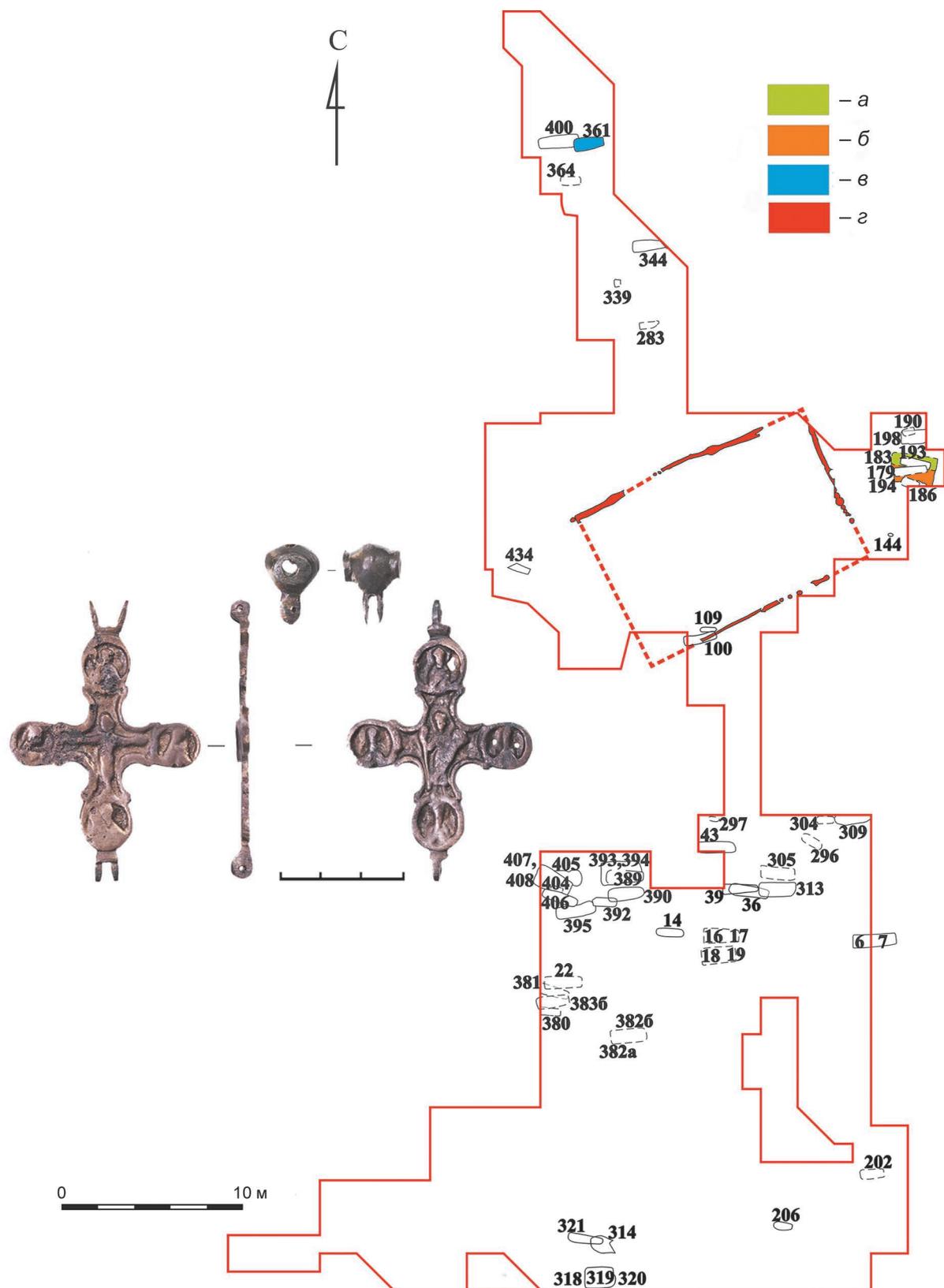

Рис. 112. Схема расположения погребений, сориентированных по азимутам 265–300 градусов. *a* – погребения с инвентарем; *б* – погребения с поперечными канавками; *в* – погребения с широкой могильной ямой; *г* – границы церковной платформы середины XII в.

Практически сразу после появления храма стал формироваться могильник, который изначально не имел большой территории. Наиболее ранние женские погребения с домонгольским инвентарём (украшениями рук, головы и груди) прослежены только к северу и западу от «церковного места». Разумеется, должны были существовать и синхронные захоронения мужчин, но они были безынвентарны и угадываются только по размещению в тех же рядах могил, где найдены женские ранние погребения. Присутствие рядом с церковью захоронений, в которых усопшие были положены вместе с украшениями, свидетельствует о раннем этапе христианизации населения, когда требование безынвентарности выполнялось не всегда.

Как минимум часть первого населения города практиковала погребальную традицию, при которой на дне могильных ям выкапывались поперечные канавки в изголовье и (или) в изножье. Подобная традиция прослежена в ряде курганных памятников Подмосковья. Одна из таких могил предшествовала погребению с домонгольским инвентарём. Керамические материалы из комплексов второй половины XII в. на Ростиславле позволяют предполагать, что в составе населения города имелись переселенцы откуда-то из южных регионов Древней Руси. По этой причине некоторые погребальные традиции могут иметь территориально удалённые аналогии.

В Ростиславле инвентарные погребения и погребения с поперечными канавками на дне могил начали формировать планиграфическую структуру могильника. Так к западу и северу от места постройки первого храма уже в домонгольское время сформировались ряды из мужских, женских и детских погребений, между которыми фиксируется проход шириной немногим более 2 метров. На основании этой планиграфии можно предполагать развитие кладбища в домонгольское время к западу и северу от храма. Некоторые погребения с недатированным инвентарём в ряде мест планиграфически вписаны в сформировавшуюся рядную структуру кладбища, поэтому они могли быть синхронны домонгольским либо наследовать им.

В течение всего начального этапа формирования могильника вокруг храма существовала довольно обширная площадка, не за-

нятая усадебной застройкой, причем к этой площадке подходила главная улица города, пересекавшая его с юга на север. Расстояние от юго-восточного края «подиума» под самым первым храмом до частокола, ограничивавшего северный предел городской усадебной застройки, составляет 10 м. В этом пространстве должна была сохраняться возможность проходить к самому культовому сооружению, хотя пока не ясно, где именно был в него вход и как конструктивно он был оформлен.

В разные периоды истории города границы усадебной застройки, безусловно, менялись (рис. 113). Уже во второй половине XIII–XIV вв. граница усадебной застройки, находившейся к югу от церкви, сдвинулась, вероятно, на 6–7 метров южнее. Может быть, это было вызвано тем, что могильник занял уже какую-то территорию к югу от храма. Погребения с поперечными канавками на дне могил и с «широкими» могильными ямами в значительной своей части были синхронны домонгольским, но все же в ряде случаев эти могилы располагались на расстоянии от рядов ранних (домонгольских) погребений или имели ориентировку, резко отличающуюся от «стандартной», диктовавшейся направлением стен церкви. Пять могил с таким признаком, как поперечные канавки на дне (группа 2 ранних погребений), прорезали края насыпной платформы-«подиума» под первоначальным храмом, что стало бы возможно только после того, как края платформы оказались разрушены. Сама церковь при этом могла поменять как размеры, так и расположение. Следовательно, погребения с поперечными канавками на дне могильных ям могут датироваться шире, чем только домонгольской эпохой. Подтверждение тому – погребение 310 с поперечной канавкой в изножье, расположенное на месте домонгольской усадьбы к югу от храма.

Если монгольское нашествие привело к кратковременному запустению города, а его население существенно сменило свой состав (даже в случае возвращения значительной части прежнего, то погребальная традиция могла заметно измениться, а возобновленную церковь выстроить с отклонением от предыдущего плана. Например, смена прямоугольного плана здания на многоугольный могла привести к появлению погребений

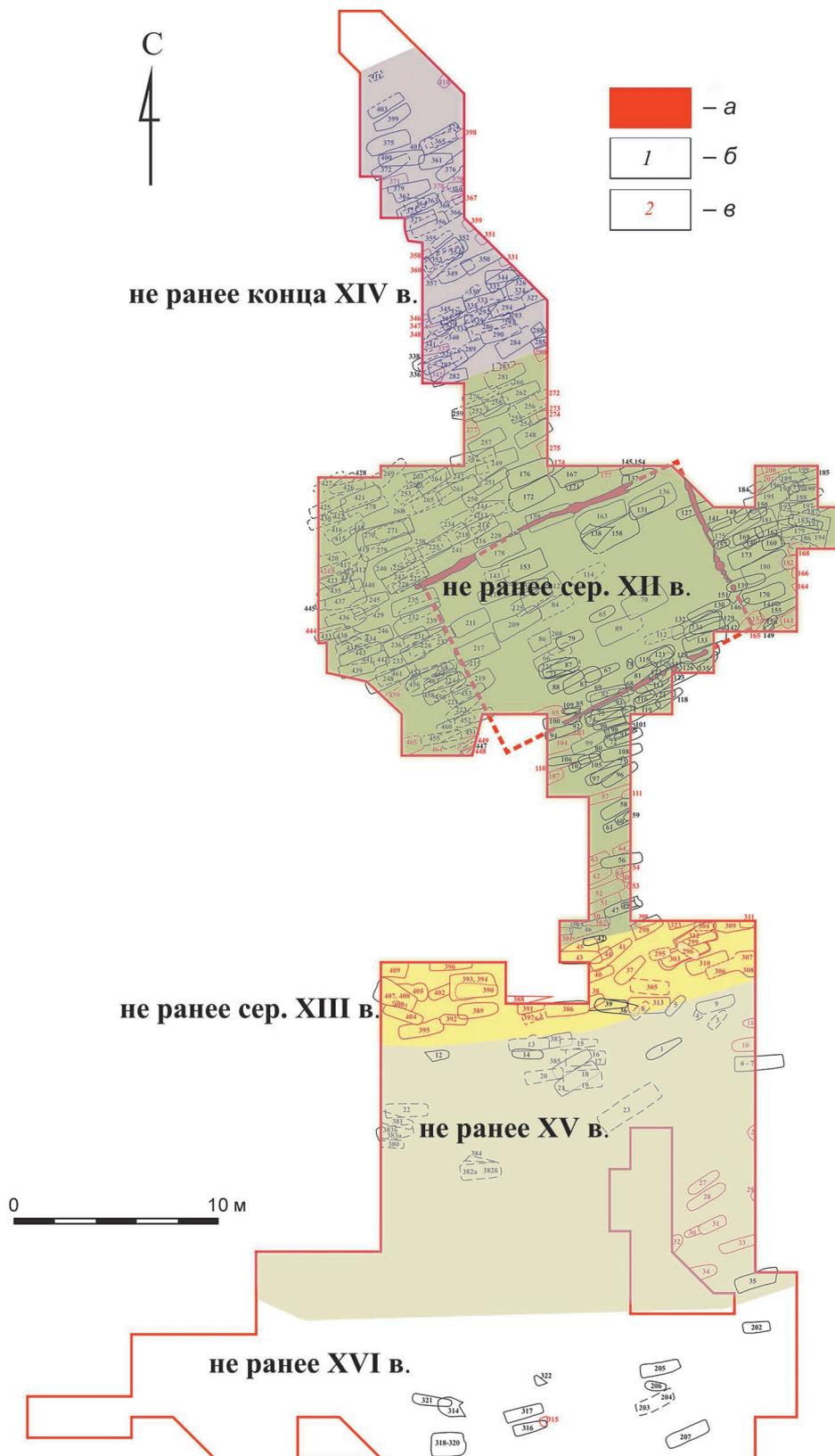

Рис. 113. Вариант реконструкции границ кладбища исходя из нижних возможных дат погребений в различных частях кладбища

со специфической ориентировкой на юго-юго-запад и запад-северо-запад, заметно отличающейся от прежней. Но могил с такой пространственной ориентацией не много, так что можно думать, что в скором времени церковь вновь заняла то же положение, что и до 1237 г., а пространственная ориентировка погребений стала такой же, как и в XII–XIII вв.

Распространение кладбища далее к югу – на территорию усадебной застройки XII–XIII и XIV вв. можно связывать уже с концом золотоордынской эпохи и особенно с XV столетием, когда Ростиславль переживал упадок и количество построек на его площадке стало резко сокращаться. Погребения с ориентировкой на запад и запад-северо-запад (5-го вида) могли появиться в конце XV–XVI вв., когда город подвергался частым разорениям во время набегов крымских татар (*Коваль*, 2004а. С. 16–18). В это время здание церкви могло не возобновляться, но захоронения на территории старого кладбища продолжались и в связи с отсутствием зримого ориентира неизбежно должны были совершаться с различной ориентацией, лишь приблизительно соответствуя направлению «на запад». Нельзя также исключать, что в какой-то период (возможно, на протяжении XV–XVI в.) церковное здание было

построено с отклонением от «традиционной» ориентировки Успенских церквей.

Погребения, наиболее удалённые к югу от церкви, совершены в последний период истории могильника, когда они распространились на территорию усадебной застройки не только XII–XIII, но и XIV–XV вв. Видимо, новые захоронения в финальный период существования города, а возможно – и после прекращения жизни в нем, т. е. в XVI–XVII вв. совершались в том числе на просторной освободившейся площади. Здесь они могли появиться только в тот исторический момент, когда Ростиславль как крепость перестал существовать, и поэтому внутри городища образовались обширные не занятые дворами территории (последние жилые постройки на городище датированы XVI веком). Пространственная ориентировка погребений в этой части могильника очень разнообразна: ясно, что на большом расстоянии от храма ориентировка новых могил по нему была затруднена либо храм уже и вовсе не существовал. В этот период новые захоронения могли игнорировать любую сложившуюся в древности планиграфическую структуру могильника, в том числе рядность и пространственную ориентировку. Тогда же наиболее поздние погребения могли оказаться на площадке, некогда занимавшейся храмом.

12. КЕРАМИКА РОСТИСЛАВЬСКОГО КЛАДБИЩА

Кладбище Ростиславля интересно тем, что значительная его часть размещается на территории, где до начала совершения захоронений не было средневековой застройки, а лежал лишь более ранний слой РЖВ. К тому же средневековый керамический материал христианских кладбищ центральной России никогда еще, кажется, не становился предметом специального изучения. Надо напомнить, что в христианские захоронения керамические сосуды не помещались (в отличие, например, от раннехристианских подкурганых захоронений (*Энговатова и др.*, 2018. С. 91–98), нет их даже в тех могилах, где обнаружены женские украшения, использовавшиеся как погребальный инвентарь, указывающий на сильные традиции двоеверия (или иначе: неполного усвоения христианских погребальных норм). Между тем, и в заполнениях могильных ям, и в переотложенном грунте между и над могилами, обломки керамики встречаются – пусть и не слишком часто, но постоянно.

На площади ростиславльского кладбища территория, на которой не проводилось никакой явной хозяйственной деятельности (фиксируемой по наличию остатков построек и хозяйственных ям) располагалась на раскопе II, на участках Е-К, Н, Р, 31, исследованных в 2002–2006, 2009, 2010 и 2023 гг., общая площадь которых составляла 234 кв. м, на которой располагались более 200 погребений. С указанной площади в слоях 1 и 2 было собрано, соответственно, 1052 и 984 обломка круговой керамики (находки лепной керамики РЖВ, встреченные в этих же слоях, в данном случае не учтены), т.е. вполне репрезентативные наборы, которые допустимо подвергать первичной статистической обработке. Надо только указать, что почти вся керамика слоя 1 и основная масса керамики

слоя 2 была сильно измельчена, а крупные обломки сосудов (почти исключительно горшков) встречались крайне редко.

Основные характеристики этих керамических комплексов (табл. 11) оказываются чрезвычайно близки друг другу – разница по большинству признаков составляет 1–3%, а это чрезвычайно незначительный размер колебаний, который фактически свидетельствует о том, что слои 1 и 2, несмотря на все стратиграфические различия, хронологически почти синхронны.

Рассмотрим более подробно характеристики этих слоев для того, чтобы понять, как и когда могли в этом месте накопиться культурные отложения. Прежде всего, тут важна высокая доля керамики из формовочных масс с примесями песка, достигающая 94–98%. Такую долю имеют на городище Ростиславля только комплексы XII–XIII вв. (*Коваль*, 2004б. Табл. 1). В более поздних комплексах такой керамики заметно меньше, зато почти обязательно присутствует керамика из масс с примесями дресвы, карбонатов и из масс без всяких видимых примесей. На территории кладбища обломки горшков из масс без примесей с профилировкой XVI–XVI вв. (рис. 114, 1) встречены только в верхнем слое 1, причем это были по преимуществу очень мелкие обломки, попадание которых на площадку кладбища можно уверенно считать случайным.

Кроме рассмотренного выше, критерием для хронологизации комплексов выступает доля орнаментированных обломков в общем сборе. В слоях 1 и 2 она составляла примерно 32 и 34%. Этот показатель близок установленному для закрытого комплекса второй половины XII – начала XIII вв. на подоле Ростиславля, где он достигал 39% (см. раздел 7). Нельзя сказать, что этот признак силь-

Таблица 11. Характеристика керамических комплексов ростиславльского кладбища

	Слой 1	Слой 2
Общее количество обломков керамики (шт.)	1052	984
Доля керамики из формовочной массы типа 1.1. (XV–XVI вв.) (%)	0,7	0
Доля керамики из формовочной массы типа 2.1. (XII–XIV вв.) (%)	94,0	97,6
В т.ч. доля керамики восстановительного обжига (%)	4,2	3,2
Количество обломков керамики с орнаментом (шт.)	332	338
Доля орнаментированной керамики в комплексе (%)	31,6	34,3
В т.ч. доля керамики с волнистым декором (в % от общего числа орнаментированных)	9,3	8,0
Венчики горшков всего (шт./%)	167/100	247/100
В т.ч. венчики типа 3/1 (XIII–XIV вв.)	14 / 8	25 / 10
Венчики типов 6/1, 8/2, 8/3 (2 п. XII – 1 п. XIII в.)	5 / 3	4 / 2
Венчики типов 18/2, 23/2, 28/2 (2 п. XII – XIII в.)	14 / 8	17 / 7
Венчики типа 23/1 (XII–XIV вв.)	81 / 48	90 / 36
Венчики типа 28/1 (XII–XIII в.)	35 / 21	42 / 17

но меняется в более поздние периоды, но его корреляция с предыдущим позволяет более уверенно говорить о в целом домонгольском облике керамики слоев 1 и 2. Этот вывод подтверждается еще и данными об использовании волнистого и линейного декора. Доля первого составляла 8–9%, остальное приходилось на линейную орнаментацию и редкие образцы сосудов, украшенных по плечикам ямочными вдавлениями разных форм (рис. 115, 1, 7, 12). По доле волнистого орнамента рассматриваемые слои 1 и 2 заметно отличаются от комплексов XII в., где волнистый орнамент исключительно редок, но вполне соответствуют норме, зафиксированной в комплексах первой половины XIII в. (Коваль, 2004б. Табл. 1). Пояса ямок на плечиках горшков тоже появляются на Ростиславле впервые именно в первой половине XIII в.

Другим очень важным для датировки комплексов признаком является доля керамики восстановительного обжига, которая в комплексах Ростиславля в домонгольское время практически отсутствует, а появляется уже только в XIV в. Незначительное присутствие такой посуды в рассматриваемых слоях 1 и 2 (3–4% всей керамики) заставляет думать о том, что она попала сюда случайно с заселенной территории города. Это подозрение усиливается благодаря тому, что в обоих слоях присутствуют венчики горшков типа

3/1, являющиеся хроноиндикаторами золотоордынской эпохи (рис. 114, 2, 3). Но их доля в общем наборе венчиков горшков (8 и 10% соответственно в слоях 1 и 2) находит соответствие только в комплексах второй половины XIII в. и конца XIV–XV вв., что кажется более чем странным из-за резкого несоответствия другим, рассмотренным выше характеристикам. Судя по конкретным образцам керамики, встреченным в слое 2 (в т.ч. в заполнениях многих могил), среди венчиков рассматриваемого морфотипа присутствовали однозначные образцы XIV в. Наряду с этими венчиками встречены и другие формы, характерные для XIV в. (рис. 114, 4–6). Отсюда можно сделать вывод, что в кладбищенские слои попадали обломки горшков золотоордынского времени, однако это не были целые сосуды.

Если же посмотреть на весь набор профилированных форм горшков из слоев 1 и 2, то тут наблюдается следующая ситуация: в слое 1 встречены почти исключительно мелкие обломки венчиков, но наряду с ними в одном пункте (над восточным углом церковной платформы – см. раздел 11) практически у дневной поверхности (в первом пласте отложений) были найдены развалы двух белоглиняных горшков однозначно домонгольского облика, сохранившиеся каждый почти на половину своего объема (рис. 114, 7, 8)⁴⁶.

⁴⁶ Находки под номерами 98, 99 (2004).

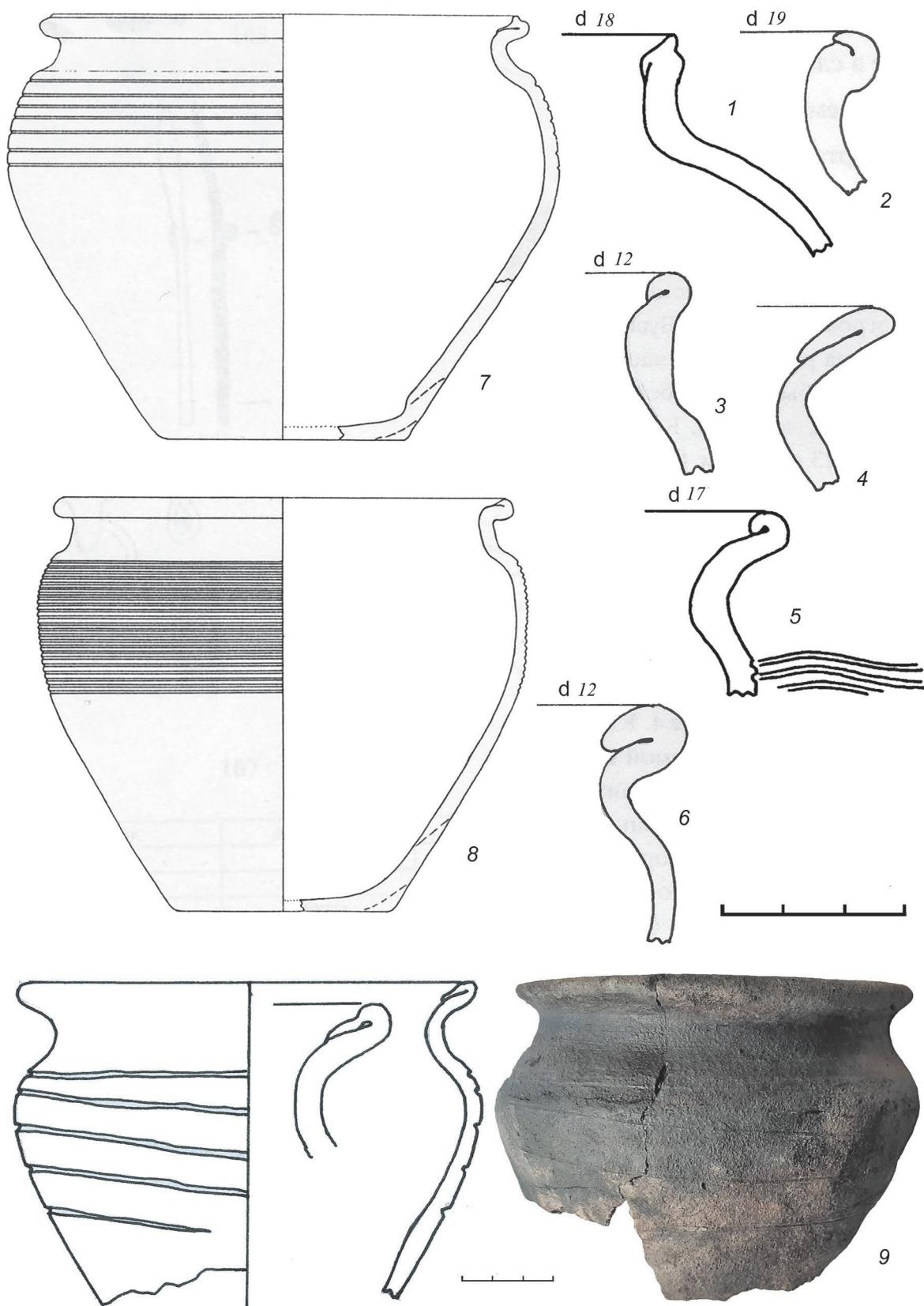

Рис. 114. Керамика слоев 2 (1-6, 9) и 1 (7, 8). 1 – венчик белоглиняного горшка XV в.; 2-6 – венчики горшков XIV в.; 7-9 – белоглиняные горшки второй половины XII – первой половины XIII в.

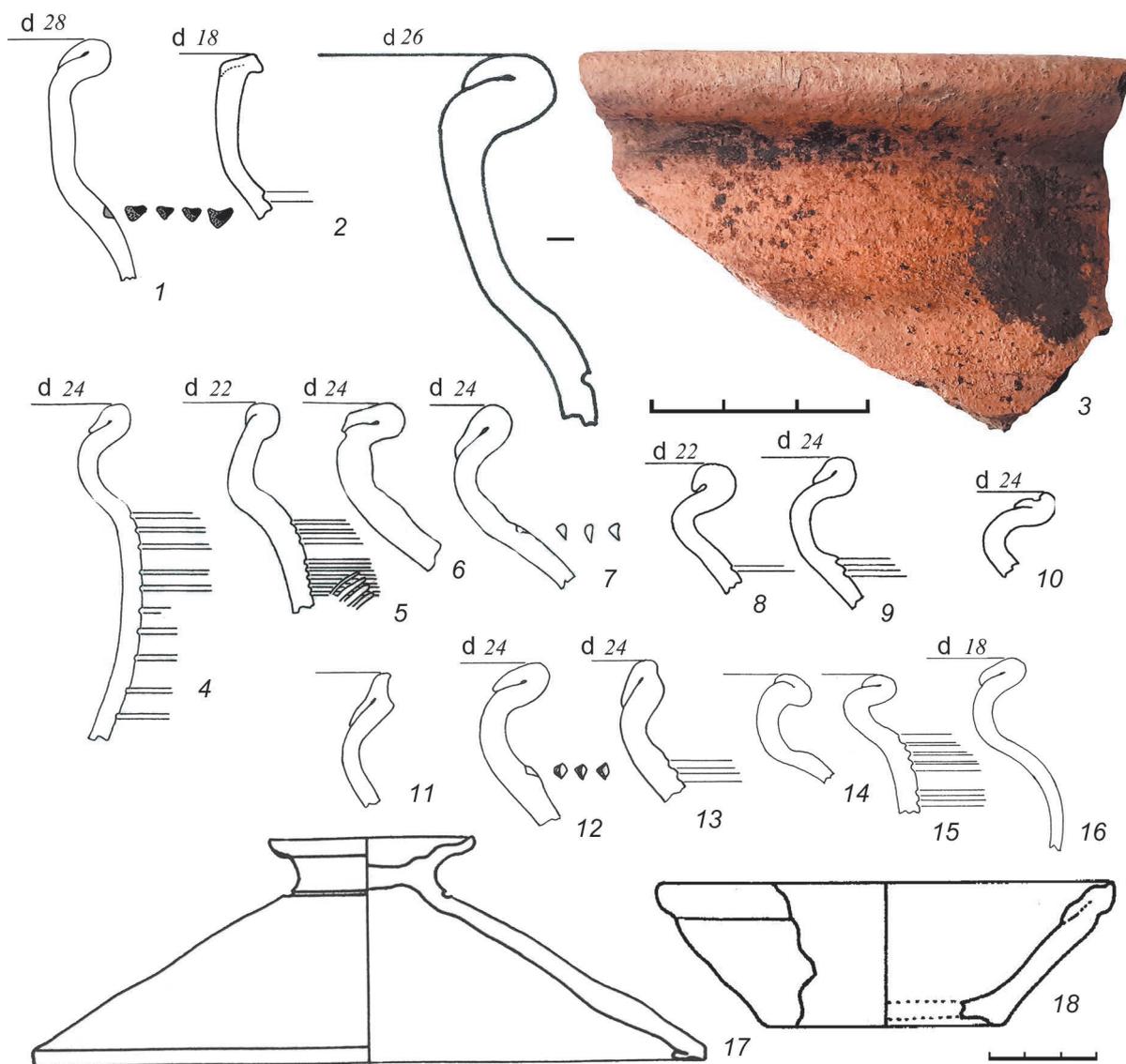

Рис. 115. Керамика середины XII – первой половины XIII в. из слоя 2

Эти развалы могли попасть в самый верхний горизонт культурных отложений только как выброс из могилы, достигшей дневного уровня времени начала существования кладбища, иное объяснение тут трудно предложить. Эти 2 горшка маркируют то время, когда на площадку будущего кладбища попадала керамика домонгольского облика. Они изготовлены из формовочной массы типа 2.1., прошли полный окислительный обжиг, имеют венчики типа 28/2 и днища на подсыпке песка (тип 4), украшены линейным орнаментом, который на один из горшков нанесен палочкой, а на другой – гребенкой. Аналогии им на Ростиславле имеются среди сосудов второй половины XII и первой половины XIII в. (Коваль, 2004б. Рис. 5, 19–21; 6, 27, 29).

Наборы венчиков горшков из слоев 1 и 2 имеют как сходства, так и некоторые различия, которые требуют комментариев. По своему объему набор из слоя 1 сильно уступает набору из слоя 2. Объяснение этому различию очевидно: в слое 1 керамика измельчена сильнее и потому не все обломки венчиков могли быть точно атрибутированы тому или иному морфотипу. В то же время, по долям венчиков типа 3/1 (XIV в.) и «цилиндрическим» венчикам типов 6/1, 8/2, 8/3 (рис. 115, 1, 2) домонгольского времени они схожи. Про поздние венчики речь уже шла выше, что же касается «цилиндрических», то по невысокой доле в слоях 1 и 2 они указывают на синхронность комплексам первой половины XIII в. (Коваль, 2004б. Табл. 1). То же можно сказать о группе

венчиков с валикообразными устьями – типов 18/2, 23/2, 28/2 (рис. 114, 7, 8), доля которых (7–8%) маловата для ранних комплексов второй половины XII в., но вполне соответствует комплексам первой половины XIII в.

По венчикам типов 23/1 (рис. 114, 9; 115, 3–4, 9–10, 12, 16) и 28/1 (рис. 115, 7, 11, 15) важно не различие между слоями 1 и 2 по числу находок таких венчиков, а то, что в каждом из этих комплексов доля венчиков типа 23/1 примерно вдвое превышала долю венчиков типа 28/1, а такая ситуация наблюдается по преимуществу в комплексах первой половины XIII в., тогда как в более ранних соотношения между этими типами более многообразны и нередко их доли равны или даже первые уступают вторым (*Коваль, 2004б. Табл. 3*). Конечно, тут приходится пользоваться «эталоном», полученными еще в начале изучения керамики Ростиславля, а основная масса керамических комплексов памятника осталась не систематизированной, но все же общие тенденции представляются установленными правильно. Причем сделанные еще более 20 лет назад наблюдения подтверждаются и более поздними данными из закрытого комплекса на подоле Ростиславля (см. выше раздел 7).

Ко середине XII в. могли тут принадлежать разрозненные обломки красноглиных горшков, целиком покрытых снаружи белым ангобом, венчики которых имеют своеобразие в профилировке (рис. 115, 5). Такие обломки периодически встречаются на городище, но целые сосуды пока не были найдены.

Наряду с горшками, в слое 2 встречены единичные обломки крышек от горшков, мисок, плошек, среди которых встречены и полнопрофильные экземпляры (рис. 115, 17, 18)⁴⁷, вполне вписывающиеся в обоснованные выше даты.

Таким образом, анализ керамических материалов ростиславльского кладбища позволяет сделать вывод о том, что основная часть того керамического массива, который сохранился в кладбищенских слоях, принадлежит изделиям первой половины XIII в. (с присутствием небольшого количества и более ранней посуды). Нет оснований сомневаться в том, что в указанное время этот керамический ма-

териал и отложился на площадке кладбища вокруг построенной в середине XII в. деревянной церкви, которая уже начала активно использоваться для захоронений. Как именно поступал сюда этот керамический мусор, вопрос непростой. Вряд ли это был именно мусор, т.е. выброшенные за пределы усадеб разбитые горшки, поскольку кладбище все же было объектом сакральным, при всей условности такой сакральности в условиях живого города. Нельзя исключать того, что тут оставались и следы тризн, совершавшихся на могилах и сопровождавшихся ритуальным «битьем посуды». Подобные обряды зафиксированы на синхронных курганах Подмосквы (*Энговатова и др., 2018. С. 95*), а наличие на ростиславльском кладбище женских погребений с инвентарем заставляет делать вывод о сильных традициях двоеверия в среде первопоселенцев города. На то же двоеверие (или, по крайней мере, неполное следование христианским канонам) указывает и использование в надписи на каменном памятном кресте языческого имени «Комлята» (*Коваль, Медведь, 2000*). Именно с какими-то поминальными действиями можно связывать появление среди могил развалов горшков или крупных их обломков (рис. 114, 7–9).

Но все же самым вероятным кажется другой путь проникновения керамики на кладбище: она содержалась в земле, которую приносили с площади городских усадеб для того, чтобы засыпать проседавшие со временем заполнения могил и формирования над ними холмиков. В справедливости последнего предположения убеждает присутствие на кладбищенском участке небольшого количества однозначно более поздней керамики XIV в., когда кладбище продолжало действовать и постепенно росло в размерах, а никакой хозяйственной деятельности на нем не велось, да и совершение тризн для этого времени уже сложно себе представить. Кстати, ни одного крупного обломка сосуда XIV в. тут и не было найдено.

Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН по теме «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

⁴⁷ Находки под номерами 140 (2005) и 84 (2009).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предлагаемой вниманию читателя монографии рассмотрены лишь отдельные темы, важные для археологии «малого города» Ростиславля. Накопленный за 30 лет материал столь огромен, что не мог быть целиком отражен ни в более чем 100 уже изданных статьях, ни в данной коллективной монографии. Для его издания понадобится несколько томов. Тем не менее, в настоящей книге сделан значительный шаг вперед по систематизации полученных знаний. В частности, впервые опубликована стратиграфия памятника, показан материал из закрытого комплекса домонгольской эпохи на Подоле Ростиславля, проанализирована редкая на памятнике группа лепной «рогожной» керамики раннего железного века, дана характеристика мезолитических и финальнопалеолитических древностей, открытых на Подоле. В нескольких разделах представлена систематизация тех материалов, которые ранее уже публиковались в виде отдельных сюжетов или на более узкой базе, которая за прошедшие годы значительно расширилась. Речь идет о системном рассмотрении результатов почвенных исследований, которые проводились и проводятся почти ежегодно, о новом обращении к планировке города и догородского периода, об обобщении данных о некрополе Ростиславля, а также о таких категориях древностей как предметы игровой культуры. Кроме того, полезным показалось высказать определенные сомнения в адекватности восприятия стеклянных браслетов в качестве однозначных маркеров домонгольской эпохи.

Некоторые из полученных наблюдений и выводов требуют финального комментария. Так, надо признать, что несмотря на многолетние палеопочвенные исследования, проводимые на Ростиславле, синтез результатов этих исследований с археологическими данными и выводами не всегда проводился своевременно. В результате образовался некоторый

разрыв между заключениями специалиста, осуществлявшего почвенные исследования (дгн А.А. Гольева), и теми представлениями, которые формировались в ходе полевых исследований. Происходило это потому, что лабораторная аналитика образцов, отбирившихся при раскопках, не успевала за темпами раскопок и ее результаты появлялись иногда уже после публикации предварительных выводов, сделанных археологами. Сейчас этот разрыв практически закрыт, за исключением, пожалуй, только изучения заполнения котлованов построек и ям эпохи средневековья, образцы из которых пока не стали еще в полной мере предметом почвенного исследования. Пока получены данные только по нескольким таким котлованам и лишь с накоплением аналитики возможно продвижение в понимании того, как и каким материалом заполнялись эти котлованы после того, как стоявшие в них (или над ними) постройки были разобраны, а образовавшиеся на их месте ямы – засыпаны.

Планировка Ростиславля – тема, которая требует переосмысления каждые 5–10 лет, по мере расширения изученных площадей и выявления новых градообразующих объектов. Ростиславль – памятник с «сухим» культурным слоем, сильнейшим образом нарушенным хозяйственной деятельностью 300 последних лет, а также варварскими разрытиями кладоискателей, уничтожавшими и без того фрагментарно сохранившуюся стратиграфию культурных отложений. Все это необыкновенно затрудняет датировку древних объектов, в особенности, небольших по размерам и потому содержащим минимум датирующего материала – частокольных канавок, могильных и столбовых ям, прочих небольших по размерам углублений, возникавших в древности. По этой причине хронологизация всего комплекса археологических объектов

и разработка на их основе планиграфических схем на разные периоды жизни города оказывается делом крайне сложным. Далеко не всегда полученные схемы можно считать полностью достоверными, лишёнными вариативности. В особенности это касается трассировки улиц и площадей, границ усадеб, пределов распространения кладбища. Поэтому коллектив авторов вполне осознаёт, что предлагаемые в книге варианты хронологической планиграфии, касающиеся как городской застройки, так и границ некрополя, являются именно вариантами, а не окончательными выводами. Процесс научного осмысления материалов раскопок продолжается и в дальнейшем может заставить пересмотреть сделанные ранее заключения и отказаться от тех схем, которые оказались недостаточно обоснованными.

Одной из попыток такого «саморецензирования» является анализ распределения обломков стеклянных браслетов в археологических комплексах. Безусловно, датировки объектов, изученных в первые годы раскопок, базировались на тех постулатах, которые доминировали в нашей науке в 1990-х гг. Одним из таких постулатов была уверенность в том, что стеклянные браслеты являются надёжным хроноиндикатором домонгольской эпохи. В XXI в. появились не менее надёжные свидетельства того, что в ряде крупных городов Руси такие украшения бытовали (а, возможно, и производились) вплоть до XIV в. Нет сомнений в производстве стеклянных браслетов в городах Золотой Орды, имевших тесные экономические связи с Русью. Поэтому проверка объективности применявшихся 30 лет назад критериев датировки – совершенно необходимый этап развития науки. В отношении Ростиславля он показал, что в ряде случаев такая проверка показала, что некоторые комплексы со стеклянными браслетами, рассматривавшиеся как однозначно домонгольские, могли иметь и несколько более позднюю дату. В то же время, классификация и хронологизация массового керамического материала, являющегося наиболее надёжным маркером для датирования археологических комплексов подтвердила тот факт, что на Ростиславле стеклянные браслеты встречаются преимущественно

(но далеко не всегда!) в комплексах предмонгольской эпохи (первой трети XIII в.), хотя изредка – и в более ранних. Известны они и в более поздних комплексах, до XVI в. включительно, но уже как переотложенный материал. Сложнее сказать, насколько широко они использовались после монгольского нашествия – в середине и второй половине XIII в. Сами комплексы этого временного этапа выделяются с большим трудом, поскольку материальная культура Ростиславля в середине XIII в. не испытала резкого перелома – накопление новых, не характерных для домонгольской эпохи, признаков шло постепенно и смена материальной культуры стала очевидной только в начале XIV в. Таким образом, проведенная проверка показала, что хотя на начальном этапе изучения города имевшиеся тогда стереотипы не всегда оправдывали себя и приводили к ошибкам в датировании комплексов, дальнейшая работа и проверка на массовых материалах в целом подтвердила те хронологические выводы, которые были получены с использованием этих стереотипов. Серьезных ошибок удалось избежать прежде всего потому, что Ростиславль не был крупным городом с объемным рынком, из-за чего после 1237 г. в него не поступали заметные массы дорогих товаров из других русских городов, а в число этих дорогостоящих товаров как раз и входили стеклянные браслеты. Кроме того, Ростиславль стал городом, в котором, по-видимому как раз во второй половине XIII – первой половине XIV в. обосновался представитель золотоордынской администрации со своим окружением, состоявшем из людей, пришедших из Орды (Коваль, 1998; 2022а). Эти люди не могли не оказывать существенного влияния на вкусы местного славянского населения города. Возможно, этот фактор также сыграл роль в том, что, в отличие от некоторых крупных городов Руси (Новгород, Тверь, Переяславль Рязанский), где стеклянные браслеты были широко распространены в ордынскую эпоху (по крайней мере, в начале этой эпохи), в Ростиславль поступали лишь очень редкие, единичные образцы таких украшений.

К сожалению, очень многие категории материалов, полученных при рас-

копках, остались пока не обработанными и не опубликованными или публиковавшимися частично, выборочно. Речь идет о солидных корпусах изделий из железа и цветных металлов (ремесленно-хозяйственном инструментарии и разного рода украшениях), стекла, кости и рога. Даже керами-

ка, которая уже не раз становилась объектом исследований, в основной своей массе обработана только на уровне статистической фиксации для научных отчетов, фото и прорисовок. Предстоит еще очень большая и сложная работа по введению всего этого массива данных в научный оборот.

**СПИСОК УЧАСТНИКОВ
РОСТИСЛАВЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
1994-2023 ГГ.**

- Абдулаева Н. Р. (2018)
Абдуллина Н. А. (2006)
Акельев Е. В. (2002)
Александров В. В. (2003–2005, 2009, 2015)
Александров И. А. (2010–2012, 2018)
Александрова Н. В. (2003–2005)
Алексеев А. В. (1996–1999, 2002)
Алексеев А. Вас. (1999, 2000)
Алексеев И. А. (2019–2022)
Алисейчук М. П. (2008)
Алтынов Н. М. (2023)
Андреев А. А. (2005)
Андреева Т. В. (2019)
Андрианов И. М. (2003–2013, 2016–2023)
Андрух А. А. (2016)
Анисимова Т. Н. (1998, 2003)
Арефьев И. А. (2021–2022)
Артюхович В. В. (2019, 2022)
Архангельская П. О. (2015)
Арчегова И. В. (2001, 2006)
Ахумян К. В. (2009)
Багаев А. С. (2012–2013)
Бадеев Д. Ю. (2002–2003, 2007)
Бакунова Т. (2004)
Бакумов Д. (1994)
Барамидзе А. А. (2009–2012, 2015, 2018–2023)
Барамидзе Е. С. (2015, 2019, 2021–2023)
Барсукова А. В. (2002)
Безмозгий Л. И. (1996, 1998, 1999)
Белоброва М. Ю. (1995)
Белов А. В. (1995)
Белоновский Л. А. (2008)
Бергер (Макарова) Л. А. (2010–2018)
Бережнюк К. Б. (†) (2013, 2015)
Бизязева А. С. (2017)
Блохина О. А. (2004–2007)
Боричева Т. В. (2005–2006)
Буренков С. В. (2006, 2008–2016, 2018–2019)
Бушкевич А. А. (2021)
Бычкова Д. А. (2016, 2018)
Васильев Ю. Ю. (1994–1996, 1998, 2003)
Васильева Ю. Е. (1995–1996)
Васильченко А. А. (2021)
Вековищев Д. И. (2007)
Войтик Е. С. (2022)
Волков А. В. (2010–2015)
Волков В. А. (2000, 2003)
Волков И. В. (2000–2009, 2011, 2014, 2016, 2017)
Володин Д. Н. (1996–1999)
Володина А. Н. (1995–1998)
Воробьева А. А. (2022, 2023)
Воронов Р. В. (2003–2004)
Гавриленко Е. В. (2010–2011)
Гакель Е. В. (2007–2014, 2021–2023)
Гвоздева С. М. (2014)
Главная С. А. (2021–2022)
Глазунова А. Н. (†) (2003–2004, 2007, 2010, 2012–2019, 2021, 2023–2024)
Горбенко А. С. (2020, 2022)
Гранков Д. А. (2006)
Грецкая Ю. Т. (2016)
Груздева Е. С. (2010)
Гулин А. С. (2004, 2006)
Гущин С. А. (2005–2015, 2017, 2020–2023)
Давыдов Е. В. (2001)
Данилов Д. Г. (2005)
Данилова А. И. (2018)
Двуреченский О. В. (1994–1995, 1997)
Двуреченская Н. Д. (1995)
Дегтярь Л. Ю. (2001)
Денисов А. В. (†) (2001–2004)
Денисов Г. А. (2020–2022)
Денисова Ю. А. (2002–2004)
Дергач Г. В. (2010–2011)
Деркачев В. О. (2022–2023)
Деткова Н. Н. (2000, 2002)
Дорохов С. А. (2006–2013)
Дудолин Д. А. (2020)
Дьячков Т. С. (2002–2011)

- Едлин В. А. (2006, 2007, 2018)
Еремеев А. А. (2006–2023)
Ефремова А. М. (1994–1996, 1998)
Жданов А. Н. (1999, 2000)
Жилина Н. В. (2002–2011)
Журавлев А. А. (2006, 2008–2020, 2022)
Журавлев Дм. В. (1996, 1998)
Завьялова Т. В. (1999)
Закарян Д. А. (2022–2023)
Закатаева А. С. (2006–2010)
Захаров А. А. (2005–2006)
Захаров М. С. (2009–2018, 2020–2022)
Захарова А. В. (2014–2020)
Зиновьева А. А. (2015)
Зиновьева С. С. (2022)
Зоц (Захарова) Е. П. (2004–2005, 2007)
Зубарев Н. В. (1994–1996, 1998–2002, 2010, 2016)
Зубарев Д. Н. (2016)
Иваненко К. О. (2016)
Иванова А. В. (2003–2020, 2022)
Иванова-Дятлова Т. В. (2010–2011)
Ивановский В. В. (2020)
Инкина А. А. (2018, 2020, 2023)
Ильина Н. С. (2004, 2006–2015, 2018, 2020)
Иорданская Н. И. (2018)
Ипполитова А. Б. (2004)
Исупов К. А. (2014–2015)
Кабулов Э. Б. (2019)
Кальян А. С. (2015)
Картавцев В. В. (2009–2013)
Каткова Е. А. (2002)
Катышева А. С. (2013–2016)
Карпухин А. А. (1994–1996, 1998)
Кашкин Г. А. (2004–2005)
Кведер М. В. (2003)
Квитко А. В. (2018)
Киселев Е. А. (2010)
Киселев В. А. (2021)
Кириллова К. А. (2010–2018)
Клюев В. Ю. (2005)
Клушина Е. А. (2002–2006)
Кобяков Г. А. (2016)
Кобякова И. (2023)
Ковалева А. Г. (2001)
Ковалева Я. Ю. (2019)
Коваль В. В. (2020–2023)
Коваль С. В. (2012–2023)
Кожекин В. А. (2001)
Кожухов С. П. (1999–2008)
Козина С. Н. (2000)
Козлов Я. А. (2017)
Колесникова Я. А. (2004, 2006–2007, 2009–2013, 2015, 2019, 2020)
Колпаков Н. П. (2005–2006, 2008–2012, 2014–2016)
Комарова Ю. А. (2016)
Комиссаров Д. Ю. (2012, 2014)
Кондрашов Л. В. (1994–1996)
Копытин В. В. (2016)
Коробов Д. С. (2011)
Корх М. П. (2007)
Крайнюк М. С. (2008)
Крашенинников В. В. (2020–2023)
Крикун С. (1995)
Круглова А. В. (2012)
Крылович М. Е. (†) (2003–2004)
Кувшинов М. М. (2015)
Кудинов А. А. (2021, 2022, 2023)
Кудинова А. В. (2023)
Кузьминова Ю. В. (2022–2023)
Курашева И. А. (2000–2019, 2023)
Курилова О. Г. (2018–2020, 2022–2023)
Куторга М. А. (2003–2006)
Куторга П. Л. (†) (2003)
Кутыркин И. В. (2022)
Лагутины А. Б. и О. В. (1994–2002, 2004–2023)
Ларькин Р. В. (1995)
Ларюшкин О. В. (2006, 2008–2012)
Леонтьев А. В. (2006–2007)
Лермонтов Я. В. (2011)
Леви В. З. (1998)
Лобанов В. А. (2014–2015)
Лопатина О. А. (2019)
Лохонов М. А. (2007)
Лучинский Н. Д. (2017)
Лыжина Т. В. (2013–2015)
Максименко И. Л. (2007–2014, 2019–2023)
Максименко М. Л. (2007–2012)
Маликов Д. К. (2002)
Мальцева В. В. (2016, 2018–2020, 2022–2023)
Мартынов Б. В. (†) (1994–2006)
Маслова Д. А. (2009)
Машкова Т. С. (2006–2008)
Медведь А. Н. (1996–2007, 2010–2023)
Мельников С. Д. (2012–2014)
Мельникова Т. В. (2021–2022)
Мещерин М. Н. (2019)
Микаелян А. (2004, 2006)
Михайлова Е. (2019)
Молошникова М. А. (2001–2023)
Морозова М. В. (2009–2011)
Мурашова М. М. (2002–2003, 2006)
Мурашова Т. М. (2002)

- Мусатов М. А. (2004–2005)
Мусатова Ю. С. (2009–2012)
Муханов К. А. (2022–2023)
Нестеренко Н. Н. (2009)
Николаева Е. В. (2021)
Никулина Д. П. (2022)
Новоселов Н. П. (2007)
Новохатько К. И. (2003)
Носкова А. П. (2017–2018)
Оболешев В. А. (2019)
Объедков С. И. (2004, 2006, 2009–2011, 2015, 2017–2018, 2020–2023)
Овчинников Д. В. (2005, 2007, 2010–2016, 2018–2019, 2021, 2023)
Ольховская Е. И. (1996)
Орлов А. И. (2014)
Орлов Н. С. (2012)
Осипов Д. О. (1994–2003, 2006, 2007, 2008–2020, 2022–2023)
Осипова А. Д. (2007–2008)
Остапенко А. А. (2007)
Павлов Е. С. (2012–2013)
Павлов Н. С. (2019)
Павлова М. А. (2019)
Павлова Т. С. (2017–2018, 2022–2023)
Панченко К. И. (1994, 1996–1997)
Пармон А. М. (2018)
Пацека А. В. (2019–2023)
Пельве К. Ю. (2020)
Петров А. А. (2018)
Петрова (Букашкина) Е. А. (2007–2012, 2015–2018)
Петрухина Ю. В. (2009)
Печейкин А. В. (1994)
Печеневская Н. В. (2021)
Полосухина Т. В. (1998–2006, 2008–2009, 2011–2023)
Полтарецкая В. П. (2023)
Попов А. А. (2016)
Прашлецов П. (2002)
Присадков А. С. (2015)
Прокопишин В. П. (2002–2004)
Прохоров А. П. (1994, 1997, 2001)
Пьянкова А. Ю. (2023)
Пятаковы Ю. С. и Н. С. (2007)
Растешкина О. Т. (2012–2014)
Раевский Т. (2002, 2003)
Рашковский Б. Е. (2002, 2004)
Рекеть Е. А. (2018)
Родичкин Д. В. (2007–2014, 2016–2023)
Рубанова Е. В. (2000, 2002–2006)
Рукавишников Л. А. (2015–2016)
Румянцева О. С. (1995, 1996, 1998)
Русаков П. Е. (1994–2023)
Рутенко П. А. (2021)
Рыбакова Я. В. (2022–2023)
Рыбников Я. В. (1991)
Рязанцев Н. Д. (2016, 2018)
Савинова Н. Н. (2008)
Сазонов Д. Ю. (2004–2005)
Сазонова В. П. (2005)
Салтыков А. В. (2019)
Самозванцев Г. А. (2003)
Самохвалова Е. В. (2022)
Сватова И. А. (2018)
Сизов А. А. (2005–2023)
Сизова А. Е. (2014, 2022–2023)
Силкина А. Г. (2010–2017)
Синицын А. В. (2010–2016, 2018–2019, 2021–2023)
Скинкайтис В. В. (2012)
Скотникова О. А. (2009)
Смирнов А. Н. (1994–2023)
Смольянинов В. Е. (2023)
Соловьев Д. Б. (2002–2004, 2011, 2012)
Сороков Ю. С. (2007)
Стоколос А. А. (2005–2009, 2013)
Сурмач-Хлус Л. А. (2019)
Сутягина П. А. (2012)
Сыроватко А. С. (1999)
Сысоева А. А. (2023)
Сычкин А. В. (2022–2023)
Сычов А. (2002)
Тавлинцева Е. Ю. (2000–2005, 2008–2023)
Тарасов А. Э. (†) (2012–2016)
Терехова О. А. (2022)
Тимошина Е. В. (2004–2008)
Тодорова А. А. (2019–2023)
Толстов Д. Л. (2003–2005)
Толстова Т. П. (†) (2004–2005)
Томак А. (2002)
Топорков Е. А. (2021–2022)
Топская Ю. Н. (2019, 2022–2023)
Трошина А. А. (2019)
Трубаев Я. М. (2014)
Трунов А. В. (2002–2015, 2018, 2020, 2022)
Трусов А. В. (†) (1992, 2003–2005, 2008–2014, 2020)
Тучин П. В. (2004–2015, 2017–2023)
Тучина (Морозова) Ю. А. (2004–2011, 2013–2015, 2017–2023)
Тюкин М. М. (2012)
Тютина Е. А. (2006, 2009)
Ужастова И. Р. (2016)

Упорова А. С. (2003)	Чернобахтова Е. В. (2014–2015, 2020)
Устинов А. М. (2006)	Чемерис Г. М. (2010–2011)
Ухаров А. С. (2006–2008)	Чемерис М. В. (2008–2013, 2018, 2021–2023)
Ушанков Е. М. (2015–2023)	Чемерис П. М. (2008–2009)
Федоренко Н. Д. (2023)	Чиркова И. В. (2003–2006)
Феребов А. Н. (2006–2009, 2014–2015)	Шарапов А. В. (2008)
Фомин А. В. (2012–2013, 2016–2018, 2020, 2023)	Шароватов А. М. (1994, 1996)
Фонгарт Г. А. (2022)	Шестаков В. В. (1994)
Фролов В. С. (2003–2013, 2016, 2018–2019, 2021)	Шишков А. Л. (2004)
Фурсов М. Н. (2003, 2005–2023)	Шульман А. (2003–2004)
Фурсова В. А. (2015–2018, 2020)	Шувалов А. (2003–2004)
Хасаншина Э. И. (2010–2011)	Щелкин Н. О. (2005)
Храпов В. И. (2003–2012, 2014–2023)	Якунина Н. В. (2002–2008)
Цветаева И. В. (2018)	Яровой И. Н. (2014)
	Яхно К. Е. (2021, 2023)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Отчеты о работах на городище Ростиславль

- Коваль В.Ю.* Отчет об археологических разведках в Озерском районе Московской области в 1992 году. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16084.
- Коваль В.Ю.* Отчет об археологических разведках в Озерском районе Московской области в 1992 году. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17732.
- Коваль В.Ю.* Отчет об археологических разведках в Озерском и Луховицком районах Московской области в 1993 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 17732.
- Коваль В.Ю.* Отчет об охранных археологических раскопках на городище Ростиславль и об археологических разведках в Озерском и Зарайском районах Московской области в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 20459.
- Коваль В.Ю.* Отчет об охранных археологических раскопках на городище Ростиславль в Озерском районе Московской области в 1995 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 19532.
- Коваль В.Ю.* Отчет об охранных археологических раскопках на городище Ростиславль и на Ростиславльском III селище в Озерском районе Московской области в 1996 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 20560.
- Коваль В.Ю.* Отчет об охранных археологических раскопках городища Ростиславль и разведках в Озерском и Луховицком районах Московской области в 1997 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 20666.
- Коваль В.Ю.* Отчет об охранных археологических исследованиях на городище Ростиславль и на Ростиславльском I селище в Озерском районе Московской области и об археологических разведках в Озерском и Серебрянопрудском районах Московской области в 1999 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 23528.
- Коваль В.Ю.* Отчет об охранных археологических исследованиях на городище Ростиславль, на Ростиславльском I селище и об археологических разведках в Озерском районе Московской области в 2000 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 23607.
- Коваль В.Ю.* Отчет об археологических исследованиях на городище Ростиславль и в Озерском районе Московской области в 2001 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 25583.
- Коваль В.Ю.* Отчет об археологических исследованиях на городище Ростиславль в Озерском районе Московской области в 2002 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 23608–23611.
- Коваль В.Ю.* Отчет об археологических исследованиях на городище Ростиславль, селище Сосновка IV и разведках в Озерском районе Московской области в 2003 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 27270.
- Коваль В.Ю.* Отчет об археологических исследованиях на городище Ростиславль и селище Сосновка IV в Озерском районе Московской области в 2004 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 27261, 27262.
- Коваль В.Ю.* Отчет об археологических исследованиях на городище Ростиславль, селище Сосновка IV и разведках в Озерском районе Московской области в 2005 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 27263, 27264.
- Коваль В.Ю.* Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2006 году. // Архив ИА РАН. Р-1. № 27265, 27266.

- Коваль В. Ю.* Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2007 году. // Архив ИА РАН. Р-1. № 30980, 30981.
- Коваль В. Ю.* Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2008 году. // Архив ИА РАН. Р-1. № 42949, 42950.
- Коваль В. Ю.* Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2009 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 37968.
- Коваль В. Ю.* Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2010 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 33138, 33139.
- Коваль В. Ю.* Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2011 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 29989, 29990.
- Коваль В. Ю.* Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2012 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 34696, 34697.
- Коваль В. Ю.* Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2013 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 40695, 40696.
- Коваль В. Ю.* Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2014–2015 годах // Архив ИА РАН. Р-1. № 45701, 45702.
- Коваль В. Ю.* Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2015 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 47437, 47438.
- Коваль В. Ю.* Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2016–2017 годах // Архив ИА РАН. Р-1. № 52015, 52016.
- Коваль В. Ю.* Отчет о работах на городище Ростиславль и селище Сосновка IV в Озерском районе Московской области в 2017 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 56517, 56518.
- Коваль В. Ю.* Отчет об археологических раскопках на городище Ростиславль и селище Сосновка IV в Озерском районе Московской области в 2018–2019 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 60841.
- Коваль В. Ю., Русаков П. Е.* Отчет об археологических раскопках на городище Ростиславль в Озерском районе Московской области в 2019 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 64563.
- Коваль В. Ю., Русаков П. Е.* Отчет об археологических раскопках на городище Ростиславль и селище Сосновка IV в Озерском районе Московской области в 2020–2021 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 69431, 69432.
- Коваль В. Ю., Русаков П. Е.* Отчет об археологических раскопках на городище Ростиславль и селище Сосновка IV в городском округе Коломна Московской области в 2020–2021 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 74320.
- Коваль В. Ю., Русаков П. Е.* Отчет об археологических раскопках на городище Ростиславль и селище Сосновка IV в городском округе Коломна Московской области в 2022–2023 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 81491, 81482.
- Коваль В. Ю., Русаков П. Е.* Отчет об археологических раскопках на городище Ростиславль и селище Сосновка IV в городском округе Коломна Московской области в 2023–2024 гг. // Архив ИА РАН.

Литература

- Авдеев А. Г.*, 2014. Об одной былинной параллели к граффито из Ростиславля. Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 177–178.
- Антипина Е. Е.*, 2009. Ростиславльское городище дьяковского времени: археозоологические материалы из раскопок 2002–2006 годов // Аналитические исследования Лаборатории естественно-научных методов. Вып. 1. М.: Таус. С. 146–171.
- Аринушкина Е. В.*, 1970. Руководство по химическому анализу почв. М.: МГУ. 487 с.
- Археология Мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы, 2008. Отв. ред. В. В. Ставицкий, В. Н. Шитов. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 552 с.
- Бадеев Д. Ю.*, 2007. Фигурки настольных игр из Ростиславля Рязанского // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 220–233.

- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.
- Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: СамГПУ. С. 5–109.
- Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2009. Археологические исследования погоста XV–XVI веков у села Рождествено Одинцовского района Московской области // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 281–326.
- Болонин И. А., 2023. Стекланные браслеты усадьбы «Б» Пятницкого раскопа (г. Старая Русса), результаты предварительного анализа // LV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. Ижевск: Удмуртский университет. С. 141–143.
- Борисенков Е. П., Пасецкий В. М., 1988. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль. 522 с.
- Васильев С. В., Тропин Н. А., Боруцкая С. Б., 2022. Археолого-антропологическое исследование затерянного сельского некрополя Елецкого княжества // Stratum plus. Вып. 5. СПб, Кишинёв, Одесса, Бухарест. С. 319–333.
- Веремейчик Е. М., 2015. Стекланные браслеты средневекового Любеча (по материалам раскопок 2010–2011 годов на Замковой Горе) // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб.: Нестор-История. С. 171–201.
- Веремейчик Е. М., Шекун А. В., 2007. Стекланные браслеты поселения Лесковое // КСИА. Вып. 221. С. 204–215.
- Воробьева Л. А., 2006. Теория и практика химического анализа почв. М.: ГЕОС. 400 с.
- Волков И. В., 2005. Средневековые монеты из Ростиславля Рязанского // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 255–263.
- Гавритухин И. О., 2014. Ременная накладка ранневизантийского круга из Подмосковья // Российская археология. № 4. С. 134–144.
- Гайдуков П. Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода: Нутный раскоп. М.: Новгородский музей-заповедник; ИА РАН. 197 с.
- Гей И. А., 2005. О методике различения отпечатков кончиков пальцев на предметах из глины // Opus. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4. С. 221–233.
- Гольева А. А., 2004. Комплексные исследования на городище Ростиславль Рязанский // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М.: ИА РАН. С. 24–34.
- Гольева А. А., 2006. Естественно-научные исследования археологических памятников Подмосковья // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 3. С. 115–122.
- Гольева А. А., 2008. Процесс фосфатизации поселенческих ландшафтов за исторический период // Современное состояние, антропогенная трансформация и эволюция ландшафтов Востока Русской равнины и Урала в позднем кайнозое. Материалы научной конференции. Киров. С. 78–82.
- Гольева А. А., 2009а. Валовый фосфор как индикатор хозяйственной деятельности древних и средневековых обществ // Роль естественных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Алтайский университет. С. 56–58.
- Гольева А. А., 2009б. Микробиоморфные исследования культурных слоев древних поселений // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 55–71.
- Гольева А. А., 2009в. Почвенные исследования средневековых валов Дмитрова, Ярославля, Ростиславля // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 72–87.
- Гольева А. А., 2011. Состав и генезис насыпей вала городища раннего железного века на Ростиславле по данным естественных наук // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 58–71.
- Гольева А. А., 2012. Скорости преобразования культурных слоев почвенными процессами. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 70–78.

- Гольева А. А., Александровский А. Л., Целищева Л. К., 1994. Фитолитный анализ голоценовых палеопочв // Почвоведение. № 3. С. 34–40.
- Гольева А. А., Зазовская Э. П., 2008. Особенности интерпретации антропогенной памяти почв // Память почв. Почва как память биосферно-геосферно-антропогенных взаимодействий. М.: ЛКИ. С. 617–637
- Гольева А. А., Коваль В. Ю., 2024. Почвы и культурные слои Ростиславля Рязанского в Средневековье и позднем палеолите. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 20. М.: ИА РАН. С. 417–440.
- Гольева А. А., Коваль В. Ю., 2025. Заполнения средневековых ям и рва Ростиславля Рязанского как объекты естественно-научных исследований (информационные возможности) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 21. М.: ИА РАН. С. 74–84.
- Гольева А. А., Коваль В. Ю., Сыроватко А. С., 2014. Городища и валы дьяковской культуры как объекты палеоэкологических исследований: результаты, проблемы, перспективы // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань. Т. II. С. 91–93.
- Гольева А. А., Мальшев А. А., 2003. Изменение содержания валового фосфора и органического углерода в почвах древнепоселенческих ландшафтов // Роль почвы в формировании ландшафтов. Казань: ФЭН. С. 124–129.
- Гольева А. А., Тавлицева Е. Ю., Коваль В. Ю., 2018. Исследование жилищ дьяковской культуры Ростиславля Рязанского естественнонаучными методами (предварительная публикация) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 32–43.
- Гольева А. А., Турова И. В., 2015. Фосфор на археологических объектах: формы, количество, устойчивость // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 155–163.
- Гольева А. А., Хохлова О. С., Коваль В. Ю., 2022. Почвенные исследования на площадке Чудова монастыря // Древности Московского Кремля. Т. 1. М.: ИА РАН. С. 285–306.
- Гольева А. А., Хохлова О. С., Щербаков Н. Б., Шутелева И. А., Обьденнова Г. Т., 2010. Новые данные естественно-научных исследований поселения бронзового века Мурадымово в Башкирии // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия (Материалы III Нижневолжской археологической конференции). Астрахань: Астраханский университет. С. 60–65.
- Гоняный М. И., 2005. Археологические памятники района Куликова поля (конец XII – третья четверть XIV вв.) // Тр. ГИМ. Вып. 150 (Куликово поле и Донское побоище 1380 года). М.: ГИМ. С. 95–162.
- Гусаков М. Г., 2004. Классификация городищ дьяковской культуры // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М.: ИА РАН. С. 98–107.
- Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ. 448 с.
- Дуреченский О. В., 2006. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 277–331.
- Дубровин Г. Е., 2016. Детские игрушки с Федоровского раскопа в Новгороде // КСИА. Вып. 245. С. 75–90.
- Дубровин Г. Е., Коваль В. Ю., 2014. Усадебная застройка раскопа 1 в Тайницком саду Московского Кремля (предварительная публикация) // Археология Подмосковья. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 94–110.
- Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А., Тихонов П. И., 2020. Хронология и ярусология // Дубровин Г. Е. Плотницкий конец средневекового Новгорода. Федоровский раскоп. М.; СПб.: Нестор-История. С. 28–42.
- Дубынин А. Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.: Наука. С. 198–281.
- Железные кресала X–XIX вв. из коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника, 2010. Владимир: Владимиро-Суздальский музей-заповедник. 36 с.
- Журбин И. В., Антипина Е. Е., Иванова М. Г., Лебедева Е. Ю., Модин Р. Н., Сергеев А. Ю., Яворская Л. В., 2018. Междисциплинарные исследования кушманского городища Уччакар IX–XIII вв.: методика комплексного анализа. М.: Таус. 248 с.

- Журухина Е.Ю., Храмченкова Р.Х., 2012.* Стеклоделательные мастерские Киевского Подола // *Филология и культура.* 2012. № 3. С. 226–233.
- Завьялов В.И., 2004а.* Предварительные итоги археометаллографического исследования железных предметов из Ростиславля Рязанского // *Верхнее Подонье: природа, археология, история.* Т. 1. Тула: Инфра. С. 198–211.
- Завьялов В.И., 2004б.* Археометаллографическое исследование железных предметов дьяковской культуры из коллекции Ростиславльского городища // *Археология Подмосковья. Материалы научного семинара.* М.: ИА РАН. С. 53–57.
- Завьялов В.И., 2005.* Кузнечное ремесло столиц и периферии (Рязань и Ростиславль Рязанский) // *Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга.* М. С. 118–125.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2007.* Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.: Знак. 280 с.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н., 2013а.* Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. М.: ИА РАН. 272 с.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н., 2013б.* Кузнечное ремесло Рязанской земли в эпоху Московского государства // *Археология Подмосковья. Материалы научного семинара.* Вып. 9. С. 118–124.
- Засурцев П.И., 1963.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода // *МИА СССР.* Вып. 123. С. 5–165.
- Киселева Н.К., Балабина В.И., Мишина Т.Н., Переладов А.М., 2005.* Особенности формирования фитолитного и диатомового спектров культурного слоя теля Плоская могила // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии.* Вып. 4. С. 113–145.
- Климовский С.И., 2011.* Вещевые клады XII–XIII вв. как индикатор денежного обращения Южной Руси // *Номизма.* № 2. С. 24–30.
- Клочков Ю.В., Коваль В.Ю., 1996.* Первые монетные находки из Ростиславля Рязанского // *Нумизматический сборник.* № 4. М.: Московское нумизматическое общество. С. 39–42.
- Коваль В.Ю., 1993.* Археологические исследования Ростиславльского стана // *Древние памятники Окского бассейна. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области.* С. 71–84.
- Коваль В.Ю., 1994.* Итоги охранно-археологических работ на городище Ростиславля Рязанского // *Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация.* Рязань: Б.И. С. 131–133.
- Коваль В.Ю., 1995а.* Каменный топор из Ростиславля Рязанского // *РА.* № 1. С. 190–193.
- Коваль В.Ю., 1995б.* Комплексы со стеклянными браслетами из Ростиславля Рязанского // *Плесский сборник.* Вып. II. Часть 1. Плес: Плесский музей-заповедник. С. 39–48.
- Коваль В.Ю., 1995в.* Проблемы истории Ростиславля Рязанского // *Россия в X–XVIII вв.: проблемы истории и источниковедения. Тезисы докладов и сообщений Вторых чтений, посвященных памяти А.А. Зимины.* М. С. 250–253.
- Коваль В.Ю., 1996.* Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // *Тр. Музея истории города Москвы.* Вып. 9 (Археологические памятники Москвы и Подмосковья). М.: МИГМ. С. 103–133.
- Коваль В.Ю., 1997.* Гончарный горн из Ростиславля Рязанского // *Археологические памятники Поочья.* Вып. 6. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области. С. 120–128.
- Коваль В.Ю., 1998.* Предметы восточного импорта из Ростиславля Рязанского // *РА.* № 2. С. 177–187.
- Коваль В.Ю., 2000.* Новые данные о Ростиславльском городище эпохи раннего железного века // *Тр. Музея истории города Москвы.* Т. 10 (Археологические памятники Москвы и Подмосковья). М.: МИГМ. С. 73–83.
- Коваль В.Ю., 2001б.* Ростиславльское городище раннего железного века // *Тверской археологический сборник. Материалы II Тверской археологической конференции и 5-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности».* Тверь: ТГОМЗ. С. 52–60.

- Коваль В. Ю., 2002а. Клейма на средневековой русской керамике: (Опыт исследования на примере Ростиславля Рязанского) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь: Старый город. С. 125–135.
- Коваль В. Ю., 2002б. Предметы вооружения и воинского снаряжения из Ростиславля Рязанского // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь: Старый город. С. 381–389.
- Коваль В. Ю., 2003. Детинец Ростиславля Рязанского: проблемы интерпретации и системы фортификации // Кремли России. Материалы и исследования. М.: Музей-заповедник «Московский Кремль». С. 256–270.
- Коваль В. Ю., 2004а. История Ростиславля Рязанского (по данным письменных источников) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М.: ИА РАН. С. 12–21.
- Коваль В. Ю., 2004б. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М.: ИА РАН. С. 58–88.
- Коваль В. Ю., 2004в. Ростиславлю Рязанскому – 850 лет (10 лет работы Ростиславльской археологической экспедиции) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М.: ИА РАН. С. 8–11.
- Коваль В. Ю., 2004г. Сосновское селище (о керамике Среднего Поочья в XI веке) // РА. № 1. С. 154–166.
- Коваль В. Ю., 2005а. Планировка средневекового Ростиславля // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М.: Памятники исторической мысли. С. 262–287.
- Коваль В. Ю., 2005б. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках. Тула: Инфра. С. 251–265.
- Коваль В. Ю., 2007. Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 58–70.
- Коваль В. Ю., 2008. Планировка и застройка малого города средневековой Руси на примере Ростиславля Рязанского // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. К 60-летию Леонида Андреевича Беляева. М.: ИА РАН. С. 116–151.
- Коваль В. Ю., 2010а. Керамика Востока на Руси. IX–XVII вв. М.: Наука. 269 с.
- Коваль В. Ю., 2010б. Поселение примокшанской культуры на городище Ростиславль // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань: Александрия. С. 123–129.
- Коваль В. Ю., 2011. «Ростиславльский курган» (вал городища раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 35–38.
- Коваль В. Ю., 2012а. Ростиславль Рязанский – «малый» город средневековой Руси // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура. М.: ИА РАН. С. 32–33.
- Коваль В. Ю., 2012б. Фортификация Ростиславльского городища раннего железного века в контексте памятников дьяковской культуры // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 53–69.
- Коваль В. Ю., 2014а. Оборонительные сооружения Ростиславля Рязанского в контексте исследований средневековой русской фортификации // КСИА. Вып. 236. М.: ИА РАН, С. 134–138
- Коваль В. Ю., 2014б. Ростиславль Рязанский и проблема «малых городов» средневековой Руси // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура. Вологда: Древности Севера. С. 177–183.
- Коваль В. Ю., 2015а. Главная линия оборонительных укреплений Ростиславля Рязанского // РА. № 1. С. 73–87.
- Коваль В. Ю., 2015б. Культовые памятники Ростиславля Рязанского в контексте христианских древностей Рязанской земли // РА. № 4. С. 185–195.
- Коваль В. Ю., 2016а. Заметки о керамологии Рязанской земли: трансформации на переломе эпох // Древности Поочья. Сборник научных трудов к 60-летию В. В. Судакова. Рязань: РИКО. С. 88–103.

- Коваль В.Ю., 2016б. Первичная фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы // Методика полевых археологических исследований. Вып. 9. М.: ИА РАН. 126 с.
- Коваль В.Ю., 2017а. Малые города средневековой Руси: особенности материальной культуры // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. 2. Барнаул: Алтайский госуниверситет. С. 246–250.
- Коваль В.Ю., 2017б. Новые данные о планировке и застройке «малого» города Ростиславля Рязанского // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 99–109.
- Коваль В.Ю., 2017в. Трансформация оборонительной системы малого города средневековой Руси Ростиславля Рязанского (новые данные по археологии) // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М.Д. Полубояриновой. М.: ИА РАН. С. 15–25.
- Коваль В.Ю., 2020а. О некоторых диагностирующих прослойках в заполнениях котлованов построек // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 16. М.: ИА РАН. С. 155–161.
- Коваль В.Ю., 2020б. Об использовании трехстенных срубов в фортификации Древней Руси // КСИА. Вып. 260. С. 326–339.
- Коваль В.Ю., 2020в. Проблемы изучения древо-земляной фортификации средневекового Смоленска // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 4. С. 132–160.
- Коваль В.Ю. 2022а. Дворец золотоордынского времени в цитадели Ростиславля Рязанского: проблемы интерпретации // Русский средневековый город. Археология, история, культура. К юбилею Алексея Владимировича Чернецова. М.: ИА РАН. С. 217–248.
- Коваль В.Ю., 2022б. Необычное захоронение из Ростиславля // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 18. М.: ИА РАН. С. 68–79.
- Коваль В.Ю., 2024. Проблема изучения вала Переяславля Рязанского // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 20. М.: ИА РАН. С. 120–128.
- Коваль В.Ю., Медведь А.Н., 2000. Новый памятник средневековой русской письменности Рязанской земли // РА. 2000. № 1. С. 194–206.
- Коваль В.Ю., Медынцева А.А., Еремеев А.А., 2013. Горшок с надписью из Ростиславля Рязанского // РА. № 3. С. 134–145.
- Коваль В.Ю., Модин Р.Н., 2022. Стратиграфия культурного слоя и планиграфия археологических объектов в зоне исследований 2014–2018 гг. // Древности Московского Кремля. Т. 1. Археологические исследования на месте Чудова монастыря. М.: ИА РАН. С. 63–86.
- Коваль В.Ю., Русаков П.Е., 2016а. Новые исследования оборонительных сооружений Ростиславля Рязанского // КСИА. Вып. 242. С. 113–123.
- Коваль В.Ю., Русаков П.Е., 2016б. Церкви Ростиславля Рязанского // Археология сакральных мест России. Сборник тезисов докладов научной конференции с международным участием. Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник. С. 212–213.
- Коваль В.Ю., Русаков П.Е., 2017. Городские укрепления на склонах (новые данные по Ростиславлю Рязанскому) // КСИА. Вып. 249. Т. 2. С. 123–130.
- Коваль В.Ю., Русаков П.Е., 2018. Исследования фортификации города Болгара в 2014–2015 гг. // Материалы и исследования по археологии Великого Болгара. Т. 2. Казань; М.: ИА АН РТ; ИА РАН. 160 с
- Коваль В.Ю., Русаков П.Е., 2019. Ростиславль Рязанский: новые открытия // Новые археологические проекты: Воссоздавая прошлое. М.: ИА РАН. С. 202–205.
- Коваль В.Ю., Русаков П.Е., Иванова А.В., Осипов Д.О., Храпов В.И. Раскопки на Ростиславле // Археологические открытия. 2019 год. М.: ИА РАН, 2021. С. 92–94.
- Колосницын П.П., 2018. Средневековые настольные игры в Старой Руссе по археологическим данным // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 6 (18). С. 1.
- Колтаков Е.М., 2013. Классификация в археологии. СПб.: ИИМК РАН. 251 с.

- Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М.: Наука. С. 156–177.
- Колызин А.М., 1998. Игры и игрушки XII–XVII вв. // РА. № 2. С. 113–122.
- Королёв А.И., 2013. О предпоздняковском субстрате в поздняковской культуре // Самарский научный вестник. № 4 (5). С. 92–95.
- Королев А.И., Ставицкий В.В., 2006. Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза: ПГПУ. 202 с.
- Кренке Н.А., 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 528 с.
- Кренке Н.А., 2019. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск: Свиток, 392 с.
- Крис Х.И., 1982. Грузики Дьякова типа из Боршевы // КСИА. Вып. 170. С. 40–47.
- Куза А.В., 1985. Древнерусские города // Древняя Русь: город, замок, село. М.: Наука. С. 51–65.
- Кузнецова Т.В., Носкова Н.Г., Калякин В.Н., Есин Д.Н., 2004. Результаты исследований остеологического материала из раскопок городища Ростиславль (1998–2001 годы) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М.: ИА РАН. С. 34–41.
- Лапшин В.А., 2022. Топография и хронология Нижегородского Кремля XIII–XIV вв. (по материалам раскопок 2001–2002 гг.). (Тр. ИИМК. Т. LIX). СПб.: ИИМК. 224 с.
- Лебедева Е.Ю., 2009. Продолжение археоботанических исследований на Ростиславльском городище дьяковской культуры // Аналитические исследования Лаборатории естественно-научных методов. Вып. 1. М.: Таус. С. 245–255.
- Лопатина О.А., 2019. Керамика москворецких и окских памятников дьяковской культуры как исторический источник. Дисс. ... канд. ист. наук. М. // Архив ИА РАН. Р-2. № 2872, 2873.
- Лопатина О.А. Боровицкий холм в раннем железном веке по материалам раскопок 2019–2021 гг. (в печати).
- Лопатина О.А., Тавлицева Е.Ю., 2017а. К вопросу о культурных контактах позднедьяковского населения в первые века н.э. по керамическим материалам памятников Среднего Почья // Динамика освоения культурного пространства. СПб.: Скифия-принт. С. 87–89.
- Лопатина О.А., Тавлицева Е.Ю., 2017б. Поздняя профилированная «текстильная» керамика городища Ростиславль // De mare ad mare. Археология и истории. Сборник статей к 60-летию Н.А. Кренке. Смоленск: Свиток. С. 345–361
- Лопатина О.А., Тавлицева Е.Ю. Рогожная керамика городища Ростиславль. К вопросу о культурных контактах населения Средней Оки на рубеже эр // Раннеславянский мир (в печати).
- Мазур Л.Д., 2006. Русский город XI–XVIII вв. Владимирская земля. М.: б. и. 120 с.
- Мазуров А.Б., 2017. Раскопки Н.П. Милонова в Коломне 1935–1936 гг. // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. № 1 (25). С. 3–62.
- Мазуров А.Б., Цепкин Е.А., 2003. Рыболовный промысел в XII–XVIII вв.: (по данным раскопок в Коломне) // РА. 2003. № 4. С. 129–138.
- Малыгин П.Д., 1989. Тверь и новоторжско-волоцкие земли в XII–XIII вв. // Становление европейского средневекового города. М.: Наука, 1989. С. 149–158.
- Малых С.В., 2015. Усадьба Лопухиных в Москве: археологические исследования 2011 года // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 481–495.
- Медведь А.Н., 2004. Новые данные о Ростиславле Рязанском в XVII в. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М.: ИА РАН. С. 22–23.
- Медведь А.Н., 2007. Стрелы раннего железного века с городища Ростиславль // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 52–57.
- Медведь А.Н., 2009. Укрепления раннего железного века на городище Ростиславль (предварительные итоги исследований) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 448–454.
- Медведь А.Н., 2014. Ростиславль и окрестности в XVII–XVIII вв. // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 199–205.

- Медведь А. Н., 2015. Ростиславль в XVI века: окраина Московского государства // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 467–473.
- Медынцева А. А., Коваль В. Ю., 2012. Новая надпись домонгольской эпохи с городища Ростиславль // Природа. № 5 (1161). С. 71–73.
- Милованов С. И., 2010. Торговля Рязанской земли в XI – 2-й пол. XV в. (по археологическим и нумизматическим данным). Дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН. 263 с.
- Милонов Н. П., 1937. Отчет об археологических раскопках Ростиславльского городища в 1937 г. и раскопках Коломенского кремля и обследовании памятников в окрестностях г. Коломны в 1935–1936 гг. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. № 219.
- Никольская Т. Н., 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э. // МИА СССР. № 72. 151 с.
- Олейников О. М., 1997. Стеклодельные мастерские в древности (К вопросу о существовании древнерусского стеклоделия) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. С. 281–291.
- Олейников О. М., 1998. К вопросу о производстве стеклянных браслетов в Древней Руси // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4. Общество, экономика, культура и искусство славян. М.: Эдиториал УРСС. С. 314–320.
- Олейников О. М., 2002. Стеклянные браслеты Великого Новгорода // РА. № 1. С. 51–73.
- Олейников О. М., 2015. О времени поступления браслетов из свинцового стекла на рынок средневекового Новгорода // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб.: Нестор-История. С. 202–208.
- Олейников О. М., 2020. К вопросу о времени поступления браслетов из свинцового стекла на рынок средневекового Новгорода (по материалам Козьмодемьянского 3 раскопа) // Международная научная конференция памяти Ю. Л. Щаповой. Тезисы докладов. М.: ИНФРА-М. С. 48–49.
- Остапенко А. А., 2013. Христианские древности Ростиславля Рязанского (из раскопок 1991–2010 гг.) // РА. № 1. С. 130–140.
- Остапенко А. А., 2016. Христианские древности Рязанской земли XI–XVI вв. (мелкая пластика). Дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН. 508 с.
- Петровицьева Т. О., 2021. Интерпретация клада астрагалов XI–XII вв. с Самосдельского городища // Археология Евразийских степей. № 5. С. 306–310.
- Полубояринова М. Д., 1963. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // МИА СССР. № 117. С. 164–199.
- Равдина Т. В., 1968. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.: Наука. С. 136–142.
- Рогов С. М., 2008. Путеводитель по Озёрскому району. Озера: РадиоСофт. 144 с.
- Розенфельдт И. Г., 1970. Керамические погремушки // МИА СССР. № 176 (Древние славяне и их соседи). С. 56–60.
- Розенфельдт И. Г., 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.: Наука. С. 90–197.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е1–39. М.: Наука. 124 с.
- Русаков П. Е., Андрианов И. М., Коваль В. Ю., 2014. Средневековое кладбище Ростиславля Рязанского // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 179–198.
- Русаков П. Е., Коваль В. Ю., Андрианов И. М., 2015. Исследования прицерковного кладбища на городище Ростиславля Рязанского // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. 2. Тверь: Триада. С. 212–231.
- Русанов А. М., 2000. Об антропогенной инверсии основных свойств почв // III съезд Докучаевского Общества почвоведов. Тезисы докладов. Кн. 3. М.: Почвенный институт РАСХН. С. 86–87.
- Рыбаков Б. А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.: АН СССР. 792 с.

- Сабурова М. А., 1997. Реконструкция древнерусской одежды // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 106–109.
- Сатуриин А. А., 2019. Вал городища Унжа-2: предварительные итоги исследований // Костромской край и сопредельные территории в древности, средневековье и Новое время. Костром: Костромской музей-заповедник. С. 75–85.
- Сафарова И. А., 2014. Находки стеклянных изделий XII–XIV вв. из раскопок Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 7. Тверь: ТНИИР-Центр. С. 52–75.
- Сафарова И. А., 2015. Актуальные вопросы хронологии средневековых стеклянных изделий из раскопок Твери // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб.: Нестор-История. С. 209–217.
- Сафарова И. А., 2020. Опыт изучения стратиграфического контекста находок из стекла (по материалам раскопок в Тверском кремле в 2017 году) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 13. Тверь: ТНИИР-Центр. С. 33–46.
- Сафарова И. А., 2022. Топография находок стеклянных браслетов из раскопок г. Твери (хронологический аспект) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 14. Тверь: ТНИИР-Центр. С. 36–56.
- Сафарова И. А., Кунгурцева С. А., 2019. Стеклянные изделия и керамическая посуда из комплексов второй половины XII – начала XIV вв. (по материалам раскопа 22 в Тверском кремле) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 12. Тверь: ТНИИР-Центр. С. 63–99.
- Сидоров В. В., 2013. Специфика каменной техники волосовской культуры // Поволжский журнал. № 1 (3). С. 96–111.
- Сидоров В. В., 2017. Классификация городищ как отражение социальной структуры общества // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 8. Липецк: ЛГПУ. С. 162–169.
- Смирнов К. А., 1971. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища // МИА СССР. № 184 (Древнее поселение в Подмосковье). С. 80–98
- Смирнов К. А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.: Наука. С. 7–89.
- Собрание законодательства Российской Федерации, 1995. № 9. М.
- Сокровенное сказание монголов, 1990. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство. 320 с.
- Ставицкий В. В., 2021. Городецкая культура // Археология Волго-Уралья. Т. 3. (Ранний железный век). Казань: АН РТ. С. 313–338.
- Стеганцев М. А., 1999. Зависимости, связывающие поступление в эксплуатацию и выход из употребления массового археологического материала, и примеры их использования // Stratum plus. Археология и культурная антропология. № 5. С. 179–207.
- Столярова Е. К., 2022. Стеклянные браслеты // Древности Московского Кремля. Т. 1. Археологические исследования на месте Чудова монастыря. М.: ИА РАН. С. 176–198.
- Столярова Е. К., Коваль В. Ю., 2017. Стеклянные браслеты восточной части Московского кремля (предварительные результаты работ 2016 года) // КСИА. Вып. 249. С. 86–94.
- Столярова Е. К., Миненко В. В., 2017. Стеклянные изделия из раскопок Заднепровского посада г. Смоленска // De mare ad mare. Археология и история. Сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке. Смоленск: Свиток. С. 157–171.
- Сыроватко А. С., 2003. Орнаментированные «рогатые кирпичи» с дьяковских городищ Москворечья // РА. № 2. С. 72–79.
- Сыроватко А. С., 2009. Юго-восточное Подмосковье в железном веке. К характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.: ЧеБуК. 351 с.
- Сыроватко А. С., 2016. О еловой шишке, сетчатой керамике и переменах климата // Материалы IV Всероссийской научной конференции «Динамика современных экосистем в голоцене». М.; Пущино. С. 224–226.
- Сычева С. А., Леонова Н. Б., Пустовойтов К. Е., Седов С. Н., Чичагова О. А., 2008. Культурные слои как память об антропогенном почвообразовании и литогенезе // Память почв. Почва как память биосферно-геосферно-антропоферных взаимодействий. М.: ЛКИ. С. 651–674.

- Тавлицева Е.Ю., 2010. Городище Ростиславль: горизонт пожара середины I тысячелетия н.э. // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 24–33.
- Тавлицева Е.Ю., 2015. Предмет с зооморфным навершием из Ростиславля // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 122–126.
- Тавлицева Е.Ю., Коваль В.Ю., Гольева А.А., 2020. Древнейшая постройка городища Ростиславль // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 16. М.: ИА РАН. С. 76–92.
- Тавлицева Е.Ю., Лопатина О.А., 2009. Тигли и литейные формы Ростиславльского городища // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 465–475.
- Тавлицева Е.Ю., Хохлова О.С., Максименко И.Л., 2021. Исследование многокамерной жилой постройки I тысячелетия до н.э. на городище Ростиславль // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 17. М.: ИА РАН. С. 29–56.
- Терещенко А.В., 1848. Быт русского народа. Ч. 4. Забавы, игры, хороводы. СПб.: Типогр. Министерства внутренних дел. 335 с.
- Терещенко Е.Ю., Кузина И.Н., Мандрыкина А.В., Кондратьев О.А., Куликова Е.С., Светогоров Р.Д., Гурьева П.В., Коваленко Е.С., Мурашев М.М., Ващенко Е.С., Исмагулов А.М., Ретивов В.М., Яцишина Е.Б., 2022. Загадка одной бусины // Российские нанотехнологии. Т. 17. № 5. С. 580–596.
- Товкайло Н.Т., Бузьян Г.Н., Тетеря Д.А., Юрченко А.В., 2012. Грунтовый могильник на окраине Переяславля Русского // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. Рязань: Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник. С. 215–222.
- Тронин С.В., 2020. Изделия из стекла // Дубровин Г.Е. Плотницкий конец средневекового Новгорода. Федоровский раскоп. М.; СПб.: Нестор-История. С. 449–480.
- Трусов А.В., 2004. Финальнопалеолитическая стоянка Ростиславль (предварительное сообщение) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М.: ИА РАН. С. 42–52.
- Трусов А.В., 2011. Палеолит бассейна Оки. М.: Репроцентр-М. 311 с.
- Усачёва И.В., 2012. Критический обзор гипотез функционального назначения утюжков // Вестник антропологии, археологии и этнографии. № 1 (16). С. 22–30
- Феребов А.Н., 2018. Основания датировки стеклянных браслетов? найденных на территории Московского Кремля // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 189–200.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987. // Археология СССР. Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука. 512 с.
- Фоломеев Б.А., 1993. Окские городища // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Рязань: НППЦ. С. 3–21.
- Цетлин Ю.Б., 2017. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 346 с.
- Черкасов В.В., 2004. Коломенская глиняная игрушка XV–XVIII вв. в игровой культуре средневековой Руси // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН. С. 309–320.
- Чернецов А.В., 2005. Историко-археологическое изучение Рязанской земли: современное состояние и перспективы // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли. С. 7–33.
- Чернецов А.В., 2012. Древнерусский город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. Сборник научных статей. Рязань: Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник. С. 6–15.
- Шполянский С.В., 2003. Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII века у села Ознобишино в Подмосковье // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М.: Наука. С. 253–264.

- Шполянский С. В.*, 2007. Вещевой комплекс селища Кленово 2 из окрестностей Перемышля Московского (к вопросу об изучении материальной культуры русской деревни после монгольского нашествия) // КСИА. Вып. 221. С. 99–111.
- Щапова Ю. Л.*, 1968. Мастерская стеклодела в древнем Любече // Славяне и Русь. М.: Наука. С. 230–238.
- Щапова Ю. Л.*, 1972. Стекло Киевской Руси. М.: МГУ. 215 с.
- Энговатова А. В., Гончарова Н. Н.*, 2002. Предварительные результаты исследования средневекового могильника на территории кремля г. Дмитрова // Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН. Т. 1: Археологическое изучение Подмосковья (Дмитров. Мытищи. Тарасовка). М.: ИА РАН. С. 203–295.
- Энговатова А. В., Коваль В. Ю., Зоц Е. П., Столярова Е. К., Сарачева Т. Г.*, 2018. Мякининские курганы. Мякининский археологический комплекс в Подмосковье // Материалы спасательных археологических исследований. Т. 21. М.: ИА РАН, 2018. 344 с.
- Янин В. Л., Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А.*, 2016. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2015 г. (Троицкий раскоп – XV) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 30. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник. С. 9–14.
- Яценко С. А., Авизова А. К., Торгоев А. И. и др.*, 2020. Археология и история Кангюйского государства. Шымкент: Элем. 216 с.
- International Code for Phytolith Nomenclature (ICPN) 2.0. 2019 // Annals of Botany. Vol. 124.
- Koval V.*, 2016. Small town in medieval Russia: the ratio of agricultural, craft and administrative functions // 22th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists. Abstracts. Vilnius. P. 83.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР	– Академия наук СССР
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГК	– Государственный каталог
ИА АН РТ	– Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИИМК	– Институт истории материальной культуры АН СССР
КП	– книга поступлений
КРС	– крупный рогатый скот
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии РАН
МГУ	– Московский государственный университет
МИА СССР	– Материалы и исследования по археологии СССР
МРС	– мелкий рогатый скот
НИИ	– научно-исследовательский институт
РА	– Российская археология
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РЖВ	– ранний железный век
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников

SUMMARY

1. 30 Years of Excavations at the Rostislavl Ryazansky Site (V.Yu. Koval)

The monograph is dedicated to the first 30 years of excavations at the Rostislavl fortified settlement located in the south of the Moscow region. The town of Rostislavl, mentioned several times in the chronicles, was founded in 1153 and ceased to exist at the beginning of the 17th century. Originally the town was located within the Ryazan Principality, at the end of its history it became a part of the Moscow State. Over 30 years of research several earlier settlements have been discovered and studied in detail on the territory of Rostislavl. Those are, two Final Paleolithic sites, a Late Bronze Age settlement, an early Iron Age settlement (1st millennium BC – mid-1st millennium AD), and a Slavic settlement dating to the turn of the 10-11th centuries. All these sites were located within the territory of medieval town but had no genetic connection with it due to significant chronological gaps—periods when the site of the future city was uninhabited.

2. Rostislavl Ryazansky Site in Scientific Publications of the late 20th – 1st quarter of 21st Centuries (A.N. Medved)

The list of articles on the Rostislavl fortified settlement and its vicinity includes over 100 scientific publications. This review deals with those ones published between 1995 and 2022, analyzing the main trends and approaches to the results of long-term excavations. It also describes the evolution of ideas about the settlement over different periods of its research.

3. Stone and Bronze Age Materials from the Rostislavl Settlement and its Vicinity (J.V. Kuzminova, I.L. Maximenko)

The study deals with the Final Paleolithic and Mesolithic finds from the sites discovered by Moscow archaeologist Alexander V. Trusov in the vicinity of the Rostislavl settlement. He also identified flint and stone artifacts dating to the Eneolithic and Bronze Age in the collections obtained by the Rostislavl expedition. Subsequent research made it possible to refine Trusov's conclusions about the cultural affiliation of the peoples inhabited this territory during different historical periods.

4. Stratigraphy of the Rostislavl Fortified Settlement (V.Yu. Koval)

The stratigraphy of the Rostislavl settlement is complicated not because of its multilayered structure (there are only few layers being distinguished), but because it varied greatly across the site due to the preservation of the cultural layers. The stratigraphy of the promontory site, where the Early Iron Age fortified settlement was located, was more complicated (there are two layers, each consisting of several levels). Throughout the rest of the medieval town the ancient layers were destroyed by plowing, they were preserved only at the very edges of the site.

5. Soils and Cultural Layers of the Rostislavl Ryazansky Site from the Paleolithic till the Middle Ages (A.A. Golyeva)

Soil science research that was carried out simultaneously with archaeological excavations has yielded extensive material which makes possible to reconstruct ecosystems that existed in the studied area at different times, and provided data on the organic materials that were used by people in the past and that were preserved in the cultural layers only in the form of invisible microremains (phytoliths, organic carbon, phosphorus, etc.).

6. Ceramic Vessel with Sings from the Rostislavl Fortified Settlement and its Cultural and Chronological Attribution

(E.Yu. Tavlintseva, O.A. Lopatina)

In 2006 a ceramic vessel with large quadrangular and rectangular imprints on its surface was discovered during the excavations at the Rostislavl fortified settlement. There were three oblique crosses carved in wet clay at the top of the vessel. The vessel is dated to the late millennium BC – turn of the eras. The analysis of the artifacts from the upper layer of the rampart where the vessel was found revealed the changes in the local material culture caused by the migrations going on in this period. It also showed some contacts with the region where ceramic with quadrangular and rectangular imprints was spread as well as contacts in the western direction.

7. Excavations at the Foot of the Rostislavl Fortified Settlement

(Koval V.Yu.)

Excavations on the bank of the Oka River (at the foot of the fortified settlement) have yielded a cultural layer up to 0.7 m thick which was discovered under deluvial deposits up to 1.4 m thick. It included layers dating to the second half of the 12th – early 13th centuries and the earlier ones and was covered by rocks and soil that fell down as a result of an erosional washout of the slope. The earthquake of 1230 probably increased the consequences of this environmental disaster.

8. Archaeological Structures in the Area of Medieval Town of Rostislavl

(S.I. Obyedkov)

The study deals with the archaeological remains of the 1st-2nd millennium AD discovered in the center of the site from 1994 to 2023. In an area of 4070 square meters, 818 remains of structures dating to different times were discovered, those are remains of cellars, underground and under-oven pits looking like pits dug into the ground, as well as other similar structures. All of them were divided into chronological groups.

9. Dating of Glass Bracelets Found at the Rostislavl: Starting a Discussion

(A.N. Ferebov)

According to the Russian archaeological tradition glass bracelets are considered to be the most reliable chronological indicators of the pre-Mongol time. A study of the archaeological contexts in which bracelets were found at the Rostislavl settlement revealed that some of them may have been dated to later periods (the second half of the 13th and 14th centuries).

10. Games and Toys at the Town of Rostislavl

(I.L. Maximenko)

This study examines artifacts found at the Rostislavl settlement that were identified as medieval game items and toys. They can be classified as amusing toys, props for active and competitive games, board game pieces, and children's ceramic toys. Careful analysis of the archaeological context made possible to determine certain chronological periods when different gaming items were used and clarify details of cultural life in the medieval town in different times.

11. Medieval Cemetery of the Rostislavl Settlement

(Rusakov P.E., Andrianov I.M., Obyedkov S.I.)

Within the medieval city of Rostislavl there was a small cemetery used from the mid-12th to 14th centuries located around the town's only wooden church. The cemetery expanded sharply between the 15th and 17th centuries as the town's life declined, and then ceased completely (in the early 17th century). Eight female burials with various jewelry dating from the second half of the 12th to early 13th centuries were excavated near the church, indicating that the town's residents did not fully accept Christian burial customs.

12. Ceramics Discovered at the Rostislavl settlement cemetery

(V.Yu. Koval)

A study of the ceramics found at the cemetery revealed that they date from the 12th to 15th centuries, with the bulk of them deposited here in the first half of the 13th century and then in the 14th century. The presence of kitchen pots fragments in the sacred site is explained by the fact that the soil (the cultural layer) from courtyards was brought here to be used to fill in graves and make burial mounds.

Научное издание

**Археология Ростиславля Рязанского
(30 лет исследований на городище)**

Верстка и дизайн: В. Б. Степанов
Дизайн обложки: Ю. Н. Топская

Подписано в печать ...
Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 29,5. Уч.-изд. л. 27,5
Тираж 300 экз. Заказ №

Институт археологии Российской академии наук
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81а.
Тел.: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>

ISBN 978-5-94375-497-5

9 785943 754975

